

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 5 том - «Бунт Анжелики»
Перевод с фр. Ю. Хлебникова
СП «Творч. об-ние «Старт» (Москва), 1991г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПЛАМЯ

Глава 1

Корабль из Сеуты, на борту которого находилась арестованная Анжелика, благополучно пришвартовался в Марселе, и месье де Бретейль, королевский эмиссар, сразу же запер ее в адмиралтейской тюрьме. И только когда за неукротимой маркизой захлопнулись тяжелые тюремные двери, благородный вельможа почувствовал себя в безопасности: он знал, с кем имел дело.

Так Анжелика, вырвавшись из гарема всесильного султана, оказалась в темной и мрачной камере. Однако мысль о новом побеге пришла ей в голову на следующий же день после водворения в цитадель, когда она проснулась и поняла, что заперта, как зверь в клетке. Адмиралтейская тюрьма была лишена даже минимальных удобств, и если бы не кусочек синего неба, видневшегося сквозь решетку окна, она почувствовала бы себя заживо погребенной.

Она бросалась на двери и изо всех сил била руками по крепкому дереву. Небо!.. Воздух Франции!.. Они замуровали ее в гробнице, не оставив ничего, кроме этого синего клочка в зарешеченном окошке.

Глаза ее были постоянно прикованы к двери или зарешеченному окну. Синь неба подобна воде для жаждущего. Теперь за ней не придет Осман Фераджи, чтобы вывести на крышу султанского дворца, где создавалась хоть какая-то иллюзия пространства. Совершенно незнакомые люди, охранявшие ее, поглядывали на нее с подозрением и опаской. Герцог де Вивонн, выкупленный королем из турецкого плена и теперь боявшийся ответственности за свои прошлые прегрешения, слал из Парижа все более строгие предписания на ее счет. Марсельское адмиралтейство оказывало де Бретейлю любую возможную помощь. Бессмысленно было даже надеяться привлечь кого-нибудь к ее делу. Во всяком случае, она не имела условий для того, чтобы воспользоваться единственным оставшимся в ее распоряжении, естественным оружием.

Морское путешествие из Сеуты в Марсель с заходом в Кадис было изнурительным и долгим. Мужество в конце концов покинуло Анжелику. Похоже, месье де Бретейль убил в ней стойкость, когда именем короля арестовал ее.

Она бросилась на кровать, покрытую жестким матрасом, Но вовсе не отсутствие комфорта тяготило и мучило ее. Будь она свободна, ей спалось бы удобнее здесь, чем на пуховиках, а единственным желанным местом,

где хотелось отдохнуть, была постель из трав где-нибудь под открытым небом.

Она перевела взгляд на дверь. Сколько дверей уже закрывалось перед ней в течение жизни? И каждый раз становилось все хуже и тяжелей. Была ли то игра, в которую играла с ней Судьба, чтобы наказать за то, что она однажды сделала, еще босоногим ребенком в Монтелю?

— Ты не пройдешь! — говорили двери.

И хотя пока что ей отовсюду удавалось убежать, каждый раз перед ней вырастала новая дверь, еще более крепкая, чем прежде. После дверей бедности появилась дверь короля Франции, потом султана Марокко, а теперь снова двери короля Франции. Окажется ли Людовик XIV сильнее Муль аль-Рашида?

Она подумала о Фуке, о маркизе де Варде и даже о Лозене. Все они были узниками и находились неподалеку отсюда, в крепости Пиньероль, и расплачивались своей свободой за проступки куда менее серьезные. Ее мучило сознание неволи и собственного бессилия. Вступив на землю Франции, она попала в мир, где возможны только два образа поведения — страх перед королем или любовь к нему.

На родной земле физическая и моральная сила человека, подобного Колену Патюрелю, его доброта и внутренняя красота не имели никакой ценности. Он был простым моряком, и даже память о нем не могла помочь Анжелике. Он исчез из ее жизни.

Она ласково позвала его:

— Колен, Колен, любимый мой!..

Ее знобило, и ненадолго она даже потеряла сознание. После этого ей пришло в голову, что она, возможно, беременна от него. В Сеуте отсутствие определенных физиологических проявлений она отнесла на счет плохого состояния своего здоровья. Но теперь, по прошествии времени, пришло другое объяснение.

Она должна родить ребенка Колена Патюреля!

Свернувшись на тощем матраце, она лежала совершенно неподвижно, пока слабенькие сомнения не переросли в твердую уверенность, наполнившую все ее существо. Вначале удивление сменилось странным беспокойством, и, наконец, наступило веселье. Не растерянность или стыд, а самое настоящее веселье. Она оставалась еще слишком близка к пустыне и к бурнусу, который носила во время долгих недель бегства, чтобы снова ощутить себя знатной французской дамой. Часть ее души все еще оставалась в тех ночах, когда сила новой любви бросила ее в объятия бывшего каторжника.

Под модным платьем и драгоценностями, надетыми в Сеуте, ее кожа оставалась грубой, а левую ногу прочерчивал глубокий и длинный шрам. Но ноги в элегантных туфельках не потеряли своей стройности и красоты. В момент душевного возбуждения она подумала о том, что память о ее фантастической одиссее перейдет от нее к ребенку, который должен родиться: он будет сильным, широкоплечим и светловолосым... и обязательно добрым. Имеет ли значение то, что его назовут незаконнорожденным? Высокие качества человека, прозванного «королем рабов», сделали его равным по благородству людям, чья кровь текла в жилах Анжелики де Сансе де Монтелю. И его сын будет иметь его глаза и его силу. Он должен быть привлекательным, как первый мальчик, рожденный на земле. Она будто уже видела его. Ради него и благодаря ему она найдет в себе силы и отвоюет свободу.

Она долго оставалась в возбужденном состоянии, забыв о стенах крепости, и иногда громко произносила:

— Не важно, Колен, что ты ушел от меня. Ты все равно остаешься со мной... Колен, мой любимый, мой дорогой...

Через несколько дней карета с зарешеченными окнами, затянутыми темными шторами, покинула Марсель и выехала к Авиньону. Ее эскортировал конвой из десяти конных мушкетеров. Господин де Бретейль, ехавший в карете вместе с Анжеликой, опасался возможных неожиданностей. Он так много слышал о невероятно изворотливом уме мадам дю Плесси, что постоянно ожидал, что она обманет всех и ускользнет от него. И всю дорогу думал только о важности и значимости доверенной ему миссии. Мысль, что молодая женщина сможет что-то предпринять, приводила его в ужас. Она, по его мыслям, ожидала какой-то помощи от своих сообщников. Надо ли говорить, что он спал под ее дверью, когда они останавливались в гостиницах на ночь, причем спал в полглаза.

Когда предстояло ехать через лес, где риск вооруженного нападения возрастал, он просил правителей провинции дать ему дополнительный отряд солдат. Поездка выглядела теперь как военная экспедиция. Толпы народа собирались на городских площадях по пути следования кареты, пытаясь увидеть хотя бы лицо человека, перевозимого под такой усиленной охраной. Господин де Бретейль доплачивал солдатам, разгонявшим любопытных алебардами, но любопытных не убывало.

Месье де Бретейль видел единственный выход из затруднений, свалившихся на его голову, в скорости передвижения. Он останавливался

только на короткое время на ночь в гостиницах, из которых изгонялись все обычные постояльцы. В течение дня по нескольку раз меняли лошадей. Впереди скакал курьер с приказом готовить свежих лошадей, чтобы не возникло задержки по прибытии кареты.

— Вы хотите убить меня, месье? — возмущалась Анжелика. — Давайте остановимся на несколько часов. Я совершенно выдохлась!

Господин де Бретейль был неумолим:

— Вы что-то стали слишком изнеженной, мадам. Вас не считали такой слабой в королевстве Марокко!

Анжелика не отважилась сказать ему, что она беременна. И, сидя на скамье, прислонившись к дверце, думала только об одном — скорее бы наступил конец этого ужасного путешествия!

Но однажды вечером, после особенно утомительного дня, когда карета стремительно огибала холм, два колеса соскользнули с оси, и экипаж перевернулся. Повреждений оказалось меньше, чем можно было ожидать, но Анжелика сильно ушиблась. Она сразу же поняла, что произошло с ней. Ее быстро извлекли из кареты и уложили на траву. Де Бретейль склонился над ней, лицо его стало пепельного цвета: если мадам дю Плесси умрет, король никогда не простит ему. Он понял, что жизнь его в опасности, и уже чувствовал топор палача над своей шеей.

— Мадам, — простонал он, — вы ранены? Ну, скажите же, что все не очень серьезно! Был ведь только легкий удар!

— Здесь целиком ваша вина! Мчаться как безумный! Вы лишили меня всего, что я имела! Я потеряла из-за вас все... — В бессильной ярости она оцарапала ему ногтями лицо.

На импровизированных носилках солдаты перенесли маркизу в ближайший город. Все были напуганы, увидев кровь на ее платье и думая, что она серьезно ранена. Но врач, осмотревший ее, сразу заявил, что тут дело не его и что им необходимо срочно вызвать акушерку.

Лежа на роскошной кровати в резиденции мэра, Анжелика чувствовала, как ее собственная жизнь уходит с той, другой жизнью. В высоком бюргерском доме стоял раздражающий ее запах овощного супа. Глазам было больно, когда она смотрела на светлые окна. Лицо акушерки, красное и равнодушное, попало в поле ее зрения. Однако весь день и всю ночь женщина не отходила от постели, оказывая помощь умирающему созданию, изо всех сил стараясь спасти ее. Но маркиза чувствовала приближение смерти...

— Вы не должны, моя сладкая, — шептала акушерка, склонясь над Анжеликой, терявшей временами сознание от боли. — Вы не должны...

Очнувшись в очередной раз, Анжелика следила, как по стене передвигаются тени. Сейчас ей было значительно лучше. Холод, сковывавший все ее тело, начал отпускать. Ей приготовили чашку горячего вина с пряностями.

— Выпейте, дорогая! Вам надо восстановить кровь, вы потеряли ее слишком много, — раздался тихий приятный голос.

Маркиза ощутила вкус вина на губах и открыла глаза. Рядом с ней находилось широкое окно с тяжелыми шторами. За стеклами висел густой туман.

— Когда наступит рассвет? — пробормотала она.

Полная розовощекая женщина, стоявшая рядом с акушеркой, бросила на нее добрый, понимающий взгляд:

— Уже давно день, спаси вас Бог! — произнесла она. — А за окнами не ночь, а туман с реки. Сегодня утро такое, что гораздо лучше оставаться в постели и не выходить на улицу. Для болезни вы выбрали хороший день...

— Да, теперь вы начнете поправляться, — вмешалась акушерка. — Я должна сказать, что вам очень повезло при падении. Вы выберетесь из беды, я уверяю вас... — И, слегка отпрянув от дикого взгляда, брошенного на нее, продолжала: — А разве не так? Для такой важной дамы, как вы, ребенок всегда нежелателен, я знаю, что говорю. Я видела многих, приходящих сюда с просьбами избавить их от беременности. А у вас все произошло без особых хлопот, хотя должна сказать, что вы вначале напугали меня... — И, не обращая внимания на упорное молчание Анжелики, акушерка подвела итог: — Поверьте мне, дорогая, вы не должны расстраиваться. Дети только лишают вас силы и красоты. И, во всяком случае, если вы захотите, вы всегда сможете забеременеть. Не будет никаких трудностей для такого здорового создания, как вы!

Анжелика до боли прикусила губу. Теперь ребенок Колена Патюреля никогда не родится! Теперь ее наполняло не только раздражение, но и ненависть. Она захлебывалась от ненависти. Она должна жить, чтобы мстить, мстить всем!..

Через некоторое время голова прояснилась, и она осознала, что по-прежнему находится в опасности. Долгое путешествие в окружении вооруженных мушкетеров должно было продолжиться. Но какое ее ждет наказание, какую тюрьму ей изберут?

Глава 2

Протяжный крик Анжелики вознесся вверх, повис в ночном воздухе и потом затух вдали, подобно отсвету, ушедшему за горизонт. Снова раздался крик и снова растворился вдали.

Анжелика, лежа на матрасе, брошенном прямо на полу, приподнялась на локте и посмотрела на пятна теней на стене у своей головы и отражение лунного света от полированных поверхностей мебели. Она встала на ноги, стараясь сохранить равновесие, и мелкими шажками приблизилась к окну. Войдя в молочно-белый лунный луч, увидев саму луну, круглую, ярким шаром висевшую в темно-синем ночном небе, она почувствовала внезапный прилив нежности и прильнула к стеклу. Перед домом стоял дремучий лес.

— Это ты! — выдохнула она. — Ты!..

С ближайшего дуба раздался резкий шорох. Он был как голос Нейля, приветствующего ее возвращение домой.

— Ты! — повторила она. — Мой родной лес! Мой дорогой лес!..

Ласковый шелест листьев казался ей дыханием леса, его вдохами и выдохами. Анжелика благодарно внимала ему. Ее больную душу успокаивал знакомый шепот листвы, слабость проходила, и она была не в силах оторваться от окна.

В деревянной раме над альковым юный бог Олимпа прохаживался среди богинь. Она находилась в Плесси, в той самой комнате, где много-много лет назад из простого интереса подсматривала за принцем Конде и за герцогиней де Бофор.

Она стояла на том же самом полу, на котором, плача от стыда и боли, слабая и обессиленная, лежала после первой брачной ночи со своим вторым мужем, красавцем Филиппом дю Плесси.

Анжелика снова забралась в постель. Она закуталась в одеяло, свернувшись подобно маленькому зверьку, как делала когда-то в пустыне, заворачиваясь в верблюжий бурнус. Глубокое спокойствие охватило ее, напрочь освободив от страданий.

— Я снова дома, снова дома... — пробормотала маркиза. — Теперь нет ничего невозможного...

Когда она окончательно проснулась, место луны заняло солнце, и ее служанка Барба произнесла дрожащим голосом:

— Всегда одно и то же! Ох, дорогая! Валяетесь на полу, как настоящая

собака...

— Если бы ты только знала, как хорошо опять на полу, — повернулась к ней Анжелика. — Если бы ты только знала, как хорошо!..

— Какой стыд! Моя госпожа так прекрасна! Год назад ею любовался весь Версаль, а посмотрите на нее сейчас. Вполне достаточно, чтобы зарыдать... Король должен наказать их!..

Со своего низкого ложа Анжелика увидела три пары сапог, окруживших матрац. Первые слева, с красными полосами, принадлежали месье де Бретейлю. Она подняла глаза. Средние сапоги были на мужчине с большим животом, в голубом офицерском мундире, с жестоким лицом и рыжими волосами. Кожаные сапоги с серебряными застежками красовались на человеке, в котором она не сразу узнала маркиза де Солиньяса. Еще один персонаж, стоявший чуть в стороне, обладал бриллиантовыми застежками и был одет несколько старомодно, в камзол со стоячим воротником, у него оказалось строгое аристократическое лицо профессионального военного. Именно он, поклонившись Анжелике, начал говорить:

— Могу ли я представиться вам, мадам? Я маркиз де Морилас, правитель Пуату. Через меня его величество король повелел передать вам свои приказы и решения, принимаемые относительно вас.

Господин де Морилас был вынужден опуститься на колени, чтобы его наверняка услышали. Анжелика смотрела на них сквозь полузакрытые ресницы, с удовольствием заметив на щеках де Бретейля красные полосы, оставленные ее острыми ногтями.

Между тем правитель Пуату прочистил горло и начал читать:

«Мадам дю Плесси де Бельер, женщине, вызвавшей наше крайнее неудовольствие.

Мы, король Франции, Людовик XIV, считаем необходимым довести до Вашего сведения, что Вы не имеете права игнорировать наши требования, и указать Вам место и условия Вашего дальнейшего существования.

Мадам!

Велико было наше огорчение, когда несколько месяцев назад Вы проявили неуважение к королевской власти. Мы приказали Вам не покидать Париж, хотя тот приказ имел целью — зная Вашу импульсивную натуру — спасти вас от самой себя и от непредсказуемых последующих действий, которые вы могли совершить. Вы пренебрегли нашим советом и встали на путь опасностей, от которого мы надеялись уберечь Вас. И теперь Вы будете наказаны заслушание.

Учитывая Ваше высокое имя, дружбу с нашим покойным маршалом дю Плесси и из жалости к Вам, несмотря ни на что остающейся любимым человеком, мы не настаиваем, чтобы Вы полностью понесли вполне заслуженное жестокое наказание.

Сейчас Вы снова находитесь на земле Франции, и мы этим уже довольны. Но Вы должны прочувствовать свою вину. Мы могли бы заточить Вас в любую тюрьму с проявлением необходимой строгости, но мысль о перенесенных Вами страданиях заставляет нас отбросить подобное решение. Мы предпочли оставить Вас в Вашем поместье, зная, что родная земля — лучшее лекарство от всех болезней. Вы должны оставаться там до того дня, когда решите вернуться в Версаль для выполнения Ваших обязанностей. В ожидании такого дня, который, мы надеемся, явится не слишком отдаленным, офицер, назначенный месье де Мориласом, обеспечит наблюдение за Вами...» — Месье де Морилас прервал чтение и указал на толстяка:

— Позвольте представить вам, мадам, капитана Монтадура, которому я намерен оказать честь охранять вас...

При последних словах де Мориласа капитан восторженно заявил, что готов всеми силами служить маркизе дю Плесси. Но, видимо, он зря старался — маркиза, закутавшаяся в одеяло, казалась спящей. А месье де Морилас продолжал чтение письма:

«Мы устанавливаем условия, на которых должна содержаться мадам дю Плесси. Неблагодарное поведение членов ее семьи, уподобившихся простолюдинам, слишком хорошо известно, и поэтому наши условия должны удержать ее от необдуманных действий.

Во-первых, она должна прибыть в Версаль в карете с черными занавесками. Карета должна оставаться за воротами, ей запрещается подъезжать к самому Дворцу. Мадам дю Плесси должна быть одета в скромное платье темных тонов.

Во-вторых, в присутствии всего двора при встрече с королем она должна преклонить колени перед ним, поцеловать его руку и всенародно просить о прощении.

В-третьих, она должна передать Короне одно из своих владений в Торейне. Документы на передачу следует вручить нашему министру Чемберлену во время официальной церемонии как знак повиновения своему сюзерену.

Все попытки мадам дю Плесси обмануть своего сюзерена подлежат немедленному пресечению. Она должна быть доставлена в Версаль и принять из наших рук все титулы и честь, которые мы ей гарантируем. Она

не должна пытаться избегать короля ни при Дворе...»

— ...ни в его постели, — неожиданно произнесла Анжелика.

Месье де Морилас остановился. Несколько секунд он думал, что высказанное замечание есть в письме, и еще раз перечитал фразу про себя. Потом он решил, что несчастная женщина сильно больна и сейчас просто не в себе. Однако блеснувший на мгновение острый взгляд из-под полуприкрытых век показал ему, что она внимательно его слушает и что она не в таком уж плохом состоянии, как показалось вначале. Он мрачно возразил:

— Ваших слов нет в письме его величества.

— Действительно нет, но они подразумеваются!

Месье де Морилас громко откашлялся, прежде чем продолжить чтение королевского послания.

— «...при Дворе или в другом месте, куда он направит ее...»

— Можете ли вы остановиться, сударь? Я устала.

— Мы тоже, — заявил губернатор, теряя выдержку. — Неужели вы не понимаете, мадам, всю важность письма?..

— Я на пороге смерти, сударь.

На лице вельможи появилось выражение недовольства.

— Я не советую вам оставаться здесь слишком долго, мадам, ибо вы не должны думать, что терпение его величества безгранично. Король в своей доброте дает вам на размышление несколько месяцев. Но когда время пройдет, он разгневается. Сейчас май, мадам, и король знает, что вы больны. Он настроен быть терпеливым, но если до начала октября вы не выполните указаний, содержащихся в его письме, он будет рассматривать ситуацию как ваш отказ подчиниться ему.

— И что тогда случится?

Месье де Морилас еще раз развернул письмо короля:

— «В случае ее неповиновения мадам дю Плесси будет арестована и помещена в крепость по нашему выбору. Ее поместья будут переданы в королевскую казну, а городские и сельские дома проданы с торгов». Только дом в Плесси и окружающие его земли остались».

— А что случится с моим сыном Флоримоном? — спросила побледневшая Анжелика.

— В письме нет упоминания о нем.

В наступившем молчании Анжелика почувствовала взгляды мужчин, сосредоточенные на ней. Она ничего не сделала лично им, но они желали низвергнуть ее, смести с лица земли, ибо она проявила неповиновение их королю.

Прошло много времени, прежде чем мадам дю Плесси снова подняла свою гордую маленькую головку и взглянула на людей, ставших отныне посредниками между ней и королем. Она должна вернуться в Версаль и покориться, стать послушной игрушкой в руках короля.

Маркиз де Солиньяс первым нарушил молчание, хотя долгая беседа ничуть не утомила его, привыкшего молиться в своей часовне, прося Бога об улучшении жизни в грешном мире. Он сказал, что, по его мнению, в настоящий момент для мадам дю Плесси будет лучше признать прошлые ошибки и с пользой провести время, предоставленное ей королем. Разве сам король не обещает ей прощение, если она обеспечит, как ей советуют, повиновение и спокойствие в поместье Пуату?

— Вы должны хорошо понимать, мадам, что так называемая реформаторская религия скоро будет изгнана повсеместно, и народ вернется в лоно нашей католической церкви. Немногие горячие головы продолжают сопротивляться, особенно в том диком краю, где вы родились и где находится ваше поместье. Капитан Монтадур, один из наиболее рьяных последователей Христовой веры, направлен сюда несколько месяцев назад, но столкнулся со значительными трудностями, убеждая гугенотов расстаться с их заблуждениями. Подумайте, мадам, какая благородная миссия ожидает вас. Подумайте, как будет признателен король, которому вы поможете. Вы знаете крестьян своего края, говорите на их языке. Вы — их госпожа. Есть много способов, чтобы убедить ваших подданных отказаться от постыдной ереси!..

То, чего не мог сделать своим чтением месье де Морилас, добился маркиз де Солиньяс. Анжелика очнулась от оцепенения и пристально посмотрела ему в глаза.

— В письме его величества сказано, что я должна привести в повиновение свою провинцию и избавиться от ереси?

Желтые зубы де Мориласа обнажились в саркастической усмешке:

— Нет, мадам, не сказано, но подразумевается...

Теперь вокруг нее на коленях стояли де Морилас, Бретейль и маркиз де Солиньяс. Тучный капитан Монтадур хотел бы сделать то же самое, но ему мешал слишком большой живот, И, наклонившись несколько вперед, он думал о других вещах, связанных с Анжеликой... Полуживое создание, доставленное в замок несколько недель назад, почти готовое перейти в лучший мир, оказалось так привлекательно!

Четыре лица слились в одно кошмарное видение. Мысли Анжелики вернулись назад, к жизни при французском Дворе, к Версалю с его заговорами, угрозами и «Черными Мессами». Воспоминания мгновенно

пронеслись перед ее внутренним взором, и она почувствовала, как сжимается вокруг кольцо страшной опасности.

— Мадам, — снова заговорил де Морилас, — дайте нам доказательства своего послушания, и вы сразу увидите, что от самого худшего вы уже избавились. Мы найдем способ склонить короля к милосердию. Мы можем добиться, что вам не придется ехать в наглухо закрытой карете, оставлять ее за воротами Дворца и надевать темное платье...

Да, он имел определенные знания о придворных дамах. Он понимал, что для такой женщины, как маркиза дю Плесси, подобные мелкие детали имели гораздо большее значение, чем передача ее земель Короне. Остальные собеседники ожидали споров и обещаний и были готовы выполнить данные им инструкции.

Но Анжелика не пошла им навстречу.

— Вы закончили, господа?

— Нет, мадам. Я должен еще передать вам личное послание его величества. Вот оно.

Она сломала красную сургучную печать и узнала почерк короля.

«Мое невозможное, мое незабываемое дитя!..»

Строчки поплыли перед глазами. Рука опустилась, она не желала читать дальше. В памяти промелькнул образ короля и сразу исчез.

Месье де Морилас взглянул на безжизненную фигуру и пожал плечами. Он должен немедленно дать понять его величеству, что разум женщины пошатнулся. Лежать на полу сейчас, когда она могла бы стать признанной королевой Версаля! Немыслимо!.. Напрасно он послушался Солиньяса и приложил руку к этому делу. Здесь нет ничего полезного ни для него, ни для самого короля. Совершенно очевидно, что женщина умирает...

Они переглянулись, встали и пошли к дверям.

— Господа!

Анжелика приказала им вернуться. Все четверо остановились на пороге. Она сидела на матрасе, густые, пышные пряди волос закрывали щеки, подчеркивая яркость и глубину теперь уже широко раскрытых изумрудных глаз.

— Господа, вы должны сказать королю, что он не имеет права давать мне индульгенцию. Он не Папа римский.

— Что такое, мадам? — переспросил де Морилас. — Вы отказываетесь от доброты его величества короля Франции?

— Нет, я имею в виду, что между нами не может состояться

соглашения. Его любовь — оскорбление для меня. В конце концов, разве мы не враги? Между нами возможна только война!

Лицо де Мориласа стало землисто-пепельным. От одной мысли, что такие слова придется повторить королю, его пробрал цепенящий страх. Вельможи, обеспокоенные и подавленные, вышли из комнаты.

— О, вы, должно быть, сумасшедшая! — вскричала Барба, склоняясь к постели хозяйки. — Что за безумие все разрушать? Бросить в лицо знатым людям, которых прислал сам король, такие грубые слова! Очень странным путем вы хотите добиться себе прощения.

— Значит, ты, Барба, недовольна мной?

— Разве не достаточно того, что вы лежите на полу, подобно бродяге, бедное беспомощное создание, не имеющее даже мышинной силы? Чудо, что вы избежали смерти, а теперь вы играете собственной жизнью, словно это ничего не стоящая безделица...

— Пока меня не было, Барба, ты стала очень решительной.

— А чего же вы ожидали? Ведь я должна заботиться о маленьком Шарле-Анри! Как только вы покинули нас, явились местные полицейские, задавали тысячи вопросов и рылись в ваших бумагах. Они открывали ящики во всех столах и буфетах, что-то искали. А потом они оставили нас одних. Никого больше здесь не было. Вы думаете, очень просто было хозяйничать здесь так, чтобы мы смогли в один прекрасный день дожидаться вашего возвращения? И вот мы дождались, и в каком диком виде?! Теперь в нашем доме солдаты и тот толстый капитан. Они пристают ко всем служанкам!

Ее страстная речь тронула Анжелику до глубины души.

— Ну и что же, ты думаешь, я должна теперь делать? — виновато пробормотала она, нежно обнимая старую служанку.

— Ехать к королю, — страстно зашептала Барба. — Тогда все станет так, как должно быть! Вы снова станете самой влиятельной персоной во всем королевстве. Ваш дом и ваши сыновья везде будут в почете. Поезжайте к королю, мадам! Возвращайтесь в Версаль!

Склонясь над Анжеликой, она тщетно искала в ее лице понимание. Но под воспаленными веками в зеленых глазах снова появился блеск, и выражение лица не вызывало сомнений в дальнейших поступках.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, Барба! Ехать к королю? Для тебя, наивной, ничто не кажется более привлекательным, чем Двор! Но я знаю, разве я не жила там? Жить при Дворе? Что за шутка? При Дворе можно только умереть! Умереть от скуки и разочарования или от яда из рук ревнивой соперницы... Нет, я никогда туда не вернусь!

— Король любит вас. Вы можете делать с ним все что угодно!

— Он не любит меня. Он меня хочет. Я никогда не буду принадлежать королю, это просто исключено. Слушай, Барба, есть кое-что, чего ты не знаешь. Султан Марокко всемогущ, но я сумела сбежать из гарема султана. Ты не можешь себе представить, что значит такой побег! Ни одной женщине подобное не удавалось. Вырваться из гарема казалось невозможным, невысказанным. Но мне удалось... Так почему бы мне не ускользнуть от короля Франции?

— Таково ваше твердое решение?

— Да, я так думаю... Я не вижу, что еще можно сделать...

— О, вы совершенно безумны! Защити нас Бог! — запричитала Барба.

Глава 3

Капитан Монтадур обедал в большой столовой замка, не замечая Анжелики, следившей за ним с порога залы. Слово «обедал» было не совсем подходящим — скорее, он пожирал пищу. Грубое красное лицо подчеркивали его рыжие волосы и воинственные усы. Бросая исподлобья взгляд на блюда, стоявшие перед ним, Монтадур занимался уничтожением содержимого очередной тарелки. Обглодав громадную кость, он вытер жирные руки салфеткой, заткнутой за воротник мундира.

— Они называют его капитаном, — прошептала маленькая горничная, тоже следившая за сценой насыщения, прячась за Анжелику.

Капитан командовал слугами, словно они принадлежали ему. Когда кто-то из них оказывался недостаточно быстрым, чтобы угодить вояке, тот обзывал его дураком и швырял в него блюдом.

Анжелика молча отошла.

Было непостижимо, что король поместил такого грубияна под ее родным кровом. Скорее всего король ничего не знал о месье де Мориласе. Но даже неведение не освобождало его от вины перед ней. Король оставил на усмотрение своих подданных способ приведения в повиновение мятежной маркизы дю Плесси.

По мере того, как улучшалось ее здоровье, Анжелика стала осознавать, что зависит не только от милости самого короля, но и тех, кто тайно управлял королевством. До тех пор, пока она будет оставаться в своем домашнем заточении, она не изменит происходящего. Все, что она может сделать в подобном положении, это подойти к открытому окну и набраться свежих сил, вдыхая воздух близкого леса. Она говорила себе, что, в конце концов, она осталась жива, кости ее целы, да и вообще непостижимы чудеса Господни! — она смогла снова увидеть землю родины. Она так часто мечтала о высоких деревьях Нейля, когда с пересохшими губами и исцарапанными ногами брела за Коленом по горной пустыне. И сейчас, когда наконец снова вернулась домой, все пережитое казалось ей легким и простым.

Мало-помалу она поддалась уговорам Барбы и согласилась спать на своей старой кровати. Однажды она оделась в старое платье, перешитое для нее Барбой, потому что все они стали для нее велики, и, начав ходить, обнаружила, что не только у ворот замка, но и у всех дверей в ее собственном доме стоят вооруженные посты. Ее настроение еще больше

ухудшилось, когда она услышала громкий и хриплый голос капитана Монтадура, распекавшего кого-то из подчиненных.

Слабая и нетвердо стоявшая на ногах Анжелика еще не была уверена в своем выздоровлении, а знакомые лица слуг, казалось, тоже возвращали ее к жизни.

Они приходили один за другим в маленькую гостиную, чтобы приветствовать ее, и радовались ее возвращению. Тут был Лин Пойракс — повар, и его жена — добрая уроженка Турина, прослужившая в Плесси уже больше пятнадцати лет. Были здесь и бывший слуга Филиппа — ля-Виолет, Жозеф, занимающийся псарней, Янаки — главный швейцар, Хадрайн — кучер, старина Мальбран, и, наконец, белобрысый грум Филиппа Алан, довольный жизнью в сельской местности. Он курил трубку, чистил лошадей и обучал юного Шарля-Анри верховой езде. Но мальчик не оказался таким же способным, как его старший брат, и часто говорил: «Зачем Флоримон торчит в старом монастыре, когда можно так хорошо проводить время здесь, в поместье?» Мальбран был единственным, кто чувствовал себя непринужденно. Все остальные ворчали и возмущались. Во время ее отсутствия слуги испытали на себе грубость солдат, которые вели себя так, будто находились на захваченной территории. Все обитатели поместья испытывали глубокий стыд от того, что поместье погибшего маршала Франции превратилось в место для постоя наемников, как жилище простого крестьянина. Анжелика молча выслушала их, следя за ними зелеными глазами, и виноватая улыбка кривила ее бледные губы.

— Почему же вы не постояли за себя? Разве вы не жители Пуату? Разве у вас нет ножей, топоров или, на худой конец, дубин?

Слуги обменялись удивленными взглядами. Мальбран обнажил зубы в широкой усмешке, а кучер Хадрайн пристыжено ответил:

— У нас все было, моя госпожа, но мы не отважились... Ведь все-таки они солдаты короля...

— В темноте каждый может ошибиться, А солдата короля так же легко оглушить, как и любого крестьянина.

Они молча кивнули, глаза их сузились. Слуги были еще достаточно близки к народу, из которого вышли, чтобы все понимать.

— Хорошо, моя госпожа, — проговорил Янаки. — Что подходит для нашей хозяйки, то подходит и для нас. Мы все за вас!

Они обменялись понимающими взглядами. Они имеют право защищать свою хозяйку. Они не дадут толстому капитану чувствовать себя здесь хозяином положения. Жизнь в тихом поместье теперь станет трудной для солдат. Слуги были простыми людьми, подчинявшимися

единственному господину, и возвращение маркизы дю Плесси казалось им концом смутного времени.

Но для Анжелики все оказалось не так просто. Внешне спокойная, она пыталась обдумать собственное поведение до того, как начать действовать, и чем яснее она осознавала тяжесть положения, тем меньше представляла себе, что должна делать.

Сейчас она расположилась в небольшой гостиной нижнего этажа, которую особенно любила. Именно здесь, когда ей было шестнадцать лет, стояла она перед разгневанным принцем де Конде.

В то время знатный вельможа приезжал в Пуату вербовать сторонников против кардинала Мазарини и королевы-матери, для организации заговора с целью отравить малолетнего короля и его брата. Она как сейчас видела герцога, подносящего к свету ампулу, данную ему монахом Экзили, и обдумывающего возможность устранения малолетнего Людовика XIV. Теперь де Конде проводил ночь за ночью за королевским карточным столом в отделанных красным деревом залах Версаля. Король стал непреодолимой силой.

Анжелика выглянула в окно. Большие деревья, раскинувшие ветвистые кроны, закрывали лужайку, где люди Монтадура держали лошадей. Она увидела Шарля-Анри, возвращавшегося после прогулки с Барбой. В кошмарной атмосфере замка Плесси красота Шарля-Анри казалось нереальной. Ему было почти пять лет, и гувернантка все еще одевала его в шелк и сатин, словно он находился при Дворе. Он никогда не пачкал одежды и был чопорен и аккуратен.

Барба привела мальчика. Он молча стоял перед Анжеликой, и, хотя она ласково говорила с ним, ей не удалось добиться от него даже несколько связных слов.

— Он просто растерян, — сказала старая служанка, прерывая затянувшееся молчание. — Вы бы послушали его, когда я вечером укладываю его спать. У него на шее ваш портрет, и он разговаривает с ним. Возможно, сейчас он не узнает вас, потому что вы так сильно отличаетесь от того изображения!

— Ты считаешь, что я изменилась?

— Вы стали более красивы, чем прежде. На первый взгляд это даже кажется странным. Ваши волосы в страшнейшем беспорядке, а состояние вашей бедной кожи таково, что заставит плакать любую массажистку. Но иногда вы выглядите двадцатилетней... Только ваши глаза создают впечатление, будто вы привидение и только что вернулись с того света...

— Пожалуй, ты права. Все так и есть.

— Да, вы стали еще красивее, — повторила Барба, кивая, — но, кроме того, я сердцем чувствую, что вы стали опаснее любого мужчины.

— О, оставь мужчин в покое, — пожала плечами Анжелика и посмотрела на свои руки: — Вот, ногти снова обломались. И я не знаю, что мне с ними делать...

Вздыхнув, она провела рукой по локонам ребенка. Его необычайно голубые глаза, густые волосы и розовые щеки были достойны кисти художника. Красота сына заставила сжаться сердце — она вспомнила Филиппа, ее второго мужа. Вспомнила она и о жестокой судьбе, разлучившей ее с графом Жофреем де Пейраком. После многих лет одиночества она встретила Филиппа дю Плесси и, вопреки его постоянной холодности, вынудила его жениться на себе.

Маркиза вздохнула и погрузилась в глубокое раздумье. Ребенок молча выскользнул из комнаты. За него она не должна бояться — Шарль-Анри дю Плесси, сын маршала и крестник короля, не будет лишен наследства из-за поступков его матери. Но старший сын Флоримон, имеющий право наследования графства Тулузы, более богатого, чем Плесси, пока не мог рассчитывать ни на что определенное. Возвратившись в Пуату, маркиза сделала попытку связаться с ним. Ее голос дрожал, когда она диктовала Молину письмо брату, отцу де Сансе, принадлежащему обществу Иисуса. Она не догадывалась, что ее попытка вызвала подозрения капитана Монтадура и что письмо перехватили. Капитану, как человеку неграмотному, письмо прочел лейтенант. Боясь ответственности, он переслал его месье де Мориласу... Тем не менее письмо достигло адресата, так как Анжелика вскоре получила ответ от брата.

Из него она узнала, что отцу де Сансе было приказано королем держать молодого Флоримона в монастыре, пока его величество сам не найдет возможности вернуть его матери. Священник был полон послушания своему королю, и, по его словам, Флоримон также не горел желанием вернуться к женщине, чье поведение было во всеуслышание объявлено неблагодарным. Она прекрасно понимала, что стоит ей доказать свое послушание и вернуть милость короля, как она незамедлительно увидит своего сына. «А пока для двенадцатилетнего мальчика лучше находиться в монастыре, чем возле матери, постоянно проявляющей неуравновешенность характера», — писал дядя, честно признавший, что мальчик способный, но ленивый и трудно сказать, что у него на уме, несмотря на всю его кажущуюся открытость. При нормальном воспитании из него может получиться и хороший священник, и хороший офицер.

Раймонд де Сансе заканчивал письмо несколькими замечаниями,

выдававшими горечь его чувств. Он-де устал нести на своих плечах груз неверных деяний многочисленных братьев и сестер, и быть единственным человеком, спасающим имя де Сансе де Монтелю от королевского неудовольствия. Как может один человек выносить неудовольствие его величества, когда ему год за годом приходится противостоять неблагоприятным поступкам остальных членов семьи? Несколько жестоких уроков не привели Анжелику к исправлению. Разве мало предупреждал он ее, Гортрана, Дени и Альбера? Но какова польза его предупреждений? Их дикая непокорная кровь всегда говорит громче, чем голоса разума...

Последняя реплика расстроила Анжелику больше, чем все другое. Значит, Флоримона будут держать вдали от нее. Какой стыд! Флоримон сирота, принадлежит ей, и только ей. Она нуждается сама в его дружбе и обществе. Ведь Кантора она уже потеряла...

Она нуждалась во Флоримоне еще и потому, что его черты напоминали ей другое лицо, уже начавшее расплываться в тумане времени. В бессильном гневе она перечитала письмо и стала обдумывать его содержание. Почему Раймонд настроен против всей семьи? Почему он не обвиняет Анжелику за их беды? Когда они были детьми, во всех неприятностях всегда была виновата одна Анжелика. Но на сей раз он говорил о виноватых во множественном числе.

Она долго обдумывала создавшееся положение. На память ей пришла фраза месье де Мориласа: «...поступки семьи, члены которой жестоко огорчают меня...» — или что-то в таком роде. Она не могла точно припомнить слова короля, поскольку тогда не обратила на них особого внимания. Но теперь, сопоставляя фразу с тем, что писал Раймонд, маркиза предположила, что существуют события, пока ей неизвестные. Она все еще перебирала свои невеселые мысли, когда вошел слуга и доложил, что ее хочет видеть барон де Сансе.

Глава 4

Отец Анжелики, барон де Сансе де Монтелю, умер год назад, зимой, предшествовавшей ее отъезду из Марсея, и когда доложили о посетителе, носящем ее имя, она с трудом поверила своим ушам. Человек, вошедший в комнату, выглядел точно так же, как ее отец, в коричневом костюме и тяжелых низких сапогах. Она следила, как он шел к ней вдоль галереи, и пыталась узнать его. Он наверняка был одним из ее братьев. Возможно, Гортран? Нет, Дени.

— Это ты, Дени?

— Здравствуй, сестра, — ответил он.

Когда она уезжала, он был военным с хорошим положением в гарнизоне близ Парижа. Сейчас он выглядел как бедный сельский помещик с обеспокоенный взглядом барона Армана. Он неловко мял руками свою коричневую шляпу.

— Я получил приказ месье де Мориласа, губернатора нашей провинции, немедленно повидать тебя. Вот я и приехал...

— Очевидно, уже никто из нашей семьи не делает ничего по собственной воле. Все только выполняют приказы сверху. Замечательно!

— Но ситуация не такая уж замечательная...

— А что еще случилось?

— И это спрашиваешь ты, доставленная домой под стражей, как преступница, у которой в собственном замке находятся полицейские?! Вся страна говорит о тебе...

— О да, я знаю. Но что же еще произошло?

Дени сел, совершенно потеряв терпенье.

— Да, вероятно, ты действительно ничего не знаешь, и я обо всем расскажу тебе, раз уж месье де Морилас прислал меня.

— Да что именно?

— Подожди, скоро ты узнаешь достаточно. Наша семья разорена и опозорена. О Анжелика, почему ты уехала?

— Конечно, они не решились бы напасть на мою семью, если бы я не отважилась уехать за границу, не спросив короля...

— Нет... не только. Но если бы ты была здесь, все могло сложиться иначе. Все началось через несколько месяцев после твоего отъезда. Никто не знал точно, почему ты уехала, король был в ужасном настроении, а я очень беспокоился. Я говорил себе: «Анжелика уже много раз попадала в

неприятные ситуации. Если она сделала что-то глупое, то она достаточно красива, чтобы самой поправить дело!» Так ведь? И действительно меня волновало лишь то, что я, не зная, где тебя найти, не мог одолжить у тебя немного денег. Я хотел купить в полку охраны Версаля вакантную должность. Я надеялся получить ее с твоей помощью... и с твоими деньгами. Я пошел к Альберу, зная о его влиянии в кругах монсеньора. Идея оказалась хорошей. Брат говорил, что монсеньор очень к нему привязан и осыпает его подарками... вероятно, он что-то имел на уме, старый козел!.. Ну, брат одолжил мне несколько сотен ливров, и я купил должность. Так я оказался в Версале. Конечно, там служить было более престижно для нас, офицеров, но в то же время и более хлопотно из-за частых парадов и увеселений короля. Мы участвовали в приемах и играх, были и другие, менее приятные вещи. Мы пресекали всякие попытки неповиновения со стороны строителей и масонов... Помнишь, в то время в Версале шли большие строительные работы?..

Монотонный голос брата воскресил перед ней забытые сцены: громадные глыбы отшлифованных камней, наваленных около недостроенного крыла дворца... крики, удары молотов и толпы рабочих.

— Власти совершили ошибку, сконцентрировав в одном месте так много рабочих — целую армию. Строители жили в самодельных хижинах, им не разрешалось встречаться с семьями из-за боязни, что они не вернуться, если их отпустить. Ситуация стала ухудшаться летом, когда король начал строительство искусственного озера перед лесом, прямо у громадных ступеней, с которых открывался вид на оранжерею... Было очень жарко. Из леса налетали москиты, у людей началась лихорадка, и они умирали как мухи... Мы прибегали к посторонней помощи, чтобы хоронить умерших. Но вот однажды... — И Дени описал внезапный бунт среди рабочих.

На усмирение были брошены войска, толпы людей с молотами и дубинами в руках кинулись прямо по клумбам ко дворцу и перебили всю охрану. К несчастью, рядом располагались палатки мушкетеров, только что прибывших для очередного парада. Они получили приказ немедленно вступить в действие... Для подавления бунта потребовалось два часа. Два часа непрерывного сражения, залпов в упор, криков ненависти и стонов умирающих. Строителей теснили до тех пор, пока они не забаррикадировались в том месте, где шли земляные работы, используя громадные камни. Строители отбивались камнями, и солдаты погибали. Но мушкетеры были хорошо вооружены, и скоро камни покрылись окровавленными трупами. Мадам де Монтеспан и ее дамы смотрели на

побоище, находясь на балконе южного крыла версальского Дворца.

Наконец рабочие сдались. На следующий день зачинщики бунта были отведены к деревьям, сохранившимся на берегу выкопанного озера, где их должны были повесить. И в тот самый момент Дени узнал среди них Гортрана, своего старшего брата! Его лоб был в крови, одежда порвана и перепачкана краской, руки изъедены кислотой или какими-то другими растворами.

Молодой офицер бросился к брату и закрыл его своим телом:

— Нет! Его нельзя вешать!

Солдаты подумали, что их начальник просто сошел с ума. На губах Гортрана появилась слабая усмешка, но он молчал.

Их отвели к полковнику. Дени пытался объяснить, что веревка накинута и на его шею, что смутьян — его родной брат, а также брат маркизы дю Плесси де Бельер. Полковник, услышав знаменитые имена, видя очевидное сходство между братьями и опасаясь ответственности за позорную казнь дворянина, остановил процедуру. С остальными приговоренными солдаты не стали церемониться и тут же развесили их по деревьям. Дени же получил отсрочку до заката солнца, чтобы испросить помилования у короля.

Но как мог он, простой офицер, попасть к королю? Он не знал никого, кто бы мог помочь ему.

— Если бы ты только была там, Анжелика! Еще недавно, всего за два месяца до тех страшных событий, ты была при Дворе, король смотрел на все твоими глазами, тебе стоило сказать только одно-единственное слово... Почему, о, почему ты исчезла, когда была на самой вершине своего успеха? О, если бы только ты тогда была там!..

Снова Дени подумал об Альбере, который из всех братьев, казалось, добился самого большого успеха. Добираться до иезуита Раймонда было слишком долго. И хотя иезуиты были сильны, они всегда избегали импровизации, действовали только наверняка. А полковник сказал: «Только до заката!». Дени галопом поскакал в Сен-Клу. Монсеньор охотился там, и, без сомненья, его фаворит находился рядом с ним. Уже в полдень он добрался до Альбера. Потом надо было убедить монсеньора несколько часов провести без своего постоянного компаньона, а это тоже потребовало времени.

— Альбер всегда был большим мастером улыбаться, — безо всякого выражения продолжал Дени свой рассказ. — Я следил, как они обменивались взглядами, а сам думал о Гортране, стоящем у подножья дерева. Ты, конечно, помнишь, Альбер всегда был мне неприятен, но он

сделал все, что мог. В Версале, куда мы прибыли к вечеру, он стучался во все двери, а я... я следил, как солнце движется по небу. Наконец нас выслушал месье де Бриенн. Он оставил нас на секунду, а потом вернулся и сказал, что у нас, возможно, будет случай встретить короля, когда тот покинет свой кабинет, где принимал отцов Парижа. Мы ждали в военной комнате в конце большой галереи... ты, конечно, знаешь.

— Знаю.

— Дверь открылась, появился король, мрачный и важный.

Юный Альбер, бледный и взволнованный, бросился на колени:

— Проявите жалость, сир, к нашему брату, Гортрану де Сансе!

Лицо короля оставалось недовольным. Он уже знал о том, что его ожидают двое молодых людей и о чем они собираются просить. Тем не менее он спросил:

— Что он сделал?

Братья покорно склонили головы:

— Сир, он оказался среди людей, восставших вчера и вызвавших на несколько часов беспорядки в вашем дворце.

Король, не скрывая иронии, произнес:

— Сансе де Монтелю, благородный человек из древнего рода, — и среди восставших каменщиков? О чем вы говорите, господа?

— Ваше величество, это правда! Наш брат всегда отличался странностями. Он хотел рисовать и стал изгнанником, поступил против воли нашего отца, и тот в гневе лишил его наследства.

— Действительно, очень странная идея.

— Наша семья потеряла его следы. Но в тот момент, когда его уже собирались повесить, мой брат Дени узнал его.

— И вы задержали исполнение приказа о его смерти? — спросил король, обращаясь непосредственно ко мне.

— Сир, он мой брат! — ответил я.

Лицо короля стало каменным. Мы все знали, чей дух витал между актерами разыгравшейся драмы. Неназванное имя, светлый силуэт женщины, исчезнувшей из Версаля... убежавшей, оставив в расстройстве короля. Он не простил ее. Когда он наконец заговорил, у него был властный и грозный голос:

— Господа! Вы члены семьи, приносящей беды, что не дает нам основания для милосердия и прощения. В ваших жилах течет кровь великих вассалов, часто служивших опорой трону. Но вы также и одна из семей, слишком часто спрашивающих себя, выполнять или не выполнять приказ короля, и нередко решающих — «нет». Мы знаем человека, за

которого вы просите. Он опасный вожак, он ушел к народу, чтобы возглавить его. Мы уже провели следствие по делу и, когда узнали его имя, были огорчены! Вы говорите, он Сансе де Монтелю? И он доказал свое благородное происхождение? Нет! Он предпочел занять место художника, отбросив ответственность перед своим благородным древним именем, предпочел компанию простолюдинов, презрев свое собственное сословие. Он заявил, что лучше говорить с каменщиком, чем с принцем крови. Если бы у нас сложилось мнение, что странное поведение вашего брата является следствием слабого интеллекта — такое случается даже в самых лучших семьях... Но это не так! Мы его слышали! Мы ясно разобрали насмешливый тон при обращении к королю... Он вел себя как безумец и должен поплатиться за свое безумие. Пусть он умрет постыдной смертью, как обычный преступник. Пусть его повесят! Разве не собирался он обратиться к Парламенту в надежде побудить его забрать у нас всех рабочих?

Король двинулся по галерее, рука его лежала на золотой рукояти длинной трости из черного дерева. Молодой Альбер де Сансе сделал последнюю отчаянную попытку.

— Сир! — закричал он. — Поднимите глаза к потолку! Вы увидите работу нашего брата, сделанную для вашего прославления!..

Луч заходящего солнца, проникший сквозь окно, осветил бога Марса, борющегося с волками.

Король остановился. Красота, которую он так любил, вызвала в нем ответные чувства. Его практичный ум обратился к человеку, способному создать изумительную картину. Почему Перро, контролирующий работы в Версале, не сказал ему, какой талантливый художник тот, кого они собираются казнить без суда и следствия? Боясь королевского гнева, ни один человек не отважился заступиться за слишком горячую голову. Король быстро сказал:

— Надо остановить казнь. Мы желаем более детально рассмотреть судьбу мастера.

Он повернулся к де Бриенну и продиктовал текст прощения. Двое братьев, все еще стоявших на коленях, услышали его замечание.

— Он может работать в студии господина Ле-Бруна.

Братья бросились через уже темнеющий сад к озеру, где должна была состояться казнь. Но они пришли слишком поздно — Гортран де Сансе де Монтелю был уже мертв. Он был повешен на ветке дуба лицом к Версальскому дворцу.

Тело опустили вниз. Альбер привел карету со своим лакеем и кучером.

Лошади, нигде не останавливаясь, галопом помчались в Пуату, чтобы скорее достичь земли предков и там похоронить художника. Только родная земля могла прочувствовать и исцелить его раны и смягчить горечь, застывшую на лице покойного.

Плача, как мальчишки, Альбер и Дени похоронили его в семейном склепе возле деревенской церкви в Монтелю, Гортран — художник, видевший небесных всадников в диких лесах Монтелю и использовавший желтую землю для росписи стен, опьянел от красоты и покинул сей мир...

— Потом я пришел в замок, — продолжил Дени. — Все было мертво, в доме не раздавалось ни единого звука, не было даже видно детей. Только Фантина хлопотала на кухне, да тетя Марта, как всегда толстая, трудилась над своим гобеленом. Две древние старухи, далекие от остального мира.

И я остался там. Наш отец написал в завещании: «Сын, который первым вернется к земле, станет продолжателем рода де Сансе». Так почему не я? Я проверил работу фермеров, снова взялся за мулов, а потом женился... Месье де Морилас хотел, чтобы я все рассказал тебе — конечно, не о своей женитьбе, а о судьбе Гортрана. Он считает, что так ты лучше поймешь, чем мы обязаны королю после того, как ты и твоя семья оскорбили его величество... Но я лично считаю...

Он посмотрел в глаза сестре. Она была старше его, и он всегда побаивался и ее красоты, и ее поступков, и тайны, окружавшей ее внезапное исчезновение. Теперь она вернулась и оказалась очерненной с ног до головы.

Но Дени видел, что она смертельно побледнела и до глубины души была поражена его рассказом. Он был и рад, и напуган одновременно. «Анжелика снова станет сильной, — подумал он, — и наступающие дни не будут мирными!»

— Месье де Морилас совсем не знает твоего характера, — задумчиво проговорил он. — По-моему, он совершил ошибку, дав тебе узнать, что один из рода Монтелю повешен по приказу короля.

Глава 5

Молин, управляющий поместьем Плесси, после возвращения маркизы приходил к ней ежедневно. Обычно старик медленно шел со счетной книгой под мышкой по дороге, ведущей к замку от его дома. Независимый и хорошо справляющийся со своими делами, мэтр Молин был совсем не похож на слугу семейства дю Плесси де Бельер. И Анжелика, и сам Филипп практически не вникали в сущность дел Молина. Но они всегда знали: если в нем нуждаются, он всегда оказывается на месте — будь то в Париже, когда хозяин и хозяйка находились при Дворе, или в Плесси, когда какая-нибудь случайность приводила их в замок.

Молин был первым, кого увидела маркиза, с помощью двух мушкетеров приподнявшись на кушетке, в то время как де Бретейль, запинаясь, торопливо обращался к собравшимся слугам:

— Я привез мадам дю Плесси домой. Она умирает. Ей осталось жить всего несколько дней. Ухаживайте за своей госпожой.

Лицо Молина не выразило никаких эмоций. Он приветствовал Анжелику так бесстрастно, словно она вернулась после короткого визита в Версаль, когда возникла необходимость продать часть земель, чтобы оплатить ее карточные долги. Только когда она услышала его заявление, что в этом году урожай ожидается неважный, начала понимать, где находится, и почувствовала, как ее организм начинает бороться с болезнью. Именно его голос вернул ей сознание, и в тот момент она вспомнила прошлое.

Он не осудил ее, не задал ни одного вопроса. Его длительная служба давала ему несомненное право сделать какие-то замечания, но он так ничего и не сказал. Он никогда не проявлял беспокойства при длительном отсутствии Анжелики, но постоянно стремился защитить ее деловые интересы. «Мадам дю Плесси путешествует, — говорил он. — Она вернется». А что король? Что его гнев? Не будет ли мадам дю Плесси брошена в тюрьму? Ведь многих людей наказывали за куда меньшие провинности... В таких случаях Молин молча пожимал плечами, зная, что не должен забывать о тех, кто стоит за ним. Люди должны уметь молчать.

Поэтому почти целый год, пока судьба Анжелики была предметом возбужденных предположений, управляющий держал в железном кулаке и подданных, и финансы, заботился об имуществе покойного маршала, сохраняя его для наследника, маленького Шарля-Анри. Благодаря его

усилиям все слуги остались на местах — и здесь, и в парижских домах. Он повсеместно объявил о возвращении хозяйки, не упоминая о домашнем аресте, и обязательно подчеркивая, что король — ее друг и что скоро она сама займется делами. Так было объявлено и парижским купцам, и гаврским судовладельцам, с которыми она вела торговые дела.

В имении Плесси сохранялся порядок. С удивительной пунктуальностью Молин посещал фермы и арендаторов и подсчитывал урожай. Протестантов он навещал так же, как и католиков. Обитатели замка не замечали солдат, пожиравших сыры и окорока и пускавших своих лошадей на лужайки замкового парка. Мэтр Молин не делал никаких замечаний. Он только напоминал арендаторам об их обязательствах перед хозяйкой и записывал цифры.

— Мэтр Молин, что нам делать? Разве вы не последователь нашего учителя Кальвина, как все мы в Пуату? — спрашивали крестьяне-гугеноты, стоя перед ним в больших черных шляпах. Их глаза были темными и фанатичными. — Должны ли мы отказаться от нашей веры, чтобы сохранить свои пожитки, или надо умереть за нее?

— Будьте терпеливы! — каждый раз отвечал он.

На его собственном дворе тоже стояли драгуны. Они загадили его комфортабельный дом, сожгли уже сто фунтов свечей, перебили всю посуду и постоянно кричали, не давая ему передохнуть:

— Отрекись, старая лиса! Отрекись от ереси!

Но когда в поместье вернулась Анжелика, официально признанная одной из наиболее красивых женщин королевства и к тому же не являющаяся поборницей реформаторской церкви, де Морилас счел нужным дать специальный приказ — оставить в покое ее подопечных.

Молин, снова свободный, начал регулярные визиты в замок, и Монтадур, видевший в нем чуть ли не самого убежденного гугенота во всей провинции и боявшийся его влияния на крестьян, при каждой встрече донимал:

— Когда же ты придешь на мессу, старый еретик?

Увидев впервые Анжелику на постели, с болезненным румянцем на щеках, управляющий еле сдержал вздох. Блеклые зрачки его сузились, и можно было поклясться, что он молит Бога о ниспослании здоровья своей госпоже.

Когда маркиза стала чувствовать себя лучше, Молин заговорил о помехах и даже угрозах, нависших над провинцией с тех пор, как месье де Морилас предпринял попытку покорить Пуату.

— Миссионеры фальшивой религии выбрали нашу провинцию для

эксперимента. Если методы, которые они используют для борьбы с протестантами, окажутся эффективными, то они распространят их на все королевство. По имеющимся у нас сведениям, король готовит указ об отмене Нантского эдикта, то есть протестантство должно быть полностью изжито по всей Франции.

— А какое отношение ко мне имеет религия? — спросила маркиза.

— Сейчас я вам объясню, — коротко ответил Молин.

Снова открыв свою книгу, он без труда доказал ей, что ее земли, в основном находящиеся в руках протестантов, уже страдают от тяжелых потерь. Людям мешают выходить на поля и огороды, пасти скот. Сухие цифры убедили ее.

— Мы должны послать жалобу в Парламент. Не сможет ли ваш церковный совет подготовить ее, опираясь на условия Эдикта?

— Но к кому мы сможем обратиться? Правитель провинции сам организует беззакония. А что касается короля... Король иногда слушает людей, дающих ему советы. Я весь год ждал вашего возвращения, мадам, ибо только вы сможете остановить беду. Поезжайте к королю, мадам. Используйте последнюю возможность для нашей провинции, и, кто знает, вероятно, для всего королевства...

Вот чего он хотел.

Анжелика остановила свой взгляд на управляющем. Многое могла она сказать, ее опущенные ресницы дрожали. И он понял ее ответ еще до того, как она заговорила.

Хотя он достаточно хорошо знал странную девочку из Пуату — он помнил ее хрупкую девичью грациозность, когда она бродила по лужайке среди цветов по соседству и, если они встречались, смело смотрела на него, — но никогда он не считал ее настолько странной, как сейчас. Он даже не был уверен, что она его понимает! И он заговорил быстро и резко, как говорил в тот день, когда она пришла к нему в дом, чтобы спросить, выходить ли ей замуж за графа Жофрея де Пейрака. Он прямо сказал:

— Поезжайте к королю, мадам!

Но какие бы аргументы он ни приводил, Анжелика качала головой.

— Как вы горды, — продолжал управляющий. — Но я также знаю, что вы разумный человек. Забудьте прошлые обиды. Вы сможете сделать все, если выберете правильный путь. Вы сможете снова вернуть внимание человека, которого однажды покорили, и оно будет даже сильнее, поскольку он долго ждал.

Анжелика еще раз сказала «Нет!» В ее памяти всплыл Меццо-Морте, адмирал Алжира, и она снова слышала его жуткий смех:

— Человек, известный как Джеф эль-Кальдом, умер на плахе уже три года назад.

И она поняла, что с того самого момента начала терять надежду. Потом она увидела висящее тело брата, повернутое лицом к Версалю, и своего второго мужа, Филиппа дю Плесси, смотрящего на нее в последнюю ночь, перед тем как встретить смерть.

«Прощай, мое сердце. Прощай, моя любовь. Мы должны служить королю. Мы расстаемся...»

Король забрал все, что она имела.

Она покачала головой, взгляд ее стал осмысленным и твердым, и она наконец заговорила о своем неожиданном отъезде и о путешествии длиной в год. Она не делала попыток объяснить свои поступки, но мысли снова и снова возвращались к «нему».

— Я никогда не найду его, Молин. Возможно, он действительно умер... на плахе или еще где-нибудь. Смерть так легка на Востоке. — Она немного подумала и продолжила более спокойно: — Я потерпела поражение. Теперь я — узница. — Она взмахнула рукой, не украшенной уже кольцами, ставшими для нее слишком большими.

— Я никогда не смогу забыть земли Ислама. Все, что произошло со мной там, до сих пор стоит перед глазами. Оно похоже на громадный разноцветный ковер, по которому приятно ходить босиком. Могу ли я согласиться с тем, чего ждет от меня король? Нет, никогда! Могу ли я вернуться в Версаль? Нет. Одна мысль о Дворе делает меня больной. Вернуться снова к подхалимам, интриганам и заговорщикам? Вы не понимаете, о чем просите, Молин! Нет ничего общего с тем, что я чувствую, и жизнью, к которой вы хотите чтобы я вернулась.

— Но у вас весьма ограниченный выбор, мадам. Вы можете либо покориться, либо... восстать! Не правда ли, мадам?

— Я не покорюсь!

— Значит, вы хотите мятежа? — спросил он иронически. — Но где же вы наберете войска? И где же вы возьмете оружие?

Его сарказм подействовал на собеседницу.

— Есть вещи, которых боятся даже всемогущие монархи вроде короля Франции. Они боятся соперничества важной знати и враждебности собственных провинции.

— Ваши доводы будут иметь вес в глазах короля только в случае, если прольется много крови. Я не знаю, что вы намереваетесь предпринимать, но после Марокко вы стали, кажется, очень дешево ценить человеческую жизнь.

— Напротив, я поняла ее настоящую цену, — она горько засмеялась. — Муль Исмаил, предшественник Муль аль-Рашида, имел привычку самолично отрубать две-три головы каждое утро, просто для повышения аппетита. Жизнь и смерть стояли так близко, что каждый день возникал один и тот же вопрос: «Что более приемлемо — жить или умереть?»

Старый Молин несколько раз подряд кивнул головой. Он знал: пока у женщины есть сомнения, можно взывать к здравому смыслу. Но когда она полна решимости, нужно опасаться худшего, так как теперь она будет следовать только собственным мыслям.

У него всегда было предчувствие, что характер Анжелики многогранен. Ему теперь очень хотелось разорвать цепь событий, уводящих маркизу все дальше и дальше от видимого пути. Ему было обидно видеть, что она вступает в спор с судьбой, даже не делая попыток приспособиться к ней.

Почему она не может жить в Версале? Находясь там, она имела бы все — она была бы здорова, влиятельна и жила в удовольствиях. Но волна, увлекшая ее в мир таинственной одиссеи, вынесла в другой, эфемерный мир, и она больше не испытывала удовлетворения от иллюзий. Возникшая в ней сила толкала ее к отделению от общества, а слабость заключалась в том, что она сама являлась частью того общества, которым окружил себя король Франции.

— Как хорошо вы знаете меня, добрый мой Молин!..

«Бог знает, какую потустороннюю силу она приобрела в тех диких таинственных землях», — подумал он, все более расстраиваясь.

— Верно, я не должна была уезжать. Тогда все было бы просто. Жизнь при Дворе. Вы можете делать там все, что хотите, но только не жить. Возможно, я становлюсь старой, но меня больше не привлекают яркие игрушки, ради которых пляшут версальские куклы. Ха!.. Стул у ног короля! Какое счастье! Что за удовольствие получить приглашение сесть за королевский карточный стол! Что за бесполезная и бессмысленная трата времени! Танцы были единственным, что доставляло мне настоящее удовольствие. И еще замечательные сады! Но цена слишком уж высока — постоянные компромиссы с самой собой, и в конце концов ты отдаешь собственное тело... только из глупой скуки. Вы действительно думаете, господин Молин, что, вернувшись к жизни после тяжелой физической и душевной болезни, поняв, что я еще жива, я способна снова залезть в эту кабалу? Нет, нет! Иначе пустыня меня ничему не научила...

Видя муку, будто вуалью укрывшую красоту женщины, Молин, при всей своей твердости, почувствовал уважение к ее рассуждениям. Но он не

мог удержаться от вздоха сожаления. В борьбе с ней он хотел победить, а не спасти ее.

Непредвиденное бедствие угрожало разрушить все, что делало его жизнь полезной и успешной в собственных глазах. Тут были не только деньги, которые он накопил. Его собственность была столь велика и разнообразна, что могла бы выдержать не один шторм. Но существовали и другие понятия, много значившие для него: богатство и общественная значимость семьи дю Плесси де Бельер, перспективы его родной провинции и постоянно растущее в ней число протестантов. Благодаря своему влиянию на короля Анжелика вполне могла бы изменить соотношение сил католиков и гугенотов в Пуату.

— А что станет с вашими сыновьями? — спросил старик.

Молодая женщина оцепенела на мгновение, а потом посмотрела в окно, словно прося лес помочь ей в несчастье. Ее зеленые глаза сразу нервно заблестели.

— Знаю... мои сыновья. Они толкают меня к повиновению. Ответственность за их жизни парализует мою волю... Что за парадокс, Молин, думать, что добродетель использует моих детей как оружие, чтобы уложить меня в постель короля! Но именно так сейчас обстоят наши дела.

Старый гугенот ничего не ответил. Он вынужден был признать справедливость ее цинизма.

— Бог знает, как я сражалась за моих сыновей, пока они были малы и беспомощны, — продолжала она, — но теперь положение изменилось. Мусульмане забрали у меня Кантора, король и иезуиты — Флоримона. Ему сейчас уже двенадцать, в его возрасте мальчик из благородной семьи может начать самостоятельную жизнь. Шарль-Анри унаследует состояние дю Плесси до Бельер. Король не лишит наследства своего крестника. Разве я не вольна жить, как хочу?

Лицо Молина покраснело от гнева. Он опустил руки на колени. Если она руководствуется подобной логикой, чтобы доказать справедливость своего поведения, он не переубедит ее.

— Вы отвергаете ответственность перед вашими сыновьями. Значит, вы можете свободно разбить собственную жизнь!

— Вы ошибаетесь, Молин. Это значит, что я могу считать себя свободной и не пасовать перед негодьями!

Он попытался привести другой довод:

— Но, мадам, вы, кажется, считаете, что должны полностью покориться королю? А от вас требуют только сделать публичное заявление в присутствии Двора, что сразу вернет вам расположение короля,

удовлетворит его гордость. Я думаю, мадам, что женщина, подобная вам, окажется достаточно умна и способна.

— И Вы думаете таким образом удовлетворить короля? Ха, исключено! Он никогда не позволит мне ограничиться публичным покаянием. Он сразу же потребует доказательств...

Она всплеснула руками, на миг представив себе, как, одетая в черное, проходит всю большую галерею под любопытными взглядами придворных, а король стоит с выражением важности, таким естественным на его каменном лице. А потом, когда она останется с ним наедине, сможет ли она спастись, когда он подойдет к ней, к своему многолетнему неуступчивому врагу?

В ней не было больше непогрешимости юности, иногда являющейся эффективным барьером для страсти. За последнее время она пережила слишком много событий, чтобы не осознавать скрытого влияния любви. Сильное и горячее чувство часто бросает женщину в руки упорно добивающегося ее мужчины. Теперь она стала женщиной до мозга костей, испытавшей так много мужских ласк, так много желания и так много насилия над своим прелестным телом. Так много, что она отчетливо понимала, что может уступить. И Людовик, изучивший ее психологию, прекрасно знал это. Он сможет привязать ее к себе своей горячей душой.

Она была слишком хорошо воспитана жизнью, чтобы сознаться Молину, какие картины проносятся в ее уме.

— Король не дурак, — сказала она со смехом. — Мне трудно объяснить вам, но я не должна предстать перед королем лицом к лицу... Так не должно случиться, и вы знаете почему, Молин. Я могла бы провести остаток дней с человеком, которого полюбила... с человеком, выбравшим меня в спутницы жизни... И тогда-то наступил самый сильный удар в моей жизни: мне пришлось понять, что есть вещи, которых невозможно избежать. Жив он или мертв, но наши дороги разошлись. Он любил других женщин, так же как и я любила других мужчин. Мы предали друг друга. Наше совместное сосуществование только-только началось, и король прервал его. Я не могу простить, как не могу и забыть... Я не должна забывать, ибо забвение стало бы еще худшим предательством. Если я так поступлю, все мои надежды окажутся похороненными.

— Какие надежды? — перебил старый управляющий.

— Я не знаю... Есть еще проблеск недостаточно умершей надежды на счастье. Между прочим, вы говорили о моих интересах. Значит, я должна пойти и протянуть свою чашку Монтеспан, чтобы она отравила меня? Я полагаю, вы осознаете такой простой факт, что она обязательно попытается

отравить и меня, и Флоримона.

— Вы достаточно умны и сильны, мадам, чтобы противостоять ей. Люди говорят, что она уже не имеет прежнего влияния. Король устал от нее. Теперь он проводит много времени с другой опасной интриганкой, с мадам Скаррон.

— С гувернанткой его детей?

— Разумеется. Но такой факт не мешает королю проявлять самый живейший интерес к беседам с ней.

Анжелика пожала плечами, вспоминая, что бедная Франсуаза является членом большой семьи Обинье и что весь Двор, пытающийся воспользоваться ее протекцией, называл ее, кто с обожанием, кто с горечью, «милой индианкой».

А Молин, надеющийся переубедить хозяйку, продолжал:

— Я говорю, чтобы вы поняли — не надо бояться мадам де Монтеспан. Вы пренебрегли ею, когда она была в расцвете своей силы. Теперь будет детской игрой избежать ее гнева.

— Успокойтесь, — проговорила Анжелика. — Я лучше выберу другой вид борьбы. И если придется сражаться, то лучше здесь, на родине... Единственное, что кажется мне реальным в настоящем хаосе, — это радость находиться здесь. Мой дом приносит мне исцеление и глубоко ранит одновременно. Потому что я ясно могу видеть, что уже проиграла. Но мне хорошо, ибо я ужасно хочу снова видеть место, где родилась. Странно, мне кажется, будто после многих лет заключения я вернулась опять в места, где провела свое детство и откуда семнадцатилетней девушкой уехала на юг в карете графа де Пейрака... вернулась, чтобы разыграть свою последнюю карту...

Последние слова побудили ее встать с кресла. Оставив Молина одного, она медленно поднялась по ступеням широкой лестницы на площадку, откуда могла окинуть взглядом окрестности. Неужели Монтадур, чей силуэт маркиза увидела на гравийной дорожке, думает, что она останется здесь, в четырех стенах замка, на всю весну и лето, ожидая осенью, чтобы люди короля арестовали ее и увезли в какую-то другую тюрьму? Нет! Она не станет ждать!

Она знала, что придет время, и она убежит в лес, и ее толстым тюремщик с большими усами даже не догадается ни о чем и будет продолжать следить за замком — туша, полная самодовольства. Он был идиотом, ничего не знал о жизни полей и лесов и о том, что каждая нора имеет два выхода. Но еще до того, как она окажется вне закона, одетая в зеленое, чтобы лучше спрятаться от глаз ищущих, она должна бросить на

весы судьбы все, что имеет.

«Моя последняя карта...»

Вернуть себе свободу сейчас было даже более невозможно, чем сбежать из гарема Муль аль-Рашида. Тогда ей помогла красота. Методы, применяемые раньше, теперь не помогут. Ей не удастся ускользнуть из замка, полагаясь на ночь и тишину. Она не сможет прибегнуть к средствам защиты, используемым слабыми животными, меняющими окраску, сливаясь с природой.

Чтобы преодолеть могущество короля Франции, необходимо найти нечто более смелое и надежное. На своей земле, где все подчинены одному хозяйку, надо отыскать силы для мятежа!

Сейчас, когда она вернулась в собственный мир, мадам дю Плесси могла видеть, что среди равных ей по происхождению, по знатности и по богатству у нее нет друзей. Было бесполезно надеяться, что дружба, страсть или, наконец, обычная амбиция придут ей на помощь. Все благородные люди поклонялись королю. Их имена, как духи, проходили перед ней: Бриенн, Ковайс, Ловис... Лозен находился в тюрьме, он выйдет оттуда усталым стариком, его силы наверняка уже угасли...

Стоя на лестничной площадке, Анжелика обернулась к горизонту:

— О мое Провидение! Поддержишь ли ты меня?

Ниже Плесси стоял могучий лес. Перед ним — земли с ее обитателями. Далеко слева, словно между небом и землей, виднелся далекий край земель Пуату, наполовину затянутый тучами.

Со своей площадки она не могла разглядеть никаких признаков жизни. Бокаж с его полями был закрыт тучами к выглядел так же, как и лес. Фермы прятались среди холмов, деревни терялись среди лесов. Даже там, где сельская жизнь была наиболее активной, нельзя было рассмотреть ничего, кроме буйной зелени.

Розовые холмы казались ранами на теле земли, многие из них были изрыты пещерами, в которых, по словам стариков, скрывались феи и гоблины. Деревенские дети когда-то вызвались провести детей барона к таким пещерам, но Гортран захотел осмотреть их сам, без нее, и отослал маленькую девочку прочь. Ей было очень горько и обидно, пока она сама не отважилась побывать там.

Невидимая отсюда, вдали пролегла старинная римская дорога. По ее широким камням когда-то проходили железные легионы Цезаря.

Игрою судьбы Анжелика возвратилась к знакомым деревьям. Какой урок должна она получить здесь? Какую правду должна открыть среди древних земель? Земель, где, чередуясь, стояли темные замки, построенные

благородными рыцарями, и светлые аббатства или монастыри, исчисляющие свою историю от Крестовых походов. Здесь земля религиозных войн, крестьянских бунтов и большого разбоя.

В детстве Анжелика была совершенно уверена, что всякий, пришедший на их территорию со стороны, является иностранцем и, скорее всего, врагом. Новых, незнакомых людей она встречала с подозрением и недоверием. Она боялась всяких новшеств, которые пришельцы могли принести с собой в страну ее детства и нарушить порядок вещей, принятый и нравящийся ей. Ландшафт, простирающийся перед ней, не мог предать ее и позволить слугам короля арестовать ее и запереть в тюрьму.

Солдаты размещаются внутри замковых стен. Они опустошают плантации табака, чтобы готовить самокрутки или набивать короткие черные трубки, они охотятся за домашней птицей, они силой забирают из крестьянских погребов сыры и колбасы. Но солдат совсем немного. Обитатели Пуату могут быстро справиться с ними, если потребуется. Даже сейчас солдат находили задушенными в зарослях. Женщины забрасывали их грязью, забивали камнями, а слишком настырных и неосторожных — оскопляли...

Самюэль, герцог де ла Мориньер и его два брата, Хью и Ланселот, все гугеноты благородного происхождения, нашли убежище в пещерах после того, как убили лейтенанта драгунов, пытавшегося занять их родовой замок под построй солдат.

События далекого прошлого, о которых рассказывала детям няня Фантина, снова становились реальностью. «Вооруженные солдаты заснули ночью в сельских домах, и местные жители укрылись в лесах», «Несчастный рыцарь бежал в леса от расправы короля и прожил там три года, питаясь дичью и грибами»... Таких сказаний она знала великое множество, и дети свыкались с ними.

Теперь, ясными летними вечерами, можно было слышать звук охотничьего рога около Бокажа, но он извещал об окончании дневной благородной охоты. Так передавались секретные послания преследуемым гугенотам. Исаак, барон де Рамбург, жил в старом замке на холме недалеко от Плесси, и его черная крепость выделялась силуэтом на фоне красного неба. С того времени, как Мориньеры, еретики-патриархи, укрылись в лесах, некоторые из оставшихся в деревнях крестьян были обращены в католичество. Но глухими ночами они собирались среди деревьев, чтобы слушать своих пасторов и петь прежние гимны.

Монтадур давно собирался повести своих людей в лес, застать врасплох еретиков. Но его люди боялись темных зарослей, и все попытки

насильно привести новоявленных католиков к наставникам оставались безуспешными.

...Видение возникло перед глазами Анжелики. Ей привиделся человек, галопом подлетевший к замку и постучавший в дверь. Всадник был самим королем. Он заключил ее в объятия и шептал слова, которые писал одной-единственной женщине на свете: «Моя незабываемая...» Но уже безвозвратно прошло время, когда король Франции вскакивал на лошадь и мчался галопом, как во времена, когда был влюблен в Марию Манчини. Теперь он стал пленником собственной значимости и был вынужден дожидаться, когда женщина сама покорится и придет к нему. И хотел получить подтверждение своим надеждам от месье де Бретеяля.

— Так вы думаете, она приедет?

Придворный низко кланялся, скрывая ненужную улыбку:

— Сир, мадам дю Плесси еще больна после ужасной катастрофы, случившейся во время путешествия.

— Ей вручили мое личное письмо? Не передавала ли она вам ответ для меня? Продолжает ли она упорствовать?

— Боюсь, что именно так, сир...

Король вздохнул. Его взгляд обратился к большой галерее. Увидит ли он когда-нибудь ее сломленной и покорной? Он сомневался. Перед мысленным взором короля возникла фигура молодой красивой женщины в целях, стоящей перед Версальским дворцом.

Глава 6

Анжелика легко бежала между деревьями. Она давно сняла туфли и чулки, листья шуршали под ее босыми ногами. Она должна где-то остановиться и внимательно прислушаться, но, думая о свободе, только счастливо смеялась и продолжала бежать. Было гак легко спуститься в винный подвал и найти маленькую дверь позади огромных бочек, ведущую к подземному коридору.

Потайной ход имел каждый уважающий себя владелец замка. Но, конечно, ход в Плесси не имел ничего общего с настоящим подземным коридором, ведущим из ее дома на рю де Бютерли в Париже через серию туннелей, выложенных камнем, прямо за город, к невзрачной часовне. Здесь был простой лаз с хорошо замаскированным входом в стене подвала, выводящий в густые заросли, окружавшие наружные стены замка.

Выбравшись из ямы, прикрытой истлевшим хворостом, маркиза сразу увидела солдат в красных мундирах, совершавших обход. Она была полностью скрыта от них, а солдаты и понятия не имели, что женщина, подлежащая неусыпному надзору, находилась в нескольких шагах от них и следила за ними. Потом она раздвинула ветви и направилась в сторону от замка. Вскоре Анжелика очутилась в настоящем лесу. Сердце ее успокоилось. Она была довольна успехом своего предприятия и тем, что силы снова возвращались к ней. После трудных горных дорог в Марокко прогулка по почерневшим листьям казалось детской забавой. Иногда лес прерывался полянами, поросшими высокой травой.

Уверенно двигаясь по прогалинам с приятным запахом свежей зелени, Анжелика добралась до Волшебного Камня друидов — колоссальной плоской плиты, лежавшей как стол на четырех камнях поменьше, в окружении вековых дубов. Маркиза медленно обошла вокруг него. Теперь она была полностью уверена, что не проиграет. Эта часть леса была ареной ее детских приключений с Волшебными Камнями, с холмами Трех Сов, пересекаемых Райской речкой, с полями Смерти, усеянными гранитными глыбами. Если хорошо прислушаться, отсюда можно было услышать стук топоров лесорубов, доносимый ветром. Люди из деревушки Гербар регулярно приходили сюда летом собирать ягоды.

Она пробиралась сюда когда-то по тропкам из Монтелю и потому была меньше знакома с дорогой через лес из Плесси, хотя часто бродила вокруг белого замка и пруда, теперь принадлежавшего ей. Отряхнув юбку

от травы и листьев и пригладив волосы, растрепавшиеся во время бега, она начала подниматься по высокой лестнице, вырубленной в скалах. Ступени были присыпаны песком и глиной, за ними много лет уже никто не ухаживал. Потом лестница перешла в узенькую тропу, ведущую к реке, шум которой слышался снизу.

Маркиза приподняла занавес из ветвей, закрывавший вход в пещеру. Она так и не смогла припомнить слова, которые должна была произнести при посещении капища. Внутри пещеры что-то двигалось, слышалось шарканье ног, а потом в полумраке возникло худое старушечье лицо, полубезумное, с коричневой сморщенной кожей и копной снежно-седых волос на голове. Старуха мигнула, когда узнала свою посетительницу.

Анжелика обратилась к ней на местном диалекте:

— Вы Мелузина, чародейка?

— Да. Что ты хочешь, милая?

— Я принесла вам еды. — И маркиза протянула пакет с куском сала, кулечками соли и сахара и двумя золотыми нонетами.

Старуха внимательно все рассмотрела, потом повернулась и скрылась в пещере. Анжелика последовала за ней. Скоро они дошли до круглой комнаты с земляным полом, слабо освещенной огнем очага, дым из которого уходил в щели наверху.

Молодая женщина села на камень, покрытый истертой шкурой, и стала ждать, как делала в прежние годы, когда приходила сюда советоваться с Мелузиной. Это была уже не та ведьма. Прежняя была старше и чернее, ее повесили на дубе крестьяне, обвинившие старуху в попытке навести порчу на сельских детей. Когда люди слышали, что в пещере появилась новая обитательница, они по привычке стали звать ее Мелузиной.

Откуда брались лесные ведьмы? Какие тропы приводили сюда несчастных почитательниц луны? Как они становились колдуньями?

Теперешняя ведьма, как говорили, была наиболее опытная и наиболее опасная из всех, ранее известных. Считалось, что она может насылать лихорадку и укрощать демонов, помещая их в орех. Если вы потом дадите такой орех своему врагу и он съест его, то, к вашей радости, у врага начнутся конвульсии. Единственным способом излечиться от порчи было паломничество к гробнице милосердной Девы Катины, где хранились и ногти девственницы.

Женщины, собиравшиеся стать матерями, хорошо знали дорогу к пещере. Приходили и мужчины, уставшие ждать естественной смерти старых дядюшек с большим наследством.

Знакомая с подобными слухами, Анжелика с нескрываемым интересом рассматривала хозяйку пещеры.

— Что же ты хочешь от меня, доченька? — через некоторое время спросила ведьма глубоким и ясным голосом. — Хочешь знать свое будущее или хочешь привязать кого-то к себе цепями любви? Или ты хочешь, чтобы я приготовила снадобье, которое сохранит тебе здоровье в твоих длительных путешествиях?

— Что вы знаете о моих путешествиях? — спросила маркиза.

— Я вижу большое пространство и палящее солнце. Дай мне руку, и я прочту по ней твое будущее.

Анжелика вежливо поблагодарила и отказалась.

— Я пришла спросить кое-что попроще. Вы знаете пути всех лесных жителей. Можете вы указать мне тайные укрытия людей, приходящих сюда молиться и петь псалмы вместе с крестьянами из соседних деревушек? Я хочу предупредить их об опасности, но не знаю место их встречи.

Ведьма даже присела от неожиданности и замахала черными руками:

— Зачем ты хочешь спасти заблудших детей тьмы? Ты, дочь яркого света? Предоставь этих людей своей судьбе!

— Но вы все-таки знаете, где они живут и где ходят?

— О, да! Как я могу не знать, если они всегда ломают мои ветки и топчут мои травы. Их приходит много, они крадутся как волки, а когда собираются вместе, то начинают петь. Животные пугаются, птицы прерывают щебет, а я от их песен сильно страдаю. Ты понимаешь, дочь моя, зачем те люди приходят в лес?

— Потому что их преследуют. Солдаты короля ищут их.

— У них есть даже главари, три охотника. Старший из них тверд как железо. Он — их великий вожак. Говорит он мало, но, когда говорит, кажется, словно он перерезает своим кинжалом горло врагу. Он всегда говорит о крови и вражде. — Ведьма придвинулась ближе к Анжелике, и та ощутила на своем лице ее горячее дыхание. — Слушай меня, малышка! Однажды вечером я следила, как они собирались между деревьями. Вожак говорил, стоя под дубом. Он смотрел в моем направлении, Не знаю, видел ли он меня, но я ощущала огонь его очей, так что мои собственные глаза начало жечь и я вынуждена была отвернуться. И это я, а я могу остановить взглядом дикого волка! Такая у него сила... Вот другие и являются по его зову и повинуются ему. У него большая борода. Он подобен дикому медведю, пришедшему к ручью отмывать окровавленную шкуру после того, как растерзал невинную юную девушку...

— Его зовут герцог де ла Мориньер, — улыбнулась Анжелика. — Он великий протестантский вельможа.

Имя патриарха ничего не говорило Мелузине. Она продолжала думать о нем как о диком медведе. Но скоро ее настроение изменилось. Внезапно она спросила:

— А почему бы мне действительно не отвести тебя? Он не оторвет от тебя глаз. Мужчина мужчиной и останется...

Анжелика не могла представить себя и герцога де ла Мориньера на дороге любви. У нее было совсем другое на уме, и она была обязана действовать быстро и решительно.

— Я пойду, пойду... — забормотала Мелузина. — Я стану твоим проводником, милая. Твоя внешность удивительна, ты безумно красива. Дай же мне твою руку!..

Что она прочла по руке? Она оттолкнула маркизу, ее глаза вспыхнули ярким огнем.

— Ты должна сюда приходить! Ты принесла мне соль и золото. Ты — моя сестра... Ты — моя дочь!..

Первая ведьма, с которой Анжелика говорила еще ребенком, вела себя подобным же образом, словно это она прежняя сидела на этом же самом месте, так же держала ее за руку и употребляла те же самые слова и выражения. Анжелику всегда интересовали ведьмы. Девчонкой она была уверена, что с помощью ведьмы в один прекрасный день она получит сразу здоровье, красоту и счастье. Но теперь она узнала, что можно владеть всем этим и не испытывать удовольствия.

Она посмотрела на свою руку в ведьминых когтях.

— Скажите мне, Мелузина, одержу ли я победу над королем? Удастся ли мне избежать его преследования? И еще скажите мне, найду ли я снова свою любовь?

Но теперь неожиданно запротестовала ведьма.

— Что я могу сказать, чего ты не знала бы о своем сердце?

— Вы отказываетесь объяснить мне то, что видели, только чтобы не расстраивать меня?

— Пошли, пошли! Человек с черной бородой, должно быть, уже ждет, — перебила ее ведьма, сняла со стены небольшую сумку и передала ее маркизе: — Здесь некоторые травы. Бросай их каждый вечер в кипящую воду, оставляй отвар на лунном свете и пей их с восходом солнца. Ты восстановишь утерянную силу, а твои груди станут тугими, будто наполненные молоком. Но вместо молока они нальются кровью молодости.

Женщины шли друг за другом. Ведьма не придерживалась тропинок.

Она находила дорогу по неприметным собственным знакам, Неба было не видно из-за ветвей, но иногда сквозь густую листву проглядывали яркие звезды.

Анжелика подумала о своем страже Монтадуре. Хватился ли он ее? Маловероятно. Он приходил только по утрам приветствовать ее: такой ритуал входил в его обязанность, вмененную месье де Мориласом. Ему было строго приказано не беспокоить узницу понапрасну, но видеть ее хоть один раз в день. Толстый капитан с удовольствием исполнял поручение, но холодные манеры Анжелики отталкивали его. Ее ледяной взгляд обрывал всякую попытку галантного разговора. Она видела, как он сглатывал непроизнесенные комплименты, крутя усы и звеня шпорами. И он уходил, приговаривая, что уезжает охотиться па еретиками. Каждый день после полудня он вскарабкивался на лошадь и вместе с отрядом всадников отправлялся затевать беседы на религиозные темы с жителями ближайших деревень. Иногда, возвращаясь, он притаскивал с собой какого-нибудь несчастного протестанта, чтобы лично заняться беднягой, и тогда в старом замке раздавались звуки ударов плети и жалобные крики.

Но, надеясь своей приверженностью к делам Господа Бога приобрести благосклонность маркизы дю Плесси, капитан совершал грубейшую ошибку. Она презирала его, и все его попытки заинтересовать ее своей хорошей работой оставались бесплодными. И когда сегодня утром вояка сообщил ей, что вечером надеется арестовать известного пастора из Женевы, о котором узнал от своих шпионов, обосновавшихся в замке Грандхир, где должен был остановиться пастор, она прислушалась и переспросила:

— Вы не ошиблись? Пастор из Женевы... Что он здесь делает?

— Он здесь для того, чтобы взбунтовать местных еретиков. К счастью, меня предупредили, что вечером он покинет лес, где встречается с проклятым Мориньером. Я устрою засаду, и если герцог окажется вместе с ним, что вполне возможно, я арестую заодно и его. Господин маркиз де Морилас знал, что делал, поручая мне такую работу. Поверьте, мадам, в следующем году в Пуату не останется ни единого протестанта!

После ухода капитана она поспала за ля-Виолетом, бывшим слугой Филиппа дю Плесси. Сделав ему знак приблизиться, она сказала:

— Мне известно, что ты принадлежишь к реформаторской церкви. Где прячутся герцог де ла Мориньер и его братья? Мы должны предупредить их. Они могут попасть в ловушку.

Лакей ничего не знал, но после некоторого колебания сообщил, что герцог иногда присылает ему записки, а он с тем же посланцем передает

информацию, которую ему иногда удается выведать у солдат. Но узнавать ему удается немного: Монтадур на деле оказался не таким уж дураком, каким выглядел, и хотя любил слышать звук собственного голоса, болтал не о многом.

— Не думаю, что сами солдаты знают о протестантском пасторе, о котором вы упомянули, мадам. Я готов поклясться, что и они не слышали о нем. Им ставят задачу в последний момент. Капитан очень подозрителен и скрытен.

Анжелика послала ля-Виолета в Грандхир предупредить хозяина замка и его жену. Но даже они не знали, где состоится встреча. Находящиеся вне закона часто меняли места своих встреч. Месье де Грандхир попытался сам отправиться в лес, но был остановлен отрядом драгун, «случайно» находившихся возле его замка.

Именно тогда Анжелика и вспомнила о Мелузине.

— Я пойду к ней и сама найду всех, кого мне нужно!

Она уже давно задумала совершить побег прямо из-под носа Монтадура, и теперь ее попытка увенчалась успехом.

Вдруг ведьма остановилась и подняла указательный палец:

— Слушай, дочь моя!

Поднимаясь над холмами, сквозь листву донесся неясный звук, похожий на завывание ветра. Но когда они приблизились, то уловили незатейливую мелодию: люди пели хором какой-то протяжный псалом. Протестанты собрались возле реки Вандеи, в большом овраге. Красные языки пламени сверкали сквозь ветви кустарников. Можно было различить только белые платки женщин и большие черные шляпы крестьян.

Потом какой-то человек выступил вперед к костру. По описанию ведьмы Анжелика без труда узнала герцога Самюэля. Его высокая костлявая фигура с длинной бородой выглядела весьма впечатляюще. Людовик XIV не любил, когда герцог приезжал в Версаль. Самюэль при дворе играл ту же роль, что и адмирал де Колиньи в прошлом столетии. Потом, попав в немилость, удалился от Двора в свои поместья, где жил и поныне.

В высоких сапогах, а черной одежде, перетянутой широким кожаным поясом, с кинжалом и длинном шпагой, в старомодной шляпе с пером, делавшей его похожим на самого Кальвина, герцог Самюэль де ла Мориньер был примечательным человеком. Он был ближе к прошлому веку, когда люди были грубее и безжалостнее. Он являлся неотъемлемой частью дикого ландшафта, и, когда повышал голос, эхо гор усиливало его, бросая Анжелику в дрожь.

— Мои братья, мои сыновья! Приходит день, когда после долгого молчания мы должны возвысить свои голоса и понять, что в угоду Богу мы теперь должны действовать. Откройте заветную Книгу. Что вы найдете в ней? «Бог пойдет вперед, как обычный мужчина. Он выступит против своих врагов. Враги будут стыдиться, что веровали в свои заблуждения...» — Голос его теперь гремел, и маркиза почувствовала, как холодные мурашки пробежали по ее спине. Она повернулась к ведьме и увидела, что та незаметно ускользнула.

— Но что мы сможем сделать против короля? — спрашивала колеблющиеся крестьяне, кланяясь герцогу.

— Все! Нас больше, чем людей короля, и Бог на нашей стороне. Бог не оставит нас. Он поможет нам в трудную минуту.

— Но король всесилен!

— Король далеко, и что он может предпринять, если целая провинция поднимется на свою защиту?

— Католики предадут нас.

— Католики так же боятся драгунов, как и мы. Они тоже обременены налогами. Но их немного, и у нас лучшие земли.

Дважды очень близко раскатисто прогремел гром. Анжелика вздрогнула. Над поляной нависла напряженная тишина. Она снова взглянула на вождя гугенотов и увидела, что он повернулся к ней. В отблесках пламени его глубоко посаженные глаза казались красными. «Глаза огня, — говорила ведьма. — Но ты сможешь смотреть в них...»

«Я должна, — сказала себе маркиза, прикусив губу. — Теперь идет моя последняя карта!..» Она понимала, что уже выбрала свой путь, отправившись на встречу гугенотов, чтобы спасти пастора из Женевы, и что ей нелегко будет повернуть назад.

Патриарх Самюэль де ла Мориньер был единственным человеком, способным разжечь в сердцах протестантов гнев против монарха. Ему уже исполнилось пятьдесят лет. Он был вдовцом, отцом трех дочерей и жил в своем поместье с братьями Хью и Ланселотом, Вся большая семья жила под руководством патриарха и проводила дни, молясь или охотясь. Прошло время, когда Мориньеры принимали гостей. Сейчас женщины говорили тихо и забыли про улыбки, а дети, чувствуя настроение воспитателей, забросили книги и учились лишь владеть оружием и охотиться.

Впервые увидев Анжелику, ее золотистые волосы, и услышав речь настоящей дамы общества, ла Мориньер сразу почувствовал, что она — человек страстный, такой же, как и он сам. Но была ли она готова принять

его предложения?

Глава 7

Человек, трубивший по вечерам в охотничий рог, получил указание Монтадура сегодня не трубить, поскольку дом Рамбурга находился совсем близко от Плесси, а капитан был уверен, что сумеет наложить свою тяжелую руку на плечи бедного дрожащего гугенота.

В молодости Анжелика и ее сестры частенько подшучивали над высоким парнем с выступающим адамовым яблоком, встречаясь с ним на ярмарках в соседних городках. С годами барон Рамбург отрастил длинные усы и завел постоянно беременную жену, за юбку которой всегда цеплялись малыши. Местные жители говорили, что семья стала несчастлива с тех пор, как рыцарь замка совершил попытку овладеть спящей красавицей. Семья стала еще беднее, когда стала придерживаться религии Кальвина. Исаак, последний представитель рода, жил в своей башне и трубил в рог. Все окрестные дворяне приглашали его на встречи, ибо он умел трубить разнообразно и изобретательно.

Но в последний год сеньоры стали редко встречаться. Католики и протестанты держались порознь друг от друга в своих землях и ждали окончания трудностей, вызванных появлением военных. Барон Рамбург был последователем герцога де ла Мориньера.

Герцог оказался человеком, умевшим заставлять окружающих соглашаться с собой. Анжелика поняла это, когда увидела вождя гугенотов, направляющегося к ней. В черной куртке, развевающейся по ветру, он казался даже более величественным на фоне вечернего звездного неба, чем в сумраке леса.

Они отошли к лесной окраине, где когда-то находился лагерь римлян и еще сохранились небольшие полуразрушенные постройки. Герцог уселся на каменный блок, его два брата встали рядом. Лагерь римлян являлся местом их регулярных собраний. В развалинах крестьяне-гугеноты прятали оружие и припасы. Отсюда они могли обозревать весь район и не бояться, что их застанут врасплох.

Герцог еще раз поблагодарил маркизу за то, что она сделала для женевского пастора. Ее поступок доказал, что барьер недоверия может быть преодолен, когда люди восстают против тирании правителей. Он хорошо знал, что она сильно пострадала от короля. Более того, разве она не находилась под стражей, как узник? Как мадам дю Плесси смогла добраться до них?..

Она объяснила, что воспользовалась подземным ходом и что, по всей вероятности, Монтадур ничего не подозревает о ее отсутствии. Было трудно не отвечать герцогу, когда он задавал вопросы. Его требовательный тон заставлял давать немедленные и точные ответы. Глубоко посаженные глаза его имели пронзительный прищур. Они были подобны двум золотым самородкам, и их яркость даже утомляла. Она невольно избегала его прямых взглядов, думая о ведьме, откровенно боявшейся этого слугу Бога.

Для встречи Анжелика надела платье, подобавшее ее рангу, — темное, но из дорогого сатина. Было нелегко проходить по узкой лесной тропе в корсете, сжимавшем талию. Лакей ля-Виолет, сопровождавший ее в пути, нес плащ. Он стоял неподвижно в нескольких шагах от нее, как и положено вышколенному слуге. Она хотела, чтобы беседа с герцогом шла на равных.

Сейчас она сидела на римском сиденье. Камень потемнел за прошедшие столетия. Красные кожаные туфли выглядывали из-под подола платья, несколотые волосы свободно перебирал ветер. С тяжелым сердцем она слушала властный голос.

— Что вы хотите от меня, герцог?

— Я хочу, чтобы все мы стали союзниками. Вы — католичка, а я принадлежу к протестантской церкви. Но мы можем стать компаньонами в неповиновении, соратниками в свободомыслии. Монтадур живет под вашей крышей. Следите за ним и передавайте нам все, что о нем узнаете. А ваши крестьяне-католики... — Он наклонился вперед. — Дайте им понять, что они на той же стороне, что и наши крестьяне, что они такие же граждане Пуату, и их реальными врагами являются солдаты, грабящие их. Напомните о непомерных налогах. Разве не жили бы они лучше под прямым управлением своих хозяев, чем работая на короля, заслуга которого заключается только в том, что, развязав войну, он присылает сюда армии иноземцев для прокорма...

Маркиза больше не могла выдержать его взгляда. Мысленно она уже видела, как неисчислимая армия крестьян поднимается на защиту своей свободы. Ведь она прекрасно знала, как деньги, заработанные тяжким трудом в провинциях, тратятся на праздники в Версале или на захватнические войны в Гаскони и Пикардии, как знать группировалась возле короля, пока их поместья грабились бесчестными управляющими, а армия отбирала у крестьян почти весь урожай — у гугенотов и католиков без различия.

Все это она давно знала, но слушала внимательно. Ветер становился резче и холоднее. Она откинула назад прядь волос. Ля-Виолет подошел с плащом, и Анжелика резким движением набросила его себе на плечи.

Затем она подняла взор на Самюэля де ла Мориньера.

— Да, я помогу вам. Но ваша война будет жестокой и кровавой. Чего ждать от пенья гимнов? Вы должны захватывать города, контролировать дороги и всю провинцию превратить в неприступную крепость. Необходимо перекрыть все пути с севера и с юга, поднять Бретань и Нормандию. Короля нужно заставить говорить с вами, будто вы тоже король, и вынудить принять все ваши условия...

Герцог был поражен страстностью ее речи. Он выпрямился, лицо его покраснело и глаза засверкали. Конечно, он не привык, чтобы так с ним говорила женщина, но сдержал себя и сидел, молча теребя конец длинной бороды. Он понял скрытую силу этой женщины, оказавшейся полной противоположностью беспечным созданиям, составляющим подавляющее большинство прекрасного пола. Он вспомнил слова своего отца: «Женщина вдвойне сильнее мужчины, когда возникает угроза ее домашнему очагу. Даже потерпев явное поражение, женщина никогда не признает себя побежденной...» — и глубоко вздохнул:

— Мадам, вы говорите верно. Вы правы, перед нами единственный путь. И если мы не примем его, нам останется только поднимать руки. Но будьте терпеливы, мадам, и помогите нам. И в один прекрасный день все будет так, как вы говорите. Я обещаю!

Глава 8

А потом новая волна преступлений прокатилась по провинции, и ненависть к красным драгунам разлилась как половодье. Все началось с того, что трех драгун нашли повешенными на перекрестке дорог. На каждом трупе висела табличка с надписью: «Поджигатель, грабитель, разрушитель. В назидание остальным!» Три трупа раскачивались на опушке леса, укрытия протестантов, как предупреждение тем, кто растаскивал провинцию. Лето украсило деревья богатой зеленью, и тела драгунов казались еще более жуткими среди цветущей природы.

Монтадур, кипевший от гнева, решил нанести протестантам ответный сокрушительный удар. Он пытал пойманных гугенотов, чтобы заставить их сказать, где прячется ла Мориньер. Потом, взяв с собой наиболее решительных людей, выступил в лес. После нескольких часов поисков в полной тишине, в темных густых зарослях храбрости их поубавилось.

Внезапный крик совы разорвал лесную тишь.

— Их сигнал, капитан! Они собираются напасть на нас!..

Драгуны сгрудились в кучу, со страхом озираясь на темные стволы деревьев. Выбравшись из леса, некоторые из них пали на колени и пообещали поставить свечу благодарности в ближайшей церкви. Экспедиция вернулась домой с пустыми руками: вожди гугенотов были заранее предупреждены.

Монтадур не мог даже предположить, что его узница имеет отношение к военным делам. Теперь она приходила и беседовала с ним, а однажды даже согласилась отобедать за одним столом. Капитан полагал, что маркиза скучает и что его галантность начинает давать плоды. Его охватила радость завоевателя, и он стал ощущать себя поэтом. Если бы только не было здесь проклятых еретиков, портивших столь приятную службу!

Он попросил помощи у маркиза де Мориласа, объяснив, что не может одновременно сторожить мадам дю Плесси и справляться с вылазками гугенотов. Прибыл еще один полк и разместился возле Сен-Мейксента. Лейтенант де Рене сообщил, что не может расквартироваться в городке, потому что вооруженные гугеноты контролируют обе дороги и реку Севр и он может оказаться захваченным ими.

Монтадур громко выругался. О чем думает лейтенант? Что протестанты не будут больше заниматься террором? Рене просто не

понимает, что говорит. Необходим визит самого Монтадура.

Монтадур решил, что отряд де Рене необходимо передвинуть немного выше по реке, ближе к селению Партеню. Солдаты становились все более нервными и менее послушными. Часто, сжигая урожай гугенотов, они не могли сдержать пламя, и огонь перекидывался на поля католиков. Ни один из крестьян не дал бы добровольно и зернышка для драгун. Они вели себя все одинаково, как гугеноты, так и католики: куда ни повернись, везде сверкали алчные глаза волков — солдат и сборщиков налогов. Все они происходили от одного корня, жители Пуату.

— Посылайте нерадивых работников ко мне, — говорила маркиза. — Я поговорю с ними хорошенько!

И в замок приходили многие крестьяне. Заезжали и многие соседи-католики. Господин де Кройси с радостью выполнял приказы женщины, в которую столько лет был тайно влюблен. Месье и мадам Фейморан, Сен-Обин и Мазэ также навещали Анжелику. Среди ближайшей знати создалось своеобразное общество.

Монтадур находил всех гостей просто очаровательными. Он докладывал губернатору Мориласу, что мадам дю Плесси помогает ему установить взаимопонимание с населением провинции. Капитан ловил себя на том, что ему все труднее уезжать по делам от женщины, с каждым днем относящейся к нему благосклоннее и приветливее.

Анжелика, полностью восстановившая свою былую красоту, снова получала удовольствие, надевая элегантные платья. Она стала сама распоряжаться слугами и горничными. Зелье ли ведьмы было причиной появления румянца на щеках и блеска в волосах? Ее тело наполнилось молодой силой, а душа — страстностью. Снова она чувствовала, как в ней растет упорство, — как бывало всегда, если приходилось решать трудные задачи.

Наступило лето, но сенокосные работы часто прерывались. Драгуны за волосы тащили женщин к мессе, а если те сопротивлялись, то с удовольствием разрывали на них одежду. Крестьяне защищались от грабителей с вилами в руках.

Пламя восстания постепенно разгоралось.

Глава 9

Герцог де ла Мориньер поддерживал связь с Анжеликой при помощи сокола, сидевшего сейчас на руке ля-Виолета, защищенной рукавицей из толстой бычьей кожи. Птица принесла записку. Встреча была назначена в пещере у ручья, маркиза должна прийти одна. Такое требование не испугало ее, оно было даже заманчиво. Узнал бы Монтадур свою элегантную узницу, увидев женщину в короткой обтрепанной юбке?

Анжелике нравилось ходить при слабом свете луны. Листья орехов были похожи на россыпи бриллиантов, а дубовые отливали серебром. Не чувствуя никакого страха, она бежала через лес, хотя здесь водились волки и, по слухам, даже медведи. Лес пугал маркизу меньше, чем человеческое общество, ранившее ее в самое сердце.

Однако на месте встречи радость покинула ее. Она стала оглядываться вокруг, разыскивая взглядом приближающихся гугенотов. Теперь она уже слышала их шаги, разбирала приглушенные голоса и видела красные шапки. Вначале герцог приходил с братьями, а потом стал появляться совсем один, что вызывало у нее неприятное чувство.

Когда де ла Мориньер был один, он не приносил с собой факела. Казалось, он видит в темноте и отлично знает все лесные тропинки. Он выходил из зарослей весь в черном, сапоги стучали по сухой земле, и только бледная луна освещала место встречи. Анжелика испытывала волнение, которого сама не могла понять. Голос патриарха был заметно приглушен, но горящий взор проникал в самую глубину ее души. Что-то в этом человеке отталкивало ее, он был ужасен, но как женщина она несколько не боялась его.

Муль аль-Рашид любил женщин, и ему нравилось приручать их. Он ценил женское очарование, красоту и кокетство. Маленькая ручка с накрашенными ногтями могла покорить «Льва Пустыни».

Для герцога де ла Мориньера все женщины были плохи. Еще в Версале он был знаменит своими высказываниями против кокетства и не замечал, что его собственная жена безобразна. Овдовев, он больше не женился и даже не встречался с женщинами. Возможно, одинокая жизнь в лесу помогала ему контролировать свой горячий темперамент. Он сознательно избегал женщин и дивился, что Создатель дал им место под солнцем.

Анжелика быстро раскусила его взгляды, и они раздражали ее. Но она

нуждалась в силе герцога, если хотела противопоставить себя королю. Однако не могла не чувствовать вины перед Богом и Святой Девой, которую считала с детства своей первой заступницей, за то, что вступила в союз с гугенотом.

Их антагонизм выплеснулся однажды ночью, когда они вдвоем пробирались к развалинам через вершину холма. Пастор из Ниорта, путешествующий морем, ожидал герцога, и Анжелика согласилась сопровождать священника на встречу. Луна ярко светила на безоблачном небе, лес был безмолвен.

Вскоре они очутились возле нейльского аббатства. Анжелика еле сдерживала громкое дыхание. Удивительно красива была картина, открывшаяся перед ними. Ее охватили воспоминания: ночь, что она провела в аббатстве, когда была девушкой, брат Жан, избавивший ее от сомнительного внимания брата Тома, отведя в свою келью, где было безопасно... Жан смотрел на нее, и его глаза сияли: «Твое имя Анжелика, Анжелика — дочь Ангела! — И старый монах показывал ей шрамы на своем теле: — Смотри! Смотри, что сатана сделал со мной!..» Неистовство мистической ночи снова вернулось в ее сердце.

Ла Мориньер заговорил, и его голос был полон ненависти:

— В один из дней огонь небес поразит стены Нейля, и от них не останется камня на камне! И земля опустеет...

Анжелика с негодованием повернулась к нему:

— Молчать, еретик! Как я ненавижу вашу презренную секту!

Женский крик эхо вернуло обратно, и внезапно ее охватил ужас, сердце наполнилось сознанием бессильной ненависти. Герцог приблизился вплотную, так что она слышала его дыхание. Он грубо взял ее за плечо, сдавив его как клещами. Горло перехватило, она пыталась вырваться, но не сумела. Он оказался в опасной близости, а она была вынуждена оставаться неподвижной, ощущая мужской запах войны и охоты.

— Что вы сказали, мадам? Вы нас ненавидите? Какая разница, вы все равно будете продолжать помогать нам. Кстати, мадам, вы ведь не предадите нас?

— Я никогда никого не предавала, — гордо ответила маркиза.

Однако силы ее были на исходе, ноги дрожали, и она еле сдерживала слезы. Она боялась, что упадет в обморок, но все же заставила себя избавиться от руки, лежащей на ее плече.

— Оставьте меня, — произнесла она. — Вы меня пугаете!

Пальцы разжались, и герцог убрал руку.

Анжелика отпрянула. Теперь сердце ее гулко стучало. Она боялась

его, но так же она боялась погрузиться в безмолвную темноту леса. Стало холодно, и она поплотнее закуталась в свой плащ.

— Крестьяне! — закричал герцог. — У кого найдется хлеб и сыр?

Вскоре они сидели за столом в задымленной хижине. Жена хозяина поставила перед ними кувшин с молоком и принесла блюдо горячих бобов с жареной свининой. Полуголые дети, сверкая черными глазенками, наблюдали, как ели длиннородый мужчина и женщина с золотыми волосами.

Анжелика иногда бросала на герцога косые взгляды. Его широкие плечи напоминали ей Колена Патюреля. Но Колен был человеком из утраченного рая, а герцог наверняка вышел из самого ада, из темноты и зла.

— Он прошел прямо к дверям вашей спальни, — шептала маленькая служанка, когда маркиза вернулась в замок Плесси.

— Кого ты имеешь в виду?

— Нашего Гаргантюа. Он стучал и звал... Но вы не отвечали.

«Причина была очень простая!» — подумала она.

Капитан Монтадур явился и следующей ночью. Он звал:

— Маркиза!.. Маркиза!.. Откройте!..

Его руки шуршали по двери, и она слышала скрип пуговиц мундира о дерево. Она приподнялась в постели. Стенания Монтадура у ее дверей ночью скорее забавляли, чем пугали. Разумеется, бояться должен был именно он. За дверью была подозрительная тишина, и он вполне мог поверить в истории, рассказываемые слугами, будто их хозяйка превращается ночами в лань и убегает в лес.

Яблоки на деревьях уже налились, а три брата де ла Мориньер по-прежнему разъезжали по провинции. Движение протестантов приобретало непредвиденные размеры.

«Оставайтесь на месте, — писал де Морилас капитану Монтадуру. — Район, где вы находитесь, является главным оплотом всего сопротивления. Попытайтесь заполучить вожаков... Непрестанно следите за персоной, порученной вашему надзору. Я замечаю, что противостояние возрастает, и она может иметь к нему непосредственное отношение...»

А сам губернатор провинции расположился во главе королевских войск на севере Пуату. Четыре протестантские деревни, где жители возмутились поведением солдат, сгорели дотла. Людей, которых удалось поймать, повесили. Остальные пополнили ряды герцога ла Мориньера.

Опубликовали новый королевский эдикт, гласящий: «Категорически запрещается оказывать помощь женщинам-еретичкам, давать им пищу, огонь и воду и оказывать другие человеческие услуги...» Женщин и детей собрали вместе и погнали, как скот, куда-то на юг.

Теперь отряды губернатора охотились за протестантами в центральных районах Пуату. Столкнувшись со значительными силами, собранными братьями ла Мориньер, они привлекли на помощь милицию и гарнизон города Брещура. Однако, вступив в этот городок, немногочисленные правительственные войска нашли его практически пустым. Кстати, месье де Мориласу донесли, что армия герцога де ла Мориньера побывала здесь накануне и разъезжала по улицам с криками: «Город сейчас будет захвачен дьяволом!..» Он был вынужден признать, что в провинции начинается гражданская религиозная война, и направился в Плесси посоветоваться с Монтадуром. Из лесных зарослей гугеноты наблюдали, как длинная серая колонна военных, вооруженных пиками и мушкетами, двигалась по дороге.

На следующий день основные силы военных ушли, оставив Монтадуру лишь небольшой отряд. Недовольство местных жителей, протестантов и даже католиков, отказывавшихся давать солдатам вино и хлеб, встречавших их градом камней, не на шутку пугало губернатора. Он не мог оставить в Плесси всех своих солдат, опасаясь спровоцировать еще более активное сопротивление. Он отвел их обратно в Сен-Мейксент, а сам отбыл в Париж, чтобы обсудить с военным министром, какие меры следует предпринять, чтобы не допустить начала религиозной войны, грозящей свергнуть всю страну в кровь и разрушения.

Глава 10

Анжелика вскочила и, не обращая внимания на ветки, хлеставшие по лицу, рванулась вперед.

— Вы нарушили наше соглашение! — закричала она ла Мориньеру.

Он только что появился возле Волшебного Камня, весь в черном, олицетворяя в ее представлении дьявола. И чем больше она на него смотрела, тем злее и решительнее становилась.

— Вы предатель, герцог! Вы обманули меня! Вы заключили союз с нами, католиками, только чтобы потом более эффективно уничтожить их. Вы человек без чести! Вы...

Она замолчала от оглушительной пощечины.

Полная луна висела над вершинами дубов, качавших ветками перед ее глазами. Чтобы не упасть, она прислонилась к толстому шершавому стволу. В голове гудело.

— Вы ударили меня?!

Жесткая усмешка появилась на губах патриарха.

— Так я угощаю бесстыдных женщин. Никогда женщины не отваживались говорить со мной в подобном тоне!

Чувство оскорбленной гордости подсказало Анжелике единственный способ пробить толстую шкуру старого фанатика:

— Женщины? Я не могу представить себе ни одной, пожелавшей заняться любовью с дьяволом, на которого вы похожи!..

Она прикусила язык, увидев его реакцию. Он схватил ее за руки и начал трясти, крича в исступлении:

— Заниматься любовью? Кто говорит о любви? Лживое создание!

Он с безумной силой прижал ее к себе, горячее дыхание обожгло ей лицо. Теперь она поняла, почему всегда инстинктивно боялась его — он в любую минуту может убить человека, она может умереть в его руках. Он как убийца способен безжалостно задушить ее или перерезать горло. А надгробный камень стоит наготове...

Тем не менее она отчаянно боролась, пытаясь освободиться. Ее страх вызвал в нем другое чувство, граничащее с примитивным желанием. Эротическое бешенство, исходившее от мужчины, парализовало Анжелику... А потом она лежала на спине, из ее горла вырывалось хриплое дыхание, а глаза жмурились от лунного света. Движения стали бесцельными, она забыла, кто он... Голова бессильно откинулась назад, и

женщина почувствовала холод сырой земли своей обнаженной спиной.

Однако в момент, когда она уже теряла сознание, ее мозг, охваченный безумным видением, внезапно освободился от галлюцинаций, в которые поверг ее дьявол. Она дико вскрикнула, нечеловеческим усилием высвободилась из железных объятий, вскочила на ноги и помчалась среди деревьев, не выбирая дороги.

Долго бежала она, подгоняемая ужасом. Инстинкт вел ее по темным тропинкам, где так часто ходила она за последние месяцы. Она ни разу не сбилась с пути, хотя временами останавливалась, чтобы прижаться головой к какому-нибудь дереву: ей хотелось передать свою ненависть лесу, одинаково принимавшему псалмы гугенотов, преступления разбойников и вой волков.

Анжелика переживала отчаяние ребенка, брошенного близкими. Глубокой ночью она добралась до замка. Дважды издала крик совы, механически прижав руки к губам. С верхушки башни донесся ответ — слуги оставались на страже.

Мальбран стоял в подвале у входа в коридор со свечой.

— Такая жизнь не может больше продолжаться, мадам. Ночные хождения по лесу — просто безумие. В следующий раз я пойду с вами и возьму оружие. — Старый слуга, должно быть, заметил беспорядок в ее одежде и следы слез на щеках, которые она так и не успела стереть.

Анжелика выпрямилась, стараясь вернуть свое обычное выражение лица, и полезла в карман за носовым платком.

— Хорошо. В следующий раз кто-нибудь пойдет со мной. Скорее всего ля-Виолет, для тебя в лесу слишком сыро. — Выбравшись из подвала в притихший дом, она заставила себя улыбнуться: — А тот боров спит? — и указала в направлении спальни капитана.

В своей комнате она сбросила порванную одежду и помылась, все еще чувствуя тиски рук вождя гугенотов и ощущая кожей грубое тепло его шершавых ладоней. Взяв кувшин холодной воды, она вылила его на свое обнаженное тело, а потом надела купальный халат и причесала волосы. Мысль о том, что произошло в лесу, теперь никогда не оставит ее, дополнив воспоминание об отвратительном случае, который пришлось пережить на брига д'Эскренвилля. «А я думала, что все худшее уже позади», — сказала она себе, вернулась в спальню и поставила свечу перед зеркалом.

Присев к туалету, внимательно изучила свое лицо и изменения, произошедшие с ним за последние несколько недель. Щекам вернулась прежняя округлость, глаза перестали казаться ввалившимися, а губы снова

стали яркими и полными. От прошлого осталась лишь трагическая тень, и она снова выглядела молодой девушкой. Теперь она больше не фаворитка, она — королева!

«А что, если все-таки будет хуже?»

Как станет выглядеть ее новое лицо под версальской косметикой? Анжелика принялась за кремы и пудру, хранившиеся в маленьких баночках, вынула сандаловую шкатулку с изумрудами, принадлежавшими ее матери, и механически открыла крышку.

В памяти замелькали эпизоды ее жизни, полной приключений, когда она стала перебирать лежавшие в коробке сувениры: зубочистку, принадлежавшую поэту, кинжал Родогона, ожерелье женщин из рода дю Плесси де Бельер. Ее первое обручальное кольцо пропало еще во Дворе Чудес, украденное, как она подозревала, самим Николя Каламбреном. Да, ей пришлось пройти невероятно трудную дорогу с тенью и солнечным светом, чередующимися с тех пор, как она волей короля стала вдовой без имени, прав и состояния. И было ей тогда всего двадцать лет... Позднее, после ее замужества с Филиппом, она несколько лет провела при Дворе в роли важной дамы, всегда торопящейся с одного приема на другой. Но, вспоминая интриги и ловушки, подстерегавшие ее на каждом шагу, она не испытывала сожаления по тем, прошедшим временам.

Разрыв с королем поверг в хаос ее душу. Что же ей говорил в свое время Осман Фераджи?

— Сила, которую Создатель вложил в вас, не позволит вам остановиться, пока не найдется место, могущее успокоить вас.

— Где же место, о котором вы говорите, Осман-бей?

— Я не знаю. Но до того момента, когда вы достигнете его, вы будете разрушать все, лежащее на пути, не считаясь ни с жизнями окружающих вас людей, ни со своей собственной жизнью.

И вдруг она почувствовала непреодолимое желание снова увидеться с Самюэлем де ла Мориньером. Она должна встретиться с ним! Анжелика начала проклинать его о душе, чувствуя, что снова окажется побежденной его волей. Он был по крайней мере лет на двенадцать старше, еретик, без чувства юмора, мрачный и жестокий. Но мысли о нем преследовали ее, и она заглядывала в свое сердце, пытаясь понять, действительно ли он обладает сверхъестественной силой, так напугавшей ее. А когда она вспомнила о конкретных событиях, произошедших в течение их схватки, горло перехватило и кровь прилила к щекам.

Кончиком пальца Анжелика набрала крема из баночки и принялась втирать в виски. Зеркало, чистое, как вода в лесном озере, отражало свет,

идуший от копны ее золотистых волос. В его слабом сиянии появились неясные очертания, постепенно ставшие более четкими и оказавшиеся усами капитана Монтадура.

Вероятно, он прокрался к ее двери, повернул ручку и, к своему удивлению, обнаружил, что дверь открылась. Ощущение триумфа смешивалось со страхом, когда он вступил в спальню, освещенную единственной свечой, и увидел Анжелику, сидящую перед зеркалом туалета. Длинная ночная сорочка не скрывала совершенства ее фигуры. Волосы спадали на плечи, голова слегка наклонилась вперед, а пальцы втирали крем в кожу.

Он подошел ближе. Анжелика повернулась и вскрикнула:

— Вы?! Вы здесь?

— Разве вы не были так добры, моя красавица, оставив дверь незапертой? — От него пахло потом, глаза вылезали из орбит, и по лицу блуждала похотливая улыбка. Он был сильно пьян, руки его заметно дрожали. — Разве вы и так не держали меня в стороне слишком долго, моя красавица? Но теперь вы должны быть совсем доброй. Мы сможем отлично провести время вместе!..

Его речь была не самой изящной, и он знал это. Он вообще не умел произносить красивые слова, а поведение его было просто вульгарным. К тому же он решил перейти прямо к делу и схватил ее обеими руками. Анжелика отпрянула назад, опрокинув банки с косметикой, звонко раскатившиеся по каменному полу. Мужские цепкие руки настигали ее всюду где бы она ни оказалась. Руки короля, наемных солдат, гугенота и многих других. Всегда руки и мужские тела над ней... Она схватила цыганский нож Родогона и выставила его перед собой:

— Убирайтесь, или я заколю вас как свинью!

Капитан отступил на пару шагов, его глаза округлились, он на мгновение протрезвел.

— Что... как?.. — забормотал он. — И вы сможете?.. Вы?.. — Его взгляд переходил со сверкающего лезвия на блестящие глаза женщины: — Здесь какое-то недоразумение...

Потом он повернулся и увидел слуг, возникших у двери. Мальбран стоял с обнаженной шпагой, лакеи — с палками, и даже повар в белом колпаке — с ножом для рубки мяса.

— Вам что-нибудь здесь нужно, капитан? — спросил старый слуга мрачным тоном.

Монтадур бросил взгляд на открытое окно, потом на дверь. Что, черт возьми, здесь делают эти люди с жуткими взглядами?

— Убирайтесь! — заорал он.

— Мы выполняем приказы только нашей хозяйки, — иронически возразил Мальбран. Ля-Виолет спокойно подошел к окну и плотно закрыл его. Теперь любая попытка Монтадура позвать на помощь стала бессмысленной. Он понял, что ничто не помешает им убить его. Солдаты ночевали вне замка, и их оставалось только четверо. Остальные отправились в соседнюю деревню, где, по слухам, объявилась новая банда протестантов. Лицо вояки покрылось испариной, он схватился за свою шпагу.

— Выпустите его, — произнесла властно Анжелика и с улыбкой добавила: — Капитан Монтадур мой гость. И если он будет вести себя, как подобает гостю, с ним здесь ничего не случится.

Гаргантюа вышел из спальни. Он привел в замок всех солдат, но больше не чувствовал себя в безопасности в этой Богом забытой дыре. Гнездо отъявленных бандитов под руководством невероятно опасной женщины!

Тишина нарушалась теперь лишь стуком его собственного сердца, наполненного ужасом и дурными предчувствиями. Монтадур заложил на ночь дверь своей спальни, обычно вообще не запиравшейся, громадным дубовым засовом.

Глава 11

Два изящных силуэта в черной одежде появились на пороге.

— Флоримон! — воскликнула Анжелика, не веря своим глазам: — Флоримон!.. Отец де Ледигер!

Улыбаясь, они подошли к ней. Флоримон опустился на колени и поцеловал руку матери. Священник сделал то же самое.

— Но почему? Твой дядя сказал...

Вопросы один за другим срывались с ее губ. После сильного удивления она почувствовала себя совершенно разбитой.

Священник объяснил, что когда он услышал о возвращении мадам дю Плесси, то попросил разрешения у маршала де ла Форса уехать и, как только освободился, отправился в Пуату, заехав по пути в монастырь в Клермоне, чтобы повидать Флоримона. Отец Раймонд де Сансе был только рад передать ему своего ученика, и теперь они отправились вместе, так как племянника чуть было не отослали в Пуату совершенно одного.

— Но почему? — повторяла Анжелика. — Брат писал, что...

Аббат де Ледигер в смущении опустил глаза.

— Я полагаю, что Флоримон не удовлетворял их желаниям и был просто исключен из монастырского класса.

Взгляд Анжелики перешел со священника на лицо сына. Она с трудом узнавала его. И в то же время это, без сомнения, был Флоримон. Мальчик красив, как женщина. Ему уже двенадцать! Скоро он дорастет до ее плеча. Флоримон встряхнул длинными волосами, и она поняла, почему была так поражена, впервые увидев его. Он все более походил на своего отца: тот же профиль, те же полные губы. Лицо Жофрея де Пейрака, если не считать отсутствия шрамов. Волосы Флоримона стали еще гуще, чем прежде.

Что случилось? Она не поцеловала его, да и он не потянулся к ней с распростертыми объятиями, как делал обычно.

— Вы оба пропылились, — заметила она. — Вам надо помыться.

— Да, разумеется, — ответил священник. — Мы заблудились и сделали крюк по крайней мере на двадцать миль в сторону. Около Шампденира нас остановила банда гугенотов, которым не понравилась моя ряса. Флоримон смягчил их, упомянув ваше имя, и они позволили нам проехать. Потом мы наткнулись на настоящих разбойников, решивших нас ограбить. К счастью, я захватил с собой старую шпагу... Провинция оказалась беспокойным местом!

— Пойдемте перекусим, — сказала Анжелика, — обед готов.

Слуги были поблизости. Они обрадовались, что молодой хозяин, долго живший в Плесси, снова дома. Они накрыли стол.

— Без сомнения, вы удивлены, мадам, тем, что я ношу шпагу, — продолжал священник. — Но месье де ла Форс не может видеть ни одного благородного человека без шпаги, даже если он священник. Он добился разрешения архиепископа Парижа на ношение шпаги священникам, имеющим на нее право по происхождению...

Пока путешественники ели, Анжелика подошла к окну прочитать письмо отца де Сансе, переданное с Ледигером. Оно касалось Флоримона. Брат писал, что ребенок не добился успехов, несмотря на все усилия наставников. Он не расположен к учебе и лишен элементарной интеллигентности. Он отлынивал от занятий и предпочитал общество лошадей на конюшне урокам богословия и математики. Его отношение к дисциплине было просто нетерпимым... Письмо обрывалось почти на полуслове и не содержало никаких дальнейших объяснений.

«Я знаю, что это значит!» — подумала она.

Подняв глаза, она увидела, что деревья леса уже стали золотыми, а кусты — кроваво-красными. Пришла осень.

Все слова брата являлись только предлогом. Флоримон никогда не покинул бы монастырь иезуитов без указания короля. Она стремительно подошла к молодым людям и обратилась к священнику:

— Вы должны немедленно уехать отсюда, никогда не возвращаться и не привозить сюда Флоримона! Так нужно!..

Мальбран вошел в комнату и быстро пресек протесты аббата:

— Мой мальчик, что стало с вашей хорошей шпагой? Она совсем затупилась! Но мы наточим ее... Я был уверен, что вы когда-нибудь вернетесь.

— Мадам, — заговорил священник, — я могу быть вам полезен. Я научу Флоримона латыни, а вашего младшего сына — читать и писать. Я буду служить мессу в вашей часовне и могу выслушивать исповеди ваших слуг...

Странно, что он так мало понимает, но выражение его глаз выдавало секрет. Она видела в них слезы, которые он напрасно пытался скрыть. Ведь он думал, что Анжелика исчезла навсегда, а теперь снова увидел ее живой и здоровой... Но разве он так и не видит, как она изменилась?! Что она отмечена немилостью самого короля?!..

— Служить мессы, — повторила она. — Вы, должно быть, сошли с ума, милый аббат. Мой дом полон военных. Я здесь узница.

Она говорила тихим голосом, лицо ее сделалось мрачным.

— Вот еще одна причина, по которой мне следует именно здесь служить мессы, — вежливо возразил он, взял руку маркизы, и его красивые глаза наполнились мольбой.

Она отвернулась, внезапно ослабев, и вдруг сдалась:

— Очень хорошо! Вы останетесь... И будете служить мессы. В конце концов, это может быть полезным для всех нас!

Наступил сезон возвращений домой.

Двумя днями позже Флино, служивший у вельможи, нанявшего его в Легорне, вернулся из Италии, Ему потребовалось шесть месяцев для путешествия. Кожа его покрылась загаром, плечи раздались.

— Почему ты не возвратился в Париж? — спросила Анжелика.

— Я был в Париже, расспрашивал о вас, узнал, что вы вернулись в поместье, и снова пустился в путь. И вот я здесь.

— Но почему же ты не остался в Париже? — настаивала она. — Умный парень вроде тебя легко может там найти хорошую работу.

— Я предпочитаю служить вам, мадам!

— Но я не смогу обещать тебе удачи. Я на плохом счету у короля. А ты всегда принадлежал Парижу и чувствовал себя там как дома. Не забывай, что ты из Двора Чудес!..

— Куда же мне идти, мадам? Вы были единственной семьей, в которой я служил, были мне почти матерью и однажды спасли меня от избиения или даже смерти. А если я вернусь в Понт-Неф, то, скорее всего, снова намну срезать кошельки...

— А я-то надеялась, что ты избавился от вредной привычки!

— Тут совсем другая история, — возразил Флино. — Парень вроде меня имеет натренированные руки и с честью выдержал экзамен — иначе как бы он остался в живых во время путешествия?.. Когда мы были детьми, во Дворе Чудес жил старик, отец Херлеро, он говорил нам каждое утро: «Мне совсем не нравится ваша основная работа, воровство мне не по душе. Я не против выполнять для вас определенные услуги, но предпочитаю оставаться у вас на службе...»

— Ну, если так, ты можешь оставаться, Флино, добро пожаловать в Плесси. Мы с тобой многое пережили вместе.

В тот же самый вечер еще один незнакомец подошел к воротам замка. Служанка передала Анжелике, что какой-то мужчина хочет повидаться с ней и что он от ее брата Гортрана. Маркиза почувствовала, как румянец сползает с щек, и дважды переспросила имя поручителя. Мужчина был в кухне, стоял перед открытым коробом и соблазнял служанок лентами,

иголками и румянами.

— Правильно ли я поняла, что вы будто бы пришли от имени моего брата Гортрана? — дрогнувшим голосом спросила Анжелика.

— Да, госпожа. Ваш брат, наш товарищ по мастерству, передал мне кое-что для вас, когда я начал свое путешествие по Франции. Он так и сказал: «Когда ты будешь проходить по Пуату, найди замок Плесси, попроси встречи с его хозяйкой и вручи сверток от ее брата Гортрана...»

— Как давно вы видели моего брата?

— Более года назад, мадам.

Ответ объяснил все. Рассказывая о путешествии по Бургундии и Провансу, о долгой остановке на Пиренеях и на берегу голубого океана, он вытащил круглый кожаный пенал, открыл его и достал холст, старательно завернутый в мягкую ткань.

Анжелика взяла подарок и велела слугам позаботиться о коробейнике, заверив его, что он может оставаться под ее кровом столько, сколько пожелает.

Оказавшись в своей комнате, она сняла ткань с холста и развернула его. То был замечательный портрет трех ее сыновей.

Кантор стоял впереди, но не с лютней, как обычно, а с гитарой, новым модным инструментом, одетый во все зеленое. Художнику удалось передать выражение его глаз: «Я буду жить всегда», — как бы говорили они.

Флоримон был одет в красное. Его черные волосы ниспадали на плечи. Шарль-Анри с кудряшками стоял посредине, совсем еще ребенок, в белом платье, как ангелочек. Он держал Кантора и Флоримона за руки, но почему-то казалось, что оба они не ощущают его прикосновения. Твердость их поз имела какое-то символическое значение. Чувствовалось, что художник хотел показать разницу между сыновьями графа де Пейрака и сыном маркиза дю Плесси, удивительно красивым, но обособленным от старших.

Ее сердце переполнилось чувством любви, она долго вглядывалась в лицо ребенка. «Я знаю, на кого он похож, — внезапно поняла она. — Он похож на мою бедную сестру Мадлен!..» И, глядя на портрет, маркиза от всего сердца понадеялась, что тучи пронесутся стороной, произойдет нечто, чего она пока не может предвидеть, но тем не менее очень хорошее.

Флоримон никогда не задавал ей никаких вопросов. Он принял как должное факт, что солдаты заняли поместье, а их капитан по-хозяйски расположился в доме его матери.

С той ночи, когда слуги Плесси до смерти напугали Монтадура, его

обуревали бессильный гнев и черный страх. Иногда он исчезал на несколько дней, оставляя замок под наблюдением своего лейтенанта, чтобы устроить очередную охоту на гугенотов. Но они прятались в лесах, а драгуны двигались только по хорошим дорогам. Тогда Монтадур вешал первого попавшегося крестьянина, и им нередко оказывался католик.

Капитан много пил и часто перебирал. В такие минуты его темное лицо покрывалось потом и его охватывал внезапный приступ неконтролируемого гнева. Тогда он начинал размахивать длинной шпагой, а подчиненные прятались по углам.

Он постоянно чувствовал на себе внимательные взгляды слуг и иногда слышал смех маленького Шарля-Анри, когда Барба приносила его специально посмотреть на забавное зрелище. Тогда Монтадур начинал ругаться.

— Проклятая девчонка! — кричал он, глядя вверх, не способный одолеть даже одной ступеньки лестницы. — Я знаю, ты убегаешь ночами в лес, к мужчине, вот что...

Анжелика была недовольна. Откуда он знает, что она уходит в лес? Речь капитана обычно заканчивалась бессвязным бормотанием и разными упоминаниями о колдовстве. Но однажды, когда, в очередной раз напившись, вояка вел себя подобным образом, он почувствовал сильный толчок пониже спины и, повернувшись, увидел Флоримона, державшего в руке обнаженную шпагу.

— Ваши замечания относятся к моей матери, месье? — спросил подросток. — Если так, прошу вас дать мне удовлетворение!

Монтадур выругался и попытался защищаться от мелькающего острия шпаги. Однако из-за выпитого вина его глаза видели только темную двигающуюся массу. Проклятый волчонок!.. В следующую секунду его рука была ранена, и он уронил шпагу на пол. Капитан позвал на помощь своих людей, и Флоримон отступил.

Когда руку перевязали, Монтадур несколько остыл. Он понимал, что находится в критической ситуации, что подкрепления ждать неоткуда, а письма, отправляемые им господину де Мориласу, скорее всего просто перехватываются.

Если не считать этого случая, Флоримон, каялось, совсем не осознает создавшегося положения. Он часами фехтовал со старым Мальбраном, охотился на птиц, сажал Шарля-Анри на плечи и носился с ним по замковым коридорам. Странно звучал тогда в тишине дома их веселый смех. Иногда Флоримон брал брата с собой в седло и ездил на лошади по окрестностям, совершенно игнорируя солдат, останавливавших его и снова

отпускавших, не зная, что им делать с молодым благородным католиком. А однажды Анжелика вошла в гостиную и увидела Флоримона в роли учителя, задающего вопросы маленькому Шарлю-Анри. Он осторожно доставал из маленьких мешочков различные вещества и раскладывал их на тарелки, расставленные на столе.

— Как называется это желтое вещество?

— Сера.

— А что лежит на этой тарелке?

— Кристаллы калия.

— Очень хорошо, мой мальчик. Я вижу, ты внимательный ученик. А тот черный порошок?

— Толченый уголь, профильтрованный через шелк.

— Правильно. Но ты должен говорить «господин», когда обращаешься к своему учителю.

Однажды, поздно вечером, возле ступеней, ведущих к главному входу, раздался громкий взрыв. Вспышка осветила лужайку. Послышались крики, солдаты расхватили алебарды.

— К оружию, быстро!

Монтадур в то время отсутствовал, окна были широко распахнуты. Прочесывая сад, охрана нашла Флоримона, его руки и лицо были черными от пороха, который он только что поджег, а Шарль-Анри в ночном рубашке восторженно кричал об успехе своего «учителя». Все начали смеяться, включая солдат. Анжелика хохотала так, как давно не смеялась. Смех облегчил ее сердце, согрел душу и вызвал слезы на глазах.

— Ах ты, маленький разбойник! — сказала Барба, — Когда ты где-то рядом, никому нет покоя.

На следующий день в замке раздался звук кларнета. Флоримон играл на нем, как настоящий музыкант. А вечером священник принес Анжелике записку, доставленную соколом. Она покраснела и быстро вскрыла письмо. Самюэль де ла Мориньер призывал ее следующей ночью к Волшебному Камню.

Она сжала зубы. Как он осмеливается ей давать приказы? Он думает, что она рабыня? Она не пойдет! И больше не станет помогать им... Она присоединится к ним снова, но только когда рядом не будет патриарха. Она больше не согласится встречаться с ним наедине, в лесу, где все так возбуждает — и запах осени, и туман, поднимающийся от реки... Если он однажды уже осмелился поднять на нее руку, то почему ей не отплатить ему той же монетой? Будет ли страх перед ним сильнее того странного влияния, которое она испытала всей своей плотью той ужасной ночью?

Она пыталась заставить себя думать о посторонних вещах, но и во сне чувствовала его присутствие.

Пришла осень, а она так и не выполнила требование короля. Но эмиссары, с приказом ее арестовать, оказались не в состоянии прорваться через кольцо огня и стали, которым патриарх уже окружил границы своей провинции. В саду, где играли ее дети, она находилась в полной безопасности, а крестьяне были готовы ко всему, даже к самому худшему.

Однако Флоримон и отец де Ледигер следили за ней, куда бы она ни шла. Она постоянно чувствовала на себе их вопросительные взгляды. Король прекрасно знал, что делает, когда посылал сюда Флоримона: «Дети только осложняют вашу жизнь. Если вы не любите их, они стоят на вашем пути. Если любите — они отбирают у вас часть ваших собственных сил...» Ее сердце, испытавшее так много ударов, трепетало. Все ранило ее теперь, но силы, восстанавливавшиеся в ней независимо от неприятностей, неуклонно возрастали. Охотничий рог Исаака де Рамбурга звал ее через медно-красное вечернее небо. Он звал: «Помогите!..»

— Мадам, вы должны пойти, — сказал ля-Виолет. — Женщины из протестантских деревень... их выгнали на дорогу несколько дней тому назад... Они нашли приют в замке Рамбурга. Если Монтадур узнает о них, им придется уйти... Барон нуждается в вашем совете!..

Через подземный ход Анжелика вышла в лес. После часа быстрой ходьбы она добралась до старого замка. Во дворе она увидела усталых женщин, сидевших на голой земле, прижимая к себе маленьких детей. Их одежда была покрыта пылью и грязью. Они рассказывали баронессе о блужданиях между католическими деревнями, где священники требовали от прихожан повиновения эдикту и отказа протестантам в хлебе и воде. Они питались турнепсом и капустой с полей и долгое время жили в лесных шалашах. Отряды солдат появлялись и гнали их отовсюду. И женщины с детьми снова брели по дорогам, среди грязи и дождя... В конце концов они решили добраться до Ля Рошели, древнего оплота протестантов. Несколько дней и ночей они шли через земли, контролируемые отрядами Самюэля де ла Мориньера, и немного отдохнули на фермах протестантских братьев. Но у бедных хозяев стало самим не хватать еды, и беженцы снова были вынуждены уйти. Возле реки Вандеи они встретили драгун и в панике бежали с дороги снова в лес. Кто-то указал на замок барона Рамбурга, и вот они пришли сюда.

Дети Исаака де Рамбурга, открыв рты, смотрели на пришельцев. Среди них Анжелика вдруг увидела Флоримона с Натаниэлем, старшим сыном Рамбурга. Возбужденная тяжелым зрелищем, маркиза сердито

спросила:

— Что ты здесь делаешь? Зачем ты вмешиваешься в дела протестантов? Тебе тоже хочется иметь дело с солдатами короля?

Флоримон молча улыбнулся. Пройдя суровую монастырскую выучку, он никогда не отвечал, если его за что-то ругали.

Баронесса де Рамбург, находящаяся на седьмом месяце девятой беременности, раздавала женщинам куски хлеба. Одна из старших дочерей помогала ей носить большую корзину.

— Что нам делать, мадам? — спросила она Анжелику. — Мы не сможем оставить их здесь и кормить целую зиму.

Барон де Рамбург пришел со своим охотничьим рогом.

— Если мы отправим их обратно на дорогу, женщинам и детям придет конец. Монтадур схватит всех прежде, чем они по римской дороге достигнут реки.

— Нет! — возразила Анжелика, уже принявшая решение. — Они пойдут на Аблетскую мельницу. Оттуда на лодках можно добраться до поместья месье де Обинье, где они будут в безопасности. Оттуда до Ля Рошели им останется пройти всего две или три мили.

— Но как попасть к Аблетской мельнице?

— Пешком через лес. Здесь всего два часа ходьбы.

Лица беглецов-протестантов сразу помрачнели.

— Хорошо, но кто же поведет нас?

— Я поведу, — сказала Анжелика.

Когда они вышли из-под деревьев, их ноги сразу утонули в жидкой грязи. Здесь начинались болота. Топи выглядели словно зеленые поля, и, идя по ним, можно было в любую минуту провалиться в трясину. Анжелика взяла с собой молодых лакеев из челяди барона Рамбурга, чтобы помочь управлять лодками. Зная свои родные места, они скептически отнеслись к задаче:

— Не так все просто, маркиза. Аблетский мельник контролирует реку, и каждый, решивший укрыться в болотах, должен платить ему. У него ключи ото всех лодок. Люди из соседних сел делают крюк в несколько миль, чтобы только обойти мельницу.

— У нас нет времени на обход. Я позабочусь о мельнице сама!

Ночная темнота накрыла лес. Люди шли с горящими факелами. Дети устали, но не плакали. Дорога казалась бесконечной. Туман окутывал всех промозглой сыростью. Беженцы обошли мельницу и остановились. Женщины столпились в кучу, чтобы чуть-чуть согреться. Дети кашляли и сморкались.

— Оставайтесь здесь! — приказала Анжелика, смело направилась к мельнице и быстро нашла пешеходный мостик у заводи.

Дверь была открыта. Человек с низким лбом и густыми волосами, доходившими почти до бровей, пересчитывал деньги при свете горящей свечи. Одет он был во все серое, как и подобает людям его профессии. На ногах виднелись красные чулки и тяжелые башмаки. Анжелика окинула взглядом обстановку и внутренне улыбнулась мысли, что здесь все осталось так же, как было в прошлом. Потом, шагнув вперед, произнесла:

— Валентин, это я... Здравствуй!

Глава 12

Лодки прошли через длинный темный туннель. Желтые круги фонарей освещали свинцовую воду. Помощник мэтра Валентина выкрикивал предупреждения проводникам на местном диалекте. Женщины больше не боялись. У них появилась надежда. Слышался даже легкий детский смех. Мир, утраченный много дней назад, снова ожил в их усталых сердцах. Разве не писал добрый король Генрих IV своей возлюбленной: «Вы можете быть счастливы здесь в мирное время и оставаться в безопасности во время войны...» Ибо на что могли тут рассчитывать враги? Даже посылая сюда солдат, Монтадур видел, что они возвращаются грязные и измученные. А сами драгуны были счастливы вернуться назад целыми, зная, как легко утонуть в непролазной трясине. Множество трупов осталось в мертвых водах под зеленью, скрывающей топь.

...Мэтр Валентин встал, когда заговорила Анжелика. Товарищ ее детских игр не выразил удивления при появлении маркизы. Она различила под тяжелыми чертами лица мельника физиономию молодого парня, провожавшего юную де Сансе в королевство болот и испытывавшего муки ревности, когда слышал крики Николая: «Анжелика!..» Пастух бегал по лугу с кнутом в руке, а Анжелика и Валентин, спрятавшись за кустами, тихо смеялись, пока не затихали шаги Николая.

Валентин никогда не был говоруном вроде Николая. Он только краснел от гнева. Бог знает почему, но протестанты вызывали у него ненависть: несколько раз он поджидал, когда дети гугенотов возвращались из школы, и бросал в них грязью... Вот какие воспоминания пронеслись в голове Анжелики при виде Валентина. И хотя мельник все еще не любил протестантов, он не мог отказаться от тяжелой золотой монеты, положенной на стол маркизой дю Плесси. Он взял связку ключей, вышел из дома и приказал женщинам и детям размещаться по лодкам.

Дул сильный ветер. Луна поднялась над деревьями и осветила спящее поместье Обинье. Замок стоял на острове, волны постоянно бились о прибрежные скалы. Даже в летнее время вода подступала прямо к большим каменным ступеням.

Передняя лодка достигла сухой земли. Залаяли собаки, навстречу вышли люди с фонарем. Мадемуазель де Козоми, кузина старой маркизы, вышла вперед, держа в руке подсвечник. Она выслушала рассказ Анжелики о несчастных женщинах, в основном вдовах, прибывших сюда с надеждой,

что им помогут добраться до Ля Рошели. Она удивилась, что католичка Анжелика, занимается делами протестантов, но тем не менее пригласила ее в замок, пока крестьянок проводили на кухню.

По пути старая дева сообщила, что в доме находится месье де ла Мориньер. Не хочет ли маркиза видеть его?

Известие смутило Анжелику. Она покраснела и сказала, что ей не хочется беспокоить герцога.

— Когда он приехал сюда, то был весь покрыт кровью. У него произошла схватка с драгунами Монтадура. Он не мог справиться с ними и вынужден был укрыться в болотах. Но его брат Хью схвачен королевскими солдатами. Герцог де ла Мориньер сожалеет, что не смог связаться с вами...

— Ну, если он ранен...

— Позвольте мне сообщить ему о вашем визите.

Услышав шаги патриарха, Анжелика поднялась с места и смотрела, как он спускается по лестнице.

Он сразу подошел к ней. Глубокая ссадина рассекала его лоб. Рана не смягчала его внешность. Он казался еще более громадным, тяжелым и черным.

— Я приветствую вас, мадам, — протянул он руку. — Вы все еще сохраняете наш союз?

Анжелика кивнула в сторону помещения для слуг. Оттуда слышался разговор протестантов, теперь уже размеренный и спокойный.

— Вы же видите, герцог.

Она никогда не думала, что встреча с ним у Волшебного Камня и все, что произошло затем, так парализует ее волю и уверенность... что она капитулирует перед человеком, пусть даже подчинившим себе всех окружающих. Хотя заранее знала, что ему беспрекословно повиновались братья, жена, жены братьев, дочери, племянники, слуги и солдаты. Таков был великий протестантский вождь, вступивший в борьбу с Людовиком XIV.

Он не извинился. Возможно, она ранила его гордость, не ответив на его вопрос. Наконец он нарушил молчание:

— Жители многих городов на нашей стороне. Мы разоружили королевские гарнизоны и изгнали королевских солдат из городов. Отряды Мориласа, стоявшие на севере, теперь переведены на юг, и мы заняли их позиции. Монтадур со своими драгунами отрезан, но еще не понимает случившегося.

— Я тоже не знала, — посмотрела на него Анжелика.

— Откуда вам знать?.. Ведь вы промолчали.

— В таком случае... — пробормотала она, словно сама себе, — король не сможет добраться до меня...

— Через несколько дней я покину болота и изгоню Монтадура с ваших земель, вместе со всеми солдатами и драгунами.

— Я буду благодарна вам, месье де ла Мориньер.

— И простите меня?

Последние слова, видимо, стоили ему сверхъестественных усилий. Вены на его лбу набухли, из раны сочилась кровь.

— Я не знаю, — ответила она и направилась к двери. — А теперь, месье, я должна вернуться в Плесси.

Он последовал за ней и тоже спустился по ступенькам. Когда она свернула на тропинку, ведущую к лодкам, он резко схватил ее.

— Я вас прошу, маркиза, посмотрите не меня!

— Будьте осторожны, — прошептала она, указывая на темноту, где мельник Валентин уже ждал ее.

Мориньер толкнул ее к дереву и, прикрывшись ветвями, заключил маркизу в объятия. Анжелика ужаснулась, любовный акт с патриархом стал бы мерзким и необычным опытом. Но собственное тело предало ее. Она схватила руками гугенота за плечи, не зная, отталкивает ли его от себя или прижимается к нему.

— Зачем, — выдохнула она, — зачем разрушать союз?

— Потому что я должен обладать вами!

— Ну что вы за человек? — почти простонала она. — Я ничего больше не понимаю. Люди говорят, что вы ненавидите женщин!..

— Женщин? Да... Но вы... В римских развалинах вы казались Венерой. Я понял тогда... Ждать так долго, целую жизнь, чтобы осознать наконец, что значит женская красота! Тот день... Солнце сияло на вашей коже и волосах. Тогда я внезапно прозрел. Да, женская красота... — Он немного отодвинулся. — Я напугал вас? Женщины всегда боялись меня. Вероятно, во мне сидит что-то отталкивающее. Тогда я входил в комнату жены, она всплескивала руками и просила не трогать ее. Хотя она исполняла супружеский долг и родила мне трех дочерей, но я вполне понимаю, что был ужасно неприятен ей в постели... Почему?

Она уже знала почему. По странной причуде судьбы этот ярый протестант и пуританин оказался страстным любовником.

А Мориньер был как громом поражен собственными откровениями с Анжеликой. Здесь открывалась другая сторона жизни, возможно, ему еще неизвестная. И поскольку маркиза казалась слабой и беззащитной, сила ее

красоты пронзила его. Он боялся ее взгляда и отдавал ей приказы. Тут шла незримая битва чувств и эмоций, владеющая обоими. Они бросились друг к другу с сознанием того, что должны вместе противостоять солдатам короля.

— Вы должны быть моей, — повторил он. — Я желаю вас...

Его слова напомнили, как на нее оказывал давление король.

— Возможно, когда-нибудь... Но не будьте таким грубым.

— Я не груб, — его голос задрожал. — Только не говорите так, как говорят другие женщины, которые боятся меня. Я знаю, что вы меня не боитесь. Я сделаю все, что вы попросите. Но только не забудьте той ночи у Волшебного Камня!..

Уже сидя на дне лодки, она почувствовала опустошенность и расслабление, словно только что принадлежала демоническому гиганту. Как все будет выглядеть, если она согласится? И покачала головой, чтобы избавиться от неприятного видения.

В одну из ночей придет черный лесной охотник, и она станет его добычей. Он положит ее на землю и придавит своим тяжелым телом. Она станет биться в его руках, чувствовать колючую бороду, пока не наступит момент, когда ее плоть сама забудет неприязнь и ощутит страстное желание. Очевидно, готом в его объятиях она будет стонать и кричать от радости...

Анжелика откинула голову. Ее волосы были мокры, хотя дождь давно прекратился. Лодка оставляла за собой черный след, медленно исчезающий в молочно-белом тумане. Луна, как огромный фонарь, бросала тусклый свет на деревья, и Валентин, стоявший позади с веслом в руках, был плохо различим.

С берега доносился сильный запах гнили. Мельник не нуждался в свете для продвижения в зарослях камыша. Чтобы нарушить сгустившуюся тишину, Анжелика заговорила:

— Валентин, ты уже знал болота, когда приглашал меня половить рыбу?

— Да, так, уже знал.

— Цел ли шалаш, где мы варили свой улов?

— Да, цел. Я подправил его.

Она продолжала говорить, лишь бы не молчать:

— Однажды я упала в воду. Ты выудил меня, всю в водорослях, а когда я вернулась в Монтелю, меня сильно наказали. Отец запретил мне ходить на болота и вскоре отправил в монастырь. И с тех пор мы с тобой больше не виделись.

— Виделись. И встречались еще на свадьбе Соулайра.

— Верно, — вспомнила она. — На тебе еще был очень славный костюм. Ты стоял как столб и не отважился даже танцевать.

Мысленно она увидела гумно, куда пошла, устав от танцев. А Валентин прокрался вслед за ней и стал щекотать соски ее груди своими шершавыми пальцами. Крупный медлительный парень был первым, проявившим мужской интерес к Маркизе Ангелов. Нежелательные воспоминания даже расстроили Анжелику.

— А потом, — голос мельника как бы последовал за ее мыслями, — я заболел. И мой отец сказал: «Отучишься ходить, куда не следует!» Он поместил меня в лечебницу, основанную по вашей милости. Меня там долго держали...

— И все из-за меня? — спросила Анжелика.

— Да. И он был прав, верно? Ведь вы были феей.

Она была смущена и не ответила.

— Я поправился, но так никогда и не женился. У меня была девушка-служанка, которая заботилась обо мне. После общения с феей нелегко оправиться... — Он помолчал. — Мы уже подплываем.

Лодка пристала к берегу. Запахи леса окружили ее.

— Не хотите ли зайти на мельницу и выпить стаканчик вина, госпожа маркиза?

— Нет, спасибо, Валентин, мне еще далеко идти.

Держа в руках свою шляпу, он проводил ее до опушки леса:

— Видите, мадам, тот старый дуб? Он — тот самый, где пастух Николя всегда ждал вас с корзинкой, полной ягод.

Просто удивительно, как его глуховатый голос смог растревожить ее сердце, знавшее так много взлетов и падений судьбы. Перед ее мысленным взором возник мальчик с черными кудряшками и горящими глазами, державший в одной руке кнут, а в другой — ягоды и ожидавший девочку у входа в ее владения.

Она отмахнулась от воспоминаний и спокойно проговорила:

— А знаешь, что случилось с Николя? Он был бандитом, его поймали и послали на галеры. Знаешь, как он умер? Он отказался грести, и его просто столкнули в море...

Валентин ничего не сказал, и она продолжала:

— Вы не удивлены, мэтр Валентин, что я так осведомлена о Николя, хотя прошло немало времени с тех пор, как он был здесь?

— О, нет, — пожал плечами мельник. — Потому что вы можете видеть и прошлое, и будущее, не правда ли?.. Мы все тут знаем, кто вы и

что вы... знаем, откуда вы пришли. И все люди в округе прекрасно знают свою настоящую госпожу... Маркизу Ангелов.

Глава 13

В Плесси голос Монтадура сотрясал стены замка. Его крики Анжелика услышала еще из подвала.

«Наверное, он заметил мое отсутствие!» — подумала она, замерев на месте, а потом осторожно прокрадываясь в холл.

— Отрекись!.. Отрекись!..

Жалкое создание выскочило из гостиной прямо к ногам маркизы. То был бедный крестьянин с залитым кровью лицом.

— Благородная маркиза! — простонал он. — Вы всегда были добры к протестантам... Пощады! Пощады прошу!..

Она положила руку ему на голову, и он заплакал как ребенок.

— Я убил многих из них, — ревел Монтадур, появляясь в дверях. — И я искореню всех католиков, которые им помогают!

— Как может такое происходить в нашей провинции? — возмутилась Анжелика. — «Отрекись!» Любой может подумать, что он в Мекке или в Алжире! Вы не лучше фанатиков-мавров, пытающих своих пленников-христиан.

Капитан пожал плечами. Его мало заботила судьба христианских пленников. Он едва ли знал об их существовании.

А Анжелика понизила голос и заговорила на местном диалекте с крестьянином, все еще стоящим возле нее на коленях:

— Бери вилы и присоединяйся к отрядам ла Мориньера. Пусть каждый здоровый человек идет за тобой. Иди к пересечению трех дорог. Там герцог даст вам оружие и скажет, что делать. В ближайшие два дня Монтадура выгонят из поместья. Все готово!..

— Раз вы так говорите, госпожа, — прошептал мужчина, и глаза его осветила надежда, — тогда я согласен. Я подпишу для них отречение, чтобы они оставили меня в покое и дали возможность уйти... Только на два дня и во имя Бога! Вряд ли Он осудит меня... А я заставлю их заплатить за мои мучения!..

Двумя днями позже, когда Монтадур и его люди выехали в очередную экспедицию, оставив в замке на страже всего нескольких солдат, на дороге показался всадник, склонившийся в седле. Весь израненный, драгун упал с лошади, успел прохрипеть своим товарищам: «Банды идут!..» — и тут же умер.

Среди дубов послышался звон оружия. Появились со шпагами в руках

герцог де ла Мориньер и его брат Ланселот, за ними двигалась темная масса вооруженных крестьян. Солдаты бросились к мушкетам, один выстрелил в герцога, но промахнулся. Протестанты забили солдат до смерти, втащили их на стены замка, который те осквернили, и по приказанию герцога сбросили бездыханные тела к ногам Анжелики.

— Вы должны немедленно ехать к королю! — взял маркизу за руки старый Молин. — Вы должны поехать к королю и выполнить свою миссию. Только вы одна можете остановить страшную резню.

— Отпустите меня, мэтр Молил, — спокойно сказала Анжелика.

Она потеряла исцарапанные руки. Тишина, воцарившаяся в замке, где больше не слышалось ржания лошадей и криков драгун, была необычной, но не приносила сердечного успокоения.

— У меня имеются сведения, что корпус Ловайса, военного министра, — продолжал управляющий, — находится на пути в Пуату. Последствия мятежа окажутся ужасными. И когда будет казнен герцог де ла Мориньер, начнется дикая расправа над всеми протестантами. А что касается лично вас, мадам...

Анжелика молча сидела за письменным столом, бездумно прислушиваясь к шелесту отмирающих листьев.

— Банды де ла Мориньера рассеются. Нет надежды, что восстанет весь Пуату. Католики позволят армии пройти, потому что будут напуганы и еще потому что не любят протестантов. И все мы снова увидим ужасы религиозной войны. Урожай будет сожжен, дети подняты на пики, и вся провинция будет истекать кровью. Этого вы хотите, гордая женщина?

Она бросила на старика сердитый взгляд, но не ответила.

— Да, вы хотите крови, — настаивал тот. — У вас был выбор, но вы предпочли последовать диктату своей натуры, ставшей примитивной за последние годы. Вам легко было остановить де ла Мориньера и его фанатичных крестьян. Достаточно было только показаться перед ними, чтобы наполнить их рвением поклоняться и вам, и вашей красоте...

— Разве моя вина, что мужчины не могут видеть женщину, не испытывая похоти? Вы преувеличиваете, Молин. Я долго управляла здешними землями и жила здесь, особенно после смерти маршала, совершенно не нарушая мира...

— В то время вы были придворной дамой, женщиной, не отличающейся от остальных. Вы не понимаете, что делаете сейчас и каков эффект одного лишь взгляда ваших изумрудных глаз. После Востока вас окружает своего рода тайна. Я не знаю точно, но слышал рассказы, что вы были доброй феей. Говорят, что вас видели в разных местах одновременно

и, где вы проходили, урожай выдавался богаче. А теперь говорят, что вы ночами бродите среди деревьев и что вы вернулись в Пуату, чтобы защитить всех жителей своей магической силой...

— Вы говорите точно так же, как и мельник Валентин.

— А теперь еще и мельник, — выдохнул Молин, — человек, который водил вас к Волшебному Камню, когда вам было десять лет. Ваше очарование действует до сих пор. После мельника кого вы вспомните следующим из ваших поклонников, мадам дю Плесси?

— Господин Молин, вы заходите слишком далеко!

Но вместо того, чтобы впасть в гнев, как он ожидал, Анжелика подобралась, лицо ее стало мягче и на губах заиграла улыбка.

— Не пытайтесь разбудить во мне совесть, напоминая о моей дикой юности. Я была чистым ребенком, Молин, и вы хорошо это знаете. Вы продали меня графу де Пейраку девственницей, в чем никогда не сомневались. О Молин, я бы желала никогда не жить в роскоши! Если бы только можно было вернуться к простым удовольствиям того счастливого времени, когда тело мое пребывало в мире и покое! Но никто не может вернуться в детство. Есть только земля, на которую можно вернуться. Танцы у Волшебного Камня, когда луна светила между деревьями, были абсолютно невинными и красивыми. Но потом я уже не могла идти прежним путем, не встречаясь с кровью, смертью и похотью. Сошла ли я с ума? Нет! И я думаю, что моя душа защитит меня!

— Женская душа. Она служит тому, кто покровительствует ей, но не тем, кто приводит к беспорядку. Послушайте, дитя мое...

— Я не ваше дитя!

— Да, в своем роде. Вы должны поехать к королю, и тогда на землю вернется мир.

— Вы, протестант, просите меня предать народ одной с вами веры, которому я обещала свою поддержку?

— Не предательство, а спасение. Вы на своей родине и не сможете сосчитать трупы повешенных по провинции. Женщины плачут от стыда после изнасилований с садистской жестокостью. Детей бросают в огонь, во многих местах потерян весь урожай. Жестокость нарастает, потому что солдаты боятся. Когда прибудет подкрепление, они расплатятся за свой страх. Наказание станет невероятно ужасным, ведь королевство не узнает ничего, как и сам король. Единственными свидетелями кровопролития будут имена казненных, поданные ему за завтраком. Вы одна можете их спасти. Вы сможете поговорить с королем, он вас послушает. Он поверит вам, и только вам одной. Потому что, несмотря на все ваши неблагоприятные

поступки, он к вам привязан. Вы можете стать всемогущей и получить от него все, что захотите. Вы даже сможете добиться, что Монтадура повесят, а Мориласа сместят. И тогда мир вернется в провинцию, а справедливость восторжествует.

— Молин, — простонала Анжелика, — то, что вы предлагаете, ужасно! — Она посмотрела на него так, как много лет назад, когда он уговаривал ее выйти замуж за богатого вельможу, чтобы спасти свою семью.

— Вы сможете стать всемогущей, — повторил старик, — так что подумайте о часах и годах, которые последуют после вашего прощения. Слово короля... вы хорошо знаете, что оно не бросается на ветер...

«...Мое невозможное, незабываемое дитя...»

В полутьме Версаля после ночи, в которой его губы заглушали ее крики протеста, король склоняется над ней. Она еще спит. О, как хорошо она знала то пресловутое чувство спокойствия!.. От его прикосновений она наполовину просыпается, поворачивается на спину, раскинувшись, и внезапно, широко открыв глаза, видит его и начинает бороться... А он снова и снова повторяет ей:

— Анжелика... Вот мы и вместе... как чудесно...

Маркиза с горечью потрянула головой. Она повторила:

— Ужасно!.. Все равно что умереть, потерять все надежды!..

Ей показалось, что она уже пережила представляемую постыдную сцену. Потом она вспомнила Османа Фераджи, пытавшегося уговорить ее отдаться Муль аль-Рашиду. Но не покорилась, и тогда царедворцы специально для нее устроили истязание рабов... чтобы запутать. Везде, во всех странах, находились хозяева-тираны и непокорные люди, смеявшиеся над своими тюремщиками...

За окнами замка начало темнеть. Она услышала крики Флоримона и Шарля-Анри, бегущих под дождем. Молин подошел к ее бюро, взял лист бумаги и перо и положил их перед Анжеликой.

— Напишите королю. Я выеду вечером и возьму письмо с собой.

— Что я скажу ему?

— Правду. Что вы приедете и принесете ему свое покаяние, что вы не можете поверить, что бесчинства в провинции совершаются по его приказу, что вы не поедете в Версаль, пока драгуны де Мориласа не будут убраны из района, а отряды, возглавляемые военным министром, не отведены назад. Но вы обещаете совершить покаяние на условиях, изложенных его величеством, ибо вы уверовали в его справедливость, доброту и терпение...

Она принялась лихорадочно писать и вскоре обрисовала свое отношение к зверствам в Пуату, рассказала о жестокости, с какой пьяный офицер мучил людей под ее крышей. Она по именам назвала Монтадура, де Мориласа и де Солиньяса, сообщила о теперешнем положении королевских отрядов, о нарастающей нищете крестьян и попросила милосердия к ним. Перед ее глазами стояло лицо короля, мрачное и внимательное.

— Он не может сознательно желать такого, — сказала она.

— Он может просто не знать всего. Обращение протестантов в обычное католичество очень дорого его сердцу, как искупление собственных грехов. Он сознательно закрыл глаза и уши. А вы заставите его открыть их.

Закончив письмо, Анжелика почувствовала себя усталой, но успокоенной. Молин промокнул чернила и запечатал конверт.

Она вышла проводить старика. Ветер доносил запах пожара.

— Весь урожай сгорит в огне, — сказал Молин, усаживаясь на коня. — Люди Монтадура, возвращаясь, сжигают все на своем пути, Ланселот де Мориньер со своими повстанцами пока сдерживает их, но если его люди не выдержат... Основные силы герцога сражаются с отрядами военного министра.

— Сможете ли вы проехать, Молин?

— Я возьму с собой оружие.

Старый слуга, сопровождавший мэтра, взобрался на тощего невзрачного мула. Путники, поклонившись маркизе, тронулись.

Через несколько минут к Анжелике подскочил Флоримон и возбужденно, словно сообщая значительную весть, выпалил:

— Мама, а теперь и мы должны уехать отсюда!

— Уехать, милый?.. Куда?

— Далеко, — ответил мальчик, указывая на горизонт, — в другую страну. Мы не можем оставаться здесь. Солдаты вернутся, и мы не справимся с ними. Я осматривал старую пушку, но она игрушечная, для салютов, из нее нельзя стрелять ядрами. Так что нам остается только поскорее уехать.

— Откуда у тебя появились такие мысли?

— А я и сам вижу. По моему мнению, война только начинается.

— Ты боишься войны?

Он покраснел, и она прочла в его глазах удивление.

— Я не боюсь сражаться, если ты это имеешь в виду, мама. Но я не знаю, с кем мне сражаться: с протестантами, потому что они не

повинуются королю и не меняют свою веру, или с солдатами короля, оскорбляющими нас в нашем собственном доме? Я просто не могу разобраться, но уже понял, что война эта нехорошая. Вот почему я хочу уехать отсюда...

Он никогда еще так серьезно не говорил с ней с тех пор, как вернулся домой. Она даже начинала думать, что его ничто не занимает.

— Не беспокойся, Флоримон. Я надеюсь, все разрешится. Послушай, — вдруг понизив голос, с заминкой произнесла она, — послушай, а не хотелось бы тебе вернуться ко Двору?

— О, нет! Только не туда! — сказал мальчик. — Раньше люди заискивали передо мной, потому что ты нравилась королю. А теперь они меня все ненавидят, потому что он больше не любит тебя. Я сыт по горло и скорее уехал бы куда-нибудь подальше. Тут я скучаю, мне здесь не нравится. Я люблю только Шарля-Анри...

— А меня? — Она старалась контролировать свой голос.

Он молча повернулся к ней спиной.

«Бог знает, как я боролась за сыновей и как отдавала всю себя ради них. И сегодня я снова должна жертвовать собой!..» Сделав вид, что не замечает демонстративного поступка сына, она пошла обратно в замок. Письмо, написанное королю, стоило ей больших нервов. «Удивительно, как дети ускользают от меня. Ты думаешь, что знаешь их, что завоевала их любовь, а на деле оказывается, что ты им не нужна...» До начала ее путешествия в Берберию Флоримон никогда не вел себя так. Но теперь он достиг возраста, когда дети задумываются о своем будущем. И если знакомство с Исламом оставило в ней такой след, то почему же год или даже почти два, проведенные у иезуитов, не могли изменить Флоримона?

Анжелика услышала, как мальчик догоняет ее. Он взял ее за руку, остановил и повторил, глядя ей в глаза:

— Мама, мы все-таки должны ехать!

— Но куда ты хочешь уехать, моя детка?

— Есть много мест. Я обсудил все с Натаниэлем. Мы возьмем с собой только Шарля-Анри.

— Натаниэль де Рамбург?

— Да, он мой друг. Мы встречались, когда я жил в Плесси до того, как мы с тобой перебрались в Париж и ко Двору.

— Ты никогда не рассказывал мне о нем.

Он поднял брови. Было много вещей, о которых он никогда не рассказывал матери.

— Плохо, если ты не захочешь ехать. Тогда мне придется двинуться

одному. Но я возьму с собой Шарля-Анри.

— Не мели чепухи, Флоримон. Шарль-Анри не может покинуть поместье. Он его наследник. Замок, земли и леса, когда он вырастет, будут принадлежать ему.

— А что получу я? Что будет у меня?

— Ничего, мой гордый мальчик.

— Значит, я действительно ничего не имею? — растерянно спросил он.

А каждая секунда молчания матери добавляла веса вердикту, о котором он давно подозревал.

— Ты получишь деньги, вложенные мной в коммерцию.

— Но мое собственное имя и наследство, где они?

— Ты и сам уже не маленьким и хорошо все знаешь...

— Да, знаю, — отвернулся Флоримон. — И по этой причине я хочу уехать отсюда.

Она положила руку на плечи сыну, и они вошли в замок.

«Решено, я поеду к королю. Я пойду по большой галерее, одетая во все черное, под безжалостными взглядами. Я встану на колени, я отдамся королю... но верну твой титул и твое наследство. Я ошибалась, сынок, пытаюсь сохранить свою свободу и свою честь женщины. Очевидно, другого пути просто нет...»

Она нежно прижала его к себе. Он смущенно посмотрел на нее, а потом, впервые после возвращения, они улыбнулись друг другу с нескрываемой любовью.

— Пойдем, мальчик, поиграем в шахматы!

Это было большим удовольствием для Флоримона. Они уселись возле окна за старинную шахматную доску, подаренную королем Генрихом Вторым одному из маркизов дю Плесси. Фигуры были вырезаны из слоновой кости, а доска инкрустирована золотом.

Анжелика выглянула в сад. Многие экзотические деревья солдаты вырубали на дрова. Вся ее жизнь похожа на такой же разоренный парк. Здесь у окна, рядом с сыном маркиза поняла все трудности, стоящие перед одинокой женщиной, когда ее некому защитить. В прошлом она чувствовала себя способной идти своим собственным путем, и только теперь до конца поняла, до каких непостижимых размеров могут увеличиться человеческие беды. Сейчас покориться королю — акт худший, чем самоубийство, он является предательством по отношению к человеку, которого она так и не могла забыть.

— Твой ход, мама, и если ты последуешь моему совету, то пойдешь

королевой.

Анжелика улыбнулась и пошла королевой. Флоримон сделал ответный ход и поднял на нее глаза.

— Я знаю, что тут не твоя вина, — сказал он мягким вкрадчивым голосом, появившись у него после монастыря. — Нелегко снова оказаться среди людей, желающих тебе зла только потому, что ты красива. Но я думаю, мы должны уехать, пока не стало слишком поздно.

— Все немного сложнее, дорогой мой. Куда мы можем уехать? Я только что вернулась из долгого путешествия. Я была в ужасной опасности и вернулась, так и не найдя того, что искала.

— А я найду! — убежденно воскликнул Флоримон.

— Не будь таким самоуверенным!

— Я не узнаю тебя. Тебя ли я вел по туннелю из Лувра, когда ты решила искать моего отца?

Она рассмеялась:

— Ох, Флоримон, мне нравится твое настроение! Ты прав, осуждая меня, но ты видишь мир только со своей колокольни...

— Лучше бы я поехал с тобой, вместо того чтобы оказаться заключенным в монастыре. Вдвоем мы могли добиться успеха...

Она мгновенно представила себе жестокость марокканцев и мальчиков-рабов, развращенных или кастрированных, бесконечная купля-продажа человеческой плоти. Слава Богу, что она не взяла с собой Флоримона! И так она постоянно осуждала себя за то, что доверила Кантора Вивонну, отправлявшемуся сражаться с турками на Средиземном море.

— Ты даже понятия не имеешь о трудностях и опасностях такого путешествия. Нужно иметь еду на каждый день, крышу для ночлега, оружие, свежих лошадей и Бог знает что еще. За все надо платить, так что требуется очень много денег.

— У меня полная сумка монет.

— Сейчас. А что станет, когда она опустеет? Люди жестоки, Флоримон. Они никогда не делают ничего даром, помни об этом.

— Да, я все понял. Я не возьму с собой Шарля-Анри, он слишком мал для трудностей, и у него есть собственное наследство. Я поеду один и найду своего отца и Кантора, я знаю, где они.

— Что ты выдумываешь? — замерла Анжелика.

— Да, знаю, потому что видел их во сне прошлой ночью. Они в стране, где полная радуга, там тучи набегают одна на другую и, соединяясь, принимают разные формы. Среди цветного тумана я увидел

отца... не очень ясно, но понял, что это он. Я попытался подойти к нему и внезапно увидел, что мои ноги в воде. Это было море. Я никогда не видел моря, но убежден, что очутился именно в нем. Волны становились все выше и выше, а потом появилась просто гигантская волна, на самом верху которой сидел Кантор. Он смеялся и кричал мне: «Присоединяйся к нам, Флоримон! Ты даже не представляешь себе, как здесь весело!..»

Анжелика оттолкнула стул и резко поднялась. Ледяной пот потек по ее спине. Слова Флоримона подтвердили ее догадку, что два существа, самые любимые на земле, уже мертвы и блуждают теперь в стране теней.

— Остановись, — пробормотала она. — Ты заставляешь меня предчувствовать большую беду... — Она прошла в свою комнату и села за письменный стол, охватив голову руками.

Вскоре ручка двери повернулась, и Флоримон проскользнул в ее комнату.

— Я думаю, мама, что мне приснилось совсем не Средиземное море. Иезуиты много учили меня географии. Я видел западный океан, который мы называем Атлантическим, Он ведет к Вест-Индии. Возможно, именно там...

— Флоримон, — ее терпение лопнуло, — прошу тебя, мы поговорим позже. А сейчас оставь меня одну.

Мальчик вышел, хлопнув дверью. Несколько секунд Анжелика не знала, что делать и как сдержать слезы. Потом открыла ящик стола и достала все еще не прочитанное письмо короля.

«...Мое незабываемое дитя... не слушайте больше подсказок своего сердца. Возвращайтесь ко мне, Анжелика. Вы просите моего прощения через отца Колумбрези. А я хотел бы, чтобы Вы попросили меня сами. Вы — опасная женщина, в Вас противостоят разные силы. Хотите Вы приехать и вложить свои руки в мои, как когда-то? Одинокий король ждет вас. Все Ваши прегрешения будут забыты, и я никому не позволю обижать Вас. Вам нечего бояться, ибо я знаю, что Вы можете быть честным другом так же, как и честным врагом...»

Он продолжал в том же духе, и она была благодарна, что он не пытается поймать ее в ловушку. Король писал прямо:

«Вы будете моей возлюбленной, и я теперь понимаю все в Вашем конкретном деле. Я поверил Вашему здравому смыслу, поверьте же Вы моему. Говорите мне, и я буду Вас слушать. Повинуйтесь мне, и я стану повиноваться Вам!..»

Она закрыла глаза. Почувствовав жалость к Флоримону, она спустилась вниз, чтобы успокоить мальчика. Сейчас она скажет ему о

короле, который вернет ему титул и высокое положение в обществе. Но в саду она нашла только Шарля-Анри, стоявшего у пруда в белой рубашке. Ее что-то встревожило в поведении трех белых лебедей, плывущих вдоль берега, — всем было известно, что эти красивые птицы могут утащить в воду ребенка, — она заторопилась к малышу и взяла его за руку.

— Не стой так близко к воде. Лебеди в плохом настроении.

— Разве? — спросил он. — Они такие красивые, такие чистые...

Его маленькая ладошка лежала в ее руке. Он шел рядом с ней, не поднимая глаз. Она всегда считала, что многие привычки и особенности характера перешли к малышу от одного Флоримона. Но Гортран оказался прав в своем посмертном подарке: теперь в лице ребенка она улавливала едва приметные черты Кантора.

«Да, ты и мой сын, — подумала она. — Моя дорогая крошка!..»

Анжелика прижала к груди ребенка. Она вспоминала Кантора, которого так мало ласкала. Жизнь протекала в жестоких интригах, и у нее просто не было времени стать хорошей матерью! Она любила играть с Флоримоном и Кантором, когда они были еще бедны и жили прямо в таверне «Храбрый Петух». А теперь она часто прогоняла от себя Шарля-Анри и злилась на себя, ибо не могла еще забыть свою любовь к Филиппу — хоть и не такую, как к первому мужу, но все же настоящую любовь.

Она несколько раз подряд поцеловала сынишку.

— Я очень-очень люблю тебя, мой славный!

Губы мальчугана приоткрылись в удивленной улыбке.

Среди деревьев появился Флоримон и подскакал к ним на одной ноге, размахивая над головой длинным прутом.

— Знаете, что мы сделаем завтра, мои мальчишки? — заговорщицким тоном произнесла Анжелика. — Завтра с самого утра мы нарядимся в старье и отправимся ловить рыбу.

— Брависсимо! — завопил Флоримон, которого Флино теперь учил итальянскому языку.

Глава 14

Был изумительный день, в лучистой прелести которого исчезли все горести настоящего и угрозы будущего. Лес встретил их золотыми листьями. Отовсюду лился солнечный свет, обливая широкие корявые стволы вековых дубов. Орехи сами падали на землю. Шарль-Анри ликовал и рассовывал их по карманам. Только что скажет Барба? По указанию Анжелики она одела его так, словно он отправлялся гулять в сад Тюильри. Вначале он с опаской смотрел на свою нарядную одежду и на то, как на ней стали появляться зеленые пятна. Но, видя, что мать не ругает его, он отважился даже забираться на деревья, с вершин которых открывался вид на окрестности. И все это благодаря матери! Нет, не зря он каждый вечер так подолгу глядел на ее портрет!

Флино и отец Ледигер шли вместе с ними. Анжелика чувствовала определенную гордость, замечая, что Флоримон и молодые люди следили за ней с нескрываемым обожанием. Она вела их по лесу, открывала тайные тропы и секреты природы. Способности маркизы оказались абсолютной новостью для них. И вскоре их охватило возбуждение от удачной рыбной ловли.

Пересекая лужайку, они встретили Мелузину. Старуха-ведьма собирала траву, копаясь пальцами в сырой земле. Она вся была опоясана связками желтых листьев, и, когда дул ветер, они колыхались словно живые. Анжелика позвала ее:

— Мелузина! Идите сюда к нам!

Ведьма выпрямилась и следила за тем, как они подходят, но внезапно ее лицо исказилось от ужаса, и она закрыла его руками.

— Уходите! Ваше материнство проклято! — И она исчезла в лесу как тень.

Тем временем пошел дождь, и они пристроились возле Волшебного Камня. В углублении, имеющем вид маленькой пещерки, земля была покрыта толстым слоем хвои. Пока они сидели в укрытии, Флоримон рассказывал о своих приключениях.

— Мне нравится под землей, я люблю узнавать секреты земли. Однажды в монастыре я спустился в подвал и прорыл туннель. Из него можно было увидеть истинное лицо горы...

И мальчик начал рассказывать фантастическую историю, используя латинские термины и химические формулы о минералах, из которых он

собирался составлять взрывчатые вещества.

— Бог знает как много реторт я испортил в лаборатории монастыря. Было много неприятностей, мама, но я все-таки изготовил новую взрывчатку, могущую произвести переворот в науке. Я объясню тебе, мне кажется, ты единственный человек, способный понять значение моего открытия.

— А иезуиты считали его неспособным к образованию, — тихо сказала священнику Анжелика. — Удивительно, как он мог заслужить у них такую отрицательную репутацию?

— Способности Флоримона не укладывались в их рамки.

— Так если монахи оказались неспособными развить его таланты, разве они имели право насильно подавлять их?.. Флоримон! Я пошлю тебя учиться в Италию. Там ты сможешь изучить все самые последние достижения науки. Арабские ученые смогут дать тебе то, что ты ищешь. «Химия» — арабское слово, но там ты сможешь узнать многое и из китайских секретов.

И она впервые поведала им кое-что о своем путешествии.

Шарль-Анри с блаженством на лице дремал, прислонившись к ней. Дождь стучал по листьям, а порывы ветра были похожи на шум моря. Маркиза рассказывала о своем неповиновении королю.

— Его величество запретил мне покидать Париж, а я, как вы знаете, самовольно сбежала. Но теперь все будет хорошо. Король простит меня, он просит меня вернуться ко Двору. Молин поехал с моим письмом к нему. Скоро солдаты, оскорблявшие и угрожавшие нам, будут наказаны, и мы снова заживем в мире.

Флоримон очень внимательно слушал ее.

— Значит, больше нет опасности для тебя и для Шарля-Анри?

— Нет, уверяю тебя...

Анжелика изо всех сил старалась сбросить тяжкий камень со своего сердца. Она твердо решила вернуть своим сыновьям все, на что они имели право по рождению.

— Я так рад, — сказал Флоримон со вздохом облегчения.

— Ты больше не хочешь уезжать?

— Нет, раз ты сказала, что теперь все будет в порядке.

Они поздно вернулись в замок, Барба уже начала беспокоиться. Осень — опасное время года, в лесу рыскают волки и лихие люди. А посмотрите на одежду Шарля-Анри! Бедный малыш вымазался как поросенок и засыпает прямо на ходу. Конечно, в такой час он привык быть в своей постели.

— Успокойся, — улыбнулась Анжелика. — Твой любимец наелся орехов и диких ягод и провел изумительные часы. А для сна еще достаточно времени, ночь еще не кончилась.

Нет, ночь еще не кончилась, ужасная ночь в Плесси.

Глава 15

Когда Анжелика почти уже совсем разделась, ей показалось, что к замку кто-то скачет. Она замерла и прислушалась, а потом спустилась в холл, открыла окно и выглянула наружу. Стук копыт раздавался все ближе и ближе, но узнать всадника было нельзя.

— Кто это может быть? — заинтересовалась маркиза.

Она закрыла окно, пошла к комнате Флоримона и слегка приоткрыла дверь.

— Ты спишь?

В обычный день перед тем, как ложиться спать, он обязательно пожелал бы ей спокойной ночи и поцеловал бы ее. А тут...

Она вошла в его комнату и приблизилась к кровати. Постель оказалась нетронутой, подушка — несмятой. Оглядевшись вокруг, она не увидела ни одежды, ни шпаги и направилась в соседнюю комнату, где спал отец Ледигер.

— Где Флоримон?

Молодой аббат, еще не проснувшись, недоуменно посмотрел на нее и предположил:

— Он в своей спальне?

— Его там нет! Поднимайтесь, мы должны найти его!

Они разбудили Лина Пойракса и его жену, которые храпели в маленьком чуланчике возле кухни, но те ничего не слышали. Анжелика набросила на плечи теплый плащ и бросилась к конюшне. Грум сидел за столом перед лампой и щелкал орехи.

— Кто дал их тебе? — спросила она, предчувствуя недоброе.

— Месье Флоримон.

— Ты помогал ему седлать лошадь? Он уехал?

— Да, моя госпожа.

— Идиот! — закричала маркиза, шлепнув мальчишку. — Отец Ледигер, садитесь на лошадь и догоните его!

Священник был без сапог и без плаща. Он побежал в замок, пока Анжелика с помощью грума седлала вторую лошадь. Потом она побежала к дороге, пытаясь услышать стук копыт, но ветер доносил к ней только шорох падающих листьев.

— Флоримон!.. Флоримон!.. — звала она.

Крики матери замирали в ночи, деревья оставались глухими.

— Поезжайте как можно быстрее, — попросила Анжелика священника, едва тот появился. — Когда выедете из парка, приложите ухо к земле, чтобы узнать, в какую сторону он скачет.

Она осталась одна, неспособная думать ни о чем, кроме Флоримона. Вдруг вдалеке раздался звук рога де Рамбурга. Он нарастал, глубокий и ясный в тишине ночи. Эхо вторило ему. В нем звучали тревога и отчаяние, он явно звал на помощь.

Всадник, приближения которого Анжелика не услышала, въехал в круг света, отбрасываемого большим фонарем, расположенным у входа в парк.

— Драгуны! — закричал, спешиваясь, священник.

— Вы нашли Флоримона?

— Нет, солдаты не пропустили меня, и я повернул обратно. Их очень много, во главе их — Монтадур. Они двинулись к Рамбургу.

Анжелика сразу поняла, что случилось. Драгуны короля прорвались сквозь тонкую цепь протестантских отрядов и снова заняли территорию, которую знали лучше других, помня об опасности, подстерегавшей их в лесу и в болотах.

— Мы должны ехать туда, — заявила она. — Рамбурги нуждаются в помощи. — Она снова подумала о Флоримоне, чьи детские фантазии могли направить его прямо в растревоженное осиное гнездо.

В сопровождении аббата она поднялась на холм, откуда просматривался замок протестанта. Среди деревьев виднелись отблески света. На полпути они встретили группу всадников — ими оказались мадам де Рамбург, ее дети и служанки.

— Госпожа маркиза, мы хотим укрыться в вашем доме, Драгуны окружили замок Рамбургов с горящими факелами. Они обезумели от вина. Я боюсь, что они подожгут дом.

— А Флоримон с Натаниэлем?

— Флоримон? Откуда я знаю? — Она повернулась к детям. — Где же Натаниэль? Где Ребекка? Иосиф, я думала, ты держишь ее за руку. Ты кого ведешь?

— Я веду за руку Сару.

— Значит, Ребекка осталась там. Нужно возвращаться за ней! — всплеснула руками несчастная женщина.

— Поезжайте к моему дому, — произнесла твердо Анжелика. — Отец де Ледигер проводит вас. А я поеду туда и посмотрю, что там.

Она тронула лошадь, поднялась на вершину холма и тихо остановилась, невидимая снизу. Драгуны уже ворвались в незащищенный

замок, оттуда доносились крики. Рог смолк.

Держась в тени, Анжелика спешила и двинулась вдоль левого крыла замка. Внезапно она наткнулась на тело мертвого человека. Склонившись над ним, она узнала барона де Рамбурга. Тело его было насквозь проткнуто копьем.

Раздался громкий топот бегущих ног. Драгуны неслись, подобно десятку красных дьяволов. Подняв оружие в воздух, они кричали в диком пьяном восторге.

Из окна над ними выбросили маленькую фигурку, похожую на куклу. Это была Ребекка. Анжелика в ужасе закрыла лицо руками.

Потом она отыскала в темноте свою лошадь и вернулась в Плесси.

— Вы нашли Ребекку? — спросила мадам де Рамбург. — И барона?

Душа Анжелики онемела, словно закованная в стальной панцирь.

— Они укрылись в лесу. Мы должны сделать то же самое. Быстро одевайтесь теплее, берите плащи, одеяла и еду. Где Барба? Разбудите ее и велите одеть Шарля-Анри. Поторапливайтесь, люди!

— Мадам, посмотрите туда! — Ля-Виолет указал на приближающиеся к ним яркие огни. — Это факелы драгунов.

— Они движутся сюда... Через сады Рамбурга!

— Они уже здесь! — крикнул молодой слуга.

В конце длинной дорожки показался букет огней. Драгуны, не проявляя излишней торопливости, подъехали к замку. Стали слышны их перекликающиеся голоса.

— Всем войти в дом! — командовала Анжелика. — Закрыть и запереть все двери и окна.

Двери и окна замка закрывали массивные железные решетки. Только два окна, расположенные по обе стороны главного входа, оставались незащищенными.

— Люди, берите оружие и становитесь к тем окнам!

Отец Ледигер обнажил шпагу. Мальбран, отлучившись на минутку, вернулся с грудой мушкетов и аркебуз.

— Откуда все это взялось? — спросила удивленная маркиза.

— Учитывая беспорядки в районе, я давно уже начал собирать кое-какое оружие. Вот оно и пригодилось.

— О, спасибо, Мальбран, спасибо!

Мушкеты Мальбран раздал парням. Даже служанки получили по заряженному пистолету.

— Если вы не сумеете выстрелить, то всегда можете взять пистолет за дуло и стукнуть врага рукояткой по голове.

В огромных глазах мадам де Рамбург, стоявшей посреди гостиной, застыл ужас:

— Что случилось с Ребеккой и моим мужем? Вы знаете, мадам?

— Пожалуйста, успокойтесь. Давайте уложим детей, чтобы они могли отдохнуть хоть немного. Мы с вами должны позаботиться, чтобы они не впали в панику.

Баронесса де Рамбург упала на колени.

— Дети, мы должны молиться. Теперь я знаю. Наступил день, о котором Бог сказал: «Я откажусь от моих последователей и отдам их в руки врагов!..»

— Мадам, драгуны!

Возле террасы появился Монтадур. Только его мощная артиллерийская лошадь могла носить на себе такого крупного седока. Капитан казался теперь еще больше и массивнее, чем прежде, а недельная щетина на скулах делала его лицо еще безобразнее. Позади него стояла группа солдат, вооруженных мушкетами и алебардами. Казалось, они раздумывают, что предпринять.

— Откройте! — крикнул Монтадур. — Или я выломаю дверь!

Среди осажденных никто не пошевелился. Со стороны замка Рамбург подъехала еще группа конных солдат. Все говорили, что это тот самый дом, откуда их выгнали менее недели тому назад, когда ла Мориньер убил четверых их товарищей. По приказу капитана пятеро солдат притащили на руках огромное бревно и принялись его раскачивать. Первые же удары импровизированного тарана по парадной двери сотрясли весь замок. Один из детей Рамбургов начал плакать, мать принялась успокаивать его.

— Мальбран! — кратко произнесла Анжелика.

Каретник медленно поднял мушкет. Раздался выстрел, и первый драгун скатился вниз по ступенькам. Второй выстрел, и бревно с грохотом упало на лестницу, на ноги оставшимся в живых. Драгуны взвыли от ярости. Трое солдат с мушкетами выдвинулись вперед и начали бить в дверь прикладами. Мальбран тем временем перезарядил свой мушкет. Ля-Виолет выстрелил два раза в другое окно, и еще двое солдат упало на каменные плиты. Третьего тут же прикончил Мальбран.

— Отойдите, вы, идиоты! — закричал Монтадур. — Или вы хотите, чтобы они перебили всех нас по одиночке?

Нападавшие отступили, как испуганные волки. Оказавшись в безопасности, Монтадур выстроил в ряд своих мушкетеров. Раздался залп, и в замке на пол посыпались осколки стекол. Ля-Виолет, замешкавшийся возле окна, был ранен. Аббат де Ледигер поднял мушкет, выпавший из его

рук, и встал на его место у окна.

Анжелика склонилась над ля-Виолетом, взяла его под руки и оттащила в угол холла. Он был ранен в грудь, одежда быстро пропитывалась кровью. Маркиза отправилась на кухню за бинтами и корпией. Она очень удивилась, увидев Аурэль, жену повара, у огня и следившую за содержимым большого котла.

— Что вы варите, Аурэль? Неужели суп?

— Госпожа маркиза, я кипячу воду, чтобы лить на врагов, как делалось в добрые старые времена.

Но замок Плесси не был приспособлен к отражению нападения. Старая кухарка внезапно прислушалась:

— Солдаты пытаются взломать кухонную дверь!

Она оказалась права. Солдаты обошли дом и теперь ломались в тяжелую деревянную дверь кухни.

— Поднимитесь на второй этаж, — приказала Анжелика трем молодым парням. — Возьмите побольше пистолетов и стреляйте вниз!

Она вернулась к ля-Виолету и сразу поняла, что ничем не сможет помочь раненому. Слуга умирал.

— Госпожа маркиза, — прошептал он. — Я хотел сказать вам... Самое прекрасное воспоминание... когда я держал вас в своих руках... и когда вез по улицам...

— О чем вы говорите, бедный мальчик?

— Да, я держал вас в руках, когда маршал послал меня похитить вас из вашего дома... в Париже. Я держал вас и даже сдавил ваше горло... потом я нес вас и смотрел на вас, и это наиболее прекрасное воспоминание всей моей жизни... Такой красивой женщины, как вы... как вы...

Его голос стал слабеть, и последние слова прозвучали шепотом, что придало им оттенок таинственности. Теперь он еле дышал.

— Я прощаю вам ту ночь, — взяла она его за руку. — Позвать отца Ледигера, чтобы дать вам отпущение грехов?

— Нет, я хочу умереть в собственных молитвах. Прощайте...

«Конечно, он же протестант! Я забыла... — Она положила свою руку ему на лоб. — Бедняга! А теперь уходи... Может быть, Бог в своей милости успокоит тебя...»

Ля-Виолет умер. Другой слуга был тоже ранен и стонал в углу. Лицо Мальбрана было черно от порохового дыма. Слуги носили оружие и порох с одного этажа на другой.

«Мы должны остановить это!» — подумала маркиза и поднялась наверх к открытому окну.

— Капитан Монтадур! — прозвенел в ночи ее ясный голос.

Командир нападающих отступил назад, чтобы лучше рассмотреть ее. В его глазах светилась смесь триумфа и страха. Маркиза оказалась здесь, попала в ловушку! Он сможет отомстить ей!

— Капитан, какое право вы имеете осаждать дом католика? Я буду жаловаться королю!

— Ваш дом католика — убежище гугенотов! Отдайте нам еретичку и ее потомство, а мы оставим вас и ваших сыновей в покое!

— Стоит ли вам терять время, воюя с женщинами и детьми?!.. Вы лучше охотьтесь за людьми ла Мориньера!

— Вашего сообщника! — закричал Монтадур. — Вы думаете, я ничего не знаю? Вы продали душу дьяволу, вы — ведьма! Я все время воевал за нашу святую веру, а вы бегали в лес продавать и предавать нас бандитам... Я заставил одного из ваших парней говорить. Теперь я все знаю!..

— Я уже обратилась к королю! — закричала Анжелика так же громко, как и Монтадур, чтобы ее слышали все солдаты. — И месье де Морилас также будет извещен о вашем бесчестном поведении. А в интригах между знатью всегда страдают подчиненные, знайте вы, капитан, и знайте все его солдаты!..

Монтадур заколебался. В том, что она сказала, была правда. Сражаясь, он уже не раз чувствовал, что не получит одобрения за свои действия в Пуату. Но его войско нуждалось в убийствах, чтобы доказать свою силу! И потом, если он сейчас отступит, у него никогда больше не появится возможности овладеть женщиной, образ которой мучил его уже много месяцев подряд и которая играла с ним, как кошка с мышью. С ним, с Монтадуром! Ладно, потом будет видно! Но сначала он получит ее, заставит ее кричать от страха и просить пощады!..

— Выкурите суку из норы! — приказал он, махнув рукой.

Она отступила. У нее не было ничего для сделки с ним. В воздухе появился запах дыма, и раздался испуганный голос Аурэль:

— Они разжигают огонь у дверей!

Полусонная Барба заглянула в холл, ничего не понимая:

— Что происходит, мадам? Вы разбудили ребенка!..

— Драгуны пришли за нашими шкурами, Барба! Быстро одень Шарля-Анри, заверни его в одеяло и спускайся в подвал. Я посмотрю сама, можно ли пройти...

Подземный туннель, ее последняя надежда. Они выведут по нему женщин и детей. Лишь бы на их пути не оказалось драгунов!

Она бросилась в подвал, но вовремя остановилась между винными бочками: за дверью уже слышался глухой гул голосов. Солдаты нашли туннель или же человека, который под пытками выдал им его тайну.

Со свечой в руке Анжелика следила, как тонкая деревянная дверь поддается навалившимся на нее снаружи врагам. Потом она вернулась в дом и задвинула засов на двери, ведущей в подвал.

— Стой здесь! — приказала она Лину Пойраксу. — Бей по голове каждого, кто вылезет из подвала! Тебе помогут!

— Огонь!.. Огонь!.. — кричала его жена Аурэль.

Солдаты подложили солому и хворост, и тяжелые деревянные двери, простоявшие здесь больше ста лет, теперь были охвачены дымом. Парни со второго этажа спустились вниз, они уже не видели нападающих.

Слуги в упор смотрели на Анжелику.

— Госпожа маркиза! Что делать нам теперь?

— Мы должны пойти за помощью, — произнес кто-то из людей.

— Какой помощью? — закричала она.

В наступившей вдруг тишине они слышали голоса:

«Боже, возьми нас на небеса! Мы служили тебе последний день!»

Пели гугеноты вместе с детьми Рамбурга.

Перепрыгивая через ступени, Анжелика поднялась на верхнюю площадку сторожевой башни, но темнота ночи не позволила ей ничего разглядеть. «Откуда может прийти помощь?» Ведь она даже не знала, где находятся отряды герцога да ла Мориньера!

Внутри замка раздался ужасный шум. Она подумала, что упала стена, но оказалось, что гневный рокот вырвался одновременно из груди несчастных осажденных, когда в дверном проеме показался первый красный мундир драгуна.

Анжелика вышла на балюстраду и посмотрела через перила. Весь нижний этаж стал ареной ужасной битвы. Везде раздавались пронзительные крики. Крики слуг, борющихся за свои жизни, крики испуганных женщин, крики детей, схваченных жестокими руками, стоны солдат, облитых кипятком, и голос молящейся баронессы де Рамбург, стоящей на коленях посреди гостиной.

Мальбран схватил за ножку тяжелый крепкий стул и убивал каждого, кто приближался к нему. Крики женщин, которых насиловали тут же среди трупов, крики боли, крики умирающих. Анжелика заметила, как вверх по лестнице, прямо на нее бежит драгун, неся одного из детей Рамбурга. «На пики его!» — вспомнила она, выхватила из-за пояса тяжелый пистолет и нажала на курок. Солдат упал, на его лбу появилась черная дыра. Потом

она перегнулась через перила и стреляла в красные мундиры, пока кто-то сзади не схватил ее за руки.

Ее глаза успели увидеть еще три картины. Она помнила Барбу, пробежавшую прямо мимо нее с Шарлем-Анри на руках. Узнала Бертиль, свою горничную, раздетую догола, в кольце трех бесстыдно расстегивающихся солдат. И наконец, окно, раскрытое в ночь, через которое на землю выбрасывали мертвые и еще живые тела.

А потом она потеряла всякое представление о том, что происходит вокруг. Ее захлестнуло одно единственное чувство: чувство ужаса, вызванное ощущением собственной беспомощности. Она не испытывала такой животной паники, даже когда была прикована к «Столбу пыток» в Микенах.

Сейчас Анжелика силилась избежать того, что предстояло ей. И чем больше она вырывалась, тем яснее понимала свою беспомощность и тем большая паника охватывала ее. Вдруг она вспомнила, как вельможи в таверне «Красная Маска» бросили ее на стол, чтобы изнасиловать. Но тогда ей на помощь пришел Дегре со своей собакой Сорбонной.

А сегодня никто не придет ей на помощь! Дьяволы сполна отомстят женщине, так часто убегавшей из устроенных ими ловушек. Дьяволы подобрались к ней со всех сторон со страшными масками и волосатыми руками. Сегодня они уничтожат ее. Она так часто проходила сквозь пламя греха, не обжигаясь, но теперь они опозорят ее, и она уподобится остальным. Никогда больше она не будет гордиться своей порядочностью и своим очарованием.

Адские физиономии склонялись к ее губам, не давая кричать. Железные пальцы ползали по ее телу, разрывая платье. Ее тело распростерлось на полу, теперь ее плоть принадлежала им. Непристойные возгласы звучали в ее ушах, пока они скотски удовлетворяли свое желание. Их было очень много...

Пытка оказалась страшнее кинжала убийцы! Тело, принадлежавшее ей, теперь стало объектом позора. Мучительная боль пронзила ее и не оставляла до самой последней спасительной секунды, когда она наконец потеряла сознание.

Глава 16

Анжелика пришла в себя. Она лежала на каменном полу. Память вернулась к ней. Опираясь на руки, покрытые синяками, она встала на колени. Волосы упали на расцарапанное лицо.

Ах! Ты считала, что избавилась от демонов, слишком красивая женщина! Но демоны поймали тебя там, где ты считала себя в полной безопасности, в твоём собственном доме, на глазах твоих людей. Кстати, тебя ждут еще более горькие часы. Горячий стыд никогда не даст тебе поднять глаза к небу. Ты навсегда запомнишь рану прошлой ночи, гордая Анжелика!

Держась за стену, она поднялась на ноги. Теперь она уже никогда не сможет снова стать женщиной, которая боролась и надеялась, которая с ходу решала самые трудные задачи, поставленные перед ней самой жизнью. Руки механически обернули вокруг тела остатки разорванного платья. Она застонала, вспомнив о том, что случилось. Собственное тело стало ей противно.

Вокруг лежало множество тел, но она не понимала, что они все давно мертвы. Мысль, что кто-то из них может проснуться и подняться, заставляла ее торопиться к лестнице. Она начала спускаться вниз на подгибающихся ногах и вдруг увидела Барбу, лежавшую на ступеньках с ребенком на руках. Шарль-Анри мирно спал в объятиях старой служанки. Волна радости заставила задрожать Анжелику, она склонилась над ними, неспособная поверить собственным глазам. Это было настоящим чудом! Мальчик спал, как может спать только ребенок посреди разрушенного мира, его длинные кудри закрывали щеку и губы приоткрылись в сонной улыбке.

— Проснись, — мягко проговорила Анжелика. — Проснись скорей, маленький Шарль-Анри!

Но он не просыпался. Она осторожно потрясла его, чтобы заставить открыть глаза. Головка ребенка откинулась назад, и она увидела на шее глубокую рану, через которую ушла жизнь.

Анжелика с трудом разжала руки мертвой женщины и прижала к груди тело сына. Ощущение его веса, казалось, придало ей сил.

Она пробралась между трупами и вышла в сад. Солнце качало подниматься над поверхностью озера. Она шла, не чувствуя ничего, кроме веса ребенка. Она не замечала ни его неподвижности, ни бледности щек,

белых, как его рубашка.

— Мой ангел, пойдём... Я унесу тебя... Мы будем вместе... Я буду долго-долго играть с тобой...

Несколько крестьян, скрывавшихся в кустах, завидев ее, вышли навстречу. Они приняли из ее рук тело малыша и повели к дому Молина, разграбленному, но не разрушенному. Они принесли немножко коньяку, и маркиза выпила его, не проронив ни слова.

Все жители района покинули свои фермы и пришли в Плесси. Их глаза были прикованы к дыму, поднимавшемуся над деревьями. Все правое крыло замка и кухня сгорели, а затем огонь погас. Мальбран тоже остался среди спасшихся — он уцелел чудом, защищенный мебелью за которую упал оглушенный. Тут же оказались три служанки, пострадавшие от солдатских зверств и теперь плакавших, пряча лица в ладонях.

— Пойдемте, пойдемте, — проговорила старая крестьянка, увлекая всех в глубину сада. — Какая женщина не проходит через подобную мельницу хоть раз в жизни? Вы живы, и это главное, а остальное скоро забудется. Только так нужно смотреть на случившееся горе!

Через некоторое время появился Флино. Ему удалось сбежать от драгун и спрятаться в лесу. Чья-то голова склонилась к коленям Анжелики, плечи мужчины тряслись от рыданий. Она узнала отца Ледигера, лоб которого обвила окровавленная повязка.

— Ох, мадам, мадам!.. Какой ужас!.. Они оглушили меня, и я был на в состоянии защитить вас и бедного мальчугана...

— Не трогайте меня, — оттолкнула его маркиза, а потом как-то отрешенно спросила: — А где Флоримон?

— Не знаю, мадам. Среди людей, погибших в замке Рамбурга, его не нашли... Натаниэля тоже.

Но она уже не слышала его слов, снова впад в беспамятство. Мысленно она видела Флоримона, играющего с Шарлем-Анри в то время, когда брат Гортран рисовал их портрет.

— Бедная госпожа сопла с ума, — прошептала одна из женщин.

— Нет, она молится... Она читает поминальную молитву...

— Что за шум в парке? — очнувшись, спросила Анжелика.

— Звенят лопаты могильщиков, мадам. Они готовят погребение.

— Я пойду туда! — И она пошла, поддерживаемая священником.

На краю леса, около ворот уже выкопали несколько могил и сложили в них погибших. Последними из-за внушительной комплекции положили Лина Пойракса и его жену Аурэль.

— Молодого маркиза мы положили там, — человек с лопатой указал

на маленькую могилку, в стороне и уже убранный цветами, и, словно извиняясь, добавил: — Мы сделали все, что могли сделать быстро. Потом мы с почестями перенесем его в церковь Плесси, в родовую усыпальницу. Но сейчас церковь сторела...

— Послушайте, — сказала Анжелика, — Послушайте меня! — Ее голос внезапно окреп и начал вибрировать от гнева. — Слушайте меня, люди! Солдаты короля убили последнего мужчину из рода дю Плесси де Бельеров, наследника поместья. Кончился древний род. Они убили его, убили вашего господина. Все кончено. На земле не будет больше маркиза дю Плесси...

Раздались гневные крики, женщины плакали.

— Преступление совершили солдаты короля. Отряд наемников уничтожил ваш труд, ваш урожай и терроризировал всю провинцию. Иноземцы, люди, умеющие только вешать и жечь, едят наш хлеб и убивают наших детей. Позволите ли вы продолжаться таким преступлениям? Мы достаточно терпели убийц, действующих от имени короля. Сам король должен был бы их повесить. Но мы и сами проследим за исполнением справедливого приговора. Свободные французы, вы не позволите убийцам покинуть безнаказанно нашу провинцию, не правда ли? Вы должны взять оружие и отомстить за своего погибшего господина!..

Весь следующий день они догоняли драгунов Монтадура. Следы его отряда — сторавшие фермы и трупы, висевшие на придорожных деревьях. К вечеру преследователи обрадовались, убедившись, что драгуны не смогли переправиться через широкую реку и двинулись вниз по течению в поисках брода. Знали ли они, что их преследуют? Возможно, нет. Пьяная солдатня продолжала разорять и уничтожать деревни, а молчаливая страна начала уже терять терпение.

Наступила ночь, и взошла луна. Близился конец охоты. Крестьяне подкрались к стоянке драгунов, ковер из опавших листьев заглушал их шаги. Анжелика дала сигнал остановиться.

На широком поле, белом при свете луны, спали драгуны, уставшие от долгого марша и от пьяных кровавых оргий. К небу поднимался столб дыма, часовые сидели вокруг костра.

Фермер Мартин Жанет, возглавлявший крестьянское войско, оценил взглядом ситуацию. Распоряжения отдавались шепотом на местном диалекте. Скоро криком совы был подан сигнал, и с разных сторон ему ответили три таких же крика.

Часовой встревоженно поднял голову и потом снова задремал. А со всех четырех сторон к биваку двинулись бесшумные тени. Солдаты на

мгновение пробуждались ото сна, но только для того, чтобы уснуть навеки.

На следующий день лейтенант Жено прибыл в провинцию с шестьюдесятью солдатами, чтобы присоединиться к двум сотням Монтадура. После долгих поисков он нашел их на поле с перерезанными глотками. Работа была выполнена одними ножами. Монтадура узнали только по толстому животу. Его голова исчезла.

Впоследствии поле стало называться «Поле Драгунов». И ничего, кроме крапивы и ежевики, не росло здесь.

Так начался Большой мятеж провинции Пуату.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ОНОРИНА

Глава 1

Все случилось гораздо позже, когда король уже отстранил господина де Мориласа от должности правителя провинции и поместил его в замок Бавиль.

Письмо Анжелики, доставленное управляющим Молином королю, пришло слишком поздно. И пока король посылал за Ловайсом, идейным помощником Мориласа, чтобы узнать точно, что случилось в провинции, Пуату была уже полностью охвачена огнем восстания.

Никто и не подозревал, что поводом для страшного взрыва явилось убийство маленького мальчика с золотыми кудряшками. Из Парижа ситуация казалась весьма неблагоприятной, и долгое время протестантов обвиняли в сожжении замка Плесси и в исчезновении самой маркизы и ее сыновей. Ведь легче всего случившееся можно было бы объяснить кознями еретиков. Но первые отряды королевской армии, попытавшиеся вступить в Гатин, к своему удивлению, встретили упорное сопротивление католиков под предводительством Гордона де ла Ланди, чье древнее имя давно уже не пользовалось почетом при Дворе. А южнее Бокажа усилилось влияние Самюэля де ла Мориньера, командующего крупным соединением гугенотов.

Королевские отряды повсеместно были отброшены от линии, тянувшейся от Лодюна до Ниорта, пока зимний холод не упал на обнажившиеся деревья. Началась ужасная по своей жестокости партизанская война. Крестьяне были подобны теням. Создавалось впечатление, что вся местность населена людьми-невидимками, что страна стала пустыней...

Откуда взялась волна ненависти и против кого она направлена? Были ли то король, его войска или сборщики налогов? За что сражались и умирали жители провинции? Из-за чего крестьяне и дворяне повсеместно оказались охваченными патриотизмом, доходящим до религиозного фанатизма? Чего они пытались добиться?

На королевском совете для придворных стало привычным делом воздевать руки к небу и высказывать различные предположения. Но никто из них не отважился высказать истину. И никто не признался даже себе, что возникшее противостояние является последним усилием раненного зверя... реакцией смертельно обиженных людей, отказывающихся оставаться рабами.

Зима в Пуату началась с голода. Попытки месье де Мориласа мирно договориться с крестьянами не дали результата. Засуха прошедшего лета повсеместно уничтожила посевы, а урожай на фермах протестантов был полностью сожжен солдатней.

Постепенно люди стали понимать роль некой женщины, объединившей католиков и протестантов — знать и крестьян, фермеров и жителей небольших городов — в пылающем огне ненависти. Кое-кто при Дворе смеялся над ходившими о той женщине легендами, другие верили в них! Дни Фронды, когда красивые женщины играли значительную роль в политической жизни Франции, были не так уж далеки, и еще никто не забыл Жанну, родившуюся в бедной хижине и водившую солдат на битву. А эта женщина наверняка была не крестьянкой, ибо дворяне беспрекословно подчинялись ей.

Со стен замков снималось оружие — мушкеты и алебарды, старинные пистолеты и длинные мечи. В ход пошли даже охотничьи луки и стрелы, надежное и совершенно бесшумное оружие в руках человека, спрятавшегося за дубами у дороги. Солдаты короля скоро пожалели, что на них нет металлических лат, как в старину.

Говорили, что женщина, молодая и красивая, имеет большое влияние на партизанских вожаков, ездит на лошади в костюме для верховой езды и что высокий воротник ее плаща скрывает прекрасные светлые волос. Она навещает каждый замок, каждый большой дом в провинции, приходит к самым гордым людям и всегда находит с ними общий язык. Дворяне собирали своих крестьян во дворах замков, и когда она появлялась перед ними, сидя на лошади или поднимаясь на каменные ступени, и начинала говорить мягким ясным голосом, далеко разносившимся в холодном воздухе, простые люди слушали ее с возрастающим вниманием.

Конечно, это была Анжелика. Она просто и доступно объясняла вещи, о которых люди долгие годы говорили шепотом между собой. Она напоминала им про ужасные 1662 и 1663 годы, когда жители деревень были вынуждены есть траву, древесную кору и солому с крыш домов. Она напоминала с детей, умиравших от голода или уходивших в города — в то время как в Париже на карнавале король и принцы крови появлялись на глазах у публики, с ног до головы увешанные драгоценностями.

Анжелика рассказывала о горестях французских земледельцев, и крестьяне впервые увидели возможность избавиться от непосильных налогов — «кастриального» и «соляного».

— Местные вельможи — ваши истинные хозяева. Когда голодаете вы, голодают и они. Часто они не платят королевскую «десятину» и делают так

для защиты вас от жадных рук.

— Правда... Она права... — шептали крестьяне.

— Идите за своими господами! Пришло время положить конец вашей бедности и королевскому произволу!

Маркиза говорила о роскоши королевского дворца, о плате чиновникам и о богатстве крупных финансистов — обо всем, что принуждает парламент требовать деньги у крестьян...

Города Партеню, Монтерри и Лярош вооружились и укрылись за своими стенами. За оружие брались люди и с громкими, и с менее известными именами. Торговцы и представители среднего класса также оказались настроенными против короля. Анжелика знала, как расшевелить их словами о деньгах и прибылях. Они начинали понимать, что ничто не защитит их от беззаконий королевских наемников, если они не присоединятся к своим кровным братьям из Бокажа, преимущественно протестантского района. Здесь, при крупнейшем месторождении соли, происходили частые столкновения между населением и короной. Дельцы контрабандной торговли солью побуждали других торговцев присоединиться к ним. Взамен соли в Пуату поступала пища, доставляемая на побережье и уходившая в глубь провинции по рекам и дорогам, втайне от властей. За пищу платили хорошие деньги. И купцы из Фонтена стали понимать простой факт: золото окажется бесполезным, если они все умрут с голода.

За событиями в Пуату следила вся Франция. Высший свет ждал конца холодов, чтобы войти в провинцию и посчитать умерших. Но жители Пуату держались и не умирали.

В течение морозных месяцев Анжелика нигде надолго не задерживалась. Она была там, где в ней нуждались. Она сидела возле камина в древнем рыцарском замке, в лавчонке городского купца или у фермерского очага. Она говорила с разными людьми и утверждалась в мысли, что зерна готовы дать всходы. Предощуцалось: скоро что-то произойдет! Но лучше всего ей было на узких лесных тропинках. Ее постоянным спутником стал барон де Кройси. Именно к нему она пришла просить помощи сразу после той трагической ночи. С тех пор крупный полный мужчина повсюду сопровождал ее.

Все протестанты из поместья Анжелики давно уже присоединились к полкам ла Мориньера. Остальные под командой Мартина Жанета образовали необычный отряд. Каждый жил в своем доме, но при первой же необходимости все были готовы уже вооруженными собраться вместе. Здесь были все уцелевшие в Плесси. Грум Алан, Камилл, старый Антон,

Флино-парижанин, не знавший, что делать среди лесов и, наконец, Мальбран, страшно довольный тем, что снова вовлечен в военную кампанию.

Отец де Ледигер теперь ни на минуту не покидал Анжелики. Каждый раз, как только он терял ее из виду, спешил снова увидеть ее. Он до глубины души был напуган ее холодным лицом с помертвевшим взглядом, и терзался мыслью, что Анжелика может попытаться покончить с собой.

Иногда, после целого дня утомительных разъездов, Анжелика впадала в глубокую молчаливую задумчивость. Тогда она садилась перед огнем в большом зале замка. За стенами дома завывал ветер, сухо стучали ставни, и слышались размеренные шаги де ла Мориньера. Он шагал взад и вперед по залу, и его длинная тень колыхалась от языков пламени. Время от времени он останавливался и молча смотрел на маркизу. Ему чудилось, что женщина заморожена и нуждается в его тепле... И он снова начинал метаться, как зверь в клетке. Герцог в любой момент мог видеть ее лицо, но отлично понимал, что ее мысли были слишком далеко отсюда. Да и тонкая фигура молодого священника постоянно находилась рядом с ней.

Сердце Мориньера наполнял бессильный гнев. Но не только присутствие маленького аббата тревожило его. Барьер, возникший между ним и женщиной, которую он желал со все возрастающей страстью, был более непреодолимым, чем присутствие пажа-священника с глазами юной девушки. Герцог смог бы одной рукой разделаться с отцом де Ледигером, если бы не было другого, более серьезного препятствия. Он не мог ничего сделать даже всей силой любви. Она была потеряна для него навсегда.

Услышав о нападении на замок Плесси, герцог со своим войском ускоренным маршем вернулся в провинцию. Несколько дней он искал исчезнувшую маркизу и наконец разыскал. Гнев Самюэля де ла Мориньера против злодейства, совершенного солдатами Монтадура, смешивался с ранее совершенно неизвестным ему чувством — с человеческим горем. Мысль, что желанная ему женщина была изнасилована, делала его просто безумным. И во время поисков он несколько раз чуть не бросился на шпагу, чтобы покончить с мучениями, терзавшими ему и душу, и сердце. Он был не в состоянии даже взывать к милосердному Богу. Однажды, сидя на старом пне посреди густого леса, под затянутым тучами небом, жестокий протестант почувствовал, как кровоточит его сердце и слезы текут по щекам. В такое состояние его привела Анжелика. Бедняга был влюблен...

Разыскав ее, герцог упал на колени, целуя край ее платья. Она выглядела спокойной, и только черные круги под глазами говорили о

многом. Он был поражен ее раненной красотой и страстью, загоревшейся в нем самом. Когда они остались наедине, он захотел взять ее на руки. Она побелела, ужас появился на ее лице:

— Не подходите! Не приближайтесь ко мне!..

Ее страх сделал его безумным. Он хотел целовать ее губы, оскверненные другими, хотел удалить с нее следы скверны, очистить ее. Безотчетная ярость, вызванная любовью и ревностью, горем и желанием обладать ею, наполнила все его существо, и, игнорируя ее мольбы, он прижал ее к себе. Однако, ощутив ее конвульсии, он почувствовал, что ярость его исчезла. Внутренне окаменев, он положил ее на пол.

В комнату вдруг ворвался отец де Ледигер:

— Негодяй! Как вы осмелились к ней притронуться!? — Герцог отдернул свои волосатые руки. — Как вы не понимаете?! Она же не может вынести, чтобы мужчина касался ее!.. Негодяй!

Потребовался почти час, чтобы привести маркизу в сознание. Потом Анжелика и де ла Мориньер еще встречались в домах своих приверженцев во время военных действий. Случались вечера, когда хозяева оставляли старого гугенота наедине с католичкой. Тогда наступало молчание, и так проходили долгие часы.

В феврале Анжелика оказалась неподалеку от Плесси. Она не захотела видеть руины своего старого дома и остановилась в доме де Кройси. Толстый барон был добр и благожелателен. За последние четыре месяца он проявил больше активности, чем во всей предшествующей жизни. Он чувствовал себя доверенным другом Анжелики, к которому она могла обратиться, что бы ни случилось. И действительно, она не чувствовала себя обеспокоенной в его присутствии. Три брата де ла Мориньер и другие вожди мятежа собрались здесь, чтобы обсудить ситуацию, предвидя, что весной солдаты короля начнут наступление на всех направлениях. Могут ли они рассчитывать на бретонцев, являющихся бретонцами только наполовину, раз жили на другой стороне Луары? Какие силы будут противостоять королевским войскам?..

Вскоре в этих местах произошла жестокая схватка — результат вылазки отряда королевских кирасир, знавших, что Анжелика находится в данном районе и что за ее голову установлена крупная награда. Расположенное рядом «Поле Драгунов» вызывало особую ярость солдат. Маркиза со своим отрядом оказалась полностью окруженной. Но ее спас Валентин, мельник, у которого она вместе с раненым де Ледигером нашла укрытие. Чтобы уберечь их от погони, Валентин на лодке скрылся в болотах, где их никто не рискнул преследовать.

Глава 2

Анжелика провела несколько недель в хижине Валентина, которая, несмотря на окружающую ее воду и почерневшую от времени крышу, оказалась вполне комфортабельной. Специальный слой соломы и мха, находящийся между двойных деревянных стен, полностью поглощал влагу и не пропускал холод. Внутри было тепло и сухо, а когда в массивной печи горел огонь, становилось достаточно приятно и уютно, чтобы забыть окружающий их унылый болотный пейзаж.

Весь домик состоял из одной комнаты с низким потолком — наполовину конюшни, наполовину лавки, куда Валентин доставлял припасы, молоко и сыр. Здесь же был каменный бассейн для купания, висели полки с хлебом и стояли бочонки с вином.

Весьма примитивная кровать представляла собой сетку на низеньких ножках. Висела тут и икона Святой Девы, оправленная в золото. Анжелика видела эту икону и раньше. Она смотрела на нее, открыв рот, как делала в детстве, с необъяснимым чувством, будто вернулась в собственное прошлое.

Здесь женщине не нужно было прятаться. Выберется отсюда она только весной, когда начнется общее наступление протестантов, и поддержит своим присутствием их боевой дух. Несмотря на осадное положение, в провинции пока было спокойно. В еще разобщенных, не слившихся вместе отрядах продолжалась борьба с голодом. Но благодаря восстанию оставшиеся небольшие резервы не изымались сборщиками налогов и не реквизировались голодными солдатами. Провинция могла жить, и жители оставались довольны. «Лучше позволить событиям идти своим чередом». «Что Бог ни делает, все к лучшему». Но подтолкнет ли такая политика людей на защиту своей обретенной свободы? Да, все они давно уже готовы к борьбе.

Валентин приезжал почти ежедневно. Что он делал в остальное время? Возвращался ли он на свою мельницу или охотился и рыбачил? Ведь иногда он появлялся с полными корзинами рыбы и набитыми дичью охотничьими ягдташами.

Обитатели хижины говорили мало. Раненный священник большую часть времени просто спал. Рана в боку заживала, но его часто лихорадило. Он стал подобен тени среди двух теней, погруженных в свои мысли. Все трое были очень разными: красивая женщина с трагической судьбой,

тугодум мельник и маленький священник, оторванный от придворной жизни. Они оказались запертыми среди мертвой тишины, в центре болот.

Анжелика спала на кровати, покрытой мягкой овечьей шкурой. Ее сон был глубоким и без сновидений — нечто совсем новое для нее. Испытания, через которые она прошла, казалось, не оставили следа. Просыпаясь, она слышала шум дождя, и он умиротворял ее.

Если Валентин оставался в хижине до утра, она ночью видела его сидящим в деревянном кресле. Отблески огня играли в его открытых глазах. У Анжелики появилось впечатление, будто он смотрит только на нее. Она закрывала глаза и снова засыпала.

Валентин был для нее просто другом детства. Он поддерживал огонь в очаге, доил козу, варил суп и жарил рыбу. Иногда привозил корзиночку пирожных из творога, на которые она с жадностью набрасывалась. И тогда улыбка появлялась в глазах мужчины, следившего, как ее зубы впиваются в пирожное. Она смущалась и выходила из комнаты, чтобы избежать его взгляда.

Они пришли на островок в самой середине зимы, земля была еще мерзлой. Морские птицы только начали появляться на своих гнездах. Высокие пирамидальные тополя, завезенные из Дании Генрихом IV, изменили приморский пейзаж. Стоя возле хижины, Анжелика смотрела вдаль и, подумав вдруг о Флоримоне, Шарле-Анри и Канторе, о трех маленьких существах, когда-то державшихся за руки и потерянных ею, она всплеснула руками и закричала:

— Мои сыновья!.. Мои сыновья!..

Ее голос разносился над застывшей равниной, покуда не прибежал отец де Ледигер, осторожно взял ее за руку и отвел обратно в теплый дом.

— Да, вы принесли в жертву своих детей, — тихо произнес он. — Вы ужасная женщина! Вам не нужно было покидать Версаль и уезжать на Восток. Вы должны были помириться с королем, ради детей должны были лечь в постель короля...

Она начала плакать, призывая сыновей и умоляя их простить ее.

Ранняя весна окрасила все вокруг в нежный зеленый цвет. Зацвели ароматные водяные лилии. И Анжелика вспомнила, как няня говорила ей, когда она была еще ребенком:

— В болотах живут плохие люди, они не платят налоги королю!

Стоял март, но было необычно тепло.

— Похоже, что зима не задержится, — сказала Анжелика вечером Валентину. — Добрые духи на нашей стороне. Я начинаю думать о возвращении на свои земли.

Мельник поставил на стол кувшин и тарелки с едой. Когда обед, по обыкновению молчаливый, заканчивался, отец де Ледигер пошел спать на чердак. Валентин наполнил свой бокал вином и принялся шумно пить. Маркиза посмотрела на него так, будто увидела впервые, с удивлением разглядывая мускулистую спину под фланелевым кафтаном и кожаные ботинки с металлическими пряжками. Не купец, но и не крестьянин! Таков был мэтр Валентин, мельник из Аблета, всегда живший там. Сейчас он внимательно поглядел на нее поверх бокала. Взгляд его стал жестким:

— Так вы серьезно думаете об отъезде?

Он говорил на местном диалекте, и она ответила ему так же.

— Да, я должна узнать, что там делается. Приходит лето, и скоро по всей провинции начнется война.

Он выпил второй бокал, тяжело вздохнул и налил третий. Потом, повернувшись, снова уставился на нее. Его лицо стало красным, и за полураскрытыми губами она видела белые зубы. Чувствуя усталость, она оттолкнулась от стола и пробормотала:

— Думается, мне давно пора в постель...

— Я положил свежей соломы, чтобы сделать постель мягче... — Он подошел к ней, взял за руку и с голодным блеском в глазах посмотрел на нее: — Пойдем вместе на сеновал!

Анжелика отдернула руку, словно ее обожгло огнем:

— Что с тобой, Валентин? Ты с ума сошел?

Она жгла его уничтожающим взглядом. Отвращение, переполнявшее ее, — отвращение ко всем мужчинам — мешало ей защищаться, как она умела. В груди гулко забилось сердце, она испугалась. Если он дотронется до нее, она лишится сознания, как в случае с герцогом де ла Мориньером. Она уже содрогнулась от ужаса, самым краешком сознания вспомнив о страшной ночи в Плесси.

— Не трогай меня, Валентин, — тихо произнесла она.

Тот стоял с отвисшей от вождения нижней губой.

— Почему не я? — с вызовом проговорил он. — Я люблю вас... Я всю жизнь отдал этой любви. Я долго ждал своего часа. Раньше я думал, что такое просто невозможно, но теперь я знаю, что вы все-таки будете моею...

«Точно такой же, как Николя! — с ужасом подумала она. — Он и ведет себя, как Николя!..»

— Я не свожу с вас глаз с тех пор, как вы здесь. Вы толстеете, как беременная овца. Тогда я и обрадовался, потому что понял, что вы никакая не фея, что я могу иметь вас и вы не напустите на меня чары или порчу...

Она слушала его, не понимая, что он имеет в виду. А он хрипло, но

мягко продолжал на диалекте Пуату:

— Иди ко мне, моя прелесть. Пойдем со мной на сеновал! — Он подошел вплотную и прижал ее к себе, обняв крепко за плечи.

Анжелика изо всех сил ударила его кулаком по лицу:

— Убери свои руки, смерд!

От такого оскорбления Валентин отпрянул. Он снова был мельником — человеком, выброшенным из деревни за свой горячий характер и необузданный нрав.

— Как и в прошлый раз, — протянул он. — Как в тот раз в амбаре ночью. Вы не изменились, но я теперь не боюсь. Сегодня вы будете моей! — с ужасной решимостью заявил он, тяжело ступая, подошел к столу и выпил стоявший там полный бокал вина. — До сих пор еще никто безнаказанно не оскорблял мэтра Валентина. Вы ранили меня в самое сердце и заплатите за обиду...

Она поняла, что должна успокоить безумца.

— Не поймите меня неправильно, мэтр Валентин. Я не презираю вас. Но, будь вы даже самым королем, я не была бы вашей. Я не могу позволить мужчине дотронуться до себя. У меня такая болезнь. Попробуйте понять мое положение!

— Неправда, мадам, вы лжете! Многим другим вы позволили дотрагиваться до вас, тот парень, что вложил ребенка в ваш живот!..

— Какого ребенка? — непонимающе поглядела она на него.

— Что вы делаете из меня дурака? — даже оторопел Валентин. — Ребенка, которого вы носите! Это и убедило меня, что вы не фея! Феи не могут заполучить ребенка от человека. Настоящие феи никогда не имеют детей...

— Какой ребенок? — хрипло повторила она.

— Вы не можете утверждать, что вы не знаете, — заметил мельник. — Уже добрые пять или шесть месяцев, как вы его носите!

Пять или шесть месяцев! Невозможно!.. После Колена Патюреля она ни с кем не была близка. Она не отдавалась мужчине!

Пять или шесть месяцев... осень! Красная ночь в Плесси, выстрелы, кровь, огонь, плач детей, стоны женщин, отвратительный спектакль с драгунами, расстегивающими шаровары... Борьба и боль, безумное унижение и теперь, пять месяцев спустя, — ужасная правда. Крик вырвался из самого сердца:

— Нет!.. Нет!.. Боже, только не...

Все время, пока она носилась по Пуату, ее мозг был подчинен только одной цели. Она совсем забыла о себе, она ничего не замечала. Она не

хотела думать о своем теле и не беспокоилась о нарушениях обычным явлений, объясняя возникшую задержку перенесенным шоком.

Теперь все стало очевидным. Ужасная, абсолютно нежелательная беременность неуклонно развивалась. Она раздвигала ее платье, несмотря на жесткий корсет, фигура расплылась и потеряла привычную стройность. Валентин, кажется, разгадал ее состояние. Глубокое молчание нарушалось только всплесками рыб в воде.

— Ну, и какая разница? — резюмировал мельник. — Вы теперь стали еще более привлекательной и человечной.

Он снова подошел к ней. Анжелика оттолкнула его руки и отскочила в темный угол комнаты, неспособная даже закричать. Ему вскоре удалось схватить ее и заключить в крепкое объятие. Но в тот же момент раздался сильный удар в дверь, засов отскочил, и высокая фигура Самюэля де ла Мориньера показалась на пороге. Он заглянул внутрь и сразу увидел обнявшуюся пару.

После исчезновения Анжелики герцог был охвачен страхом. Ему сообщили, что она стала узницей проклятого мельника, который держит ее взаперти на болоте. Пусть даже не все было абсолютной правдой, но мельник-папист мог оказаться опасным соперником. Почему женщина благородного происхождения последовала за ним? Почему она не возвращается? Что она там делает?..

Неспособный ждать более и не сказав никому ни слова, он взял проводника и отправился на болота. Явившись, он нашел ее, почти обессиленную, в жестоких руках обезумевшего идиота.

— Я перережу тебе глотку, наглец! — прорычал герцог, выхватывая длинный кинжал.

Валентину едва удалось избежать удара. Согнувшись, он проскользнул в другой конец комнаты. Лицо его исказила ярость.

— Вы не получите ее, — хрипло заявил он. — Она мол!

— Грязная свинья, я вырву твои вонючие кишки!

Мельник был так же высок и силен, как и протестантский вельможа, но безоружен. Он укрывался за столом, не сводя глаз с вновь прибывшего соперника, дрожавшего от ревности и яростно желавшего перерезать ему горло. Огонь в очаге погас, и углы комнаты погрузились в зыбкую темноту. Теперь Валентин пытался добраться до топора с длинной рукояткой, всегда стоявшего за ящиком с дровами.

Анжелика бросилась к лестнице, ведущей на чердак, склонилась над молодым священником и стала трясти его изо всех сил:

— Они дерутся!.. Они дерутся из-за меня!.. Вставайте!

Полусонный аббат смущенно посмотрел на нее:

— Не бойтесь ничего, мадам. Я здесь...

Внизу раздался удар и тяжелый звук падающего тела.

— Послушайте... — почти простонала маркиза.

— Ничего не бойтесь!

Священник схватил шпагу, лежавшую рядом с ним, и вслед за Анжеликой бросился вниз по лестнице. В свете еле мерцавшего камина они увидели вождя гугенотов, лежавшего на полу лицом вниз. Голова герцога была в крови.

Стоя у стола, Валентин пил вино прямо из кувшина, глаза его были безумны. Окровавленный топор валялся у его ног.

Глава 3

Мельник увидел Анжелику и с довольным видом поставил кувшин обратно на стол.

— Чтобы завоевать принцессу, всегда приходится биться с драконом, — сказал он. — Дракон пришел, и я убил его. Дело выполнено! Теперь я владею вами. Вы от меня никуда не денетесь!

Он двинулся вперед, пьяный не только от вина, но и от жестокости и желания. В одно мгновение священник оказался рядом с ним и поднял шпагу.

— Назад, мельник! — спокойно скомандовал он.

— Уйди с моей дороги, святой отец, — зарычал Валентин. — Тут не твое дело. Ты невиновен, отойди в сторону!

— Оставь женщину в покое!

— Она принадлежит мне, я убил дракона!

— Она не принадлежит никому, кроме Бога. Покинь этот дом, не рискуй потерять свою душу.

— Хватит церемоний, святой отец. Пропустите меня!

— Во имя Христа и Святой Девы призываю тебя уйти!

— Я раздавлю вас, как орех!..

— Не пытайся идти вперед, мельник. Я остановлю тебя!

Валентин двинулся на него. Анжелика закрыла лицо руками.

Мельник качнулся назад, руки его повисли. Он опустился на колени и застонал:

— Дайте мне прощение, святой отец!.. Я умираю!.. Я не хочу уходить на небо грешником... Отпустите мне грехи...

Затем причитания умирающего стали слабее, и скоро его стоны стали прерываться бормотанием священника, читающего молитвы.

Наступила тишина. Аббат завернул оба трупа в холст, оттащил их подальше от хижины и столкнул в болото. Вернувшись, он осторожно закрыл дверь, подошел к очагу и подбросил дров. Огонь запылал с новой силой. Он взял Анжелику за руку:

— Садитесь перед огнем и согрейтесь, мадам... Человек, который привез сюда герцога, убежал. Я слышал плеск его весел. Он католик и не станет ничего рассказывать...

— Ужасно... ужасно!.. — вздрогнула она.

— Да. Два человека мертвы.

— Нет. Ужасна не их смерть, а то, что Валентин сказал мне. — Она со страхом посмотрела на маленького священника. — Он говорил, что у меня... у меня будет ребенок...

Аббат подтверждающе кивнул и смущенно покраснел.

— Так вы все знали и ничего мне не говорили?!

— Но, мадам... — забормотал он. — Так ведь я думал...

— Какой я была душой! Как я могла так долго не понимать!..

Она чувствовала, что сходит с ума. Отец де Ледигер попытался взять ее за руку, но Анжелика оттолкнула его, уловив вдруг слабое движение внутри себя. Ощущение было в тысячу раз хуже, чем оказаться съеденной заживо диким зверем. Она хотела тут же броситься в болото, но священник так просил и умолял ее, что она наконец вняла и успокоилась. Аббат неотступно следил за ней, боясь, что женщина придет к непоправимому решению, но она заставила себя улыбнуться.

— Идите спать, — проговорила Анжелика, — вы сами должны отдохнуть, — и погладила его густые черные волосы.

— Каждое ваше страданье — мученье для меня, мадам!

— Я знаю, мой дорогой! — Она прижала его голову к своей груди, ибо он был чист и любил ее, и то была единственная радость, остававшаяся у нее в окружающем страшном мире. — Мой бедный ангел... Ангел-хранитель... Идите спать!

Он нежно поцеловал ей руку и поднялся на чердак, но был так возбужден, что она долго слышала его шаги, перед тем как он упал на свою жесткую постель.

Еще несколько часов она оставалась неподвижной, как статуя, а при первых признаках рассвета накинула плащ и бесшумно выскользнула из хижины. Лодка мельника качалась, привязанная к мосточку. Анжелика сошла в нее, взяла весло и оттолкнулась в просторы зеленых вод канала. Еще не рассвело, и лодка двигалась среди стаи диких птиц, кричавших при ее приближении.

Она подумала об отце де Ледигере. Он уже не сможет догнать ее и помешать исполнить задуманное. Возле хижины остался ялик. Аббат сможет воспользоваться им, чтобы вернуться к людям.

На горизонте вошло солнце. Туман рассеялся, и стало теплее. Анжелика двигалась по каналу и к полудню добралась до берега.

Глава 4

— Мелузина, ты выполнишь мою просьбу, или я прокляну тебя!

Анжелика положила пальцы на костлявое плечо старухи. Ведьма и маркиза стояли лицом к лицу, их глаза сверкали. Они были похожи на двух ужасных гарпий, и повстречай их сейчас кто-нибудь в полутьме леса, испугался бы до смерти.

— Но мое проклятье сильнее твоего, — отозвалась Мелузина.

— Нет, не так. Когда я умру, то стану сильнее тебя! А я точно умру, если ты откажешься дать мне снадобье. Я проткну себе живот, чтобы убить его! Ты понимаешь?

— Хорошо, — внезапно сдалась ведьма. — Будь по-твоему! — Она передернула плечами под покрывавшей их мешковиной, прошла к очагу, где в чугунном котле кипела вода, и начала бросать туда разные травы и листья.

— Что я могу сделать?.. Слишком поздно, ты уже на шестом месяце. Если ты выпьешь мое снадобье, ты можешь умереть.

— Не беспокойся. Я должна избавиться от беременности!

— Ты упряма как мул... Если ты умрешь, здесь не будет моей вины. Но ты не будешь возвращаться с того света и не станешь тревожить меня. Обещаешь?

— Обещаю, Мелузина.

— Мне будет очень плохо, если ты умрешь, — задумчиво проговорила ведьма. — Тебе предназначен долгий век, ты сильна и здорова. Возможно, ты и выдержишь... Выпей отвар, иди и ложись возле Волшебного Камня. Там самое безопасное место. Духи помогут тебе. И помни о своем обещании!

Огонь в очаге пылал до самой ночи. Мелузина наполнила большую деревянную кружку пахучей жидкостью и протянула ее Анжелике. Маркиза решительно выпила все до последней капли. На вкус напиток оказался для нее слишком противным, и она вздохнула с надеждой, несмотря на страх перед мучениями, ожидавшими ее. Но зато потом она будет свободной. Ужас необходимо победить, она должна найти в себе мужество перенести все мучения. И она молча повернулась, чтобы идти в лес к Волшебному Камню. Ведьма сунула ей в руку какие-то порошки.

— Если боль станет невыносимой, прими один или два. Они облегчат твои страдания. А когда плод выйдет, оставь его на камне друидов и

накрой чем-нибудь...

Анжелика брела по тропинке, уже поросшей молодой травой. Тонкие стебельки были достаточно сильны, чтобы пробиваться через прошлогодние мертвые листья. Наступила весна, и все вокруг стало зеленым, все благоухало. Она добралась до вершины холма, где находился Волшебный Камень. Ноги подгрести кучу сухих листьев к уютному углублению в каменной глыбе, чувствовался знакомый запах дуба. Женщина прилегла на постель и прижалась к камню, теплоте от лучей солнца. Ее тело еще не реагировало на ведьмино снадобье. Она скрестила руки на груди и лежала под небом, где плавало одно-единственное облачко.

Она когда-то приходила уже сюда плясать с местными парнями и девушками. Они пели песни, запрещенные церковью, чтобы заставить появиться фей и гоблинов, представляя себе, что слышат их ясные голоса и слабый топот каблучков. Потом они наперебой кричали в возбуждении:

— Вон он дух! Он карабкается на дуб!..

Наступила глубокая ночь, исчез последний луч света. Над деревьями поднялась луна, сначала красная, потом золотая и, наконец, засветившаяся чистым серебром.

Анжелика прижалась спиной к камню. Боль, разрывающая все ее тело, ни на секунду не давала передышки.

— Сейчас должно кончиться! — вслух повторяла она.

Но боль не отпускала. Ее виски покрылись испариной. Луна, казалось, застыла на небосклоне. Страдания превысили меру ее терпения, и она закричала. Ветви, качающиеся над ней, приняли обличья умерших: вот бандит Николя Каламбрден, вот Валентин в своей неизменной шляпе, третьим оказался черный бородатый гугенот, чьи глаза горели, как две восковые свечи... Она видела и других духов, быстро скользящих по деревьям. Она дрожала, как в лихорадке, а когда боль стала совсем нестерпимой, вспомнила о порошках, которые дала ей ведьма. Торопясь, она развернула тряпочку и прямо без воды проглотила щепотку каких-то семян. Боль вскоре немного утихла, но оставалась здесь, только казалась чужой и далекой. Анжелика стала быстро глотать порошок, боясь, что боль вернется с былой жестокостью, и медленно погрузилась в сон, напоминающий смерть.

Когда Анжелика проснулась, лес больше не был страшен. На ветках деревьев пели птицы, виднелось розовеющее небо.

«Все кончено, — подумала она. — Я наконец свободна!..»

Все еще находясь в наркотической прострации, она приподнялась и

села. Тело казалось невероятно тяжелым. Мысли были тоже тяжелыми, но уже счастливыми.

«Я освободилась от ужаса. Я свободна!..»

Она медленно подняла свою одежду и вдруг почувствовала в себе что-то новое и непонятное.

«Что случилось?»

В ответ она получила легкую пульсацию, идущую откуда-то изнутри, и сразу все поняла.

«Ничего не случилось! Ничего не вышло! Как ужасно!..»

Видно, счастье изменило ей. Она вскочила на ноги, побежала к пещере Мелузины и в гневе чуть не задушила колдунью.

— Ничего у тебя не получилось! Дай еще снадобья!

Ведьме пришлось бороться изо всех сил, чтобы вырваться.

— Зачем насильно изгонять из себя ребенка, когда всем и так известно, что с тобой случилось? Подожди еще три месяца, придет время, и ребенок покинет твое лоно, хочешь ты того или нет. И без смертельной опасности, как было сегодня. Ты можешь прийти сюда, и я тебе помогу... Потом делай все что захочешь. Можешь бросить его в пропасть, сжечь или оставить на чьем-нибудь пороге в ближайшем городке...

— У меня нет сил ждать, — рыдала маркиза, уже зная и понимая, что ведьма права. — Что мне делать?

— На, выпей! — подала ей колдунья кружку доброго вина.

Анжелика покинула лес и решила присоединиться к братьям герцога де ла Мориньера. Она нашла их в замке Рокей близ Брешура и сообщила им, что патриарх мертв и что теперь они должны продолжить его дело. Они не стали спрашивать об обстоятельствах смерти вождя протестантов. Анжелика всегда вызывала уважение окружающих, в ней было нечто, предупреждающее лишние вопросы. Братья ла Мориньер окружили ее вниманием и заботой, они думали, что маркиза носит ребенка герцога.

Анжелика снова разыскала отца де Ледигера. Они никогда не вспоминали о произошедшем на болотах, и священник, как и прежде, стал всюду ее сопровождать.

С наступлением весны природа и люди ожили, казалось, с одинаковой силой. Наступало время новых сражений.

Анжелика носилась по всей провинции со своими постоянными спутниками. С ее появлением партизаны уверились в своей победе.

В июне Анжелика захотела вернуться в Нейль. Расположившись в своем родовом замке, она вдруг исчезла. Ее спутники и слуги сначала

спрашивали друг друга, куда она девалась, а потом замолчали, когда одинаковая мысль промелькнула в их головах и они поняли, почему она так внезапно покинула отряд.

Повстанцы ждали ее возвращения, сидя вокруг огня. Они не покидали места стоянки, чтобы она без труда могла найти их. Они оказались бессильны помочь ей и не могли ничего сделать, чтобы облегчить ее боль! Они были мужчинами, а она женщиной. Она была красива, горда и благородна и страдала от своего женского естества. Они не решались думать о ней, одинокой в диком лесу, и испытывали стыд за то, что они мужчины...

Глава 5

Ничего не сказав своим сопровождающим, Анжелика галопом помчалась к опушке Нейльского леса. Она оставила коня на маленькой ферме у женщины, знакомой с детства, и теперь, задыхаясь, шла по лесной тропинке. Под деревьями она чувствовала себя гораздо лучше, но ей предстоял неблизкий путь. Страх сжимал сердце. Казалось, она никогда не дойдет до лестницы, ведущей к убежищу Мелузины, но в конце концов все-таки ввалилась в пещеру. Старая ведьма подхватила ее на руки.

Она уложила Анжелику на постель из травы, нежно, как мать, пригладила ей волосы и дала успокаивающее питье. Ребенок родился быстро и легко, и маркиза приподнялась, чтобы посмотреть на ужасное существо, порожденное грехом. Она все время думала, что на свет появится какой-нибудь урод: ребенок, зачатый в таких условиях, просто не может быть здоровым! И уже в следующее мгновение с ужасом закричала:

— О, Мелузина, посмотри!.. Он чудовище! У него совсем нет половых органов...

Ведьма бросила взгляд из-под седых волос и возразила:

— Ну нет, дорогая! У вас крошечная девочка!

Глупо хихикнув, Анжелика опустилась на постель.

— О, как я наивна! Я даже не подумала о такой возможности. Крошечная девочка, дочь! Я не привыкла к такой мысли, у меня были только мальчики, да, три мальчика!.. А теперь дочь!.. Ох, Мелузина, слишком славно... — Ее смех перешел в плач.

Почти сразу после родов она погрузилась в глубокий сон, и ее волшебные волосы придавали ее лицу чистоту и невинность.

Проснувшись, она почувствовала полнейшее умиротворение. Но то был мир только для тела, а не для измученной ее души.

Опершись на локоть, она глянула на вход в пещеру и вдруг увидела удивительную картину: там стояла лосиха с лосенком. Вероятно, животные часто бывали в пещере, потому что совершенно спокойно переносили близость человека. Анжелика, затаив дыхание, долго-долго следила за ними.

Так спокойно было у Мелузины. И она поняла, почему женщина, часто даже травмированная обществом, может прийти в лес и стать лесной ведьмой.

Она снова закрыла глаза. Вечером ее разбудил тонкий сдавленный

крик, совсем не похожий на крик какого-то животного.

— Она голодна! — сказала ведьма, выходя из задней части пещеры со свертком, из которого доносился писк.

— Что? Она жива? — непонимающе воскликнула Анжелика. — Но мне кажется, она совсем не кричала при рождении.

— Вы правы. Но теперь-то она кричит! Она просто голодна!

Мелузина развернула сверток и приблизилась, держа ребенка на вытянутых руках. Маркиза яростно запротестовала:

— Нет! Она получила мою кровь, но никогда не получит молока. Мое молоко для вельможи, а не для отродья пьяного солдата. Унеси ее, Мелузина! Убери с глаз моих! Дай ей воды, успокой ее как-нибудь, но только не приноси мне. Завтра я унесу ее.

Всю ночь Анжелика дремала и разговаривала во сне. Ее мучили видения мирной жизни в Плесси, кровавой ночи и гибели младшего сына. Она вспомнила, как бродила по разграбленному дому, прижимая к груди мертвого Шарля-Анри.

— Да, я помню, — бормотала колдунья, всю ночь просидевшая у огня. — Когда я встретила тебя осенью, то уже видела знак смерти над мальчиком со светлыми волосами.

На следующий день маркиза встала. Она была возбуждена до предела. Ребенок выводил ее из себя своим постоянным криком. Она оделась, повязала волосы черной косынкой и набросила плащ.

— Дай ее мне! — произнесла она твердым голосом.

Мелузина протянула ей девочку с багровым от крика личиком, завернутую в теплую пеленку. Она взяла сверток и пошла к выходу из пещеры. Колдунья остановила ее за руку:

— Подожди, дочь моя! Послушайся моего совета!

— Нет, — ответила маркиза. — Не бойся, я не возьму греха на душу. Пусти меня!

— Она рождена со знаком. Смотри! — И колдунья, распеленав ребенка, указала на коричневое родимое пятно в форме звезды, расположенное на маленьком плечике. — Дети с таким знаком находятся под защитой небес!..

Анжелика сжала губы. Мелузина снова вцепилась в нее:

— Я скажу тебе название знака. Это покровительство Нептуна.

— Нептуна? — недоверчиво повторила маркиза.

— Да, морского владыки! — Глаза ведьмы горели как угли.

Маркиза пожала плечами и вырвалась из ее цепких рук. Несмотря на слабость, она сумела подняться на холи и, пройдя мимо Волшебного

Камня, вышла из леса по дороге на Фонтен. Часа через два она остановилась отдохнуть в хижине сапожника. Возможно, хозяин хижины и узнал ее, но это не имело значения, потому что он был глухонемым и жил здесь вдвоем со своим сыном, тоже глухонемым от рождения.

Анжелика попросила молока и хлеба. Намочив кусочек хлеба в молоке, она сунула его в рот ребенку, который сразу же перестал плакать. Сама она тоже выпила чуточку молока и снова тронулась в путь. Легкая тележка догнала ее, и она попросила возницу подвезти. Он ехал не в Фонтен, но пообещал высадить ее в двух лье от окраины городка.

В дороге ребенок снова заплакал.

— Дайте ему грудь, — посоветовал кучер. — Он есть хочет!

— У меня нет молока, — коротко ответила она.

Возница высадил ее там, где обещал, и кнутовищем указал направление, по которому ей следовало двигаться.

Фонтен удерживался повстанцами. И хотя Анжелика надеялась, что никто не узнает ее в наряде бедной крестьянки, она все же решила ждать ночи, чтобы войти в город под покровом темноты.

Ребенок был ей в тягость, она с трудом передвигалась. Нервы были напряжены до предела, она была уже не в силах выносить плач и была готова оборвать только начавшуюся жизнь, так истерзавшую ее. Внезапно осознав собственные мысли, она остановилась, напуганная своим настроением.

— Я должна молиться! — громко сказала она себе.

Но молиться маркиза не смогла. Видимо, Бог покинул ее. Она снова направилась к городу. Проскользнув мимо часовых у ворот Пшеничной башни, пошла к ратуше. Рядом с ратушей располагался детский дом Фонтена — деревянное одноэтажное здание.

Анжелика не отважилась прямо войти в него и прошла мимо, провожаемая взглядами горожан, слышавших плач ребенка. Она бродила по аллеям городского парка, ожидая, когда улицы совсем опустеют и станет темнее. Здесь она и обнаружила то, что искала, — стол для брошенных детей.

Небольшой стол находился на темной стороне улицы, куда мало кто заходил, чтобы несчастные женщины не испытывали стыда, оставляя детей. Слабый свет исходил от маленькой масляной лампы, поставленной рядом со статуей Иисуса. Тут же находилась небольшая корзина. Маркиза уложила в нее ребенка и потянула за цепочку звонка, а потом отступила на другую сторону улицы. Ей казалось, что крик ребенка разбудит всю округу.

Наконец что-то загремело за дверью. Свет начал двигаться, и скоро крик новорожденной прекратился. Внезапно ослабев, Анжелика прислонилась к стене. Она была в состоянии коллапса — но одновременно с ужасным горем начала испытывать что-то вроде надежды на быстрое и приемлемое завершение своей беды. Она вспомнила Двор Чудес, атмосферу которого, как поклялась себе, больше никогда не почувствует. «Но что же делать, если сама жизнь бросает меня из одного ужасного положения в другое?» — оправдалась она и тут же решила взять себя в руки.

Высоко подняв голову, Анжелика твердым шагом покинула улицу скорби. Она просто обязана немедленно избавиться от страданий, вызываемых ощущением собственных грехов! Прямо сейчас она распрощается с безликой анонимностью крестьянского наряда.

И маркиза с гордостью в голосе громко произнесла:

— Я — Анжелика дю Плесси де Бельер, я возглавляю бунт целой провинции против короля Франции!

Глава 6

Церковь Святого Оноре, выстроенная Людовиком XIII для удобства путешественников, была темна как пещера. Ее фасад украшали длиннобородые статуи, опутанные ветвями старых деревьев.

Здесь Анжелика и собрала вождей повстанцев, чтобы согласовать планы летней кампании. Ей даже удалось убедить католиков и протестантов пренебречь разногласиями ради высокой цели. Победа могла быть достигнута только при их единстве. Тут они провели три дня, разводя костры вокруг церкви и засыпая на траве под дубами и кленами.

Святой Оноре был благородным человеком, убитым разбойниками еще в тринадцатом столетии. Он родился в Берри, а встретил смерть в Пуату. Провинции долго спорили между собой из-за его мощей. Пуату добились первенства, сохранив голову святого в древней часовне возле реки. Мужчины всей провинции обычно приходили сюда и погружали свое оружие в проточную воду, моля святого о даровании боевых успехов.

Анжелика подошла к воде, чтобы охладить горящий лоб. Ее мучила лихорадка, и, несмотря на бескорыстную заботу ведьмы, она очень медленно оправлялась после рождения ребенка. Особенно она страдала по ночам. Во сне возбуждение войны покидало Анжелику, и она начинала слышать крики новорожденного ребенка: природа напоминала, что Бог создал ее с телом Евы.

Однажды ночью во сне к ней явился Святой Оноре.

— Что ты сделала с девочкой? — спросил он. — Иди и найди ее до того, как она умрет!

Анжелика в ужасе проснулась. Святой Оноре находился на месте, в нише над дверями церкви. Было холодно, но она вся покрылась потом. Тело болело, ныли застывшие суставы. Она встала на ноги, чтобы напиться и освежиться.

— Когда у меня пропадет молоко, я перестану думать о ней!

Утром звон привратного колокола возвестил о приближении кареты. Повстанцы быстро скрылись между деревьев. Маркиза послала Мартина Жанета с несколькими крестьянами остановить карету на вершине холма. Все были наготове, относясь подозрительно к любым путешественникам, пересекающим провинцию, так как те могли сообщить королевским войскам о передвижениях и расположении восставших.

Из кареты послышался детский плач, и маркиза сама направилась

туда, чтобы лично узнать, в чем дело.

На холме стоял старый шарабан со впряженной в него такой же старой клячей. Возница, беззубый старик, дрожал от страха и не мог вымолвить ни слова. В экипаже находились три толстые пожилые женщины и младенцы, завернутые в грязные тряпки.

— Пожалуйста, не причиняйте нам зла, господа! — умоляли они.

— Куда вы едете?

— Мы направляемся в Партеню. Нам сказали, что дорогу перекрыли солдаты. Мы испугались и поехали окружным путем...

— Откуда вы?

— Из Фонтена. Мы нянечки из детского дома в Фонтене.

Увидев Анжелику, самая толстая женщина объяснила:

— Нам велено доставить младенцев в Партеню. Там лучше условия для их содержания. Мы порядочные люди, клянусь, мадам...

— Разрешите им проехать, — проговорил вдруг Мальбран. — У них нечего взять, кроме молока, да и того здесь не так уж много.

— Не скажите, добрый господин, — возразила нянечка. — Наши малютки даже не знают, что такое молоко, а их у нас двадцать, мы кормим их смесью воды с вином. — И она показала бутылку. — Они первый раз путешествуют, и вот одна девочка не выдержала. Мы остановимся в ближайшей деревне и отдадим ее приходскому священнику для погребения... — Она держала на руках что-то похожее на кролика, завернутого в красную тряпку. — Вы только посмотрите на нее, добрые господа!..

Окружавшие экипаж повстанцы молча отвернулись.

— Вы можете ехать, — заявила маркиза. — Но держите язык за зубами, если встретитесь с солдатами короля. Не говорите ничего о том, что видели здесь.

— Погоняй, старик! — закричал Мальбран.

— Нет, подождите! — остановила их маркиза.

Когда женщина сказала: «Мы из Фонтена», кровь отхлынула от лица Анжелики. Теперь она поняла, почему Святой Оноре явился ей ночью. Ее движения стали тяжелыми, когда она наклонилась и подняла ребенка, завернутого в красную пеленку.

— А теперь поезжайте с Богом!

— Что вы хотите делать с ребенком, моя красавица? — заволновалась нянечка. — Разве я не сказала вам, что она почти уже мертва? Ведь ей всего несколько дней от роду...

— Поезжайте! — повторила маркиза, свирепо поглядев на нее.

Экипаж тронулся. Анжелика отошла в сторону и села на пень. На ее плечо легла рука. Пара грустных понимающих глаз встретилась с ее глазами. Перед ней стоял отец де Ледигер, выражая ей свою симпатию и сочувствие.

— Ребенок ваш, не правда ли?

Она молча улыбнулась и чуть заметно кивнула.

— Вы уверены? — снова спросил священник.

— Да... Я узнала девочку по родимому пятну на плече и по красной пеленке, в которую она завернута.

— До того, как оставить ее, вы ее крестили?

— Нет...

— Крестили ли ее в детском доме? Какая беспечность с вашей стороны, мадам!

— Она уже умерла.

— Пока еще нет. Как вы хотите ее назвать?

— Ко мне во сне приходил Святой Оноре... Какая разница, как ее назвать?

Священник долгим взглядом посмотрел на ребенка.

— Святой Оноре вернул ее вам. Мы назовем ее Онориной.

Он сунул руку в источник и окропил водой лобик девочки, бормоча слова молитвы. Слова, адресованные бедному созданию, рожденному в грехе, поразили Анжелику своей внутренней силой.

— Будь светом, Онорина, в нашем темном мире, в который ты пришла, чтобы жить. Пусть твои глаза будут открыты всему, что хорошо и красиво! Живи в мире, дитя мое!

— Нет! — закричала Анжелика в исступлении. — Я ей не мать! Вы не можете требовать от меня, чтобы я...

Она посмотрела на отца де Ледигера, наклонившегося к ней, и прочла осуждение в его чистом взгляде.

— Вы не должны губить жизнь, данную Создателем!

— Не просите меня.

— Только вы можете спасти ее. Вы ее мать!

Она увидела собственную печаль, отразившуюся в добрых глазах аббата, и душа ее затрепетала.

— О, Боже, — зарыдала она, — почему мир так жесток!

Священник спустился с холма, прижался лбом к дверям церкви и громко, истово молился. Ребенок, до сих пор неподвижно лежавший на руках Анжелики, пошевелился, и она поднесла его к своей груди.

Глава 7

Сухие листья наполняли округу шуршанием. Ясное голубое небо сияло сквозь голые ветви деревьев. Последние листья медленно падали на землю.

Анжелика подхватила один лист, летевший вниз как звезда, и мечтательно осмотрела его. Осень близилась к концу, подступала зима. Тепло уходило вместе с солнцем, уже дул резкий северный ветер. Она посмотрела на отца де Ледигера и пожалала плечами:

— Вы когда-нибудь видели что-нибудь нелепее, святой отец? Командир армии стирает пеленки, а капеллан нянчит ребенка!..

Аббат засмеялся и с теплотой посмотрел на нее:

— Ну и что? Ребенок не мешает вам вести своих солдат к победе, мадам. Все думают, что дитя приносит нам счастье!

Он с гордостью прижал к себе Онорину, спавшую у него на руках. Девочка была завернута в черный плащ, ее постоянное и единственное укрытие. Своим молоком Анжелика вернула малышке жизнь, а забота друзей сделала все остальное. Однако во время каждого кормления она страшно переживала, будто совершала жестокое жертвоприношение. Поэтому она без колебаний доверяла своим сподвижникам маленькое существо, с которым сама судьба не позволила ей расстаться. Онорина испытала аллюр всех лошадей отряда: отец де Ледигер, Мальбран, Флино и старый Антонио охотно брали ее к себе в седло, и даже толстый барон де Кройси частенько укладывал ее у себя на широких удобных коленях. Но у кого бы она ни находилась, с наступлением ночи она начинала громко плакать и смолкала, только когда сама Анжелика брала девочку на руки и невольно прижимала ее к себе.

— Как нелепо, — проговорила маркиза. — Удивляюсь, как мне удастся командовать повстанцами в таких обстоятельствах. Удивительно, что выполняются мои распоряжения!

— Ваше влияние, мадам, очень сильно. И наш успех еще больше увеличивает его. И мы обязательно победим!

Анжелика помрачнела.

— Успех? Победа? Мы не должны поздравлять себя слишком поспешно. Ничего еще не ясно. Да, королевская армия не смогла прорваться в Пуату, но мы все еще в состоянии войны. А теперь наступает зима. Большая часть наших земель осталась незасеянной, урожая явно не

хватит до будущего года. Голод вызовет недовольство, на которое и рассчитывает король.

— Дайте понять всем повстанцам, что, продержавшись до следующего лета, мы обязательно победим. Король не сможет годами держать в осаде целую провинцию. Ведь уже нарушена экономика всей страны. Король должен полностью уничтожить нас или согласиться на переговоры. К тому же у нас много лесов, укрывающих нас, и солдаты короля не отваживаются вступать в них.

— Вы говорите, как настоящий стратег, мой маленький аббат. Вы полностью убедили меня. Что бы сказали ваши духовные наставники, если бы могли сейчас слышать вас?

— Они вспомнили бы, что в моих жилах течет кровь старого Ледигера, благородного гугенота из Дофине, в свое время долго и успешно сопротивлявшегося королю. Хотя моя семья давно уже изменила религию, мое имя не раз вызывало настороженность и подозрение семинарских учителей. И возможно, они не так уж сильно ошибались! — И он счастливо засмеялся.

Грубый плащ, широкополая шляпа и вся одежда священника были покрыты дорожной пылью.

— Святой отец! — приблизившись, заговорила Анжелика. — Вы не должны оставаться здесь. С моей стороны было ошибкой вовлекать вас в дела, не подходящие вам ни по одежде, ни по сану. Возвращайтесь в Париж. Епископ Конденава любит вас и добьется для вас высокого положения при Дворе... Или возвращайтесь к месье де ла Форсу. Никто не знает, что вы были со мной...

— Вы прогоняете меня, мадам? — потерял выдержку де Ледигер.

— Нет, мой милый, и вы отлично знаете, что я люблю вас. Но жизнь, которую мы ведем, преступна в глазах закона. А ваша жизнь и ваше место не в кругу отверженных.

— Но если вы, мадам, беспокоитесь, о моем положении, я должен уверить вас, что, если бы моя жизнь, повернувшись, потекла совсем другим путем, сердцем я все равно был бы с вами... Я знаю, что вы правы. Я жил при Дворе и не хочу к нему возвращаться.

— Не старайтесь искать оправдания моим действиям, — резко возразила Анжелика. — Для меня нет прощения. Я несчастная женщина, которую все ненавидят. И я не вижу конца своим бедам...

Его глаза расширились от тревоги:

— Вы не боитесь проклятия церкви, мадам?

— Слова для меня ничего не значат. Я знаю одно: если бы мое сердце

не пылало огромной ненавистью, я не смогла бы жить. Мысли о битвах с врагами дают мне силы выносить все тяготы войны и даже находить в них какое-то удовольствие...

Уловив печаль в его глазах, маркиза сменила тему:

— Зачем заранее оплакивать мою судьбу, святой отец? Меня не привлекают обшитые дорогими панелями гостиные Версаля. Я всегда была привержена к сельской жизни и любила прогулки босиком. Когда я была еще ребенком, мой брат Гортран — тот, которого повесил король, — нарисовал меня одетой в костюм атамана разбойников. Он всегда как бы имел второе зрение... Ведь я долгое время провела среди воров и нищих Парижа. Вы никогда не слышали, как Флино рассказывает о том, что я встречалась с Великим Коэсром, королем нищих? Я бродила по всем дорогам и узнала все виды тюрем. Мне приходилось ползать на коленях, и моя плоть страдала, одетая в лохмотья. Такова моя судьба, и я теперь не люблю крыши над головой. Меня ничто не спасет, не расстраивайтесь, мой маленький аббат. И оставьте меня, — добавила она почти неслышно. — Я приношу несчастье тем, кто меня любит.

Хотя он ничего не ответил, Анжелика увидела, как его длинные ресницы скорбно опустились и губы задрожали.

Лошади мерно продолжали свой путь по каменистой тропе через дикие холмы и лесные массивы. Вдали показался замок Гордона де ла Гранжа, опоясанный высокой каменной стеной с четырьмя сторожевыми башнями по углам. Путешественникам не было нужды сообщать о своем прибытии: в уединенном замке, затерянном в глубине герцогства Бокаж, всякая засада исключалась.

Здесь можно было забыть о войне, о жестоких боях на полянах и об опасных ловушках на узких дорогах. Деревни, лежавшие по границам провинции, были давно покинуты. Крестьяне проводили лето, держа одну руку на плуте, а другую — на мушкете.

В конце сентября одному полку королевской армии с боем удалось прорваться в самый центр провинции мимо отступивших в разные стороны от единственной дороги сильных крестьянских отрядов. Местные жители полностью исчезли, и солдатам удалось разыскать очень мало людей, чтобы повесить. Зато наемники сожгли все, что увидели: деревушки, города и урожай на полях. Пока до Версаля долетела депеша о том, что мятежники рассеяны где-то в районе Бокажа, полк, казалось, полностью испарился в воздухе. Никто о нем больше не слышал.

Немногие уцелевшие, которым удалось достичь Луары и перебраться через нее, с ужасом рассказывали, как смерть настигала солдат там, где они

меньше всего ее ожидали. Часто солдаты получали удар ножом в спину, не успев издать ни единого звука. Они все оказались до смерти напуганы, несмотря на хорошее вооружение и приказы офицеров. Земля Пуату изгнала их всех.

Таково было общее положение. Обе армии и их командиры заняли позиции, укрепились и стали ждать. Зима уже наступила, и королевские солдаты прекратили все дальнейшие вылазки, вернувшись на свои зимние квартиры.

Все три зимних месяца Анжелика провела в гостеприимном замке ла Гранжа. Она встречалась с вождями восстания и с мэрами городов, которые приезжали к ней, чтобы поделиться горестями. При почти парализованной торговле люди жили на голодном пайке. К счастью, зима оказалась не слишком холодной и суровой.

В марте Анжелика возобновила поездки по провинции. Она перестала кормить ребенка грудью и решила оставить девочку в замке, тем более что добрая служанка соглашалась взять ее под опеку. Но отец де Ледигер категорически воспротивился:

— Не оставляйте ее, мадам, если она не будет с вами, то умрет.

— Я вернусь сюда позже и заберу ее, когда положение...

— Нет, — твердо сказал он глядя ей прямо в глаза. — Вы за ней не вернетесь.

— Что за жизнь для девочки — скакать по холмам и долинам?

— Такая жизнь ее устраивает. Вы с ней, и вы ее мать.

Он сам завернул Онорину в теплое одеяло и поднял на седло.

Именно в те дни смутное предчувствие впервые проскользнуло в мозгу Анжелики, а с течением времени страх перед несформулированной угрозой и ужас подозрения становились все тверже и определенней.

Мятежники находились в опасном районе, куда периодически совершались рейды летучих отрядов короля. Чтобы не напороться на их засады, Анжелика и ее спутники ночевали обычно в пещерах, прорезавших многие холмы севрской долины. Крестьяне из ближайших деревень встречались там по вечерам. В пещерах было всегда тепло. После вечерней еды крестьяне с факелами в руках собирались и обсуждали последние новости. Они показали Анжелике две удобные естественные комнаты, и маленькая группа отдыхала в них, защищенная от холодных весенних ночей. Слабый свет примитивных ламп освещал пещеру.

Сейчас Анжелика наблюдала, как ее девочка ползала по брошенной прямо на землю теплой медвежьей шкуре. Ей уже исполнилось десять месяцев, и она казалась веселой и здоровенькой. Может, свет масляной

лампы придавал ее волосам медный оттенок? Полные маленькие щечки прятали узкие глаза девочки, почему-то казавшееся Анжелике знакомыми. Из подсознания выплыло что-то, гротескно или, вернее, карикатурно воспроизводящее личико ребенка. И Анжелика откинулась назад так резко, что головой ударилась о стенку пещеры.

— Монтадур!.. Его свинячья морда!..

Ненависть, испытываемая матерями к своим незаконнорожденным детям, часто является следствием ненависти, питаемой к их отцам. Мысль о том, что она, Анжелика, разделяет ответственность за рождение нового человеческого существа с пьяным солдафоном самого низшего пошиба, вызвал у нее настоящий взрыв ярости. Она никогда не примирится с возникшей ситуацией! И жизнь — это ненавистная комедия, разыгрываемая на земле для увеселения всемогущего, но злого и слепого Бога!..

Услышав ее бешеные крики, прибежал отец де Ледигер.

— Уберите ее! — задыхалась от гнева Анжелика. — Уберите немедленно с моих глаз! Сейчас я могу убить ее!..

Онорину унесли, но в полночь пещера огласилась ее безудержным плачем. Маркиза вскочила с постели:

— Конечно, они забыли дать ей лист папоротника!..

Девочка никогда не засыпала без резного листочка в руке, ставшего с некоторых пор ее любимой игрушкой. Не в силах выносить надрывный плач ребенка, Анжелика вышла в большую комнату, где спали священник, барон и слуги. С видом мученицы она подняла ребенка, немедленно переставшего плакать, и унесла в свою келью. Естественно, малышка оказалась мокрой и холодной, из носа ее текло. Перепеленав ее, Анжелика взяла девочку на руки и вышла из пещеры в лес, чтобы разыскать папоротник. Через пару минут она нашла большой куст, сорвала конец листа и показала его девочке.

Онорина выпростала ручку из пеленки и уверенно схватила зеленую резную веточку. Успокоенная, она сунула в рот большой палец и с глубоким удовлетворением посмотрела на мать уголками маленьких узких глазок.

— Ты меня знаешь, — казалось, говорил ее взгляд. — И я знаю, когда я с тобой.

— Да, я знаю тебя, — пробормотала Анжелика. — И мы ничего уж тут не сможем поделать, не так ли?

Без прошлого нет и будущего.

Ночная земля молчала. Воображение дорисовало к осторожным

трепетным теням фантастические картины, и те успокаивали.

— Ты ничье дитя, бедная лесная девочка... Маленькая лесная девочка. Волосы красные, как осенние листья, черные глаза, белая кожа. Ты порождение леса, ты ничья... Давай спи в мире!

Глава 8

Отец де Ледигер вышел из чащи. В руке его были ягоды.

— Кое-что для тебя, Онорина!

Та поковыляла навстречу. Еще летом девочка отметила свой первый день рождения, когда солдаты короля пикетами стояли вокруг. Анжелика и ее спутники укрылись на бедной ферме. Они попали в мышеловку и были окружены. Вырваться им помогли протестанты во главе с Хью де ла Мориньером, она вышла из дома, переступая через мертвые тела. Онорина кашляла от дыма. Теперь ее жизнь была неразрывно связана с запахом пороха, с гулом взрывов, кровью и бешеной скачкой на лошадях по темным лесам.

Свои первые шаги она сделала в Партеню, когда тревожный колокол звонил на городской башне. Нападавшие были разбиты и отброшены, но маленький городок казался безжизненным, а Анжелика никак не могла найти Онорину в комнате, где она оставила ее сидеть на стуле. Девочка оказалась на улице. Так она узнала, что ребенок может ходить и даже спускаться по лестнице.

Первое слово девочки Анжелика услышала в день, когда Ланселот де ла Мориньер был убит в жестокой схватке вблизи Мачколы. И это первое слово поразило Анжелику, как мушкетная пуля.

Онорина нашла свою куклу, лежавшую на полу, и сказала:

— Кровь!.. — Потом она сморщила маленький носик, скривилась, как это делали раненые, и повторила: — Кровь... кровь!

Анжелика ужасно устала за время жестоких летних сражений, она почувствовала себя ослабевшей, и страх начинал подбираться к сердцу. Королевские войска по-прежнему окружали Пуату. Хью де ла Мориньер без братьев стал подобен обезглавленному телу. Он никогда не думал сам. Ланселот убедил его помочь маркизе дю Плесси, теперь его не стало, и пуританская гордость не разрешала Хью и дальше подчиняться женщине. И не было рядом Самюэля, чтобы обуздать никчемную гордость и амбицию.

Конец лета дал возможность повстанцам избежать поражения. Высшее армейское командование, встретившись с жестоким и упорным сопротивлением, вынуждено было отвести войска и подсчитать потери. Король потирал руки от радости, узнав, что часть повстанцев вышла из подчинения женщины. Военный министр хотел победить восставших

простым превосходством в силах, возглавляемых самим королем. Он хотел сделать репрессии настолько жестокими и кровавыми, чтобы они послужили наглядным уроком соседним провинциям. Ведь Аквитания, Прованс и Бретань все еще находились в брожении, и до сих пор нельзя было быть уверенным в покорности Руссильона и Пикардии.

Маркиза ничего не знала обо всех колебаниях и неопределенностях. Она могла только предполагать, что происходит в стране. Без точных сведений ей было трудно удерживать в повиновении свои ослабленные отряды. Она была одинока в убеждении, что у них нет выбора между сопротивлением и покорностью. И после легких сражений она вместе с де ла Гранжем и его людьми укрылась в Мервентском лесу. Они разбили лагерь в глубине столетнего леса, простиравшегося севернее Нейля, чтобы набраться свежих сил и залечить раны.

Отец де Ледигер разводил огонь, чтобы сварить Онорине грибной суп. Он положил на землю пистолет, с которым теперь почти не расставался, и наказал ребенку не трогать его. Девочка сделала жест, доказывающий, что она знает о всеобщем уважении к вещи, изрыгающей дым и пламя. Анжелика расположилась на плоском камне в нескольких метрах от них.

Святой отец был одет в грубую шерстяную куртку, он больше не носил одежду священника. Воротник его сорочки был расстегнут и не скрывал золотой крест, висящий на шее. Всегда хорошо одетый, элегантный учитель превратился в лесного бродягу. В нем ничего не осталось от юноши из Версаля. Плечи его стали шире, усилив привлекательность фигуры. Теперь он уже не выглядел наивным деликатным юношей. Неизменным осталось только выражение его горящих глаз. Сколько же ему лет? Двадцать три?

Она позвала его, и священник подошел с обычной поспешностью, напомнив ей о времени, когда она жила в своем доме, окруженная штатом ливрейных слуг.

— Мадам?

— Святой отец, я много раз просила вас уйти от меня. Сейчас вы просто обязаны выполнить мое желание. За нами охотятся, как за волками, и я не знаю, какие еще беды подстерегают нас впереди. Возвращайтесь в свой круг, прошу вас... Я не хочу нести ответственность за ваше падение, за вашу гибель.

Как и в прошлый раз, когда она завела разговор на эту тему, де Ледигер побледнел и поднес руку к своему сердцу.

— Почему? Совершенно невозможно, мадам! Я не смогу жить вдали

от вас, если мы вдруг расстанемся.

— Почему?

Он страстно посмотрел на нее, и выражение его лица сказало больше, чем любые слова. Она заплакала и отвернулась.

— Нет, дорогое мое дитя, — уже умоляла она, — вы не должны...

Он резко оборвал ее:

— Я знаю, кто вы. Женщина, которую я обожаю! Женщина, которую я люблю с такой страстью, что могу теперь понять мужчину, забивающего о бже ради женских губ!

— Вы не должны говорить подобных вещей!..

Она взмахнула рукой в его направлении, и он поймал ее руку, Анжелика не отважилась отнять ее, удивленная свежестью и чувством его пожатия.

— Позвольте мне... только однажды... признаться вам, — произнес он дрожащим голосом. — Вы наполнили мою жизнь событиями, которым я не смог противостоять. Ваш вид наполнял меня радостью, каждое слово, вами произнесенное...

— Но вы знаете и все мои недостатки!

— Они делают вас еще дороже для меня, с ними вы становитесь слабее и женственнее. Ах!.. Как бы я хотел заключить вас в объятия и спасти от всех ваших врагов, и от себя самого... Защитить вас изо всех моих сил...

Слова рвались из его уст с юношеской пылкостью. Впервые за много месяцев она почувствовала запах жизни со всей ее силой, стремящейся вырвать ее из душевного оцепенения. Она знала, что по вечерам он всегда уходит в лес и падает на колени в горячей молитве. Но как долго его сердце сможет делить любовь к Богу, которому он поклялся, с любовью к женщине? Анжелика не находила слов. Дрожа, она убрала руку и запахнула плащ.

— Вы не должны бояться меня, — почтительно проговорил он. — Я бы стал презирать вас, мадам, если бы вы бросили на меня хотя бы один взгляд. Если бы вы подали лишь один знак, я бы навсегда покинул вас. Пожалуйста, не делайте таких попыток. Я ваш покорный слуга и знаю, что барьер между нами непреодолим.

— Так вы считаете?

— Нет... Так считаете вы сами. Я имею в виду тот ужас, который вы испытываете к мужчинам и к их притязаниям с тех пор, как... Я не буду одним из них!

— Остановитесь, месье. Вы не понимаете, что говорите.

— О, нет! Отлично понимаю, мадам!

— Вы не можете знать. Я никогда не говорила...

— Я все знаю. — Лицо его окаменело. — Они уничтожили вас своей жестокостью. И болезнь вашего ума заразила ваше тело. Если бы все было не так, я упал бы на колени перед вами и умолял бы любить меня. А так... Я так долго следовал за вами по лесам и дорогам, что не смогу жить без вашего присутствия и без воздуха, которым вы дышите. Если бы вы не стали такой уязвимой, все могло бы пойти иначе... Но все не так, — мягко продолжал он, немного помолчав, — и так даже лучше. Барьер между нами оставляет меня на стороне Бога. Я никогда не стану вашим любовником, мне не стоит даже мечтать о вас. Но по крайней мере я спасу вас! — Теперь его глаза ярко сняли. — Я спасу вас и сделаю для вас больше, чем все мужчины, когда-либо державшие вас в объятиях. Я верну вам то, что вы потеряли: душу, сердце, женственность — все, что они отняли у вас. В тот момент я был бессилен, но я умру за вас, и только тогда, когда я увижу самого Бога, я получу силу, чтобы спасти вас. В день, когда я умру... О, смерть, приходи скорее! — Он прижал руку к сердцу. — О, смерть! Приди скорее! Тогда я окажусь в состоянии сделать ее свободной и счастливой!..

Они не услышали предупреждающего свиного крика. Внезапно в ущелье влетел всадник, одетый в красный мундир. За ним двигались шеренги драгун в такой же форме. Анжелика бросилась к Онорине и подняла ее на руки. Священник спокойно взял мушкет, осмотрел пистолет и приготовился к отражению атаки.

Офицер первым обнаружил лагерь повстанцев.

— Они здесь! — закричал он. — Мы наткнулись на логово бандитов. Вперед, мои солдаты! Вперед!..

Драгуны галопом помчались наверх по склепу ущелья. Анжелика и ее спутники, затаив дыхание, следили за ними.

— Они приближаются!..

— Ничего, подождем минутку. Подпустим поближе!

Когда солдаты сгрудились у самого подножья горы, Анжелика встала во весь рост и громко скомандовала:

— Камни!.. Валуны!.. Все вниз!

Гул наполнил темное ущелье. Обломки скалы покатались вниз. Камни летели в солдат, калеча их и сбивая с ног. Повстанцы навалились плечами на гранитный валун, висящий над ущельем. Он медленно сдвинулся и покатался вниз. Упав на дно ущелья, он, как бабочек, раздавил замешкавшихся драгун.

Солдаты отступили, унося раненых и бросив убитых. Анжелика,

следившая за ними, узнала офицера. Им оказался месье де Бриенн, один из тех, кто в стародавние времена в Версале был так галантен с ней. Увидев его, маркиза поняла, как далека она от тех дней и какая пропасть — более глубокая, чем здешнее ущелье, — отделяет ее от того, другого мира.

Она наклонилась вперед и громко произнесла:

— Приветствую вас, месье де Бриенн! Поспешите к его величеству и скажите, что «незабываемое дитя» просит, чтобы он помянул ее добрым словом!..

Когда королю передали ее слова, он побледнел, заперся в своем кабинете и оставался там несколько часов, закрыв лицо руками. Потом он послал за военным министром и приказал сделать все, чтобы уничтожить мятежников Пуату еще до следующей весны.

Глава 9

Среди войск короля, посланных в Пуату осенью 1673 года, был Первый Овернский полк под командованием месье де Риома и четыре сильных отряда из Арденн. Король достаточно наслышался о страхе солдат перед засадами в лесах Пуату. Люди, которых он посылал сейчас, были жителями Оверни и Арденн, выросшими среди лесов и привыкшими с раннего детства охотиться среди деревьев и находить пути в непролазных дебрях. Они были сыновьями охотников и лесорубов. Они не носили красных мундиров, они были в черных стальных шлемах и высоких сапогах. Удары их больших барабанов громко звучали среди полей.

Вместе с ними в Пуату пришел страшный террор.

Три тысячи пеших солдат, пятнадцать сотен кавалерии и две тысячи вспомогательных войск с пушками и боеприпасами.

Король сказал: «До весны!»

Зима не должна была остановить военные действия.

К весне не капитулировала только одна область, территория между болотами, — там, где начинался мятеж и где сейчас собрались его последние участники.

Весна выдалась трудной. Холодная погода затянулась, и даже в конце марта на замерзшей земле не было признаков таяния.

Анжелика смотрела в окно фермерского дома, ожидая возвращения Флино. Он вошел, как обычно, тонкий и подвижный. Ни голод, ни холод, ни преследования не могли лишить его привычного юмора. Он поздоровался и принялся рассказывать.

— Я вступил с ними в контакт. Они все думали, что вы или убиты, или схвачены. Я сообщил им, как вам удалось избежать смерти. Они собираются прийти посмотреть на вас! Нет сомнения, что мы были преданы и проданы! Теперь везде предатели!..

Он глянул на крестьянку и ее старого свекра, сидящих перед огнем, потер рукавом покрасневший нос и тихо продолжал:

— Я видел священника, Мальбрана, барона и Мартина Жанета. Они все согласны, чтобы мы покинули Францию. Они говорят, что война превратилась в охоту на людей, а вернее, в охоту на женщину. Они охотятся за вами, госпожа маркиза. Они объявили награду за вашу голову и уверены, что найдется какой-нибудь предатель, который продаст вас за пять тысяч ливров... Вечером мы встретимся в Лантери, и когда соберемся

все вместе, то уйдем через болота на побережье. Солдаты пока еще не захватили Понс-де-Палюд, мы сможем найти там корабль...

— Найти корабль, — повторила Анжелика.

Слова Флино, казалось, избавили ее от сомнений. За время холодной зимы борьба утратила для нее смысл. Единственной их целью стало собственное спасение, и, чтобы остаться в живых, они каждую ночь переходили с места на место. Им не осталось ничего, кроме побега.

— Я не говорил им, чтобы они встретили вас здесь, — снова зашептал Флино. — Я не доверяю здешним людям. Они знают, кто вы, и обвиняют вас во всех своих несчастьях.

Крестьяне бросали хмурые взгляды, и Анжелика не отважилась подойти к огню с дочерью, чувствуя злобу, с которой относятся к ней эти бедные несчастные люди. Муж женщины был убит в борьбе против короля, солдаты лишили их всего — хлеб, скот и зерно они увезли с собой, захватив и старшую дочь. Никто не знал, что теперь с ней стало. Из задней части комнаты, где стояла большая кровать, выглядывали четыре маленьких бледных личика. Дети были вынуждены целый день оставаться в кровати, чтобы сохранить тепло и не чувствовать голода...

Через некоторое время старик взял топор и сказал невестке, что пойдет набрать немного дров.

— Я не удивлюсь, если он на самом деле пошел за солдатами, — тихо проговорил Флино. — Возможно, нам лучше уйти сейчас.

Анжелика была того же мнения. По неизвестным причинам женщина попыталась их удержать, но они коротко попрощались и, не спрашивая, взяли немного хлеба и сыра для Онорины. Вдогонку им понеслись оскорбления и бессильные проклятия:

— Чтоб вы пропали! Чтоб вы пропали! Тогда мы наконец избавимся от вас! Вы принесли столько неприятностей моей семье! С тех пор, как вы здесь, я не слышу домовых в стенах... А если гоблины покинули дом, что тогда будет с нами?

Исчезновение гоблинов произвело на крестьянку больше впечатления, чем все ужасы, через которые прошла за последние дни ее несчастная семья.

Флино помог Анжелике сесть на мула и повел его за поводья. По пути они несколько раз проходили через сожженные деревни, мимо повешенных на улицах и площадях. Стемнело, когда они добрались до Лантери. Весь холм светился: на высоких пьедесталах, к которым вели ступеньки, стояли горящие лампы. Сухопутный маяк был устроен на перекрестке трех дорог, чтобы вести путешественников в ночное время,

когда в темноте легко потерять дорогу. Несмотря на недостаток топлива, трудолюбивые руки поддерживали огонь. Угольщик, живший поблизости, приходил сюда каждый вечер и зажигал лампы.

Анжелика присела на широкую каменную ступень.

— Здесь никого нет, — сказала она. — Я посижу и отдохну, а ты, Флино, бери мула и поезжай искать остальных. Скажи им, чтобы поторапливались, и найди постоянный двор, где мы все могли бы провести ночь.

Стук копыт мула долго еще слышался в ночной тишине. Деревья, окаменевшие от мороза, трещали, словно стеклянные. Усиливающийся холод пронизывал ее насквозь, превращал дыхание в белый туман. Хотя Онорина была закутана в толстый шерстяной плащ, на ее щеках появились белые пятна. При свете ближайшей лампы Анжелика видела глаза ребенка, черные и широко открытые. Тонкие ручонки, сжимавшие кусок хлеба с сыром, давно покраснели от холода.

Анжелика вспомнила крестьянку, назвавшую девочку «выродком», и губы ее задрожали от гнева: «Какое им дело до меня и дочери? Она только моя, и только я сама могу о ней говорить!»

Она прижала к себе ребенка и насторожилась, надеясь услышать далекий стук подков. Ее внимание привлек треск веток.

— Кто идет? — громко спросила она, стараясь не думать о том, кто продирается сквозь чащу.

Внезапно раздался протяжный вой, сердце Анжелики замерло. Она должна была предвидеть, что могут появиться волки. За последние месяцы они уже несколько раз подвергались нападениям лесных хищников. Стаи волков преследовали движущиеся отряды, окружали ночные стоянки и вынуждали людей отбиваться горящими головнями. Свет лампы не пугал их, и маркиза вытащила из-за пояса тяжелый пистолет. Она могла отогнать их, но ненадолго.

Тут она вспомнила про хижину угольщика. Нужно добраться туда до того, как волки, осмелев, подберутся вплотную. И она пошла, зная, что волки идут следом. Когда она оборачивалась, видела их сверкающие глаза. Не останавливаясь, она подобрала несколько камней и бросила их в близко подошедших волков. Главное — не упасть!

Наконец она увидела красный огонек в окне бедной хижины, и у нее появилась надежда на спасение. Она случала в дверь, пока не открыл хозяин, и, чтобы умилостивить бедного дьявола, чьи глаза вызывали в ней ужас, она протянула ему золотую монету, последнюю из тех, что дал ей барон де Кройси. Угольщик взял деньги и спрятал монету себе в пояс.

Анжелика вошла и села. Здесь по крайней мере было тепло. Сын хозяина подбросил дров в очаг. Она поднесла Онорину к огню и стала растирать ее, пока не восстановилось кровообращение. Девочка теперь выглядела гораздо лучше и принялась за свой сыр, который все еще держала в кулачке.

Маркиза чутко прислушивалась, надеясь услышать мушкетные выстрелы товарищей, прибывших на место встречи. По уговору ей следовало бы ответить из своего пистолета. Но ничто не нарушило ночной тишины, и она вместе с Онориной улеглась на широкой деревянной кровати. Матрац оказался очень удобным. Она отказалась от одеяла, но взяла выделанную овечью шкуру.

Все вокруг было спокойно, и Анжелика даже поспала несколько часов, перестав думать о том, что еще может произойти в ее драматической жизни. Все и так было ясно! Она решила жить вне закона и бросила все, что имела. И впереди ее могли ждать только беды и несчастья. Кстати, разве ее первый муж не заплатил собственной жизнью за точно такое же преступление? Так, вместо того чтобы извлечь урок из его горькой судьбы, она сама восстала против закона и порядка. Война и борьба стала ее второй натурой, она ушла из мира людей а мир животных, ежедневно борющихся за свое существование.

Среди ночи Анжелика проснулась и увидела угольщика возле узкого окна. Она подошла к нему и увидела волков, сгрудившихся вокруг хижины. Пристроившись снова рядом с Онориной, она осторожно убрала рыжие кудряшки со лба дочери и вглядывалась в лицо мирно спящей девочки. Вой волков вызвал в ее сердце какое-то щемящее чувство, и она сказала себе: «Да, приближается полный крах...»

Утром окрестности завалил толстый слой снега, скрыв мельчайшие признаки приближающейся весны. Земля отказывалась возвращаться к жизни.

Не найдя в хижине бумаги и пера, Анжелика взяла кусок бересты и нацарапала на ней краткое послание. Затем она объяснила сыну угольщика, где находится усадьба Файета и как туда идти. Молодой человек вышел под снег, неся за пазухой сообщение отцу де Ледигеру.

Он вернулся только на следующий день и передал, что видел ее компаньонов и что ей назначена встреча у Волшебного Камня.

«Почему они сами не приехали сюда? Почему священник не передал для нее никакой записки?» — думала она. Но другого способа связи не было, и она решила идти к Камню. Весьма вероятно, что она найдет их там. Поэтому она сразу оделась, закутала Онорину и вышла из хижины,

сожалея только о том, что одета она не в удобный мужской костюм.

Она хотела как можно скорее пройти лесную тропинку и, понимая, что Онорина сильно замедлит скорость ее движения, положила девочку под ель, где густые ветви образовали сухое пространство, привязала ее к стволу шарфом и сказала, чтобы она тихо ждала, что священник скоро придет и отвяжет ее. Онорина давно привыкла к таким ожиданиям. Она часто ждала где-нибудь в укромном уголке, пока остальные сражались или ходили в разведку. Она лежала и тихо беседовала сама с собой.

С громадным трудом, то и дело проваливаясь в снег, Анжелика шла к Волшебному Камню, минуя указанные дороги. Уже достигнув вершины холма, она увидела слева людей и, решив, что это ее товарищи, хотела звать их. Крик, так и не родившись, замер на ее губах: среди деревьев ходили солдаты в мундирах. Они еще не видели ее, двигаясь по опушке леса.

Солдаты миновали Волшебный Камень. Оглушенная ужасом, Анжелика ждала, пока они не исчезли за деревьями. Откуда они появились, кого они искали в диком дремучем лесу? Теперь она шла очень осторожно, задыхаясь от возбуждения. И уже на краю поляны поняла, что появилась слишком поздно: на вековых дубах она увидела повешенных. Первым, кого она узнала, был маленький Флино...

Бедный Флино! Только день назад он был полон жизни! Она не могла изменить его судьбу: он был рожден, чтобы быть повешенным, и вот его повесили!

Потом она узнала и всех остальных: отца де Ледигера, Мальбрана, Мартина Жанета, грума Алана, барона де Кройси. Все ее друзья были здесь... И она сказала им:

— Вы здесь все... Мои последние друзья! — Она прислонилась к толстому дереву. — Будь ты проклят, король Франции! — с ненавистью прошептала она побелевшими губами. — Будь проклят!

Она стояла, не веря собственным глазам. В какую ловушку ее заманили? Кто сказал солдатам, что здесь ее друзья? Кто их предал?.. Нет сомнений — тот, кто принес им сообщение.

В безысходной надежде, что кто-то еще жив и что ей удастся вернуть его к жизни, она обогнула Камень и подошла к отцу де Ледигеру. Она перерезала веревку, и тело мягко упало на снег. Несмотря на холод, он был еще теплым. Она склонилась над ним и попыталась услышать биение сердца, обнаружить хоть какой-то признак жизни. Но смерть уже совершила свою работу. Анжелика прижалась к нему и нежно поцеловала в посиневшие губы.

— О, мой дорогой ангел-хранитель! Мое милое дитя! Ты умер... Умер для меня и за меня! Что теперь со мной будет?..

Она посмотрела в его прекрасные глаза с застывшим, ничего не видящим взглядом и осторожно закрыла их.

В морозном воздухе раздался тоненький голосок.

«Онорина!»

Анжелика очнулась от охватившего ее оцепенения, она должна была спасти ребенка.

Девочка находилась все там же под деревом. Она больше не кричала, но ее маленький носик был красен, как малина. Она размахивала ручонками, чтобы показать, как она рада возвращению матери.

Поднимая девочку на руки, Анжелика шестым чувством ощутила на спине чей-то злой взгляд. Обернувшись, она сразу увидела солдата, наблюдавшего за ней, и бросилась бежать по тропе.

Вскоре послышался приближающийся лай собак, раздавались громкие команды и крики солдат, сдерживающих собак поводками. Петляя как зверь, женщина старалась запутать свои следы.

Наступал вечер. Темнеющее небо, казалось, привалилось к земле. Снежинки сыпались все обильнее, покрывая тропы и дороги.

Преследователи, кажется, сбились со следа. Она больше не слышала собачьего лая. Она двигалась по мертвому миру, наполненному только падающим снегом. Холод стиснул ее лицо, она уже несколько раз останавливалась передохнуть на минутку и наконец, опершись на поваленное дерево, присела.

Девочка прижалась к ней.

— Не бойся, — сказала Анжелика, с трудом двигая губами, — ты только не бойся. Я ведь знаю лес!..

Снова послышался лай, собаки не отставали. Анжелика поднялась, осознав, что находится на самом краю глубокого обрыва. И вдруг услышала звук колокола. Его ритмичный звон показался ей самой замечательной музыкой. С воскресшей надеждой она начала осторожно спускаться по склону оврага, и скоро перед ней открылись стены Нейльского аббатства, знакомые еще с детства. Она подергала за цепочку привратного колокольчика.

Чья-то рука открыла окошечко в двери, и голос произнес:

— Во имя Бога! Что я могу сделать для вас?

— Я в лесу с ребенком. Пожалуйста, дайте мне убежище!

— Мы не пускаем женщин в аббатство. Пройдите шагов пятьдесят влево, и вы найдете гостиницу, где о вас позаботятся.

— Нет. За мной гонятся солдаты. Я прошу у вас защиты!

— Идите в гостиницу, — повторил голос.

Он собрался закрыть окошечко, но Анжелика быстро сказала:

— Я сестра Альбера де Сансе. Ради Бога, впустите меня!

Она почувствовала, что человек за дверью колеблется, а потом услышала звук отодвигаемого засова и буквально ввалилась в полуоткрытую дверь. Два седовласых монаха скорбно смотрели на нее.

— Закройте дверь, — попросила она. — Закройте и не открывайте, когда станут ломиться солдаты.

Но облегченно вздохнула она, только когда большое дубовое бревно вошло в свое гнездо, наглухо запирая дверь.

— Вы сказали, что вы сестра настоятеля нашего аббатства Альбера де Сансе. Верно ли это? — спросил один из монахов.

— Да.

— Подождите здесь, — указал монах на прихожую, где горела толстая свеча в медном подсвечнике. — Тут нет ветра...

Зубы Анжелики стучали, она почти не чувствовала рук, держащих тоже дрожавшую Онорину. Наконец она увидела двух монахов. Один из них нес лампу. Они вошли в прихожую и встали перед ней. Младший из них склонился к ее лицу.

— Да, она действительно моя сестра, Анжелика де Сансе.

— Альбер...

Глава 10

Раздался резкий звук колокола, и привратник доложил, что отряд вооруженных людей требуют настоятеля аббатства.

— Не впускайте их! — воскликнула Анжелика. — Они идут за мной!

— Мятежника Пуату, — тихо пробормотал Альбер.

Она невольно оглянулась на брата. За последний год она уже так привыкла к бесчеловечности, что даже монахов не воспринимала иначе, чем врагов. Сейчас ее выдадут королевским властям.

Упав на колени и все еще держа ребенка на руках, она подняла глаза к холодному лицу аббата. Ее губы беззвучно двигались в старой молитве прошлых веков, некогда останавливавшей самых жестоких людей:

— Убежища! Я прошу убежища у Бога:

Он сказал ей, чтобы она успокоилась, и направился к воротам, подобный призраку в своей белой одежде. Вскоре аббат вернулся: он просто отослал солдат в гостиницу. Они слишком устали, преследуя Анжелику по глубокому снегу, чтобы сразу начинать штурм прочно построенного аббатства, пережившего много войн. Солдаты охотно направились в трактир, где, по словам привратника, сохранилось несколько бочек хорошего вина.

В монастырских стенах снова воцарилась тишина... Анжелика все еще стояла на коленях. Альбер склонился и взял у нее маленькое дрожащее создание с темными глазами, горящими, как у дикого звереныша.

— Поднимайтесь, мадам, — простер над ней аббат тонкую руку. — У нас мало места, чтобы принять вас. Здесь только два помещения можно предложить вам — кухня, где вас накормят и обогреют, и коровник, чтобы по-настоящему выспаться...

Лицо женщины, все еще одеревеневшее от холода, смягчилось.

— Идите с миром, — закончил аббат. — Вам укажут дорогу.

У жаркого кухонного огня ее тяжелое платье оттаяло и сразу стало мокрым. Она растерла маленькие замерзшие ножки Онорины и дала ей горячего молока с медом, а потом раздела девочку и завернула в теплое одеяло. Монахи в черных рясах молча прислуживали ей. Единственными звуками были стук их деревянных башмаков да треск огня, в который подбросили большую охапку дров. Ее одежда скоро высохла, но сама она слишком устала, чтобы есть.

Ее провели в коровник. Женщина упала на матрац и мгновенно заснула, словно потеряв сознание. Руки Альбера осторожно уложили Онорину на мягкое ложе из свежей соломы. Потом он принес еще одно одеяло и заботливо укутал им спящую сестру.

Снег продолжал идти над аббатством и над тихими, окружающими его лесами, надевая белые саваны на тела людей, повешенных возле Волшебного Камня.

Глава 11

Среди ночи Анжелика проснулась. Негромко гудели колокола, и коровы, стоявшие в стойлах, мычали и двигались. Она пошарила вокруг руками и наткнулась на что-то горячее. Ей потребовалось несколько долгих секунд, чтобы сообразить, что это лобик Онорины. Сняв лампу с крюка и склонившись над ребенком, она увидела пышущее жаром лицо и услышала хриплое дыхание.

Три долгих дня она не отходила от постели больной. Брат-лекарь часто посещал их. У него были совсем белые волосы, а глаза приобрели тот же цвет, как и травы, которые он собирал в лесу. Когда он клал прохладную ладонь на горящий лоб девочки, она сразу же переставала метаться и успокаивалась.

— Если она умрет, — в ярости заявила Анжелика, — я своими руками передавлю всех солдат, гонявших нас го лесу!

— Ладно, ладно... Будет лучше, если вы помолитесь Святой Деве. Она была матерью, как и вы, — сказал он очень вежливо.

Но однажды утром она проснулась и нашла Онорину сидящей рядом и играющей колечком. Она радостно позвала монаха, доившего корову.

— Брат Ансельм, посмотрите! Я надеюсь, болезнь отступила.

Толстый брат Ансельм и два молодых послушника подошли к Онорине. Ребенок похудел, вокруг глаз пролегли темные круги, но девочка выглядела веселой и с удовольствием выпила предложенную ей кружку парного молока.

— Христианское дитя не покинет нас, — уверенно произнес брат Ансельм и, повернувшись к Анжелике, добавил: — Благодарите же Бога, неразумная женщина! Я не заметил, чтобы вы мелились с тех самых тор, как пришли сюда.

Альбер да Сансе пришел навестить сестру, неся красный кожаным ящичек, украшенный золотой инкрустацией. Было странно сознавать, что одежда монаха устраивает ее брата значительно больше, чем прежний костюм придворного кавалера. Его бледное лицо стало умнее и значительнонее из-за тонзуры, выбритой на затылке.

— Помнишь, я всегда говорил: «Анжелика, в один прекрасный день я получу Нейльское аббатство». И мое желание осуществилось.

Глядя на его высокую худую фигуру, в которой мало что сохранилось от фаворита брата короля, она возразила:

— Я бы выразилась иначе — Нейльское аббатство получило тебя.

Они не стали обсуждать события, так изменившие судьбу молодого человека, чье сердце все еще страдало после похорон Гортрана. Когда Альбер был мальчишкой, он часто приходил в аббатство заниматься латынью. Вместе с занятиями аббатство вошло в его сердце. Он постучался, и ворота монастыря открылись.

— Ты сделаешь некоторые необычные открытия на нашем чердаке, — сказал он сестре. — Мы подумали, что тебе могут потребоваться кое-какие вещи, и решили отдать их тебе.

В кожаном ящичке оказался великолепный туалетный набор. Ручки инструментов и оправы зеркал были сделаны из слоновой кости и богато украшены золотом. Внутри ящичка, на его крышке, виднелась золотая пластинка с графской короной и выгравированной надписью, сообщавшей, что ящичек принадлежит мадам де Ришвилль и что у него уже достаточно почтенный возраст.

Когда Анжелика осталась одна, она причесала и уложила свои длинные волосы. Онорина тоже раздурманилась от удовольствия, получив в свое распоряжение маленькую расческу.

Кем была таинственная и утонченная женщина, оставившая в стеках аббатства столь дорогие вещи? Прежний аббат, чьи голубые глаза увидели однажды графиню де Ришвилль и сразу покорили ее, был эпикурейцем и не слишком строго настаивал на соблюдении правил аббатства. А его преемник, до сих пор занимаемый почетный пост главного настоятеля монастыря, за долгие годы завоевал репутацию твердого и бескомпромиссного человека.

Анжелика не видела его, пока не собралась поблагодарить его. Ее одежда оказалась далеко не в лучшем состоянии, хотя была уже выстирана и выглажена, а ниспадающие волосы служили прекрасным дополнением. Она снова выглядела дамой из общества.

Пройдя по коридору и поднявшись по лестнице, она очутилась в открытой галерее. Через арку она увидела двор, где брат Ансельм с Онориной на плечах набирал из колодца воду.

Главный настоятель ждал ее в библиотеке. Редчайшие издания первопечатников, тысячи книг всех форматов и различной толщины, аккуратно переплетенные в кожу, стояли на длинных полках.

Святой отец сидел на готическом троне, и его неподвижность еще более контрастировала с живостью глаз. Волосы еще оставались черными, но желтоватая кожа была покрыта морщинами. Женщина склонилась перед ним колени, а затем поднялась и села на стул.

— Святой отец, я должна поблагодарить вас за то, что вы разрешили принять меня. Если бы солдаты схватили меня, я была бы уже давно мертва...

— Знаю, — кивнул священник. — За вашу голову назначена награда. Ведь вас называют «Мятежницей Пуату».

Что-то в его манере говорить насторожило Анжелику.

— Я предполагаю, что вы осуждаете меня? — спросила она, гордо выпрямившись. — А по какому праву? Что вы можете знать, закрытые в монастырских стенах, о причинах, заставивших женщину взять оружие для защиты своей собственной свободы?

— Я знаю достаточно, — хмуро возразил он, — чтобы видеть сатанинский огонь в ваших глазах.

Она саркастически рассмеялась:

— Только такую чепуху я и могла здесь услышать. Что еще вы сможете сказать мне?

— Есть ли в вашем сердце другое чувство, кроме ненависти?

Она промолчала, а он продолжил:

— Ненависть является порождением сатаны. Сатана больше не понимает любовь, он взращивает чувства, прямо противоположные любви. Вы использовали силу своей красоты, обратив ее на мужчин, чтобы склонить их к ненависти, к бунту и преступлениям... А ведь когда-то вас звали Анжеликой — Маркизой Ангелов!

Именно сейчас она и узнала его.

— Брат Жан! Брат Жан! Да, это вы!..

Он молча кивнул, вспомнив маленькую девочку со светлыми волосами, образующими нимб вокруг головки, и невинные глаза ребенка, уже сияющие, как у взрослой женщины.

— Бедное дитя, — пробормотал он. — Что с вами стало?

Его слова больно задели сердце Анжелики.

— Я была унижена, — проговорила она. — Если бы вы только знали, как часто в жизни унижали меня, дорогой брат Жан!

Так и не ответив, он отвернулся к стене.

В ту ночь она долго не могла заснуть. Удары колокола отсчитывали часы. Держа перед собой горящие лампы, монахи прошли в монастырскую церковь.

«Молитесь за нас, святые отцы, молитесь, — думала она. — Ваши молитвы нужны, как ночная тьма спящей земле!..»

Когда она закрывала глаза, ей начинало казаться, что она слышит ток крови по своим жилам. Приподнявшись, она тронула маленькую ручку

спящей Онорины: ребенок стал единственной защитой от ужасов нескончаемой ночи. Только под утро ей удалось забыться. И она снова попросила аббата принять ее.

— Что стало бы со мной, если бы не моя ненависть? — спросила она. — Если бы я не ненавидела, то умерла бы с горя. Только дух мести сохранил мне жизнь и разум, поверьте мне!

— А я и не сомневаюсь! В жизни бывают случаи, когда мы сохраняем жизнь только благодаря какой-то духовной субстанции, дающей нам силы, намного превышающие наши собственные. Человеческий дух весьма слаб. В счастье он справляется сам, радуясь в одиночку, но в горе ищет поддержку у Бога или у дьявола.

— А вы, святой отец, никогда и не испытывали нужду в тех чувствах, которые удерживают меня в жизни.

— Я никогда не сомневался в силе Люцифера. Я его знаю.

— О, вы просто не понимаете, что сейчас происходит на земле!

Она ходила перед ним по библиотеке, очаровательное создание с распущенными волосами, падавшими на плечи и спину, сознавая, что производит вполне конкретное впечатление. Аббат, неподвижный, как статуя, следил за ней с иронической улыбкой.

— Вы умело защищаете себя от морального падения, ведущего к поклонению дьяволу. Глаза менее опытные, чем мои, были бы ввергнуты вами в слезы. Объясните мне ваши мотивы, маркиза!

Для нее оказалось очень больно начинать говорить после такого долгого молчания. Слова застыли у нее на губах, а фразы прерывались, словно складывались непосредственно в ее сердце. Воспоминания казались беспорядочными: король. Колен Патюрель, де Бретейль и ее так и не родившийся ребенок, нищие Парижа, протестанты, коррупция и налоги...

Что он мог уловить в ее бессвязной речи?

Время от времени она отбрасывала назад волосы, сползавшие на лицо от резких жестов. Теперь она уже не могла остановиться в своей исповеди и лишь изредка наклонялась к священнику, словно желая убедить того в правдивости сказанного.

— Вы обвиняете меня за кровь, пролитую по моим приказам. Но разве кровь, пролитая во имя самого Бога, менее красна?

Он встретил ее гнев с каменным лицом, его глаза внезапно потеряли свой живой блеск.

— Да, я знаю, что вы думаете, — продолжала она. — Кровь протестантских детей, брошенных на пики, конечно, оправданна, похоть короля законна, страдания людей справедливы. Они и должны страдать,

потому что родились бедными. Повинуйся сильным и сокрушай слабых — таков закон жизни...

Вдруг он поднялся и спокойно заметил, что пора отдыхать. Недоуменно следила она, как священник медленно шел по коридору. «Он так ничего и не понял!..» — горестно думала она.

Тем не менее Анжелика проспала всю ночь и, проснувшись, почувствовала, что с ее плеч свалился тяжкий груз. После завтрака старший аббат снова послал за ней, и она обрадовалась возможности скрестить с ним шпаги. Она вошла в библиотеку с гордо поднятой головой и была встречена тихим смехом.

— Вы выглядите так, словно приготовились к осуждению, мадам. Разве я такой страшный, что бунтовщица Пуату должна встречать меня только во всеоружии?

— Не называйте меня больше так, святой отец.

— А я думал, что вы даже гордитесь таким странным именем.

— Я ни о чем не жалею, — проговорила она, — и никогда не стану сожалеть о том, что сделано.

— Но вы напуганы...

— Я чувствую, — Анжелика закусил губу, — что вы не поняли.

— Может быть, и так, но я уловил ваше внутреннее неудовлетворение.

Я вижу черный нимб, окутывающий вашу душу.

— Неужели моя аура так темна, святой отец?

— Загляните в свое сердце. Что вы боитесь там увидеть? — Его глаза были такими ясными, что, взглянув на него, она уже не смогла отвести взгляда. — Освободите себя, — продолжал он. — Иначе вы никогда не сможете начать жить снова.

— Жить снова? Но зачем? Я совсем не хочу жить снова!.. — Она почти кричала, ломая руки. — Что я буду делать с новой жизнью? Вам не понять меня, но я была бы рада просто умереть!

— Не лгите, мадам. Вы не можете желать скорейшей смерти.

— О, я желаю ее, уверяю вас!

— Это только реакция на усталость. Настоящее желание смерти приходит лишь к тем, кто уже добился успеха в жизни. Найти и определить свою слабость в какой-то частности не имеет ничего общего с желанием смерти.

Анжелика подумала об отце де Ледигере и о Колене Патюреле, попавших в руки палачей, и о том, что испытала сама, привязанная к столбу, поставленному возле дворца Муль аль-Рашида. Тогда она была готова умереть, действительно тогда, а не сейчас.

— Вы правы, — заявила она с внезапной горечью. — Умереть сейчас означало бы, что вся моя жизнь была никому не нужной.

— Мне нравится такой взрыв любви к жизни, — засмеялся священник.
— Да, мадам, вы должны жить. Нет смысла умирать только из-за одних неудач!

— Вы следите за мной, как зверь следит за своей жертвой, — сказала она, боясь поднять на него глаза.

— Я хотел бы увидеть, как вы освобождаетесь, чтобы жить.

— Но от чего освобождаться?

— От того, что мешает вам жить и быть в хорошем настроении.

— Я никогда не смогу простить...

— Ну, это совсем не то, о чем я вас прошу!

Он увидел, как гнев отразился на ее красивом лице.

— Слушайте, брат Жан, вы знаете о «Поле Драгунов»?

Он молча и очень медленно кивнул. Она продолжала:

— Так вот, это я приказала их всех уничтожить!

— Знаю.

— Еще не все. Они привезли мне голову Монтадура, и ее вид доставил мне удовольствие. Я почувствовала себя так, словно вымыла руки в его крови... С той ночи я сама себя боялась и старалась не заглядывать себе в душу...

— Хотели бы вы забыть о прошлом?

— От всего сердца, — с надеждой посмотрела она на него.

— Вы сомневаетесь, что ваши грехи могут быть отпущены?

— Бог знает все. Какое значение в том, что я признаюсь вам?

— Да, Бог знает все. Но без признания даже он не сможет отпустить вам ваши грехи. Здесь вопрос в человеческой свободе.

Он победил. После исповеди она почувствовала облегчение.

— Будет ли кровь отмыта с моих рук?

— Ваш вопрос относится к возвращению к жизни и не имеет ничего общего с прошлым. Несколько лет вы не знали ничего, кроме ненависти. В будущем не будет ничего, кроме любви. Вот цена вашего искупления.

— Ваше предсказание меня не устраивает, — через силу улыбнулась она. — Моя борьба еще не закончена.

— Я имею в виду только ваше настроение...

Они много говорили об Исламе. Его очень интересовали ее впечатления об обычаях мусульман, тем более что она не скрывала своего восхищения ими и ностальгии, возникавшей при воспоминаниях о Востоке.

Они перелистывали большие тома с историей арабов и заповедями Магомета, переведенные на французский язык образованнейшими служителями церкви. Однажды она обратила внимание на зеленые глаза ангела, лицо которого показалось ей знакомым.

— Кто иллюстрировал эту книгу?

Старший аббат посмотрел на рисунок и улыбнулся:

— Как я мог забыть ребенка, появившегося ночью, и странную поэзию, исходившую от него? Свежесть, красота и жажда жизни — все сияло в его глазах. И я решил сохранить в книге его образ, чтобы напоминать о красоте божьих творений.

— А теперь я стала стара и некрасива.

Аббат с облегчением засмеялся.

— Как вам в голову пришла такая чепуха? Как вы могли отважиться произнести такие горькие слова? Вы так молоды... О, как вы молоды! — повторил он, и его глаза засияли. — Вы сохранили все свое обаяние, что уже является чудом. Вы многое пережили, верно, но ваша жизнь еще впереди, уверяю вас!

— Мои волосы уже начали седеть...

— И вы становитесь еще более привлекательной и желанной, — проговорил он внезапно дрогнувшим голосом.

И первый раз за много месяцев она снова почувствовала себя женщиной, ощутила нежность и привлекательность своего тела. Конечно, ее фигура располнела и плечи стали сильнее, но она сохранила былую стройность, а глаза стали еще ярче.

— Ваши попытки ободрить меня безуспешны, — она покачала головой. — Вы не можете понять, что я могу выглядеть достаточно интересной, но внутренне чувствую себя старой как мир.

— Не один день потребуется, чтобы излечиться от болезни, — задумчиво посмотрел на нее священник. — Но выздоровление идет. Как отличается сегодняшний день от того вечера, когда вы впервые появились здесь с ребенком! Успокойтесь. Вернитесь к свету, а не ко тьме, и вы почувствуете себя лучше душой и телом.

— Телом? — удивилась она. — Я не ослышалась?

— Вы боитесь и ненавидите мужчин. Вы должны преодолеть свои чувства. Только тогда вы излечите свою душу, ибо вы созданы для любви.

На секунду Анжелика замерла, а потом рассердилась.

— О чем вы говорите? Что вы знаете о пытках, которые испытывают женщины от мужской похоти?..

Он молча улыбнулся ее горячности.

— Скажите, почему вы улыбаетесь?

— Потому что чем больше я смотрю на вас, тем больше представляю вас в объятиях мужчины...

Его высказывание одновременно и обеспокоило и утешило ее.

— Я не употребил множественного числа, — продолжал он. — Я имел в виду одного-единственного мужчину. Вы слишком сексуальны, чтобы жить совсем без любви.

С большой печалью она подумала:

«Он был у меня. Он дал мне все, в чем я нуждалась. Но они вырвали его из моих объятий...»

— Вы должны обратить свой взгляд к будущему. Вы должны быть готовы встретить мужчину и узнать его. Разве намерены вы всю оставшуюся жизнь носить в своей душе стыд греков? Нет! Тогда отбросьте гордость своего тела, сейчас она не должна иметь значения. Не разжигайте память о стыде. После зимы всегда приходит весна. Плоть и кровь обновляются.

— Мне трудно забыть. Видимо, я не та, которая...

— Глупое создание! Вы должны забыть только о том, что вас ранит! Смотрите, впервые за многие дни на небе сияет солнце. Возьмите за руку ребенка и погуляйте с ним по нашему саду...

Она была не совсем уверена в том будущем, которое он нарисовал. Кто же тот человек, могущий снова покорить ее? Раны в душе были слишком глубоки. Потом она подумала об инстинкте, направившем ее в Нейльское аббатство, и готова была признаться, что ей хочется кричать от радости. Аббат разговаривал с терпением птицелова, но его личное обаяние тоже сыграло роль. Да, он оказался прав. Она еще во многом была женщиной.

— Что случилось со мной здесь, в вашем аббатстве? — несколько раз спрашивала она. — Временами я чувствую, что парю в небе.

— Вы женщина, постоянно нуждающаяся в борьбе и в активном образе жизни, чтобы оставаться молодой и красивой. Да, уверяю вас, мадам. Вы можете представить себя за работой с иглой и находить удовольствие от такой жизни?

— Я просто не знаю. Иногда я склонна думать, что создана для домашней жизни — любимый муж и дети вокруг стола, а я пеку для них пирожные. Каждая женщина в уголке сердца хранит такое видение, даже если она сойдет с тропы респектабельности. И как всякая женщина, я тоже увлекалась когда-то вещами, приносящими удовольствие: туалеты, драгоценности, внимание мужчин. Но я определенно оставалась

несчастной, ибо полностью эти вещи меня так и не устраивали. С другой стороны, мне нравилась карьера руководителя торговой фирмы или положение военного вождя. Вы можете сказать, что женщине несвойственно кровопролитие, что кровь противоречит женской натуре, но я люблю войну и сказала бы неправду, отрицая это. Приключения, сражения и упоение победой увеличивают мои силы. Даже страх и неприятности устраивают меня — я часто страдала за последние два года, но никогда не скучала.

— Отсутствие скуки действительно является прерогативой счастья для многих людей, и особенно для женщин.

— Вы не шокированы, святой отец? Объясните мне... меня.

— Человеческое существо способно на многое. Есть время для всего, время для каждой цели под небесами: время родиться и время умереть, время убивать и время лечить, время плакать и время смеяться, время любить и время ненавидеть...

— Кто так сказал?

— Одна из главных частей Библии, Экклезиаст.

— Значит, в моем бунте было еще что-то, кроме ненависти?

— Да, разумеется.

Лицо Анжелики неожиданно просияло.

— Ваше прощение приносит мне больше удовольствия, чем ваша суровость. Сначала вы были жестоки и разгневаны.

— Я хотел напугать вас, чтобы вывести из состояния депрессии. Я хотел заставить вас говорить. Мне приятно думать, что я добился успеха...

— Он на минуту замолчал. — А теперь вам надо собираться в другое место.

— Я должна умереть? — воскликнула она, внезапно испугавшись.

— Нет, нет, дорогая душа! Вы полны жизни! Я имел в виду, что вы должны покинуть землю, где за вашу голову установлена денежная награда. И вы не устраиваете здешних обитателей, вы слишком близки к природе. Ведь вы похожи на первую женщину, созданную Богом и сорвавшую запретный плод в Эдеме. Вы должны куда-нибудь уехать.

— Да, но куда?

— Я не знаю... Туда, где вы сможете создать новый мир, более земной и более удобный... — Он поднял глаза к окну. — Снег сошел, сияет солнце. Пришла весна, вы ее заметили? Кстати, я навел справки.

Солдаты покинули наш район, и здесь теперь относительно спокойно. У вас не будет трудностей через болота добраться до побережья. У вас остались верные люди, желающие присоединиться к вам?

— Так вы считаете, что я должна уйти отсюда?

— Да, пришло время.

Она представила беспокойный мир за стенами аббатства, увидела себя, одинокую, с незаконнорожденным ребенком на руках, и опустилась на колени.

— Вы гоните меня, святой отец, хотя здесь я чувствую себя как дома. Тут я нашла убежище самого Бога.

— Весь мир — убежище Бога для верящих в его милосердие, — тихо проговорил священник и снова увидел черный нимб вокруг ее головы. Она еще не избежала опасности, но он уже знал, что победа останется за ней: она подготовлена ко всем бурям мира.

Она закрыла глаза и почувствовала мягкое прикосновение его рук к своим пышным волосам:

— Мужайтесь, дорогая душа, и да поможет вам Бог!

На следующий день привратник оседлал для нее крепкого мула, нагрузил на него два одеяла и корзинку с провизией. Анжелика тщательно завязала шарфом головку дочери: если она не могла скрыть цвет своих глаз, то хотя бы спрячет волосы девочки. Она знала, что их приметы были хорошо известны населению. За женщину с зелеными глазами, несущую девочку с рыжими волосами, гарантировалась крупная награда. Несчастье состояло в том, что они обе были очень заметны.

Уже держа руку на шее мула, она на секунду заколебалась: не поговорить ли еще раз с братом. Но привратник молча покачал головой. Неделя началась, и весь монастырь молился. Над аббатством нависла более ощутимая, чем обычно, тишина.

Вновь что-то оторвалось от сердца Анжелики. Она села в широкое мужское седло, посадила перед собой Онорину и выехала за ворота. Когда мул взбирался по тропинке, к лесу, позади раздались три громких удара колокола.

Так много дверей уже закрывалось за ней прежде, чем она могла бы вернуться. Каждый раз исчезала возможность свернуть и скрыться в стороне, оставалась только одна свободная, ее собственная тропинка. Куда она вела?..

В последний раз она пересекла родной Нейльский лес. Не отваживаясь в дневное время выходить на большие дороги, она двигалась по тропинкам. Солнце стояло высоко в небе, когда она достигла Волшебного Камня.

Сердце Анжелики снова наполнилось ненавистью. Две недели назад она пробиралась здесь по глубокому снегу, а сегодня долина уже

покрылась зеленым вельветом. После необычно долгой и суровой зимы трава и цветы росли быстрее, чем обычно. Глаза ее помутнели от слез, когда увидели деревья, послужившие виселицами ее последним, самым преданным друзьям.

Отец де Ледигер, брат Жан... Два небесных архангела вырвали ее из пропасти. Два служителя церкви, два просто чистых человека, изгнали из нее дьявольские воспоминания. Да, именно так и должно было все произойти. Чтобы она осталась жива!

Глава 12

На следующий день она подъехала к Майлезайскому аббатству, выстроенному на острове, в окружении воды и деревьев. Среди ночи здесь можно было услышать плеск речных волн, омывающих стены аббатства с двенадцатого столетия. Монахи вели сонную размеренную жизнь, занимаясь рыбной ловлей и соблюдая традиции, увековеченные Рабле в его «Гаргантюа и Пантагрюэле» — сочинении, созданном именно в этих самых стенах.

Здесь все отличалось от мирной атмосферы Нейля. Монахи были напуганы протестантами, большинство их населяло этот район. Она вручила письмо от аббата Нейля, и приор монастыря со вздохом дал ей проводника до Сабль де Олан.

Анжелика несла Онорину на спине, шагая по грязной тропинке. Шел дождь, и воздух был наполнен острым и тревожным запахом. Она остановилась, сорвала несколько орехов для девочки и стала раскалывать их зубами. Неожиданно с той стороны, куда она шла, донесся новый, нарастающий по силе басовитый звук. Она двинулась вперед и вскоре увидела море. Не Средиземное море, все синее и золотое, — перед ней был океан, глубокий Атлантический океан. Он увеличивался на глазах, серый и зеленый, сливаясь с горизонтом. Подойдя ближе, она увидела берег, покрытый белой сетью прудов.

Здесь Анжелика должна была встретиться с де Палюдом, протестантом, занимающимся контрабандой соли. Но повстанец де Палюд несколько дней назад был схвачен и казнен по двойному обвинению: за контрабанду и за бунт против короля. Остатки его отряда все еще находились в лесах, вдоль берега. Она легко сторговалась с ними о найме корабля, направлявшегося в Бретань. Там она укроется на некоторое время. Сейчас главной трудностью было проскочить мимо королевских патрулей.

Приморский народ не предавал друзей властям ради выгоды. Но Анжелику все же тревожила мысль, что она находится среди протестантов, отлично знающих, насколько она сейчас беспомощна. Оставалось только одно: она должна как можно скорее попасть на корабль. Только море могло вернуть ей чувство свободы.

На третий день человек, одетый в лохмотья, прибежал в лес, крича, что приближается купеческий караван с вином. Мятежники стали

вооружаться шпагами и алебардами. У них давно уже не оставалось пороха для ружей и пистолетов.

— Пожалуйста, не нападайте на купцов, — попросила Анжелика. — Вы навлечете на себя гнев всей береговой охраны. А если они начнут серьезно обыскивать лес...

— Мы должны жить! — заявил главарь маленькой банды.

Из-за деревьев послышались колокольчики мулов и скрип колес, а потом раздались громкие крики и звон оружия.

Нужно было удержать людей от разбоя, который несомненно привлечет солдат и таможенников к местам, где они сейчас спрячутся. Но Анжелика мало знала их, не имела на них никакого влияния и даже не говорила на их диалекте. Наскоро привязав Онорину к дереву, она побежала к сражающимся. Если бы только прийти к какому-нибудь соглашению с купцами...

Но торговцы, вместо того чтобы потерять голову от страха, настроились защищаться. У них оказалось огнестрельное оружие, и они использовали его под прикрытием своих телег. Дорога моментально покрылась убитыми и ранеными.

Она бросилась к главарю банды, руководящему нападением.

— Пропустите их! Вам же будет лучше!

— Слишком поздно. Мы уже захватили их добро, а теперь должны захватить их самих, чтобы они не смогли говорить...

Он двинулся вперед, но тут раздался выстрел, и предводитель упал на землю. В рядах бандитов началась паника. Купцы, сообразив, что главарь выбыл из борьбы, вышли из-за укрытия и энергично контратаковали нападающих.

Анжелика, ощутив жестокий удар, успела посмотреть на ударившего ее человека: он был одет во все черное, и у него оказались светлые глаза, в которых читалась не ненависть, а одно лишь осуждение. Второй удар в висок лишил ее сознания.

Когда она пришла в себя, ей привиделось, что Флоримон и Кантор похищены и она вместе с ля-Поляк гонится за грабителями по дороге, ведущей в Шаратон... Но, открыв глаза, она поняла, что находится в тюрьме, одна, на ложе из соломы.

Она была так потрясена, что ничего не ощущала. У нее не хватило сил, чтобы остановить контрабандистов и побороть подступившее несчастье. Ведь через несколько часов она уже могла плыть к берегам Бретани. А сейчас она даже не представляла себе, где находится, не спрашивала себя, узнана она или нет и какие обвинения выдвинуты против нее. Сильно

болела голова, она лежала в прострации, как вдруг ужасная мысль мелькнула у нее в мозгу, и она вскочила на ноги. Онорина!..

Что случилось с ребенком? Анжелика оставила ее привязанной к дереву. Видели ли ее убежавшие бандиты?.. Что, если ребенок все еще оставался один в лесу? Поляна находилась в стороне от дороги, и было маловероятно, что кто-то услышит плач.

Она покрылась холодным потом. За решеткой окна горел закат. Она стучала в дверь и трясла решетку, но никто не приходил. Шум морских волн подсказал ей, что ее тюрьма находится недалеко от моря. Она начала кричать, но бесполезно. Наступила ночь, не неся ничего спасительного.

Слабый звук шагов снаружи заставил ее подбежать к окну.

— Из любви к Богу, пожалуйста, остановитесь, куда бы вы ни шли, — закричала Анжелика. — Выслушайте меня!

Шаги смолкли, наступила тишина.

— Из любви к богу, — повторила она, — послушайте мольбу.

Никто не отвечал, но человек и не двигался.

— В лесу оставалась моя маленькая девочка. Она погибнет, если никто не отвяжет ее. Она умрет от холода и голода, и лисы съедят ее. Куда бы вы ни шли, проявите жалость. Она недалеко от того места на дороге, где купцы отбивались от грабителей...

Прохожий пошел своей дорогой, стук каблуков возобновился. Слышал ли он слова, обращенные к нему из тюремного окошка? «Какая-то сумасшедшая», — наверное, подумал он.

Она очнулась от сна, во время которого слышала крики дочери, и увидела одного вооруженного стражника и старичка тюремщика, приказавших ей следовать за ними. Они провели ее в комнату, стены которой были изъедены солью. За столом сидел судья в длинной черной мантии, оживленно разговаривая с купцом — тем самым, что вчера во время схватки оглушил ее. Они не прерывали беседу и когда охранники ввели Анжелику, бросили ее на пол и стали расстегивать платье. Женщина стала бороться и кричать, но сильные руки удерживали ее. Мелькнуло раскаленное железо, она почувствовала дикую боль, и ее ноздри уловили запах горелого мяса.

Ожог посылал в мозг волны боли. Палач убирал свое орудие — на конце длинной рукоятки был укреплен металлический цветок лилии, уже потемневший от долгого употребления. Это было клеймо королевского преступника.

Судья и торговец продолжали беседовать.

— Я не разделяю вашего пессимизма, — говорил судья. — Мы еще в

приличном положении, и неправда, что король хочет уничтожить всех протестантов в королевстве. Ведь нас так много, что даже из четырех судей в провинции трое являются протестантами...

— А что вы скажете в отношении Пуату? Я видел там вещи, которые заставляют меня серьезно задуматься.

— Неприятности в Пуату? Прямая провокация! Наши братья позволили себе последовать за амбициями сильных вельмож, подобных дела Мориньярам!..

Судья спустился с возвышения и подошел к Анжелике, все еще остававшейся на коленях.

— Ну, моя девочка, надеюсь, ты извлечешь урок из того, что с тобой случилось. Женщина быстро теряет репутацию, бегая среди деревьев вместе с ворами и разбойниками. С нынешнего дня ты будешь носить на себе знак королевского правосудия. На твоём плече выжжена лилия — значит, ты была в руках палача и тебе нельзя доверять. Я надеюсь, теперь ты станешь осторожней...

Она опустила глаза вниз. Раз она не узнана, незачем давать возможность разглядывать себя. Она чувствовала сильнейший ожог — знак, отметивший ее как преступницу и включивший в разряд сомнительных женщин, воровок и проституток. Не клеймо беспокоило ее сейчас. Ей нужно выйти из тюрьмы и узнать, что случилось с Онориной.

А судья продолжал свою обличительную речь:

— Я не собираюсь оставлять тебя в наших стенах. Но я ответствен за твое будущее и помещу тебя в такое место, откуда у тебя не будет возможности вернуться на путь порока. Я помещу тебя в семью, которая послужит тебе примером. Мэтр Габриэль Берн, сидящий рядом со мной, сказал мне, что ищет служанку. Он возьмет тебя в свой дом. Встань, оденься и иди с ним.

Анжелике не нужно было повторять приказ.

На набережной женщины торговали дарами моря. Она смотрела, появится ли возможность сбежать от купца, так кстати освободившего ее из тюрьмы. Однако мэтр Берн, видимо, читал ее мысли, так как крепко держал ее за руку. А рука, как она хорошо еще помнила, была достаточно сильной.

Они вошли в гостиницу, и он показал ей комнату.

— Завтра мы уезжаем. Я живу в Ля Рошели, но мне по дороге надо повидать некоторых людей, и дома мы будем только вечером. Я должен спросить тебя, согласна ли ты быть служанкой в моем доме. Ведь я

пообещал судье, что ты не сделаешь попытки вернуться к прежней беспорядочной жизни.

Он ждал ее ответа. Анжелика должна была дать ему свои заверения. Но, глядя в его открытые честные глаза, она не смогла соврать и громко выпалила:

— Не рассчитывайте! Никто не заставит меня остаться с вами!

— И даже это? — указал он на кровать, а когда она не поняла, то, улыбнувшись, добавил: — Иди и посмотри!

Она сделала два шага вперед и замерла, увидев на подушке прядь рыжих волос. Там, прижав палец ко рту, лежала Онорина.

Анжелика бросила взгляд на мэтра Берна, а потом медленно опустила глаза и посмотрела на его крепкие сапоги.

— Значит, возле тюрьмы были вы! — выдохнула она.

— Да. Я проходил вечером по двору тюрьмы, чтобы повидаться с судьей. Женский голос остановил меня и умолял спасти ребенка. Мне ужасно не хотелось снова увидеть место, где на нас напали, но все же я сел на лошадь и поехал. К счастью, я добрался туда еще до полной темноты и нашел ребенка. Девочка, должно быть, уснула после долгого плача, но не очень замерзла. Я завернул ее в свой плащ, привез сюда в гостиницу, передал горничной и попросил как следует позаботиться о ней.

Анжелике казалось, что она никогда не слышала более восхитительной речи. Теперь жизнь снова становилась легкой и привлекательной. После того, что случилось, всякое чудо было возможным. Все люди выглядели добрыми, и радушными, а гостиничный номер — самым чудесным местом под солнцем...

— Да спасет вас Бог! — сказала она, и голос ее прервался от сдерживаемого волнения. — Мэтр Габриэль Берн, я никогда не забуду, что вы сделали для меня и для моей дочери. Вы можете смело рассчитывать на мою благодарность. Я готова служить вам.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ПРОТЕСТАНТЫ ЛЯ РОШЕЛИ

Глава 1

Уже наступила ночь, когда легкая повозка мэтра Габриэля Берна прибыла в Ля Рошель. Небо было еще светлым, но на всех перекрестках уже горели фонари. Город производил впечатление чистоты и порядка. Здесь совсем не было пьяных. Несмотря на довольно поздний час, люди еще ходили по улицам.

Первую остановку Берн сделал возле открытых ворот.

— Здесь мои склады. Они примыкают к докам, но я предпочитаю принимать свои грузы в стороне от любопытных глаз.

Две повозки въехали во двор. Он отдал распоряжение слугам, выбежавшим ему навстречу, и вернулся к Анжелике. Некоторое время они молча ехали вдоль улицы.

— Мы живем в очень спокойном месте, — объяснил Берн, довольный благополучным возвращением домой.

— И всего в нескольких шагах от бухты... — Он хотел сказать еще что-то, но, повернув за угол, они увидели яркий свет и услышали голоса.

— Мой двор? — удивленно произнес Берн. — Что там происходит? — Он спокойно вылез из повозки. — Следуй за мной, возьми с собой дочь. Нет причин оставаться на улице, — добавил он, видя, что Анжелика все еще колеблется.

Хотя у нее были веские причины не идти за ним, так как во дворе находились несколько полицейских, она, чтобы не обращать на себя внимание, все же заставила себя пойти за новым хозяином.

Полицейские преградили им путь.

— Никаких посетителей. Нам приказано не допускать сборищ.

— Но я не посетитель, я хозяин дома!

— О, понимаем. Тогда проходите!

Пройдя через двор, мэтр Габриэль поднялся на несколько ступенек и через длинный низкий коридор, увешанный картинами, прошел в гостиную. Над столом горела люстра с шестью рожками.

Прыгая через ступени, с лестницы сбежал мальчик:

— Быстрее, отец. Паписты пытаются склонить дядю к мессе.

— Чепуха. Ему восемьдесят шесть лет, он не может ходить.

На верхней площадке лестницы появился мужчина в коричневом бархате. Он с важностью двинулся к ним и заговорил:

— Дорогой Берн, очень рад снова увидеть вас дома. Я ужасно

расстроен, что ворвался в дом в ваше отсутствие, но мне хотелось бы получить объяснение. Вы, конечно, знаете, что недавно был декрет, и мы должны контролировать, чтобы все умирающие мужчины и женщины, даже являющиеся членами реформаторской церкви, принимали причастие католических священников, чтобы покинуть мир чистыми от ереси, могущей помешать им в загробной жизни. Капуцин, отец Жемери, слышавший о вашем дяде, господине Лазарусе Берне, находящемся на пороге смерти, посчитал своим долгом прислать священника с полицией в соответствии с новым законом... Ваши женщины оказали им весьма недружелюбный прием — вы же знаете, что такое женщины, мой добрый друг! — и они не могли выполнить свою миссию. Вспомнив, как я был дружен с вами, полицейские послали за мной, чтобы немножко успокоить дам, и я сделал все возможное, так как ваш бедный дядя до того, как...

— Так он уже умер?

— Нет, но умрет через несколько секунд. Ваш дядя, как я уже сказал, был тронут наконец нашими просьбами и согласился принять святое причастие.

Внезапно раздался крик маленькой девочки:

— Нет! Только не это! В доме наших предков...

Лейтенант схватил ее и зажал рот ладонью.

— Она ваша дочь, мэтр Берн? — кисло спросил он и тут же выпустил девочку. — Она укусила меня, маленькая дрянь!

— Уходите! — раздался резкий крик.

Старушка, как ведьма промчавшись по коридору, швырнула чем-то в лейтенанта. Анжелика поняла, что снарядом оказалась крупная луковица, попавшая под руку старой гугенотке. Слуги-мужчины столпились в прихожей. Один мэтр Габриэль сохранял невозмутимость и велел дочери придержать язык.

Тем временем лейтенант махнул рукой через окно, и в дом стали подниматься солдаты. Их прибытие успокоило волнение, а любопытные столпились у входа в спальню.

Анжелика смогла увидеть на подушке голову старика. Казалось, сейчас он испустит последний вздох, если уже не умер.

— Сын мой, я возвращаю вас Господу нашему Иисусу Христу, — произнес священник католическую формулу начала причащения.

Его слова произвели магический эффект. Старик открыл один глаз и несколько приподнял голову на длинной шее.

— Я не верю, что подобное действие в ваших силах.

— Но секунду назад вы согласились...

— Я ничего не говорил.

— Мы не могли дать другое объяснение движениям ваших губ.

— Я мучился от жажды, только и всего. И не забывайте, господин кюре, что я прожил здесь всю свою жизнь и не стану отказываться от религии и Бога, которому верят двадцать три тысячи жителей нашего города из двадцати восьми тысяч...

— Вы богохульствуете!

— Возможно... Но меня это устраивает.

— Вы умираете.

— Не от нашей беседы. — И слабым голосом, в котором прозвучала веселая нотка, он попросил: — Дайте мне стакан вина!

Слуги засмеялись. Капуцин сердито призвал их к молчанию. Еретики сегодня должны получить хороший урок. Тюрьма научит их по крайней мере соблюдать правила приличия.

Тут Анжелика учуяла запах горелого, что дало ей повод пойти на кухню — теплую, хорошо обставленную комнату. Она посадила Онорину в кресло, неподалеку от огня, подняла крышки с горшков на плите и обнаружила в одном уже начавшие подгорать артишоки. Она пришла как раз вовремя, чтобы спасти их. Добавив в горшок немного воды, она стала подготавливать длинный обеденный стол. Ведь рано или поздно спор закончится, и тогда ей, как служанке, надо иметь готовый обед.

Она все еще оставалась под впечатлением спектакля, отметившего их прибытие. Дом протестанта являлся, возможно, не идеальным местом для укрытия, но купец отнесся к ней с явной добротой. Он даже не подозревал, кто она. Преследователи давно потеряли ее след, и теперь никому и в голову не придет, что она простая служанка в доме купца-гугенота из Ля Рошели.

— Она ваша служанка? — спросил лейтенант.

— Да, ваша честь.

— Она тоже протестантка?

— Да, разумеется.

— А что относительно ребенка? Ее дочери? Во всяком случае, она должна быть приведена в лоно католической церкви.

Занимаясь приготовлением еды, Анжелика старательно держалась спиной к двери. Сердце ее учащенно билось, когда она услышала ответ Берна, что он только недавно принял служанку на работу и еще не успел выяснить всего о ней и о ее ребенке.

— А сколько лет вашей дочери, господин Берн?

— Двенадцать.

— Да, разумеется. В ее возрасте она уже может сделать выбор, к какой церкви она хочет принадлежать.

— Я думаю, — проговорил мэтр Габриэль, — моя дочь уже сделала свой выбор. Минуту назад вы имели возможность убедиться.

— Мой дорогой друг, — сухо произнес королевский лейтенант, — я очень сожалею, что вижу, как вы реагируете на мои инструкции. Я должен дать вам совет: отрекитесь. Отрекитесь сразу, сейчас, пока не поздно. Вы избавите себя от многих бед.

Анжелике показалось, что лейтенанту самому приятно слушать звуки собственного голоса. И наконец его голос затих во дворе. Вскоре ворота были заперты, и члены семьи один за другим появились на кухне и собрались возле стола. Старуха, швырявшая луковицу, бросилась к плите и издала вздох облегчения, обнаружив, что пицца, о которой она совсем забыла, так и не сгорела.

— Спасибо, дорогая, — прошептала она Анжелике. — Если бы не ты, хозяин здорово отругал бы меня. Меня зовут Ребекка...

Старая женщина поставила на стол главное блюдо, пастор Боккер произнес короткую молитву, и все сели. Анжелика осталась стоять у огня. Мэтр Габриэль позвал ее:

— Госпожа Анжелика, идите сюда и садитесь с нами. Наши слуги всегда ведут себя как члены одной семьи. Ваш ребенок тоже окажет нам честь своим присутствием. Дом с невинным младенцем охраняется Богом. Мы поставим ей стул с правой стороны стола.

Мальчик по имени Мартьяль вскочил и вскоре вернулся с высоким стулом, который поставили рядом с младшим ребенком, семилетним мальшом. Анжелика усадила Онорину и сама села среди собравшихся. При свете свечей девочка осмотрела всех и остановила взгляд на пасторе, за противоположным концом стола, и улыбнулась ему по-детски приветливо.

— Боже, как она красива! — воскликнула Абигель, дочь пастора.

— Действительно, она очень мила, — подтвердила Северина.

— Ее волосы похожи на медь, — заметил Мартьяль.

Дети весело смеялись, пока Онорина обожающим взглядом изучала Боккера. Пастор попросил Ребекку обслужить девочку первой.

— Мы обходимся с детьми как с королями. Их любит наш Бог.

— Святой отец, — вдруг спросила Северина дрогнувшим голосом, — а что вы станете делать, если они принудят Лазаруса принять их причастие? Да, что вы сделаете тогда?

— Никто не может быть принужден принять причастие, моя девочка.

Паписты считаются с нашей религией.

— Но если они не посчитаются с нами? Что вы предпримете? Вы убьете их всех? — Глаза девочки были черные, а лицо белое как мел, словно у маленькой старушки.

— Жестокость, дочь моя... — начал мэтр Габриель.

— Естественно, ты тоже их отпустишь, — сморщила она в гримасе уголки губ. — И наш дом окажется навсегда опозорен.

— Дети не могут судить о таких долах! — возразил он.

Он выглядел мирно, всякий мог принять его за человека добродушного. Но, несмотря на внешнюю мягкость, такое суждение оказалось бы весьма далеко от истины. При внимательном изучении Анжелика убедилась, что люди Ля Рошели тверды как сталь. Тут она вспомнила об ударе, полученном ею на дороге. Он был рожден, чтобы сидеть за столом с яствами, хотя и был вполне счастлив, питаясь хлебом и овощами, как добрый король Генрих IV, долго живший в Ля Рошели, перед тем как прийти в Париже к мессе.

Когда вся семья перешла в гостиную читать Библию, Анжелика осталась одна со старой поварихой.

— Не знаю, понравилась ли тебе еда, Ребекка, но моя дочь плохо ела. Даже в лесу она ела больше, чем здесь. Л ведь семья кажется мне довольно состоятельной.

— Что за ерунду ты выдумываешь!? Народ в Ля Рошели богаче всех в королевстве. Пойди и посмотри на наши склады на берегу. Они переполнены добрым вином, солью и продуктами.

— Тогда почему же на обед только сыр да овощи?

— О, я вижу, ты не из наших краев. Поживешь здесь и тоже станешь делить селедку на четверых. Видела бы ты отца мэтра Габриэля, что за славный человек он был! За обедом он съел бы даже камни и ничего не заметил. Привержен он был только к вину, у нас в погребах лучшее шарантонское вино...

Пока кухарка говорила, Анжелика собрала тарелки со стола и стала мыть их в котле с теплой водой. Она чувствовала голод, и ее билась сильная дрожь. Ожог на плече все еще болел, и каждое движение напоминало о случившемся. Все произошло так быстро, что тень минувших событий все еще висела над ней.

Потом она взяла Онорину на руки. Возможно, девочке и понравились протестанты, желавшие иметь только самое необходимое для жизни и мало беспокоившиеся об остальном. Как они улыбались ребенку! Должна ли она остаться здесь под гостеприимной крышей или снова уйти? И какой тогда

избрать путь?

— Тут остался хлеб и сыр, — поставила перед ней блюдо старуха.

— Но если наш хозяин...

— Он ничего не скажет, особенно если речь идет о ребенке. Я его знаю. А потом мы уложим девочку здесь, — указала она на высокую кровать, стоявшую в кухонном алькове.

— Разве не ты сама спишь здесь?

— Нет, у меня постель в чулане. Я боюсь больших комнат.

Накормив Онорину и уложив ее спать, Анжелика вернулась к огню, чувствуя, что не сможет сразу заснуть. Она захотела задержать кухарку, понимая, что та много знает и может рассказать немало полезного для будущей жизни.

— Садись, моя красавица, — указала Ребекка на стул возле себя. — Давай съедим омара и запьем его вином. Ты сразу почувствуешь себя лучше.

Омар, извлеченный из кастрюли, едва уместился на глубокой тарелке. Старуха переломила его и дала половину Анжелике.

— Делай, как я. Держи нож вот так. И не оставляй ничего, кроме панциря.

Мясо омара отличалось от всего растущего на земле и имело привкус моря. Вдвоем они быстро справились с гигантом.

— Теперь попробуй вино. Только бы не зашла госпожа Анна!

Но дом был тих. После пения псалмов все ушли спать. Лишь мэтр Габриэль занимался подсчетами в своей конторке.

— Нет, ты определенно не местная, — продолжала старуха. — А может быть, ты из Бретани?

— Нет, я из Пуату... — тут же пожалела о сказанном Анжелика.

— Там были страшные дела. Расскажи о них, — сразу засветились глаза старухи. — О, я и сама знаю, что там было, — продолжила она. — Ты видела слишком много, чтобы отважиться говорить. Ты похожа на Жанну и Мадлен, кузин булочника, они почти сошли с ума от увиденного. Не смотри на меня так и продолжай есть. Войны и осады, почему они должны миновать тебя? У нас говорят так: «Когда приходят солдаты, девушки теряют невинность». Я пережила две осады, трое моих детей умерли от голода, я потом расскажу тебе о них... Мне еще повезло.

Шокированная ее рассуждениями, Анжелика подумала: «Да, но я была маркизой дю Плесси!», — а вслух сказала, удивляясь собственным словам и спокойному голосу:

— Я держала своего ребенка на руках после того, как они просто

перерезали ему горло.

— Я понимаю, моя дорогая, что ты пережила. Когда теряешь ребенка, то переходить в другой мир и больше не любишь людей. Я перенесла две осады и сама похоронила трех детей. Мне тогда было двадцать семь, и у меня было три сына. Старшему только исполнилось семь лет, и он умер первым. Я думала, он спит, и не хотела его будить — во сне голод меньше чувствуется. Но к вечеру, когда он так и не проснулся, я поняла, что случилось. Он был мертв еще утром, он умер от истощения.

— Но почему же ты не попыталась покинуть город с детьми?

— Город окружали солдаты Ришелье. И не мне было дано решать — сдавать город или нет. Каждый день мы надеялись на прибытие англичан. Каждый день мы надеялись, что произойдет чудо, хотя никто не знал, какое. Защитники умирали от голода прямо на стенах. Мой муж от истощения уже не мог держать в руках алебарду и однажды упал мертвым. Его похоронили в братской могиле. Оставшиеся в живых не сбрасывали трупы со стен, чтобы люди короля не догадались, что в гарнизоне скоро никого не останется. Голод нельзя описать тому, кто его не испытал. Они и не понимали... Ты выходишь на улицу, на что-то надеясь, оглядываешься по сторонам, ищешь траву между камнями. Но ничего не находишь и с каждым днем чувствуешь себя все хуже и хуже.

— Но почему же вам нельзя было покинуть город?

— За укреплениями нас ждали солдаты короля. Они сразу вешали мужчин и делали, что хотели, с женщинами. А дети?.. Откуда было знать, что сделают с ними солдаты? Во всяком случае, мы не смогли покинуть город. Многого мы не смогли сделать, Бог знает почему. Мы могли только умирать вместе с городом. Я не помню, когда умер мой второй ребенок. Я помню только, что, когда делегация положила ключи от Ля Рошели к ногам Людовика XIII, у меня остался только один ребенок. Все кричали: «Выходите к воротам! Берите хлеб!..» Я бежала вместе со всеми, но мне только казалось, что я бегу, — я плелась, как все остальные. Мы выглядели как привидения. Я посмотрела на своего младшенького и сказала: «Все кончено, город сдался королю. Солдаты войдут в город, и появится хлеб. И у меня еще остался один ребенок. Ведь еще несколько дней, и я стала бы матерью с пустыми руками...» Но никогда не знаешь, что произойдет...

— Как страшно! — проговорила Анжелика, с ужасом глядя в глаза старухи и забывая, что осада происходила сорок лет назад.

— Ну, допивай свое вино, не давай ему согреться. Его надо пить холодным... Да, а у ворот стояли солдаты вокруг больших куч хлеба. Солдаты, когда ты не воюешь против них, тоже могут быть человечными,

некоторые плакали, глядя на нас. Ну, я ела и ела, то же делал и мой мальчик. А потом он умер... Он съел слишком много и слишком быстро. И все, что я смогла для него еще сделать, это похоронить вместе с остальными... А что, ты думаешь, было потом? Я обезумела, и все. Вот, моя девочка, единственный урок, который можно извлечь из войны...

Она умолкла, и послышался стук ножа о панцирь омара.

— Сначала я хотела уйти за своими сыновьями, — продолжала она. — Но меня удержала пицца. Видя то, чего мы так долго не имели, я испытывала какое-то удовлетворение и забывала про свои беды. Потом меня успокаивало море. Я взбиралась на утесы и долго стояла там. Море оставалось прежним, и никто не мог бы его забрать, А потом меня полюбил мужчина-папист. Их теперь много в Ля Рошели. Он умел разговаривать с женщинами, и мне нравилось, как он обращается со мной. Если бы я согласилась сменить религию, мы могли бы пожениться в католической церкви, но я так и не захотела. Он уехал в Сен-Мало к своей семье, и я больше его не видела. Он оставил меня с ребенком, с мальчиком, и я начала жить снова... Дети дают нам силу!

Ребекка вдруг замолчала, встала и прислушалась.

— Море шумит. Оно становится сердитым... Давай посмотрим.

За альковом, где стояла кровать, находилось окно. Старуха открыла его, и в кухню сразу же ворвался сильный порыв ветра, неся с собой запах соли и моря. Волны, бившиеся в дамбу, производили такой шум, что нужно было кричать, чтобы тебя услышали. Впереди вырисовывалась башня маяка, на которой горел огонь, указывая кораблям путь между островами.

На площадке маяка они увидели солдата. Убедившись, что огонь горит ясно, солдат по винтовой лестнице спустился в караульное помещение.

Между домом мэтра Габриэля и городским оборонительным валом проходила только узкая дорожка. Ребекка объяснила, что знает всех солдат, круглосуточно несущих службу на маяке. Когда она сидит у окошка, а они проходят мимо, то часто останавливаются потолковать. Она всегда первой узнает, что происходит в порту, так как на мачте поднимаются сигналы о прибытии кораблей, везущих сахар, табак или пряности. На маяке известно о каждом корабле, военном или торговом, прибывшем из-за границы или принадлежащем Ля Рошели. Когда новое судно входит в порт, звучит колокол. Таможенники, купцы и моряки спешат на причалы. Жизнь в городе не бывает скучной из-за кораблей, плывущих сюда со всех концов света.

В давние дни о прибытии судов сигналили с башни Святого Николая,

но теперь она частично разрушена, и честь первого сообщения передана высокой башне маяка.

Ребекка закрыла окно на прочные засовы. Снова наступила тишина, особенно контрастная с гулом близящегося шторма. Анжелика облизала губы и почувствовала привкус соли. Тут она заметила, что Онорина проснулась, села в кровати и внимательно прислушивается к шуму моря. Снова уложив девочку и укрыв ее потеплее, Анжелика вспомнила, что дочь несет на себе знак самого Нептуна.

У лестницы, ведущей на второй этаж, сидел семилетний мальчик. Спрятавшись в тени, он, должно быть, подслушивал их разговоры. Старуха подошла и покачала головой:

— Появившись на свет, парень отнял жизнь у своей матери. Он не получил много любви... — Идя по коридору, она продолжала бормотать: — Страдающие сироты, мучающиеся матери — вот что происходит в мире, и такое зло не скоро кончится...

— Ты должен идти в постель, — сказала Анжелика мальчику.

Он молчал. Лицо его было болезненным, он шмыгал носом.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он не ответил и качал подниматься по лестнице, держась за стену. Когда он почти достиг второго этажа, она гоняла, что он не попросил свечу, и побежала за ним.

— Подожди, дорогой. Ты же можешь упасть!

Она взяла его за руку, маленькую и холодную, и ее сердце забило сильнее — припомнился жест, который она уже давным-давно не делала, Они вместе стали подниматься. Он казался маленькой таинственной тенью, держащейся за ее руку.

— Ты тут спишь, дорогой?

Он молча кивнул, глядя на нее и словно не веря, что она все еще здесь. В стенной нише для него была устроена низкая кровать. Соломенный матрац, видимо, взбивался не очень часто, а одеяло было слишком легким для зимы: оно не спасало от холода. Луна светила через круглое окошко на бледное лицо ребенка и старинный гарнитур. Напротив висело большое темное зеркало.

— Тебе здесь нравится? — спросила Анжелика. — Тебе здесь не холодно и ты не боишься? Тебе не слышатся иногда шорохи?

«Конечно, здесь есть крысы, — подумала она, поймав его испуганный взгляд, — и он их сильно боится...»

Она начала раздевать мальчика. Его тонкие плечи напомнили ей Флоримона, когда тот был совсем маленьким. Такие же сжатые губы были

у Кантора, так же мало говорившего, а задумчивый взгляд был как у Шарля-Анри, когда он мечтал.

Мальчик, казалось, удивлялся тому, что кто-то помогает ему раздеться. Он настоял на том, чтобы самому снять всю одежду, и аккуратно разложил ее на стуле. В длинной белой рубашке он оказался еще тоньше.

«Ребенок умирает от холода!» Она взяла его на руки, прижала к груди, и неожиданно слезы потекли у нее из глаз.

Анжелика никогда не была образцовой матерью. Она защищала своих детей от холода и голода, как делают животные для своих маленьких, но она никогда не шутила с ними, почти не играла и не ласкала их. Она только тогда ощутила нити, связывавшие их с ней, когда дети оказались так жестоко оторванными. Рана еще кровоточила, напоминая о том, что у нее могло быть и что она потеряла.

«О, мои сыновья! Вы родились слишком рано!..» Они стали помехой в ее жизни, лишь периодически занималась она ими, отвлекаясь на минутку от собственных забот. Женщина должна почувствовать себя настоящей женщиной еще до того, как становиться матерью.

Анжелика уложила мальчугана в постель и улыбнулась на случай, если ее слезы обеспокоили его. Поцеловав его и пожелав спокойной ночи, она спустилась вниз на кухню.

Возле кровати она сняла верхнюю одежду и старательно причесалась. Теперь она не хотела уходить. Дом у моря обещал ей защиту.

Глава 2

На следующий день мадам Анна с назиданиями вручила ей Библию в черном кожаном переплете.

— Я заметила, девочка, что ты не присоединилась вчера к нашим молитвам. Без сомнения, ты не захочешь, чтобы твои грехи множились. Вот книга, в которой все женщины могут найти для себя успокоение.

Оставшись одна, Анжелика осмотрела Библию и отправилась искать мэтра Габриэля. Служащий объяснил ей, что он находится в нижнем этаже склада, в комнате, где хранит счетные книги. Спустившись вниз, она пересекла два или три больших помещения, где купец хранил свои наиболее ценные товары. Он был одним из крупнейших поставщиков коньяка в Англию и Голландию.

Английский капитан только что заключил с мэтром взаимовыгодную сделку и, попрощавшись, уже собрался уходить из конторы. В воздухе витал запах коньяка, а на столе стояли два высоких бокала. Англичанин прошел мимо Анжелики, вежливо приподняв шляпу, и произнес комплимент о привлекательной жене мэтра Габриэля. Последний, не отрываясь от книги, возразил по-английски:

— Она не жена, а моя служанка.

— О! — произнес англичанин, бросив оценивающий взгляд.

Не знавшая английского языка Анжелика не поняла, что было сказано, да и не старалась догадаться. Она заранее страшилась реакции на свое признание.

— Мэтр Габриэль, — начала она, мобилизовав все свое мужество, — я должна прояснить недоразумение. Конечно, надо было бы сделать это раньше. Я не протестантка, как вы и вся ваша семья, а самая заурядная католичка.

Купец уставился на нее с растерянным видом:

— Тогда почему же вы позволили заклеить себя лилией? Если бы вы доказали свою принадлежность к католической церкви, то избежали бы страшного надругательства. Существует совершенно ясный пункт закона: «Протестантская женщина, виновная в воровстве, должна быть заклеена лилией и выпорота розгами». Судья является членом моей церкви, и мне удалось избавить вас от публичной порки. Но он не мог престо отпустить вас, потому что вас поймали с компанией опасных воров. Знаете ли вы, что трое из них уже казнены, а остальные сосланы на галеры?

— Я ничего не знала. Бедняги!

— И новость не волнует вас? Они были вашими компаньонами.

— Я с ними даже не была знакома.

Всплеснув руками, мэтр Берн посадил на страницу приходно-расходной книги большую чернильную кляксу.

— Почему же вы не объяснили всего судье, глупая девчонка? — Он аккуратно промокнул кляксу и вытер перо. — Католичку клеймят очень редко и только в случае совершения какого-то ужасного преступления. «Лилия» является знаком того, что она убийца, воровка или проститутка. А теперь, если обнаружится клеймо и будет доказано, что вы католичка, возникнет риск, что вас поместят в королевскую тюрьму или отправят в Канаду как падшую женщину вместе с «дочерьми короля». Почему же вы молчали? — Негоциант внимательно поглядел на нее. — Или вы не хотели, чтобы судья задавал бы вам слишком много вопросов?

— Да, вы правы, мэтр Габриэль. В тот момент я не думала ни о чем, кроме своей дочери. Я не знала, что вы уже спасли ее. Я позволила им делать с собой, что они хотели, даже не сознавая, что случилось. А теперь уже поздно, клеймо останется на плече до конца дней моих. Но только вы знаете о нем, мэтр Габриэль, и если вы не выдадите меня...

— Я уже принял вас в свой дом. Никто не посмеет причинить вам вред, пока вы находитесь под моей крышей. Таков древний закон гостеприимства.

— Значит, вы не отошлете меня?

— Почему и куда я должен отсылать вас?

— Я сделаю все, что в моих силах, мэтр Габриэль. Но... но я должна заявить вам прямо сейчас...

— Я не знаю, что вы собираетесь мне сказать, — перебил он ее. — Что вы не собираетесь менять веру? Но вера не может мешать вам читать Библию. Открывайте ее каждый день, важна любая страница. В Книге вы найдете ответ на любой вопрос. Когда вы будете читать святую Книгу, ваше сердце успокоится.

И мэтр Габриэль медленно протянул ей Библию.

Яркое солнце заливало двор светом. В центре двора росла невысокая пальма. У стены рядом со скамейкой высилась клумба с крупными цветами. В другом углу находился фонтан, и плеск воды подчеркивал экзотику пейзажа. Весь дом был отгорожен от опасностей внешнего мира высокой каменной стеной.

Анжелика собралась убирать стаканы со стола, но снова заговорила:

— Мне неприятно беспокоить вас, мэтр, но скажите, мадам Анна

ответственна за ведение домашнего хозяйства? К ней ли я должна обращаться за указаниями?

— Моя тетка никогда не была способна вести хозяйство, — заявил он. — Когда она начинает распорядиться, дела по дому идут из рук вон плохо.

— Тогда кто же все организует?

— А почему не вы? — прямо спросил он. — Вы кажетесь мне честной и способной женщиной. Все, чего я хочу, — чтобы в горшках имелась какая-то еда и не скапливалась пыль на мебели. Когда нужно что-нибудь купить, за деньгами приходите сразу ко мне. Вот вам для начала. — И он протянул ей кошелек. Как и многие другие мужчины, он, очевидно, избегал домашних дел. — Только будьте внимательны. Я хочу получать детальные отчеты, скажем, раз в месяц. Вы умеете писать и считать?

— Да, — кратко ответила Анжелика.

Наступил вечер. Анжелика досыта накормила всех домашних супом с беконом, рыбой с салатом и яблочным пирогом. Все сияло. Она почистила медные кастрюли, протерла мебель и даже заставила улыбнуться маленького Лорье, рассказав ему сказку о Золушке. Она устала, но чувствовала себя спокойно и поняла, что начинает снова возвращаться к жизни. Мысль, что она может попасть в руки короля, стала казаться менее важной, чем уверенность, что мальчик хорошо спал ночью. Несколько раз она поднималась к нему на чердак. Чтобы успокоить ребенка, рассказывала ему сказки, но, поднимаясь по лестнице снова и надеясь, что он спит, она заставляла его сидящим на матрасе и бездумно глядящим на свое отражение в зеркале.

В четвертый раз застав его в такой позе, она не выдержала. Слишком долго мальчик спал урывками, просыпаясь от грызни крыс и думая о вещах, недоступных пока детскому сознанию: о псалмах, певшихся регулярно, и о словах, которые люди произносили, глядя на него: «Ребенок стоил жизни своей матери!..»

Каждая ночь становилась для него бесконечной, когда он лежал здесь в привычном окружении вещей, не зная теплоты других людей. Когда начинало светать и крысы успокаивались, он засыпал, но ненадолго, потому что тетя Анна будила всех в шесть часов утра, и все начиналось сначала.

Открыв комод, Анжелика достала две простыни и наволочку и пошла в недавно замеченный небольшой чуланчик. Лорье может хорошо спать здесь: рядом теплая кухня, кашель дяди Лазаруса будет напоминать, что кто-то есть поблизости, и он сможет слышать тиканье больших часов, стоявших на полу в гостиной. Приготовив постель и возвращаясь на

кухню, она заметила, как открылась дверь кабинета мэтра Габриэля.

— Что вам здесь нужно, госпожа Анжелика? Я должен напомнить, что уже полночь...

Вежливый тон не скрывал определенного раздражения хозяина. Когда мэтр заканчивал свои подсчеты и отправлялся в спальню, он любил сознавать, что в его доме уже все спят.

— Извините, мэтр Габриэль, я учту ваше замечание и постараюсь больше не нарушать порядок. Но мне хотелось приготовить соседнюю пустую комнатку для маленького Лорье... Ему очень неуютно и неудобно спать на чердаке.

Она скорее почувствовала, чем увидела всплеск гнева в серых глазах купца.

— Ту комнату не следует тревожить. Она принадлежала моей жене до самого последнего дня.

— Я понимаю, — вежливо ответила она, — но не могу найти другого помещения, пригодного для мальчика.

— А почему вы хотите поместить его сюда?

— Его кровать на чердаке. Он боится и не может там спать. Я думаю, если устроить ему постель здесь, он будет счастлив.

— Что за чушь? Он должен привыкнуть там находиться. Я тоже спал на чердаке, когда был маленьким.

— И вы не боялись крыс?

— Да, боялся. Но потом я привык к ним.

— Ну, а он не может привыкнуть. Каждую ночь он спит очень плохо или совсем не спит. Потому он и худенький.

— Он никогда не жаловался.

— Дети редко жалуются, особенно когда никто не обращает на них внимания, — холодно заявила Анжелика.

— Мальчик должен стать мужественным. Вы рассуждаете как типичная добрая женщина.

— Не как женщина, а как мать, — глянула она ему в глаза.

— Когда моя жена скончалась, я поклялся себе, что никто не будет спать в ее комнатке.

— А мне почему-то кажется, что, увидев ребенка здесь, она сама была бы довольна.

— Не знаю... — вздохнул купец. — Вы переворачиваете весь дом. Я думал, мальчик спит со своим старшим братом, а тут чердак... Должен сознаться, воспоминания о нем у меня неприятные. Хорошо, делайте, как считаете нужным.

Она не нуждалась в свече, пятый раз поднимаясь на чердак.

— Я перенесу тебя, — сказала она Лорье, который все еще не спал.

— А куда вы меня поместите?

— Туда, где тебе будет удобно. Внизу, около твоего отца.

Она аккуратно снесла его по лестнице вместе с матрацем. Лорье был настолько поражен теплотой комнатки и близостью отца, что от удивления на мог говорить.

— И я буду здесь спать? Каждую ночь?

— Твой отец считает, что тебе теперь нужна большая кровать.

— О, спасибо, спасибо, папочка!

Через несколько минут мальчик уже крепко спал. На лице его появилось выражение счастья и умиротворенности. Мэтр Габриэль стоял у изголовья кровати и о чем-то размышлял. Анжелика наклонилась, осторожно укрыла мальчика и повернулась к нему.

— Не сердитесь на меня. Я не могла видеть его несчастным.

— Не беспокойтесь, госпожа Анжелика. Вы хорошо поступили. — И после некоторого колебания он добавил: — Еще не все. Я должен дать вам часть платы авансом.

— Вы ничего не обязаны, мэтр Габриэль. Я знаю, что служанка должна проработать месяц до получения своего жалованья.

— Но вы появились здесь без вещей. И в Библии сказано: «Не держи нанятых слуг в бедности и нужде». Вот я и решил... — И он вложил ей в руку богато вышитый дамский кошелечек с деньгами.

— Я никогда не забуду вашей доброты, мэтр Габриэль!

Спускаясь к себе, она вдруг осознала, что взаимопонимание, возникшее между нею и купцом, не случайно. Теперь она полностью убедилась, что где-то уже встречала его. Но где? Когда? Когда он склонялся к ней со спокойной открытой улыбкой, так оживлявшей иногда его холодное лицо?

Глава 3

Еще долгое время Анжелику беспокоила мысль, что она где-то встречала уже прежде мэтра Габриэля, но потом в чередѣ забот она позабыла о ней.

Вечерами, когда тетя Анна, члены семьи и слуги после общей молитвы расходились по своим комнатам, мэтр Габриэль позволял себе простое удовольствие: он приносил из своей комнаты датскую папиросу, набитую душистым табаком, и спускался на кухню, чтобы покурить. Затем он прислонялся к дверному косяку и наблюдал за гостиной, куда входили и выходили домочадцы, слуги и две кошки.

В такие вечера дети знали, что он в хорошем настроении, задавали ему вопросы и рассказывали о своих делах. Теперь Лорье тоже присоединился к ним. За последние дни он сразу изменился, взгляд стал резче, и он мог постоять за себя, когда Мартьяль делал какие-то саркастические замечания.

Но однажды, в такой же умиротворяющий вечер, посадив Лорье к себе на колени и легонько проводя рукой по его длинным, как у девочки, волосам, Анжелика заметила, что купец внимательно глядел на них сквозь сизый дым табака. И решила опередить вопрос, уже отразившийся в его глазах.

— Вы думаете, я его балую? Нет, посмотрите сами, насколько он стал здоровее, даже румянец появился. Дети нуждаются во внимании, мэтр Габриэль, как цветы нуждаются в воде...

— Я не стану отрицать того, что вы говорите, госпожа Анжелика. Я уже и сам понял, что ваша забота сделала славного ребенка из маленького заморыша, на которого, я признаю, даже смотреть было неприятно. Я был несправедлив: ведь я лучше сужу о хорошем коньяке или о канадских мехах, чем о том, в чем нуждается ребенок. А удивляет меня то, с какой любовью вы относитесь к Лорье и как мало внимания проявляете к своему собственному ребенку. Конечно, вы заботитесь о девочке, но я никогда не видел, чтобы вы целовали ее или хотя бы улыбались ей.

— Что? Неужели вы говорите всерьез? — воскликнула она, покраснев до корней волос, и в смятении посмотрела на Онорину, сидевшую за столом перед тарелкой. Теперь ту частенько оставляли сидеть одну, потому что она медленно ела и могла проводить за едой целые часы, глядя в пространство. Такое поведение дочери она объясняла плохим аппетитом. Могла ли она предполагать, что Онорина страдает от отсутствия

внимания? Что за мысли бродили в ее головке? В глазах девочки иногда вспыхивал настоящий гнев, что расстраивало Анжелику до такой степени, что она сама теряла терпение, а Онорина тогда заявляла:

— Мама плохая!

В таких случаях, чтобы сразу погасить назревающий конфликт, Анжелика укладывала ребенка в постель или передавала на попечение старой Ребекке. Она привязалась к Лорье, видя в нем своих мальчиков, своих настоящих детей. Да, Онорина все еще не стала для нее настоящей дочерью.

«Мэтр прав, — подумала она. — Моя дочь... Я признала ее присутствие в своей жизни, но не могу заставить себя полюбить ее. Он просто не знает и просит меня о невозможной вещи. Если бы он знал все, то наверняка понял бы и простил...»

— Вы проявляете заботу о моем сыне, а я пекусь о вашей дочери, — улыбнулся купец. — Я никогда не забуду, как она спала одна под деревом и как протянула ко мне ручонки, когда я разбудил ее.

Анжелика густо покраснела и настолько расстроилась, что Габриель Берн даже ругал себя за свои опрометчивые слова. Вспомнив о чем-то, он вышел из гостиной. Лорье отправился за ним. По вечерам мэтр Берн разрешал ему ходить среди товаров на складе.

Теперь Анжелика осталась с Онориной одна. У нее появилось чувство, что вся ее дальнейшая жизнь будет зависеть от того, что скажет или сделает маленькая девочка, ее дочь. Она вспомнила вдруг о своей сестре Гортензии: та, хотя и отличалась редкостным безобразием, всегда вела себя как настоящая принцесса. Забытое воспоминание вызнала Онорина на высоком стуле: она так же гордо держала свою голову. Хотя все еще оставалась маленьким и худым существом, в ней уже явно прослеживались наследственные черты. Анжелика протянула к ней руки:

— Иди сюда, малышка!

Девочка очнулась от своих мыслей, задумчиво посмотрела на мать, а потом ее рот до самых ушей растянулся в блаженной улыбке.

— Нет! — твердо заявила она, прячась под стол.

— Иди ко мне, маленькая!

— Нет!

Анжелике пришлось встать и извлечь девочку из-под стола, что оказалось довольно сложным делом. Справившись с дочерью, явно обрадованной новой игрой, она усадила ее к себе на колени и с пристрастием стала рассматривать.

«Красные волосы и толстый нос... Но ты очень привлекательна... мое

дитя. Нравилось мне или нет, но я все-таки произвела тебя на свет. И кроме того, ты здесь! Ты связана со мной тем ужасом, который я испытала, узнав, что ты внутри меня. И тем не менее мы — мать и дочь. О, моя любимая!..»

Она прижалась губами к щеке ребенка. Запах девочки напомнил ей ароматы леса, где они скрывались все незабываемые годы мятежа целой провинции. Несмотря на трудности и беды прошедших лет, Онорина сейчас была здесь. А ведь когда-то она лежала на руках отца де Ледигера и на коленях барона де Кройси, и когда-то она овала к себе Анжелику в зимнем лесу и отвлекала ее от поляны Волшебного Камня и ее мертвых друзей...

Вздвогнув, Анжелика очнулась от захвативших ее воспоминаний. Она была на кухне дома, принадлежащего негоднику Габриэлю Берну в Ля Рошели, и сидела перед огнем, прижимая к себе ребенка.

— Жизнь моя! — Флюиды любви прорвались наконец через панцирь ее ненависти. — Я даже не догадывалась, как сильно люблю тебя! И почему, собственно, я не должна была любить тебя?

Почему? Ее мозг искал причину, но не находил ничего. От ее прошлой жизни ничего не осталось. Весь мир теперь сосредоточился в круглом личике Онорины и в ее счастливой улыбке.

Как быстро все плохое забывается!

Тело гораздо дольше хранит воспоминания. В ночных кошмарах Анжелика иногда слышала звук охотничьего рога барона Рамбурга и снова ощущала себя распятой жестокими руками, принимающими ее к полу.

Но, просыпаясь, она видела в окне свет маяка и чувствовала, как под боком у нее посапывает Онорина. Ребенок, единственное сокровище, оставшееся у нее, всегда приносил успокоение.

— Спи, мое дитя, моя жизнь... Твоя мама здесь. Не пугайся.

Когда Северина узнала, что Анжелика является паписткой со дня рождения, она ужаснулась и стала ее избегать.

— Эта женщина прислана сюда шпионить за нами, — шептала она.

— Ты права, мое бедное дитя, — соглашалась с ней тетя Анна. — И мы будем молиться, чтобы Господь спас нас от ее махинаций.

«Что за пара фанатиков!» — изумлялась Анжелика.

Теперь Северина следила за ней, куда бы, она ни пошла. Девочка вела себя очень напряженно — именно поэтому Анжелика и догадалась, что женщины ее в чем-то подозревают.

— Если бы ты оказалась при Дворе, — однажды заметила она, — ты, Северина, сразу же поняла бы что только плохо воспитанный человек

вдруг, как кукла, застывает на своем пути. Ты должна научиться двигаться плавно и грациозно.

— Королевский Двор — место, проклятое Богом! — очень серьезно заявила Северина, отворачиваясь.

Анжелика разразилась смехом. Девочка покраснела и, разгневанная, удалилась.

Но у нее были свои слабости. Подобно всем девочкам, она любила играть с малышами. Ей нравилось кормить Онорину, помогать ей одеваться и брать на руки.

— Оставь меня! — свирепо кричала Онорина.

Анжелике было очень жаль Северину, расстроено уходившую прочь. Но как убедить Онорину помягче относиться к девочке?

Онорина оказалась придиричливой и весьма разборчивой в своих привязанностях. Мэтр Габриэль сразу стал предметом ее обожания, пастор Боккер вызывал явную симпатию. Она хорошо относилась к Лорье, но подлинным идолом был все-таки Мартьяль. Именно ему она доверила маленькую коробочку, хранившую ее сокровища — пуговицы, осколки цветного стекла и птичьих перья. Видя ее с этим ящичком, Анжелика вспоминала небольшую шкатулку с материнскими изумрудами и сувенирами бурной жизни, пропавшую во время разгрома замка дю Плесси.

Отношение Онорины к женщинам проявилось более избирательно. Ребекка и пожилые дамы вызывали у нее улыбку, к женщинам среднего возраста, она относилась нейтрально. Но все менялось с появлением девочек или молодых девушек: она их просто не терпела и однажды чуть не выцарапала глаза малышке Рут, дочери мэтра Каррера, адвоката.

Анжелика заметила, что дочь ее временами стала издавать весьма странный горловой звук, означавший, что Онорина хочет видеть море. Тогда для нее существовали только волны, весь остальной мир просто исчезал. Анжелика следовала за ней по берегу и обменивалась несколькими словами с часовыми.

Сразу за городским валом высокий скалистый берег обрывался к воде. Здесь по отмелям бродили лярошельские мальчишки, и Мартьяль оказывался там чаще, чем другие, забывая даже про уроки.

Мэтр Габриэль огорчился, видя, как парень нарушает дисциплину в школе, и решил послать его в Голландию. Он давно знал, что его мальчик, умный и способный, не хочет учиться, а предпочитает бродить по морскому берегу с друзьями, среди которых оказались старшие сыновья адвоката и Жозеф, сын доктора.

Анжелика расстроилась, узнав о предстоящем отъезде мальчика. Мартьяль во многом напоминал ей Флоримона, который, скрывая свои чувства за беззаботной улыбкой, вдруг обнаружил, что мир, в котором он живет, больше не принадлежит ему. Ужасное открытие заставило его покинуть мать и искать такой уголок на земле, где он сам, без помощи родителей, смог бы чего-то достигнуть. Вот и Мартьяль тоже однажды убежит, как многие молодые люди, по рукам и ногам связанные опекой своих родителей.

В тот день они сидели на плоской вершине скалы и были так увлечены, что даже не слышали, как Анжелика подошла к ним. Ветер развеивал их волосы. Мартьяль читал вслух какую-то книгу:

«На Американских островах никогда не бывает холодно, лед там практически неизвестен. Вместо четырех времен года, как в Европе, там только два. В течение одного, с апреля до ноября, обычно идут дожди, другое засушливо. Тем не менее земля постоянно зелена и почти всегда покрыта цветами, овощами и фруктами».

— А вино они покупают здесь, — сказал парень с волосами соломенного цвета. — Что за смысл ехать в страну, где нет вина?

— Есть там вино! — с триумфом возразил Мартьяль. — Послушайте, что написано дальше. «На островах хорошо растет виноград, и кроме диких сортов, имеющих огромные гроздья, там культивируются французские лозы. Урожай собирается два раза в год...»

Урок географии продолжился описанием хлебного дерева и кокосовых орехов, содержащих вкусное молоко.

— А какого цвета кожа у людей, живущих на Островах? Они тоже краснокожие и разрисовывают свои тела, как в Новой Франции?

Мартьяль просмотрел страницы небольшой книжки и не нашел в ней нужной информации. Тогда все повернулись к Анжелике, тихо присевшей возле них с Онориной на коленях.

— А вы знаете, какого цвета жители Островов, госпожа Анжелика? — обратился к ней Тома, старший сын адвоката.

— Я думаю, черные. Туда завозят рабов из Африки много лет.

— Но жители Карибских островов не черные, — возразил Жан Каррера, любивший слушать рассказы моряков в порту.

Мартьяль прервал их спор:

— Друзья, мы спросим пастора Рошфора, когда увидим его.

— Вы говорите, пастора Рошфора? Знаменитого путешественника, написавшего книгу об Американских островах?

— Ее я и читаю. Посмотрите, госпожа! — Он показал ей новенькую книжку и добавил, понизив голос: — У кого найдут книгу, тому грозит штраф в пятьдесят монет и можно угодить в тюрьму, потому что книга вызывает желание уехать. Поэтому мы должны быть предельно осторожны.

Анжелика перелистала страницы с наивными иллюстрациями, на которых были изображены растительность и животный мир тех далеких земель. Перед ее глазами из далекого прошлого возникла картина посещения Монтелю пастором Рошфором. Тогда ей было не больше десяти лет.

Темный, воинственного вида всадник во время бури завернул к ним. Он ел деревенскую похлебку и рассказывал о незнакомых вещах: о краснокожих людях с перьями в волосах и о девственных лесах, населенных непугаными животными. Тогда — больше двадцати лет назад — она не испытала никакого чувства ни от его страшной внешности, ни от экзотических вещей, которые он показывал. Но ее старший брат Жозе услышал зов, прилетевший с другого конца света, и исчез, оставив семью и родину, и никто больше о нем ничего не слышал.

— Но пастор Рошфор, должно быть, давно умер? — спросила она.

— О, нет. Он очень стар, но все еще путешествует. Сейчас он в Ля Рошели. Никто не должен знать, где он прячется, ведь его сразу арестуют. Вы хотели бы его повидать, госпожа Анжелика? — И когда она кивнула, он сунул ей в руку грубо сделанный медный диск с изображением креста. — С этим знаком вы сможете пройти на собрание. Оно состоится около кургана в Жовексе, — объяснил Мартьяль. — Там вы увидите и услышите пастора Рошфора, он выступит на собрании. Там соберется больше десяти тысяч человек...

Глава 4

Юноша, конечно, преувеличивал, говоря о десяти тысячах. Многие остались дома из страха, многие — из-за сухого ветра, налетавшего из пустыни. Несколько тысяч человек все же пришло.

Они выбрали для сбора бывшие соляные копи — всеми заброшенное место, отгороженное от города высокими скалами и незаметное с дороги.

Мартьяль, гордый тем, что «завербовал» Анжелику, настоял, что будет сопровождать ее. Она приехала в телеге местного пекаря, сын которого, Анастасиус, был другом Мартьяля. Тетя Анна и Северина, прибывшие на телеге торговца бумагой вместе с его женой и дочерью, бросили тревожный взгляд на «папистку», подошли к мэтру Габриэлю, сидящему верхом на лошади, и стали доказывать, что ее присутствие опасно. Анжелика видела, как он пожал плечами. Толпа сомкнулась и поглотила их.

Все собравшиеся здесь люди носили темную одежду. Крупный судовладелец Ля Рошели мэтр Маниголь чувствовал себя весьма неловко в цветном вельветовом костюме. Он держал за руку своего сына Жереми. Месье Каррера, адвокат, пришел сюда со всей семьей. По шпагам можно было узнать нескольких дворян, державшихся отдельной группой и о чем-то негромко беседовавших.

— Дорогу! Дорогу для госпожи Роше!..

Четверо лакеев внесли кресло, и старая дама прошла на место.

Пространство было полностью занято людьми, но все соблюдали образцовый порядок. В основном люди сидели прямо на земле, хотя более состоятельные принесли с собой подстилки. Чуть в стороне стояли лошади, мулы и ослы, охраняемые мальчишками и одновременно дозорными, на случай, если вдруг появятся драгуны короля.

Раздался гимн, сразу подхваченный всей толпой, и в центр, к столу, вышли три человека в круглых черных шляпах. Одним из них оказался пастор Боккер. В другом, несмотря на седые волосы и отпечаток двух пролетевших десятилетий, Анжелика узнала «человека в черном», легендарного путешественника из ее детства. Удивительная жизнь, наполненная опасными путешествиями, сохранила его тело прямым, а разум — ясным. Третий пастор был толст и краснолиц, с острым взглядом и хорошо слышным сильным голосом. Он-то и заговорил первым.

— Братья мои, с большой радостью я снова поднимаю среди вас свой

голос. Моя личность не важна, я только слуга Бога, но на меня возложена очень важная задача...

Говорил пастор Тавени, возглавлявший церковный совет протестантов в Ля Рошели и только недавно освобожденный из тюрьмы, в которой пробыл целых шесть месяцев.

— Некоторые из вас приходят ко мне и спрашивают: «Почему мы не беремся за оружие, как делали наши деды?» Многие так же думают, призывая к ненависти, которая не всегда мудра и права. Вот вам мое мнение: я не сторонник жестокости. Я помню героизм наших отцов, перенесших ужасы осады 1628 года. Но чего они добились? Разве они стали сильнее? Вовсе нет! К концу осады в Ля Рошели почти не осталось жителей, да и ряды гугенотов сильно поредели...

Пастор призывал надеяться на Национальный Синод, который должен будет собраться в следующем году и принять обращение к королю. Потом он еще раз напомнил о спокойствии и сел на землю.

Старая герцогиня де Роше проявила явное нетерпение: все время, пока выступал Тавени, она вертела головой и стучала палкой. Но она хорошо понимала, что уже слишком стара, чтобы самой становиться во главе восстания гугенотов, и потому тяжело вздыхала и изо всех сил сдерживала себя.

Среди толпы начался ропот. Поднялся крестьянин, держа обеими руками только что снятую протестантскую шляпу.

— Я из Жаранса. Королевские солдаты пришли в нашу деревню и, для начала, сожгли древнюю церковь. Потом они забрали мои окорока и колбасы, моих двух коров и мою жену... Временами я думаю, что если бы я взял топор и убил нескольких, то все равно, живым или мертвым, я бы чувствовал себя намного лучше... — Несчастный осмотрелся по сторонам в поисках понимания. — Моя жена... они тащили ее за волосы по дороге... того, что они сделали с ней, я не забуду никогда... а потом сбросили ее со скалы... — Его голос замер, сдавленный горловыми спазмами.

Заговорил пастор Рошфор. Он напомнил об судьбе евреев, идущих из Египта на землю Ханаанскую. Он особенно подчеркнул, что евреи достигли бы ее раньше и с меньшими бедами, если бы не колебались.

— Братья мои! Поняли ли вы смысл притчи? Если бы евреи остались в Египте, они кончили бы тем, что стали молиться богам Египта. Такая же опасность угрожает и вам. Вы спрашиваете, надо ли братья за оружие? Пока существует возможность решить вашу проблему другим, мирным путем. И я предлагаю вам его: уезжайте! Новые девственные земли ждут вас. Там ваши души будут в почете, там вы будете свободны...

Его последние слова потонули в гуле толпы, знаменовавшем конец собрания. Предложение Рошфора не вызвало интереса. Началось голосование, его проводил пастор Тавени. Какой же путь собираются выбрать себе лярошельцы?

— Кто за вооруженное сопротивление?

Толпа бурлила, но никто так и не откликнулся.

— Кто хочет уехать?

— Я! Я! — закричали юноши, сидевшие в переднем ряду.

— И я! — воскликнул молодой Мартьяль, стоявший возле Анжелики.

Громкие протесты родителей заглушили крики парней.

— Господин пастор! — продолжал Мартьяль, поворачиваясь к знаменитому путешественнику. — Вы оказали нам большую честь, согласившись прийти и поговорить с нами. Пусть вас не удивляет, что так мало людей согласны эмигрировать. Ля Рошель — наша цитадель. Город, основанный нашими предками, за который они умирали. Никто из нас не может его оставить.

— Неужели вы покоритесь? — Голос старого пастора задрожал.

— Нет! Ля Рошель принадлежит гугенотам и всегда будет принадлежать им. Нельзя изменить душу города...

Раздались дружные аплодисменты.

— Что король может сделать с нами? — говорили люди. — Ведь без нас и без наших денег здесь все замрет и исчезнет.

Анжелика смотрела на серый океан, плещущий у скал. Рядом стоял пастор Рошфор и тоже смотрел на океан. Он бормотал:

— У них есть глаза, но они не видят... У них есть уши, но они не слышат! Пусть Бог их простит!

Страх, на время покинувший сердце Анжелики, снова вернулся. «Я должна немедленно уходить!» Берег становился небезопасным из-за необычного скопления народа. Одна она еще могла бы рисковать, но у нее дочь. Мысль, что королевские драгуны смогут добраться до Онорины и со смехом бросить ее на копьё, привела мать в ужас. Она быстро пошла по дороге.

Начался дождь. Ее нагнал всадник. Она узнала мэтра Габриэля.

— Хотите поехать со мной, госпожа Анжелика?

— Нет, — услышала она свой собственный голос. — Я только ваша служанка, мэтр. Люди станут говорить...

— Верно, мы здесь не на окраине Парижа, не на Шарантонской дороге.

С ее глаз будто упала пелена. Она сразу все вспомнила.

Цыгане похитили Кантора, а может, просто купили его у Тухлого Жана. После неудачной попытки вернуть ребенка Анжелика возвращалась в Париж за помощью. Кто-то сопровождал ее... Ах, да, ля-Поляк!.. Они брели по обочине дороги. Их: догнали двое всадников, любезно согласившиеся подвезти женщин до Парижа...

— Теперь вы узнали меня? — улыбаясь, спросил купец.

— Да, вы — всадник, пришедший мне на помощь много лет назад.

Сейчас она снова стояла под дождем, к перед ее глазами одновременно находились две картины, разделенные двенадцатью годами. Они были похожими до мелочей, а между ними лежали богатство, знатность и почет при французском Дворе.

«Значит, — сказала она себе, — тебе, Анжелика, пришлось дважды пройти один и тот же путь, чтобы понять, что во всей Франции для тебя нет места... что ты должна уехать, уехать за море».

И еще почему-то с радостью она подумала: «К лучшему, что он знает меня только в несчастье...»

Он должен помнить ее как бедную нищенку — и вот снова нашел ее среди воров и разбойников. Две встречи в сомнительной обстановке вряд ли могли вызвать доверие к женщине. И теплота, которую проявил он, пригласив под свой кров, выглядела еще более поразительно.

— Почему вы так поступили? — вымолвила она. — Откуда у вас появилось такое доверие, что вы открыли для меня все свои двери?

Он мгновенно понял ее невысказанные мысли.

— Я поверил в важность определенных деталей. Лицо, однажды в зимний вечер увиденное мною, поразило меня, и теперь, через годы, я понял, что та встреча для меня не просто воспоминание, а нечто большее и является своего рода предупреждением, знаком судьбы. Это предупреждения умерло где-то вдали, но что-то случилось, и я вспомнил о предупреждении. Когда я узнал вас во время того нападения, я понял, что сама судьба подстроила нашу встречу. Я почувствовал, что мой долг сделать все, чтобы выволить вас из тюрьмы, пока не станет слишком поздно. Вот я и воспользовался отсутствием судьи-католика...

— Думаю, я уже помяла вас. И когда-нибудь я спасу вас, вас и всю вашу семью, как вы спасли меня и моего ребенка...

Глава 5

Кто-то осторожно тронул ее за плечо и произнес:

— Француженка.

Анжелика обернулась. Проходивший мимо мужчина вдруг остановился и, открыв рот, смотрел на нее. Он был одет в богатый костюм и носил ботинки с красными носками.

— Француженка! Француженка с зелеными глазами! — повторил он.

Ей, конечно, захотелось узнать побольше, и она подошла ближе. Теперь мужчина напоминал испуганного скворца.

— Ошибки не может быть... Вы... Но разве вы не были маркизой? В Кандии все говорили, что вы маркиза, и я думал... Да я и сам видел объявление с вашими приметам. Что за дьявол? И что вы делаете здесь в таком неподобающем виде?

Теперь, по разговору и по согнутой спине, она узнала его.

— Месье Роша, вы ли? Значит, вы все-таки решились оставить левантийские колонии и остров Крит?

— А вы сбежали от Муль аль-Рашида? Говорили, он замучил вас.

— Нет, как видите, я здесь.

— Боже, как я рад!

— Дорогой месье Роша, что за удовольствие видеть вас снова!

— Я разделяю ваше удовольствие, дорогая госпожа!

Они энергично пожали друг другу руки. Никогда Анжелика не думала, что ей будет так приятно увидеть маленького колониального чиновника. А Роша, дав выход своим чувствам, воскликнул:

— Ах! Кто-то говорил мне, что в северных городах нет ни души, ни цвета, все серое... Так я доволен, что встретил вас!.. — Он снова пожал ей руку, а затем лицо его нахмурилось: — Но... но вы теперь больше не маркиза?

— Ш-ш-ш! Давайте найдем место, где сможем поговорить, и я все вам объясню.

Роша скривил гримасу, но сообщил, что знает в Ля Рошели место, где можно выпить настоящего турецкого кофе. Однако в таверне «Новая Франция» им подали напиток, не имеющий абсолютно ничего общего с кофе эфиопских плантаций, который они пили на Востоке. Тем не менее они остались в таверне, совершенно пустой в столь ранний час. Устроившись в углу, Роша не стал пить поданный им кофе.

— Честно говоря, я и вам не рекомендую смесь воды с непрожаренными и неразмельченными зёрнами, которую они называют кофе.

Они стали пить местное шарантонское вино. Хозяин поставил перед ними блюдо с разнообразнейшими дарами моря.

— Вот единственная стоящая вещь во всем городе, — заметил Роша. — Как все удивительно! Где галеры с Мальты и банды христианских пиратов? Где маленькие ослики с корзинами оранжевых апельсинов и Симон Дансат с громадной красной бородой?

— Роша, вы ведь говорили, что уже заживо похоронили себя на Востоке. Как вам удалось вернуться в Старый Свет?

— Верно! Я молил небо вернуть меня во Францию, а теперь молю его перебросить снова на Восток. Париж — какая скука! Возле Старой башни существует таверна, где кроме настоящего кофе можно встретить турок или мальтийских рыцарей. Все свое свободное время я сижу там... А сюда я послан, чтобы нарушить монополию протестантов в деле страхования. Я уже переговорил здесь, в Ля Рошели, с несколькими купцами, они везде имеют связи. Один из них отсылает меня на Крит. Корабль уходит в будущую среду.

— А как же с королевской службой?

— Что делать! — Жест Роша был обреченным. — Приходит время, когда человек, служа государству, начинает понимать, что он морально опускается. А я всегда имел склонность к торговле. Когда я что-то предаю и зарабатываю деньги, я чувствую себя лучше.

Анжелика была рада, что он уезжает. Она почувствовала себя свободнее и стала говорить более открыто.

— Вы должны пообещать, Роша, что никогда не расскажете того, что я вам открою. А мне так хочется пооткровенничать!..

Она подтвердила, что она действительно маркиза дю Плесси. Возвратившись с Востока во Францию, она вынужденно скрестила шпагу с королем, рассердившимся на нее за нарушение приказа сидеть в Париже. Она попала в беду, осталась без единого су в кармане и теперь вынуждена вести скромную жизнь.

— Какой стыд! — воскликнул Роша. — На Востоке вам не дали бы пасть так низко... — Внезапно он наклонился к ней: — А вы уже знаете, что он покинул Средиземное море?

— Кто именно?

— Ну, вы могли бы и не спрашивать. Рескатор, конечно! — И так как она не отреагировала на его слова, он повторил с заметным нажимом: —

Рескатор! Пират в маске, купивший вас за тридцать пять тысяч пиастров на критском аукционе. Можно подумать, что вы забыли все, что с вами случилось...

— Так он покинул Средиземное море? — Она перевела дух, и румянец снова вернулся на ее щеки. — А ведь он там считался самым сильным человеком. Вы знаете, почему он так поступил?

— Люди говорят, что из-за вас, мадам.

— Из-за меня? — Она снова почувствовала смущение. — Разве он считает, что выглядит глупо после моего побега и не может больше выносить насмешек своих приятелей-пиратов?

— Не совсем так. Хотя с момента, когда он узнал о побеге, он был весьма жесток со своей марокканской стражей и чуть не повесил их всех. Он отослал их обратно к Муль аль-Рашиду, объяснив, что они просто ни на что не способные ослы. Я думаю, что тех дьяволов все-таки повесили, так что вы можете гордиться количеством крови и слез, пролитых из-за вас на Востоке. И наконец я встречаю вас здесь, в Ля Рошели.

— Но почему именно из-за меня? — снова спросила она.

— Дело связано с Меццо-Морте, его злейшим врагом. Вы знаете Меццо-Морте, «Полумертвого», адмирала всего Алжира?

— Лучше бы мне забыть человека, отправившего меня в неволю.

— Так вот, Меццо-Морте заявил, что он освободит Средиземное море от Рескатора, и послал своего доверенного человека на Крит, Но прежде я должен вам еще кое-что рассказать. Через два или три дня после вашего побега Рескатор послал за мной.

— За вами?

— Да, за мной, Разве я такая уж жалкая фигура, что не могу иметь дела с пиратскими принцами? Но тут меня потребовал не принц, а король пиратов. Я уже имел счастье видеть его величество, первый раз рассказывая о вас. Тогда он выглядел как один из самых веселых людей, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться. Но во второй раз его настроение оказалось весьма мрачным. Должен признаться, что чувствуешь себя достаточно неуверенно, когда видишь перед собой маску и физически ощущаешь свирепый взгляд. Он принял меня в своем дворце на Милосе. Что за удивительный дом, он и выстроен искусно, и полон редких вещей! Да и херес был великолепен! В тот вечер был ужасный шторм, ни один корабль не выходил в море, и мы сидели возле горящего камина. Рескатор слышал, что я вас знаю, и задавал мне много вопросов о вас...

— Обо мне?

— О ком же еще? Если мужчина платит тридцать пять тысяч пиастров за рабыню, он не станет веселиться, когда она сбежит. Я рассказал ему все, что знал о вас, — что вы благородная дама по рождению, очень богатая и, по слухам, являлись фавориткой короля Людовика Четырнадцатого. И еще сообщил о том, как я обнаружил вас в руках д'Эскренвилля, с которым мы вместе учились в школе восточных языков в Константинополе. А в конце я даже сказал ему, что молил небеса, чтобы вас купили рыцари Мальты. Вы должны согласиться, что я сделал все возможное. Более того, получив пятьсот ливров, пересланных вами с Мальты, мы на Крите знали, что вы не погибли в шторме, как все считали.

Роша отпил немного сладкого шарантонского вина.

— Хм-м... Полагаю, вы не рассердитесь на меня за то, что я посчитал правильным рассказать о вас Рескатору. Он человек, перед которым я имею определенные обязательства, какое-то время являлся вашим хозяином, и простая справедливость требовала дать ему возможность получить свою собственность обратно... Почему вы улыбаетесь? Вы считаете меня более восточным человеком, чем я есть на самом деле? Да, я сообщил ему все. Но когда он уже собрался посылать корабль на Мальту, ему прибыло послание от Полумертвого — кстати, адмиралу очень нравится, когда его так называют... почему вы так внезапно расстроились?

— Если бы вы знали Меццо-Морте и его репутацию, то должны были бы предположить, что у меня не могли появиться причины вспоминать его с удовольствием, — ответила Анжелика.

— Потом Рескатор отправился в Алжир. Мы ничего не знали о том, что там случилось. Просочились только самые незначительные сведения. Будто Меццо-Морте предпринял своего рода шантаж: или Рескатор никогда не узнает, что случилось с вами, или Меццо-Морте сообщит ему, где вы находитесь, — взамен на обещание никогда больше не плавать по Средиземному морю. Многие считали предложение алжирского адмирала просто безумием и не верили что Рескатор променяет громадную власть и богатство на обыкновенную рабыню, как бы красива она ни была. Но Меццо-Морте, вероятно, отлично знал, на что идет.

— И Рескатор согласился?

— Да! — мечтательным взглядом посмотрел вдаль бывший колониальный чиновник. — Произошло то, что можно объяснить только чистым безумием. Никто ничего не знал и не понимал. Мы только предполагали, что вы обожгли его своей любовью. Кто знает?

Анжелика слушала затаив дыхание.

— А потом?

— Потом? Что еще можно сказать? Без сомнения, Меццо-Морте проинформировал Рескатора, что продал вас султану Марокко. Ведь потом всем стало известно, что тот замучил вас до смерти. Потом стали говорить, будто вы сбежали и умерли где-то по дороге. А теперь я вижу, что все слухи — оказались неверными, раз вы живы! И вы находитесь во Франции!.. О, какой изумительный рассказ будет припасен у меня для Кандии! Никто не мог бы даже предположить о таком повороте событий! Женщина сбегает из гарема Муль аль-Рашида и добирается до христианских берегов. И я единственный свидетель. Я видел вас сам.

— Месье Роша, вы ведь поклялись в сохранении тайны!

Он помрачнел на секунду, а потом улыбнулся и пообещал не упоминать в своем рассказе никаких имен и самой Ля Рошели.

— Итак, — продолжал он, — Рескатор покинул Средиземное море. Хотя он и не сумел вернуть вас, он держит слово, данное Меццо-Морте. Честь присуща даже пиратам. Но прежде чем его шебека отвалила от причала, он вызвал Меццо-Морте на дуэль. И грозный адмирал отсиживался в самом центре Сахары, выжидал, пока противник не отступится сам, то есть пока судно Рескатора не пройдет мимо Геркулесовых Столпов. Люди видели, как он вышел в Атлантический океан, и теперь никто не знает, что с ним стало.

Анжелика поднялась из-за столика.

— Месье Роша, я должна вас покинуть. Могу ли я быть уверена, что вы не предадите меня и никому не будете говорить о нашей встрече, хотя бы пока вы во Франции и в Ля Рошели?

— Клянусь вам, мадам! И потом, с кем я тут могу говорить? Люди здесь холодны как лед... — Он поцеловал ей руку.

Он больше не был чиновником, перед ним открывалась жизнь.

— Милая пленница с зелеными глазами! Пусть Бог держит вас в стороне от печальной судьбы. Знаете, чего я желаю вам? Я желаю, чтобы Рескатор бросил якорь в Ля Рошели и захватил вас.

Анжелика могла бы расцеловать его за такие слова, но вслух все-таки запротестовала:

— Избави Бог! Боюсь, что он может потребовать слишком высокую плату за беды, которые я ему принесла. Он должен проклинать меня.

Домой она пошла вдоль вала. Домашние могут удивиться, что ее ног так долго. Еще не был сварен суп к ужину, а солнце уже почти зашло. Море казалось серым, волны тихо набегали на берег. Она посмотрела на горизонт: «Он отплыл в Атлантику!»

Не безумна ли она, ожидая, словно молодая девушка, таинственного принца из-за моря? Она напомнила себе, что всегда была женщиной без иллюзий, знающей, что такое жизнь, и на себе испытавшей все виды жестокости мужчин. Но женская мечтательности никогда не исчезает — до самой смерти. «Магическая легенда всегда способна поразить меня!» — подумала она. Любовь ко всему, что удивительно и странно, умрет только вместе с ней...

Она так глубоко задумалась, что натолкнулась на солдата, преградившего ей путь. Его звали Ансельм Камюзо.

— Вы на моей территории, мадам, и должны поцеловать меня.

— Пожалуйста, пропустите меня, Ансельм, — тихо произнесла Анжелика, и в ее голосе прозвучали металлические нотки.

— Когда королева говорит «пожалуйста», что может сделать бедный солдат, кроме как почтительно уступить дорогу?

Он отступил в сторону и дал ей пройти. Опираясь на алебарду, он еще долго смотрел ей вслед.

Глава 6

Однажды утором дядя Лазарус был найден мертвым в постели с умиротворением на лице. Мадам Анна и Абигель обмыли покойника и уложили на чистые простыни. Прибыл пастор Боккер со своим племянником, явился купец, торгующий бумагой, и постепенно начали собираться соседи.

У ворот раздался новый звонок, Анжелика впустила мужчину в черной одежде, представившегося месье Бомаром, президентом королевского комитета по религии и помощником Николаса де Борданье, лейтенанта королевских войск, расквартированных в Ля Рошели.

Анжелика уже слышала о Бомаре и потому не удивилась, увидев его в сопровождении четырех вооруженных солдат. С горестным выражением лица Бомар стал подниматься по ступенькам, с помощником и парой солдат. При появлении должностных лиц люди, стоявшие на коленях вокруг умершего, встали. Бомар достал лист бумаги и принялся читать резким громким голосом:

«...гражданин Ля Рошели Лазарус Берн после беседы, проведенной с ним шестнадцатого мая, снова впал в ересь и отказался принять Святое Причастие, являя собой опасный пример окружающим. Именем короля он объявлен преступником. В наказание его труп палач протащит по улицам города и сбросит на городскую свалку. Его имущество в сумме трех тысяч ливров будет изъято в казну, и сто ливров израсходовано на нужды узников тюрьмы...»

Побледневший Габриэль Берн прервал Бомара, встав между ним и кроватью, где лежал усопший — единственный из присутствующих, сохранивший на своем лице ироничное выражение.

— Лейтенант де Борданье не мог принять такого решения. Я предлагаю пойти и позвать его сюда.

С недовольной гримасой Бомар свернул листок.

— Если хотите, — заявил он, очень уверенный в себе, — то идите и зовите его, а я останусь здесь! У меня достаточно времени. А он выполняет важную миссию, за городом.

— Кто приведет сюда де Борданье? — спросил Габриэль Берн.

— Я остаюсь вместе со своими людьми, — ухмыльнулся Бомар.

— А я сейчас же пойду! — Набросив плащ, Анжелика побежала к лестнице. — Я обязательно найду лейтенанта.

— Доброго вам пути! — съехидничал Бомар.

Анжелика быстро пересекла город. В доме Борданье ей сказали, что он в суде. Она направилась туда и после долгих переговоров со сторожем узнала, что он навещает больного судовладельца Маниголя. Она бросилась по новому адресу, неотвязно думая о том, что происходит в доме во время ее отсутствия. Чем был вызван сарказм Бомара?! А она еще оставила там Онорину! Глупый риск! Она уже представляла себя у пустого разграбленного дома, а всех его обитателей — в тюрьме или Бог знает где еще...

Она вся горела от возбуждения, добираясь к дому Маниголя. Лейтенант де Борданье обедал в кругу всей семьи Маниголя, сидя под портретами династии крупнейших судовладельцев Ля Рошели. В столовой стоял аппетитный запах горячего шоколада, который черный раб Сирики наливал гостям из высокого кувшина. Ананасы и грейпфруты лежали вперемешку с отборным виноградом.

Анжелика не разглядывала пиршественный стол, извинилась перед хозяином и сразу перешла к делу:

— Господин офицер, прошу вас, пойдете побыстрее! Мэтр Габриэль просит вас прийти в его дом. Вы его последняя надежда!..

Лейтенант встал во весь рост, важный от собственной значимости. Он посмотрел на Анжелику, раздумывая от быстрого бега. Ее возрастающая тревога и прекрасные изумрудные глаза вряд ли могли не тронуть мужчину, имеющего слабость к прекрасному полу. А Николас де Борданье, без сомнения, принадлежал именно к той самой категории.

— Мадам, успокойтесь и объясните мне все. Не бойтесь меня. Я не знаю вас, но тем не менее выслушаю ваше сообщение с максимально возможным вниманием и благосклонностью.

Рассказав в нескольких словах, что происходит в доме мэтра Габриэля, Анжелика не сдержалась и расплакалась.

— Ну, ну, успокойтесь! — повторил де Борданье. — Не понимаю, почему несчастная женщина дошла до такого состояния, — обратился он к Маниголю. — Не из-за чего поднимать такой шум!

— Господину Берну вообще свойственно быть постоянно втянутым в какие-то неприятности, — кисло заметила мадам Маниголь.

— Но, дорогая Сара, он же не может позволить таскать своего дядюшку по улицам, — возразил судовладелец.

Мадам Маниголь неожиданно всплеснула руками:

— Девушки, быстро одевайтесь в черное и переоденьте Жереми в черный костюм. Мы должны пойти к ложу бедного Лазаруса и молитвой

проводить его в последний путь. Поворачивайтесь, живо!

— Да, ты права. Никто не сказал мне, что он умер, — расстроено произнес Маниголь, поднимаясь из кресла.

— Я пойду вперед, — решил лейтенант. — Дама так торопилась, что нельзя заставлять ее ждать дольше. — Он сам посадил Анжелику в свою карету.

— О, я надеюсь, мы приедем не слишком поздно. Велите им быстрее ехать!

— Как вы возбуждены, дитя мое! Я могу поклясться, что вы не уроженка Ля Рошели.

— Да, верно. А как вы догадались?

— Потому что вы не привыкли к событиям, часто происходящим в нашем городе. А я иногда делаю поблажки людям и должен признать, что, хотя Лазарус Берн и вел себя глупо все восемьдесят лет, он не совершил смертного греха, отрицая истинную веру...

— Вы не позволите тащить его по грязи?

Королевский лейтенант засмеялся, показав ряд белых зубов.

— И вы отзовете Бомара?

Теперь его лицо немного нахмурилось.

— Я не всегда согласен с ним в методах... Простите меня, мадам, у меня такое чувство, что я уже видел вас прежде, но забыл ваше имя.

— Я служанка мэтра Габриэля.

— Да, верно, — внезапно вспомнил он. — Я видел вас у Берна, когда капуцин приходил обращать в истинную веру бедного Лазаруса, стоявшего уже на пороге смерти. Мэтр Габриэль только что прибыл домой, и вы были с ним... с ребенком, который по закону должен быть приведен в католическую веру.

— Тогда вы предположили, что моя дочь незаконная, чтобы избежать дальнейших расспросов. — Анжелика решила сама выложить карты на стол. — Так вот, в отношении дочери вы правы.

Де Борданье даже подскочил от такой откровенности.

— Простите, если я задел вас. Но таков мой трудный долг в городе. Я должен знать вероисповедание каждого жителя.

— Вам нет нужды беспокоиться. Моя дочь католичка, как и я.

— Все ясно, я так и думал. Но почему вы работаете у людей той веры? Ведь вам ужасно трудно!

Идея ответа сложилась из замечаний Северины.

— Господин лейтенант, — опустила она глаза, — моя жизнь не всегда была образцовой, как вы уже могли понять из моего признания. Но мне

повезло, я познакомилась с одной религиозной дамой, чье имя я не хочу называть, потому что она живет здесь. И она дала мне понять, что я должна искупить свой грех, и подсказала, как это сделать. Так я пошла служить в семью Берна, чьего обращения в католичество надеюсь добиться.

— Вы можете полностью рассчитывать на меня... — Лейтенант лихорадочно перебирал в уме, какая дама могла послать девушку в качестве проповедника в дом Берна, но так и не разгадал тайну.

— Скорее! Там людей могут убить. А я оставила свою дочь...

— Ну, ну, не драматизируйте обстановку, мадам!

Она обрадовалась, когда экипаж остановился у ворот дома. Лейтенант, пообещавший, что всегда будет оказывать ей защиту, вежливо помог выйти ей из кареты. Теперь он знал, что она была служанкой и что он вряд ли добьется ее благосклонности. И он вообще не должен встречаться с женщиной, евшей хлеб в протестантском доме, упрямство и упорство домочадцев которого в глубине души он надеялся когда-нибудь сломить.

Когда они вошли во двор, он нежно взял ее за руку. Анжелика не возражала, она сама нуждалась в поддержке, так как ноги с трудом держали ее. Один взгляд, брошенный на нее, подсказал лейтенанту, что грех, в котором она созналась, он должен простить.

— Все будет в порядке, — пообещал он.

В вестибюле нижнего этажа четыре солдата, палач и президент королевского комитета по религии мэтр Бомар пили вино, поданное старой Ребеккой. Бомар стоял чуть поодаль от остальных — люди его положения не должны компрометировать себя общением с простыми солдатами. Увидев своего начальника, он чуть заметно поклонился.

— Только послушайте! — сказал он, глядя на лестницу.

Тихий печальный псалом, молящий об упокоении души умершего, доносился из комнаты Лазаруса Берна.

— Видите? — обратился де Борданье к Анжелике. — Что я вам говорил? Мы здесь, в Ля Рошели, все находимся под защитой короля.

Потом он повернулся к своему помощнику:

— Я очень боюсь, что в нашей операции произошло недоразумение, господин Бомар. Мы не можем обвинить Лазаруса Берна в отказе от веры, так как он никогда не был в нее обращен.

— Но вы сказали, что я волен делать все, что считаю нужным:

— Верно, но при том настаивал, чтобы все соответствовало закону. Малейшая ошибка в таком деликатном деле может поставить нас в трудное положение. Протестанты очень решительны и готовы уничтожить нас при малейших неверных действиях.

— Вы слишком уж заботитесь о негодах, являющихся настоящими отступниками от истинной веры!..

Во время беседы появился Маниголь с семьей в траурной одежде. Лейтенант пошел за ним наверх вместе с Бомаром и сообщил всем собравшимся, что произошло недоразумение и ничто теперь не помешает похоронам.

Инцидент был исчерпан.

Но все чуть не началось снова, когда маленькая фигурка в зеленом чепчике и длинной ночной рубашке подскочила к Бомару:

— Ты грязный человек!.. Ты грязный!.. Я убью тебя!..

Конечно, это была Онорина, всеми забытая и решившая вмешаться. Она направилась прямо к человеку, внесшему сумятицу в дом. Он был злым роком, издевавшимся над горестным собранием, и его нужно было изгнать. Под руки ей подвернулась палка...

Бомар едва почувствовал удары, которые наносили ему ручки трехлетнего ребенка. Лейтенант де Борданье узнал дочь Анжелики и весело рассмеялся:

— Ах, что за великолепный ребенок!

— Вот как вы называете исчадь ада! — даже отпрянул Бомар, — Вы позволяете еретикам оскорблять меня?

— И снова ошибка, мой дорогой друг. Ребенок уже принадлежит к нашей святой матери-церкви. Пойдемте, мэтр Бомар, я должен поговорить с вами о вещах, не замеченных вашими зоркими глазами.

Анжелика уже схватила свою дочь за одну руку. Лорье поймал за другую, и объединенными усилиями они утащили ее на кухню. Онорина подняла ужасный шум, решив, что слишком долго ее никто не замечает. Она вылила целый кувшин молока, чтобы накормить любимую кошку, и опрокинула на пол горшок джема. Но, что бы она ни делала, люди наверху продолжали петь. Тогда она пошла посмотреть на них, почувствовала неприязнь к Бомару и тут же решила уничтожить предполагаемого виновника переполоха.

— Я хочу убить его!

Дочь была по уши вымазана джемом, Лорье выглядел испуганным, Анжелика налила большую кастрюлю воды и поставила на огонь. Нужно было всех купать и мыть полы.

Вошла Северина вместе с тетей Анной и возбужденно спросила:

— Так что же, тетя Анна? Они могли тащить его по всем перекресткам города, а мы ничего...

— Да, моя девочка. Всякий сброд мог бы оскорблять его тело и

забрасывать грязью. А потом его бросили бы на свалке...

— Вы думаете, мадам, полезно описывать девочке даже то, чего и не произошло? — резко спросила Анжелика.

Тут Северина внезапно побледнела и сползла со стула. Анжелика, оказавшаяся рядом, подхватила и перенесла девочку в ее спальню, уложила в постель и сняла туфли. Руки и пальцы Северины оказались холодными как лед.

Анжелика вернулась на кухню и сняла с огня закипевшую воду. Мадам Анна сказала, что ее удивляет поведение племянницы.

— А я удивлена вашим поведением, — возразила Анжелика. — Вы же женщина, в конце концов, и должны понимать, что ей только двенадцать лет и что девочка нуждается во внимании, так необходимом в ее возрасте.

Мадам Анна была шокирована подобным утверждением простой служанки. У нее не было сомнений, что собеседница-папистка имеет самые минимальные представления о настоящей жизни.

Анжелика подложила Северине еще одну подушку и велела держать руки в горячей воде, пока ей не станет лучше. Затем она принесла флакон духов и две новые белые ленты. Присев на край постели, она расчесала длинные волосы девочки и заплела их в две косы, сделав из лент красивые банты. Налив несколько капель духов в чашку с водой, она натерла девочке лоб и виски.

— А теперь отдыхай, маленькая.

— Тетя Анна будет недовольна, — прошептала Северина.

— Почему?

— Она никогда не болеет, И еще она говорит, что все мы должны умерщвлять свою бrenную плоть.

— Перестань! — засмеялась Анжелика. — Наша плоть и так умрет.

Северина была тверда характером, гораздо более тверда, чем ее братья. Но и она не избежит судьбы, свойственной ее полу. И когда-нибудь она тоже окажется в объятиях мужчины и тоже станет поддаваться призывам любви.

Лицо ее внезапно изменилось, и глаза, черные как ночь, начали метать молнии. Румянец возвратился на ее щеки. Всю жизнь она ненавидела саму себя за то, что была девочкой, единственной среди братьев. Мартьяля она любила, а Лорье презирала.

— Я не хочу быть женщиной, — страстно заявила она. — Ужасно!

Анжелика заговорила с ней вежливо и уверенно, как с равной.

— Что за чушь? Я тоже женщина, но выгляжу нормально, как и ты.

— О, мы с вами не одно и то же! — возразила Северина. — Начать с того, что вы всегда смеетесь, не унываете... И вы красивая.

— Но ты тоже скоро станешь очень привлекательной.

— О, нет, не буду. И тетя Анна говорит, что красота женщин заставляет мужчин совершать грех, негодный Богу.

И снова Анжелика звонко расхохоталась:

— Мужчины совершают грехи только по собственному желанию!

— Вы говорите опасные вещи, — произнесла Северина, голосом и интонациями подражая тетя Анне.

Потом она зевнула, и глаза ее закрылись. Анжелика укрыла ее одеялом и ушла на кухню. Ей было приятно видеть, что во сне девочка улыбается, точно так же, как и Лорье.

Глава 7

Несколько дней спустя Мартьяль с вечера пробрался на торговое датское судно, готовое к выходу в море. Возле острова Ре судно остановил королевский военный корабль, и после осмотра молодой пассажир был арестован и привезен на берег, где помещен в форт Людовика XIII.

Новость произвела потрясающий эффект.

Сын мэтра Габриэля в тюрьме! Богатейшая семья Ля Рошели в беде.

Габриэль Берн немедленно отправился в суд. Лейтенант де Борданье в то утро отсутствовал, и Габриэлю удалось повидаться только с Бомаром, а затем с Маниголем. День прошел в бестолковых разговорах и в надежде, что следующая беседа может сложиться успешней. Он вернулся домой поздно вечером, усталый и бледный. Анжелика отважилась сообщить ему, что поспорила со сборщиком налогов, явившимся за второй частью налога с конторы Берна, как с протестантского купца.

В свою очередь Берн рассказал, что видел Никола де Борданье, но тот отказался что-либо сделать. Он объяснил, что попытка покинуть королевство наказуема, что ему нужно время для рассмотрения дела с учетом высокого социального положения мальчика и что ситуация по нынешним временам очень неприятна.

Протестанты провели ужасный вечер, их мучили страх и стыд. Габриэль Берн объяснил им, что протестантские дети, арестованные при подобных обстоятельствах, отправлялись в неизвестном направлении, и был слух, что они становятся рабами на королевских галерах, где самые здоровые не выдерживают больше гола...

Два дня мэтр Габриэль пытался вызволить своего сына или по крайней мере хотя бы увидеть его. На третий день Северина, отправившаяся на урок музыки, в дом старой девы по соседству, не вернулась к обеду, Берну сообщили, что его дочь арестована «за оскорбление властей» и помещена в монастырь урсулинок.

На следующее утро Анжелика оставила Онорину и Лорье на старую Ребекку и отправилась в здание суда. Твердым голосом она попросила встречи с лейтенантом месье де Борданье.

Его лицо осветилось, когда он ее увидел, ибо надеялся на ее визит и даже мечтал о нем.

— Вас послал ваш хозяин? Я должен сказать зам, сударыня, сразу, что дело очень серьезное и пока ничего нельзя сделать.

— Нет, хозяин ничего не знает. Я пришла сама.

— Великолепно. Я ожидал вас. Учитывая, что события происходили так быстро, хорошо, что вы сами пришли ко мне с докладом. Так как вы считаете, мэтр Берн скоро сдастся?

— Сдается?

— Ну, я имею в виду, переменит веру. Должен сознаться, что даже я сам нахожу свою идею отличной. У меня есть список имен, составленный за год терпеливых наблюдений. Если только мне удастся обратиться в католичество два-три десятка человек, все остальные гугеноты Ля Рошеле будут легко побеждены.

В комнате пылал камин, щеки Анжелики разругались, и месье де Борданье подумал, что появилась надежда на быстрый успех.

— Снимите плащ, здесь тепло.

Он помог Анжелике снять тяжелый плащ. Она механически приняла его помощь. Мозг ее был полностью занят новой, только что возникшей идеей. Она шла сюда, чтобы упасть перед лейтенантом на колени, но вовремя поняла бессмысленность и даже глупость такого поступка, ибо он все еще принимал ее за своего идейного сообщника.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил ее лейтенант.

Она послушалась и села очень прямо. Она была занята своими новыми мыслями и не замечала, что Борданье пожирает ее глазами. «Она определенно очень мила!» — думал он. Впервые увидев ее в потрепанной одежде, он действительно принял ее за служанку, но уже через одну-две секунды он был не в состоянии воспринимать ее иначе, как благородную даму. От нее исходила такая уверенность в себе, движения и речь в сочетании с природным шармом еще больше усиливали ее необычайную и тем не менее такую естественную красоту.

В этой женщине было что-то таинственное! Он встал перед ней так, что мог видеть через вырез ее ситцевой кофты верхнюю часть изумительной груди. Через минуту лейтенант уже не в силах был отвести глаза от ее плеч, горел желанием прижаться к ним губами. В горле у него сразу пересохло, и он не знал, куда деть руки.

Уловив затянувшееся молчание, Анжелика посмотрела на него и быстро опустила глаза, прочитав обожание в его глазах.

— Нет, прошу вас, не опускайте глаза! — попросил он. — Они такого редкого цвета и такие сияющие, что их можно принять за изумруды. Прятать их — преступление!

— Я с радостью сменила бы их цвет на любой другой. Они не

приносят мне ничего, кроме бед и страданий.

— Вы не любите комплиментов? Все женщины их обожают!

— Откровенно говоря, я не люблю комплиментов. Но я благодарна вам за них, месье де Борданье.

Лейтенант решил не торопить события. Он вернулся к столу, сел и попытался сосредоточиться.

— Может быть, сухари протестанты так замучили вас, что вы расстраиваетесь, видя, как я обожаю вашу красоту? Это так же нормально, как и любоваться цветами!

— Но мы не знаем, что думают срезанные цветы, — с улыбкой ответила Анжелика. — Что вы намерены делать с детьми Берна?

— О да, верно! Что же это я!

Дело о детях Берна не давало ему покоя уже два дня, а теперь, казалось, было забыто им напрочь. Никогда еще женщина не оказывала на него такого сильного влияния. Он вспомнил, как ему было приятно, когда он отвозил ее домой в своей карете. В ближайшие дни, если только удастся разгрузиться с работой, он обязательно должен что-то сделать для этой красивой служанки. Она не должна заметить, что он возбужден ею и с трудом сдерживает себя. Последнее обстоятельство сильно беспокоило его, ибо он знал, что мужчина никогда не получает второй возможности встретить женщину, способную увлечь его с первого раза. К несчастью, он постоянно занят работой, он должен доказать своим коллегам, что не проявляет послабления к гугенотам. Ах! Он хочет добиться успеха в жизни и сейчас должен собраться с мыслями...

— Так о чем мы говорили?

— Вы внесли моего хозяина в число тех, кого обязательно нужно обратить в католичество.

— Верно! Ведь он один из самых упорных. Он всегда остается в тени, но это еще хуже, чем публичные выступления на площадях. Он помогает приезжим пасторам и один Бог знает, кому еще. Вы должны были заметить подозрительность его отъездов и приездов.

— Я постоянно вижу, что мэтр Берн сидит в своей конторке, делает какие-то подсчеты и читает Библию. В его поведении нет ничего подозрительного... — Пока она выговаривала слова, целая серия видений скользила перед ее внутренним взором: неизвестные люди, посещавшие ночами дом мэтра Берна, беседы шепотом с пастором Боккером и торговцем бумагой и повозки с вооруженной охраной.

— О, вы удивляете меня! — Лейтенант был поражен ее уверениями. — Или, возможно, вы не слишком внимательно следите за ним. — Он

положил руку на толстую папку. — Здесь у меня рапорты агентов, не оставляющие сомнений в опасности его действий. Я не раз беседовал с ним. Казалось, он слушал меня дружелюбно и с пониманием. Но я был жестоко разочарован побегом его сына.

— Неужели вы не слышали, что молодой Мартьяль готовился к поездке в Голландию, чтобы там учиться торговать?

— Как вы наивны, мадам! Отец отсылает его, понимая, что парень почти готов обратиться в истинную веру, и кочет помешать ему в этом.

— Так многие говорят, — подтвердила Анжелика, чувствуя, что факты против нее. — Но я надеюсь, что вы позволите мне со временем переубедить вас. Я давно уже живу в семье Берна и заверяю вас, что мэтр хочет только дать знания своему сыну, сильно запустившему школьные занятия. Вы не должны забывать, что все протестанты хорошо образованны и любят путешествовать.

— Они слишком умные, — холодно заметил лейтенант. — Им лучше забыть старые привычки. И в отношении путешествий закон ясен.

— Я думала, вы более приятный человек.

— Что вы имеете в виду? — встревожился де Борданье. — Я всегда избегаю жестокости и по возможности...

— Мне кажется, что работа плохо влияет на вашу натуру, которая, как мне кажется, привержена к здоровым удовольствиям.

Он с готовностью рассмеялся, чувствуя волнение в сердце. Да, она оказалась не так проста, как он себе представлял.

— Не будем заблуждаться, — произнес он. — Как и всякий добрый христианин, я хочу заработать себе пропуск в рай. Но должен признать, что моя должность привлекает меня и своей материальной стороной. В наши дни простейший путь продвинуться на королевской службе означает проявить себя в делах церкви. Но, с другой стороны, я уважаю Габриэля Берна и хотел бы ему помочь. А вот уж он никак не хочет поступать разумно.

— В каком отношении?

— Он не хочет понять, что мы можем доверять только католической семье. Слишком много вреда уже нанесено двум юным душам его обоих прекрасных сыновей.

— А зачем тогда арестовали его дочь Северину?

— Потому что пришло время ей решать, какую набрать веру.

— Такое решение зависит от власти отца в семье, которая является основой общества всей нашей страны.

— Что за польза, если власть вредна? У меня здесь рапорт... — Он

взял другую папку, но остановился, не открыв ее: — Подождите, сударыня, но вы, я вижу, заступаете за них!

Анжелика была сердита на себя. Она допустила ошибку, позволив своим собственным взглядам стать слишком очевидными. Теперь в сложившейся ситуации она почувствовала себя весьма уязвимой. Раньше она могла лгать более уверенно, возможно, потому, что не принимала события близко к сердцу. Она должна поправить дело!

— Я не заступаюсь за них, но придерживаюсь такой позиции, чтобы доказать вам, что я действительно знаю все, что происходит в семье. И я нахожу, что вы действуете так, как подсказывают вам ваши «рапорты», даже не спрашивая меня.

— Потому что вы ничего не говорите. Я надеялся получить от вас интересную информацию, но мои надежды не оправдались.

— Не было ничего, о чем следовало бы сообщать вам.

— Но вы позволили Мартьялю покинуть страну, не предупредив меня о планах семьи, которых вы не могли не знать!

— Он не собирался бежать из страны. Он хотел путешествовать!

— Они затянули пеленой ваши изумрудные глаза...

— Почему вы мне не говорите прямо, что я дура?

Месье де Борданье, видя, что она встает, остановил ее.

— Давайте не раздражаться из-за чепухи. Вы просто не поняли меня. Я ужасно сожалею... — И он положил руки ей на плечи.

Теперь он почувствовал ее живую плоть, тонкий запах духов сводил его с ума. Анжелика в свою очередь уже не имела иллюзий относительно чувств, которые вызывала в нем. Конечно, она чувствовала себя неприятно, но сказала себе, что ее долг — сделать попытку освободить детей, продолжая вести себя достаточно дипломатично.

— Да, вы серьезно обидели меня.

— Мне так стыдно, — заверил он.

— Я честно верила, что вы никогда не станете добиваться от мэтра Берна исполнения ваших желаний такими способами. Я начала узнавать его и вижу, что он хочет только разбогатеть... и что он с достаточным вниманием выслушал бы все ваши аргументы, если бы почувствовал и поверил в вашу благожелательность.

— И вы действительно так думаете?

— Возможно.

Королевский лейтенант снова расслабился. Он с трудом сохранял спокойствие вблизи нее. И он не нашел ничего лучшего, как поверить ей.

— Но я не могу вернуть ему детей, — почти простонал он. — Я

должен вам сказать, что за нашим домом следит проклятый Бомар. И теперь, когда дети арестованы, я не могу отозвать бумаги.

— Так что же с ними станет?

— Мальчика передадут в руки иезуитов, девочку — в монастырь.

«Значит, мы никогда не увидим их снова», — подумала Анжелика.

— А я могу предложить вам, месье Борданье, другой план, и против него мэтр Берн вряд ли будет возражать. У него есть сестра, католичка, живущая на острове Ре. Она замужем за офицером королевского флота и довольно состоятельная.

— Вы совершенно правы, ее имя мадам Денурье.

— Дети могут быть отправлены к ней. Так делается часто. Если протестантский ребенок уходит из-под надзора родителей, то ищут их ближайших родственников-католиков и делают их ответственными за образование. И человечно, и разумно!

— Как я сам до этого не додумался?! — вскричал лейтенант. — Отличное решение! Даже Бомар не сможет ничего возразить, а мэтр Берн будет мне благодарен. Вы изумительны! Вы так же умны, как и красивы!

— А вы еще сомневались?

— Я могу получить прощение?

Борданье действовал импульсивно. Он обнял Анжелику за талию и прижался губами к ее шее, нежную белизну которой не упускал из вида во время всего разговора.

Анжелика вскочила, словно от ожога. Несчастный мужчина расстроено посмотрел на нее.

— Вы действительно находите меня таким неприятным?

Ее губы дрожали. Поцелуй был короток, но вполне достаточен, чтобы подтвердить его предположение: он никогда не знал более возбуждающей женщины. «Проклятье, — думал он, — неужели она такая же упрямая, как и еретики? Таково уж мое гадкое счастье!..»

Глава 8

Прислонившись к столу, Анжелика ждала продолжения. Он был привлекателен, руки его казались деликатными, а губы — опытными. Кроме того, она помнила, что была просто служанкой, а он представлял короля и с точки зрения статуса являлся наиболее важным человеком в городе.

К счастью, он не был самонадеян и воспринял реакцию Анжелики как новый удар судьбы. Она поняла, что его нужно успокоить.

— Я совсем не считаю вас неприятным, — сказала она. — Наоборот, должна признаться, что нахожу вас очень привлекательным. Но... как я могу? Я обещала своей патронессе... что буду избегать своих прежних грехов.

— Проклятье всем старухам! — вскричал Никола де Борданье. — Я уверен, что сама она страшнее, чем семь смертных грехов! Она не может понять, что такая красивая женщина, как вы, просто не должна вести жизнь монахини.

— Предположим, что я по собственной воле хочу вести жизнь затворницы. Ваше ли дело толкать меня на грех? — улыбнулась она.

Лейтенант издал громкий стон. Дело оказалось гораздо более трудным, чем он предполагал. Он решил сделать хорошую мину при плохой игре.

— По-моему, такой поступок естествен для нормального мужчины, оказавшегося в вашем обществе, — улыбнулся он. — Вы достаточно умны и опытны, чтобы понять и простить меня. — Он протянул ей обе руки. — Давайте забудем о том, что оказалось неприятным для вас, мадам Анжелика, и снова станем друзьями.

Он очень нежно поцеловал кончики ее пальцев, и она почувствовала смущение от того, что ее руки огрубели от работы. Она позволила ему набросить ей на плечи плащ и проводить до двери.

— Помните, пожалуйста, мадам, что я ваш друг и всегда готов помочь вам, независимо от того, что случится в дальнейшем.

Его шарм покорила ее. Прошло так много времени с тех пор, как ней подобным образом обращались, и на мгновение в ней ожили воспоминания. Многие мужчины кланялись ей с таким же страстным взглядом. Она прекрасно знала их желания: они всегда и во все времена были теми же. Как хорошо она помнила и их волнующие взгляды, и

дрожащие голоса. Она даже не думала, что на нее когда-нибудь подобная любовная игра снова произведет впечатление. Возникшее состояние было мучением для нее и в то же время влекло, как воспоминание о хорошо знакомой стране.

Щеки горели и голос почти дрожал от возбуждения, когда она покидала лейтенанта, которой был одновременно и доволен, и расстроен ее целомудренным поведением. Она шла, даже не замечая укоризненных взоров посетителей, уставших ждать приема. Сильный ветер развеивал ее плащ, она с трудом преодолевала его напор. Море глухо шумело, но небо было пронзительно синим.

Анжелика шла, вспоминая детали только что состоявшегося разговора, и чувствовала, что ей удалось выполнить намеченный план.

Когда-то, действуя по принципам высокой женской стратегии, она справилась с персидским послом Бактриари-беем и привела его к ногам Людовика XIV — и все без малейшего урона для своей добродетели!.. А сегодня она вызывала жалость, другого слова не подберешь! Мужчина, от которого она надеялась добиться много, был оставлен ею ни с чем. Сегодня был момент, когда она почти потеряла его хорошее отношение, действуя подобно воспитаннице монастырской школы. В ее возрасте такое поведение просто нелепо. В прежние дни она покорила бы его одной улыбкой...

Бедно одетая служанка, идущая по улицам Ля Рошели, на мгновение вспомнила блистательную женщину, какой была совсем недавно. Мало-помалу к ней снова возвращалась былая сила. Но, думала она, нет на свете мужчины, способного совершить чудо. Ни один мужчина не вызовет в ней услады любви и не заставит затрепетать от прикосновения одного тела к го тела к другому.

«Такое под силу только волшебнику!» — заключила она, и ее глаза повернулись к морю, где не было видно ни одного корабля.

Глава 9

Лейтенант де Борданье сдержал слово. И Анжелика с удовольствием отметила, что он поспешил воспользоваться ее советом. На следующий же день Мартьяль и Северина оказались в доме их тетки на маленьком острове Ре.

Однажды Анжелике пришлось мыть большой фонтан во дворе дома. На такую продолжительную работу она всегда брала с собой Онорину. И вот, закончив уборку и складывая тряпки в корзину, заметила, что девочка играет каким-то блестящим предметом.

— Дай мне посмотреть, — попросила она.

Онорина, чей опыт призывал к осторожности, быстро спрятала игрушку за спину, но Анжелика успела заметить красивую золотую погремушку с костяной ручкой, украшенной геммой.

— Где же ты нашла игрушку? Я уже говорила тебе, Онорина, не следует брать вещей, которые тебе не принадлежат.

— Но славный мужчина дал ее прямо мне, — ответила девочка.

— Славный мужчина? Откуда он?

— Оттуда. — Девочка указала на дальний конец площадки.

Анжелика хотела избежать сцены, которая могла закончиться шлепками, взяла одной рукой корзину, другой подхватила Онорину и направилась к дому. По узкой дорожке ей навстречу шел человек, прикрывая лицо полой своего плаща. Она едва не вскрикнула, но сразу взяла себя в руки, узнав лейтенанта.

— О, как вы меня напугали!

— Я ужасно сожалею. Я пришел сюда без эскорта и считаю, что для меня будет лучше оставаться неузнанным.

— Вот он, славный мужчина, — сообщила Онорина.

— Да, я хотел предупредить вас, что сделал маленький подарок вашему милому ребенку. Не ругайте ее, и меня тоже.

Онорина смотрела только на него, и ее глаза светились обожанием. Маленькая девочка была счастлива, получив золотую вещицу.

— Я не могу принять подарок, он слишком дорогой, — медленно произнесла Анжелика. — Я должна вернуть его нам.

— О, мадам, как вы щепетильны! Я мечтаю днем и ночью о вас, надеюсь увидеть радость на вашем лице. Но каждый раз возникает какое-нибудь препятствие. Могу я пройти с вами? Я привязал свою лошадь

довольно далеко отсюда, и нас никто не увидит.

Они медленно двинулись по тропинке, и снова де Борданье ощутил странную притягательность идущей рядом с ним женщины. Пока он мечтал о ней на расстоянии, он оставался спокойным влюбленным, но, оказавшись рядом, терял контроль над собой. Возможно, это было не совсем нормально, но изменение собственного состояния и поведения он уже признавал. Больше того, он чувствовал, что готов упасть перед ней на колени...

— Простите меня, лейтенант. Вы большой человек, а я бедная беззащитная женщина. Вам могут не понравиться мои слова, но вы не должны ничего ожидать от меня. Все остальное полностью исключено!

— Но почему? Вы дали мне понять, что я вам не неприятен. Вы сомневаетесь в моем благородстве? Напрасно! Одно ваше слово, и у вас будет удобный дом, где вы станете единственной хозяйкой. Вы сможете иметь слуг, карету, лошадей и все остальное. Все мыслимые нужды ваши и вашего ребенка будут удовлетворены...

— Остановитесь, лейтенант! — приказала она. — Это исключено!

Он быстро увлек ее в подъезд ближайшего дома, чтобы без помех взглянуть ей в глаза. Ее глаза не лгали.

— Может, вы считаете меня безумцем, но я скажу вам правду. Никогда ни одна женщина не притягивала меня так, как вы. Мне тридцать восемь лет, и моя жизнь, признаюсь, была не слишком добродетельной. У меня были приключения, я не горжусь ими. Но, встретив вас, я понял, что со мной что-то произошло. Не знаю, какой особенной силой вы обладаете, но считаю, что до того, как увидел вас, я не испытал ничего. Только вас одну я могу любить...

«Если б он только знал, сколько других губ произносили подобные слова, — вскользь подумала она. — И сам король...»

А он внимательно смотрел на нее и думал, какого цвета волосы прячет она под платком. Была ли она блондинкой, брюнеткой или огненно-рыжей, как ее Дочь? Он был в таком состоянии, что, если бы не Онорина, пристально глядевшая на них, он обнял бы ее...

— Пойдемте, — она оттолкнула его. — Действительно, вы, должно быть, безумны, и я не верю ни единому вашему слову. Вы знали женщин более привлекательных, чем я, и пытаетесь воспользоваться моей простотой.

Никола де Борданье следовал за нею со смертельным холодом в сердце, хорошо понимая, как безумны его желания. Любовь к ней оказалась достаточно сильна, чтобы лишить его ума и даже сломать его

карьеру. Когда он посмотрел на девочку, державшую мать за руку, ему в голову пришла новая мысль:

— Клянусь, если у нас с вами будет ребенок, я признаю его и сделаю все для его настоящего воспитания.

Анжелика отпрянула. Было трудно придумать другое обещание, способное вызвать в ней большую ярость. Он сразу все понял.

— Я полный дурак, — жалобно признал он.

Возле дома Анжелика поставила корзину на землю и достала ключ. Лейтенант следил за каждым ее движением.

— Ваше совершенство, мадам, делает меня безумным. Я не притворяюсь... Послушайте, я готов жениться на вас!

— Но... вы уже женаты! — воскликнула она.

— Нет, вы ошибаетесь, фактически я не женат. Конечно, многие богатые наследницы сами шли мне в руки, но я всегда вовремя сбегал, желая остаться холостяком до конца дней своих. Но из-за вас я всерьез подумал о женитьбе. — Он низко поклонился.

— Мадам Анжелика, согласны ли вы оказать мне честь и взять себе в мужа?

Она не могла отказать ему без риска оскорбить его достоинство. Она сказала, что никогда не надеялась на такую честь, но считает, что он сам поймет безумность своего предложения, которое она не способна принять. Барьер, разделяющий их, не так легко устранить.

— Поймите, месье Борданье, мне трудно объяснить причину отказа. В своей жизни я много страдала от мужчин. Их жестокость ранила меня и лишила прелестей любви. Я боюсь мужчин и не нахожу их больше приятными...

— И все? — закричал он счастливо. — Зачем вы боитесь меня, глупая малышка? Ведь я всегда галантно обращаюсь с женщинами, я не грузчик, а кавалер. Поверьте, я оправдаю ваше доверие и научу вас иначе думать о любви...

Дверь была уже открыта, Онорина вошла в дом, и Анжелика подняла на руки свою корзину. Она хотела закончить разговор.

— Обещайте мне, что вы обдумаете мое предложение, — попросил королевский лейтенант.

— Обещаю подумать.

— Могу ли я спросить вас, какого цвета ваши волосы?

— Белые, — ответила она, хлопая дверью перед его носом.

Мэтр Берн дал Анжелике записку, чтобы она отнесла ее

судовладельцу Жану Маниголю. Быстро выполнив поручение, она возвращалась домой по узкой аллее вдоль вала, когда заметила, что ее преследуют двое. Бросив взгляд через плечо, она увидела двух мужчин, не моряков и на докеров. На них были вполне элегантные бюргерские костюмы, контрастирующие с плохо выбритыми физиономиями.

«Полиция», — подумала она и, предвидя опасность, ускорила шаги. Тогда один из мужчин громко закричал:

— Эй, красавица, не убегай!

Она побежала, но они нагнали ее и схватили за руки.

— Господа, оставьте меня! — закричала она, вырываясь.

— Почему? Мы можем ненадолго составить вам компанию!

Грязные улыбки испугали ее. Если она поднимет шум, надает им пощечин и привлечет к себе внимание, то, возможно, они признают, что им не повезло, и отпустят ее. Но она почему-то чувствовала, что хорошая одежда прикрывает что-то более страшное.

Время было послеобеденное, и ставни на фасадах домов были закрыты. Не было никого ни у окна, ни у ступенек домов. К счастью, Анжелика поняла, что она уже недалеко от дома Берна.

Она знала, что мэтр Берн дома и там она сможет избавиться от неприятного эскорта. Купец сможет поставить наглецов на место. Она свернула направо в надежде, что сумеет забежать во двор, когда более высокий, казавшийся изрядно пьяным, крепко обхватил ее за талию.

— Достаточно, красавица! Ты не станешь дуться на двух славных парней вроде нас. Нам сказали, что девушки в Ля Рошели любят иностранцев. Сейчас мы проверим, правы ли они!..

Говоря так, он попытался поцеловать ее в губы.

Она отпрянула и изо все сил ударила его по лицу. Он отпустил ее и схватился за щеку. Она шагнула к воротам, но второй мужчина схватил ее сзади. Грязная ухмылка появилась на губах человека, которого только что она ударила.

— Давай, Жан! — закричал он. — Хватай ее! Сейчас мы завернем юбки на уши строптивой еретичке! Сегодня наш день...

Вдвоем они одолели ее. Жестоким ударом под колени они сбили ее с ног. Она закричала, и они заткнули ей рот тряпкой. Потные руки скользнули по всему ее телу. Она думала, что потеряет сознание, но собралась со всеми силами и принялась отчаянно сопротивляться, царапаясь и кусаясь. Внезапно ей удалось освободиться, она вскочила на ноги и бросилась к воротам, но, споткнувшись о камень, упала на колени и закричала:

— Помогите! Помогите!.. Габриэль, помогите!..

Они снова были на ней. Началась кошмарная схватка, похожая на бессильное сопротивление драгунам Монтадура, полная того же осознания беспомощности и ужаса.

Вдруг один из насильников отлетел к каменной стене, отброшенный нечеловеческой силой. Второй мгновенно обмяк, лежа на ее теле как кукла, по его виску струилась кровь.

В ужасе Анжелика старалась столкнуть его с себя, но никак не могла справиться с грузом, придавливающим ее к земле. С трудом ей удалось откатить в сторону мертвого, и она увидела мужчину в синем плаще, сцепившегося с мэтром Габриэлем. Купец был крупнее и сильнее бандита, и его кулаки беспрестанно наносили жестокие удары. Одежда незнакомца была порвана и покрыла дорожной грязью, лицо превратилось в кровавую маску.

— Остановитесь, прошу вас... Оставьте меня... Мэтр Габриэль двинулся к нему. Мужчина, должно быть, прочитал что-то ужасное в выражении лица своего противника, глаза его внезапно широко раскрылись.

— Нет... — пробормотал он дрожащим голосом, — ...пощадите!

Удар свалил его на колени. Купец склонился над ним, его руки сжали горло упавшего. Тот попытался вырваться, сделал несколько конвульсивных движений и затих с раскрытым ртом.

Завороженная Анжелика увидела, как медленно разжались крепкие пальцы, и прикусила губу, чтобы не застонать. Мэтр Габриэль внимательно осмотрел его, прежде чем подняться на ноги. Потом он подошел ко второму, перевернул его, потряс и бросил обратно в лужу крови.

— Он мертв... разбил голову о стену. Ну, тем лучше, мне не придется кончать его... Мадам Анжелика?!

А Анжелика все еще переводила глаза с одного неподвижного тела на другое. Перед заключительной частью трагедии, произошедшей у нее на глазах, она сама была охвачена паникой загнанного животного, а ужас исказил черты ее лица, обычно гордого и спокойного. Сейчас ужас исчез, и она выглядела просто смертельно испуганным, маленьким и беззащитным ребенком.

Еще не оправившись от пережитого, она не замечала, что лиф полностью разорван, блузка расстегнута. Закрывая плечи и почти голую грудь, ее волосы отливали на солнце, подобно драгоценному металлу, контрастируя с белой кожей, щедро вымазанной кровью. Кровь виднелась и на юбках.

— Вы ранены? — мягко спросил купец, внешне уже успокоившийся.

Мысли его были далеко отсюда. Он видел на ее коже не только следы крови. Грубые пальцы оставили на ней свои отпечатки. Возможно, насильники прижимались к ней и своими губами...

Такая мысль заставила купца почувствовать новую волну убийственной ненависти. Негодяи пытались осквернить женщину с легкими грациозными движениями и с телом, о котором он не смел и думать. Они сделали то, чего он никогда не осмелился бы совершить даже мысленно. Они обнажили ее, открыв даже ноги, такие обворожительные, словно они принадлежали статуе или богине.

Никогда не забудет он картины, свидетелем которой оказался, прибежав сюда на ее призыв. Одним взглядом он охватил сцену жестокости и похоти. Он увидел женщину, лежавшую на земле под двумя насильниками. Он увидел ее...

— Вы ранены? — повторил он.

Теперь его голос прозвучал так твердо, что Анжелика сразу пришла в себя. Массивный черный силуэт мэтра Берна стоял между ней и солнцем, между ней и ужасной сценой. Она подбежала к нему и спрятала свое лицо на его плече в поисках опоры и защиты.

— О... Габриэль! Вы убили двух человек... из-за меня. Что же будет, что будет с нами?

Он положил свои тяжелые руки ей на плечи, успокаивая.

— Не плачьте, мадам Анжелика.

— Я не плачу... Я слишком напугана, чтобы плакать.

Но слезы уже лились из ее глаз. И он снова повторил:

— Вы не ответили на мой вопрос. Вы не ранены?

— Нет, я не думаю... Это не моя кровь...

Берн начал перебирать ее золотые волосы.

— Моя милая, моя дорогая... — приговаривал ОС, лаская ее, словно ребенка, и она почувствовала нотки умиротворения в его голосе и удовольствие от его мужской защиты.

Кто-то пришел и встал между нею и опасностью, кто-то защитил ее, совершил ради нее убийство. Ее страх понемногу утихал, дрожь пропала, дыхание выровнялось. Внезапно в голове промелькнуло: «Я нахожусь в объятии мужчины и не боюсь. Мое выздоровление начинается!..» И в тот же самый момент она почувствовала стыд. Она ощутила горячие руки на своем почти обнаженном теле и поняла плачевное состояние своей одежды.

Она подняла заплаканные глаза. Выражение лица мэтра Берна

заставило ее снова покраснеть.

— Ой, простите меня! — прошептала она. — Я сошла с ума...

Анжелика принялась закрывать свою грудь и плечи остатками лифа, но возбуждение сделало ее попытки бесполезными. Берн решил помочь ей, но обнаружил только оторванную застежку. Она покраснела еще больше.

— Не старайтесь поправить свою одежду. Негодяи так порвали ее, что она годится теперь только на тряпки. А мы должны идти...

Его голос замер, и Анжелика, следуя за его взглядом, увидела Ансельма, солдата с маяка, наблюдавшего за ними с вала.

Солдат принял решение и стал спускаться по каменным ступеням. Он подошел к ним и кивнул головой в стальном шлеме. Купец молча глянул на свои руки, словно интересуясь, достаточно ли в них силы, чтобы уничтожить нового, хорошо вооруженного врага.

— Отличная работа, парень, — сказал солдат хриплым голосом. — Я видел сверху конец схватки и не могу сказать, что вы были с ними предельно вежливы, мэтр Берн. — Он тронул один из трупов концом алебарды. — Я давно знаю обоих негодяев. Бомар платил им, чтобы они провоцировали жен и дочерей протестантов. Ведь если в борьбу вступает муж или отец, то появляется возможность бросить в тюрьму нескольких гугенотов. Я в такие игры не играю, хотя сам я бедный солдат и своими руками зарабатываю на хлеб. Но я не предаю народ, являющийся от рождения моим братом. Действуйте спокойно и осмотрительно, избавьтесь от поганых свиней. А я ничего не видел. — Он повернулся и направился к своему посту.

— Идите и посмотрите во дворе, — сказал мэтр Габриэль. — Я не хочу впутывать сюда своих помощников. Если никого нет, отойдите левый склад, Вот ключ.

Двор оказался совсем пустым. Анжелика открыла двери склада и вернулась обратно. Мэтр Габриэль снял плащ с одного трупа и обмотал им окровавленную голову второго. Они подняли первое тело, отнесли его в сарай и вернулись за оставшимся, которое тоже перетащили в склад.

— Мы положим их прямо в соль, — решил купец. — Хороший тайник. А к тому же соль сохраняет тела и даст нам время подготовиться и окончательно избавиться от них.

Он взял лопату и стал рыть яму в белой горе. Анжелика помогала ему руками. Ей было настолько неприятно смотреть на разбитые головы, что она даже не чувствовала, как соль разъедает кожу. Они закопали трупы так глубоко, как смогли, и привели склад в порядок. Набрав воды из фонтана,

Анжелика оттерла с каменного пола капли крови. Двое работников, возвратившихся из доков, видели ее, но ничего не заподозрили, пешие, что она, как всегда, занимается уборкой двора. К счастью, парни не подходили слишком близко — иначе бы удивились, увидев ее разорванную одежду и распущенные, падающие на плечи волосы.

Работники скрылись в винном складе.

Анжелика вышла на дорогу к месту недавней битвы. Мухи уже начали кружиться над лужами крови. Поблизости никто не появлялся. Она бегом принесла воды из фонтана, опустилась на колени и терла мостовую до тех пор, пока вода не перестала розоветь и ничто больше не могло вызвать подозрений.

— Идемте в мой кабинет, — вернулся за ней купец. — Теперь все спрятано. Мы должны что-то сделать, чтобы вы почувствовали себя лучше. Ну и как-то одеть вас... — Он поддерживал ее за талию, пока они не достигли комнаты, где хранились счетные книги, и, из предосторожности задвинул засов.

Анжелика упала на скамью и склонила голову на стол, подложив под нее руки. Берн подвинул ей стакан крепкого вина.

— Мадам Анжелика, выпейте... Вы должны прийти в себя!

Она не шелохнулась, и он, подсев поближе, сам поднес стакан к ее губам. Она сделала несколько глотков, и румянец начал разливаться по ее щекам.

— Почему все так случилось? — вдруг спросила она, оглядываясь кругом — Я возвращалась домой... они догоняли меня. Я подумала, что успею добежать сюда и попросить у вас защиты. Но они становились все нахальнее... а потом внезапно...

— Забудьте все! Вам нечего больше бояться. Они мертвы.

— Мертвы? — Она вздрогнула. — Но почему же везде, где я появляюсь, люди умирают?

— Люди и должны умирать. Одна смерть вызывает вторую, одно преступление приводит к другому. Так написано в Библии: «Жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, рука за руку...»

— Я ненавижу мужчин. — Она отодвинулась от него. — Я ненавижу их всех и ненавижу саму себя. Лучше бы меня здесь не было! Вы смотрите на меня, как на безумную. Возможно, вы хотите успокоить меня, но я не хочу успокаиваться!..

— Как вы еще молоды! Другие женщины, когда расстраиваются, говорят совсем иное...

— Но разве вы не понимаете, мэтр Габриэль? Такие же дьяволы

ворвались в мой замок, подожгли его, убили моих слуг, изнасиловали служанок, перерезали горло моему сыну, а что касается самой меня, Онорина родилась в результате той ночи, вы поняли? Она — плод преступления и насилия, а вы удивляетесь, что я не способна ее любить...

Сначала он подумал, что она бредит, а потом понял, что она вспоминает события своего прошлого. И посоветовал:

— Вы должны забыть... Вы должны все-все забыть!

Она со страхом следила за его движениями и в то же время хотела, чтобы он был с ней совсем рядом. Ей вдруг захотелось узнать, наступит ли чудо и почувствует ли она себя снова счастливой в объятиях мужчины?

Он дотронулся до нее. Его руки остановилась на ее талии, и так как она не пыталась вырваться, он притянул ее к себе.

«Я не напугана, — твердила она. — Я ничего не боюсь. Он мне приятен. Он спас меня... Интересно, что будет, если он захочет поцеловать меня?..»

На лице, склонившемся над ней, не было дикого выражения. Она забыла, кто он, забыла даже имя мужчины, державшего ее в своих объятиях, чья страсть уже не вызывала в ней страха.

Ее голова беспомощно откинулась назад. Его губы так и не отважились дотянуться до ее губ и погрузились в ее волосы, а дрожащая рука коснулась ее голой груди. Все ее внимание было поглощено новыми открытиями, и она не ощущала ничего плохого.

Слово, в котором таилась опасность, привело ее снова в себя.

— Соль!.. Какая соль? — громко кричал во дворе помощник.

— Послушайте, — сказала Анжелика, — они говорят о соли. Возможно, они что-нибудь обнаружили?

Они молча прислушались к шуму, доносившемуся со двора.

— Можем мы грузить соль, хозяин? — повторил помощник.

— Какую соль? — загремел мэтр Берн, очнувшись и быстро осматривая свои руки и одежду, убеждаясь, что все в порядке.

— Новый налог. Они хотят определить наличие соли и вина.

— Новая выдумка Бомара, — проговорил купец и открыл дверь.

Сборщик налогов в сопровождении двух рабочих и четырех вооруженных солдат стоял перед испуганным помощником. Они привели с собой две телеги, чтобы погрузить на них налог.

— Но я уже уплатил все за год деньгами и солью, — возразил мэтр Берн. — И могу показать расписки.

— Вы протестант?

— Да.

— Тогда, согласно новому декрету, вы должны заплатить еще столько же. Вот, посмотрите сами. — Сборщик протянул купцу кусок пергамента.

— Значит, еще одна несправедливость.

— А что вы ожидали, мэтр Берн? Обращенные из числа гугенотов освобождены от налогов, и они не платят их уже три года. Мы должны как-то возмещать потери, и упрямые люди, вроде вас, обязаны платить за других. На вашу долю приходится двенадцать баррелей вина и сто пятьдесят фунтов соли, совсем не много для такого богатого купца, как вы. — Сборщик вдруг обернулся и посмотрел на Анжелику: — Ваша жена? — спросил он купца, явно не надеясь на ответ.

— Итак, господа, приступим! — объявил он, выходя из кабинета к складам, и Анжелика услышала, как он говорил солдатам:

— Гугеноты всегда недовольны нами. Но ересь не мешает им иметь красивых жен.

Глава 10

Больше часа Анжелика просидела на кухне, ожидал провала и прислушиваясь к шуму, доносившемуся со двора. Она боялась услышать крики и увидеть мэтра Габриэля, уводимого под охраной. И в конце концов решила бежать отсюда прочь и уносить Онорину.

От безумного поступка ее остановил отъезд сборщика налогов. Нагруженные телеги, скрипя колесами, уехали, и ворота за ними закрылись. Вечерний воздух был наполнен пылью. Купец молча пересек двор. Он выглядел обеспокоенным, но держал себя в руках. Тем не менее налил стакан коньяка и выпил: для него оказалось очень нелегко следить за помощниками, объяснить рабочим, что они должны брать соль только с одной стороны, и избегать подозрительных взглядов сборщика налогов.

— Я ничем не могла помочь вам, — виновато улыбнулась Анжелика. — Я сама чуть не пустилась наутек.

— Прodelки Бомара, — отмахнулся купец. — Теперь я совершенно уверен, что именно он подослал к вам бандитов. А визит сборщика должен был состояться сразу же после того: как они донесли бы о схватке. Через пару часов они начнут интересоваться, что мы сделали с их посланцами. Мы не можем больше ожидать и должны немедленно избавиться от трупов. — Купец посмотрел на небо. — Скоро стемнеет, и мы сможем действовать.

Они сидели в молчании, не пытаясь приблизиться друг к другу. Опасность занимала все их мысли. Наконец небо приобрело цвет моря, шум которого они слышали постоянно.

Пришла ночь, холодная и спокойная.

— Теперь мы можем идти, — сказал купец. — Да поможет нам Бог!

Они снова вошли в склад, где хранилась соль, извлекли трупы, уложили их на тележку, укрыли мешками и тронулись в путь. Перед тем как уйти, купец дважды повернул ключ в замке склада.

— Не хочу, чтобы кто-то попал сюда, пока я не вернусь и хорошенько все не осмотрю.

Он взялся за одну оглобелку тележки, а Анжелика за вторую. Деревянные колеса легко и бесшумно катились по каменным улицам города. Они торопились изо всех сил.

— Сейчас наиболее удачный момент, — проговорил мэтр Габриэль. — Фонари еще не зажжены, да и здешние кварталы заселены

преимущественно гугенотами, занятыми сейчас чтением Библии.

Никто, кто мог бы спросить, что мэтр Берн и его служанка делают на улице и что они тащат, не повстречался им по пути. А купец, казалось, знал, что делает. Он двигался по переулкам, не выходя на широкие улицы. У Анжелики сложилось впечатление, что их экспедиция продолжается уже несколько часов, и она была очень удивлена, обнаружив, что они находятся возле дома Марселло.

Берн три раза ударил в дверь бронзовым молотком. Им открыл сам хозяин, седовласый мужчина, владевший всем бумагоделательным производством провинции. Закон, строгий к протестантам, налогами полностью разорил его, оставив только красивый дом с балкончиками и небольшую мастерскую, выпускавшую бумагу для художников, производство которой он один знал в совершенстве.

— У меня здесь кое-что, нуждающееся в вашем колодце, — тихо проговорил Берн.

— Отлично! Заходите, дорогие друзья! — ответил хозяин.

Он сам помог им подтащить тележку к погребу, где пахло яблоками. Подняв высоко лампу, он освещал им путь. Когда купец снял мешки, прикрывавшие трупы, он посмотрел на них без всякого удивления.

— Будьте добры, мадам Анжелика, подержите лампу. А я помогу перенести их.

— Нет, — покачал головой Берн, — будет лучше, если вы покажете дорогу. Ведь она не знает, куда нужно идти.

— Вы совершенно правы.

И снова Анжелика тащила холодные и тяжелые ноги. Ее руки одеревенели. Хозяин шел впереди, освещая путь. По трем каменным ступеням они спустились в рабочее помещение мастерской, заполненное рулонами бумаги и чанами с кислотой. Мэтр Марселло не без труда отодвинул в сторону старинный ручной пресс, за которым пряталась небольшая дверца. Замочная скважина для замысловатого ключа нашлась в стороне от двери и казалась простым отверстием в каменной стене. Дверь вела к винтовой лестнице, к счастью, оказавшейся совсем короткой.

Теперь они стояли в подземной комнате с низким потолком. В середине виднелся закрытый колодец. Марселло поднял крышку, и комната наполнилась плеском волн.

— Колодец выходит прямо в море, — объяснил мэтр Габриэль, повысив голос, чтобы быть услышанным. — Все, что бросается сюда, уносится приливными течениями.

Их действия походили на ночной кошмар. Они так и не услышали

звука падения трупов. Мертвые тела просто исчезли, когда их столкнули в отверстие колодца.

Когда крышку закрыли, шум сразу же прекратился. Анжелика в изнеможении прислонилась к стене и закрыла глаза.

— Вот и все кончено, — произнес мэтр Габриэль.

Так часто кончались смертельные бои между двумя враждующими сторонами, сохранившие и в наши дни свою былую жестокость.

Как могла Анжелика избежать крови и страха?

Она нашла Онорину лежащей на полу. Та напоминала маленькое животное, уже смирившееся и приготовившееся к смерти.

— Девочка весь день искала вас, — объяснила Абигель, — была очень возбуждена, осмотрела всю мебель, открывала окна и двери. Она не звала вас, но иногда горестно стонала. Мы предлагали ей разные лакомства, но она отказывалась...

— Я принес ей свою деревянную лошадку, — включился Лорье, — но она не захотела играть.

— Возможно, она заболела?

Почти все члены семьи с озабоченными лицами собрались вокруг маленькой растрепанной фигурки. Но их беспокойство достигло самых верхних пределов, когда они увидели, в каком виде Анжелика вернулась домой.

— Что с вами случилось? — закричала тетя Анна.

— Не беспокойтесь, ничего серьезного.

Она подняла дочь и нежно прижала ее к себе.

— Вот я и пришла, маленькая. Любовь моя, я с тобой!

«Должно быть, Онорина чувствует, когда мне что-то угрожает, — подумала она. — Вот почему она так обеспокоена...»

Родившись в опасности, Онорина инстинктивно чувствовала приближение черных зверей. Обняв мать за плечи, она заявила, что в доме следует закрыть на ночь все ставни. Ее пожелание было немедленно исполнено, и только тогда она улыбнулась: мать была рядом и в окнах ей больше не чудилась черные жестокие лица. Теперь она сама забралась на свой высокий стул и высказала желание съесть чашку каши с молоком...

Анжелика ушла на кухню сменить разобранное платье и набросить на голову новый платок. Мэтр Габриэль разговаривал с пастором Боккером и его племянником, тоже пастором, заехавшим в Ля Рошель на один день из Кевенеса. На руках у Боккера сидел малыш Натаниэль. Ребенок, как и девочки-двойняшки, был из семья Каррера. Соседи разобрали десять детей

бедного адвоката на то время, как должен был родиться одиннадцатый.

Вероятно, Онорине стало приятно ощущать себя в центре внимания такого большого собрания, и она начала говорить:

— Мама, — обратилась она к Анжелике, когда та вернулась, — где тот славный человек, подаривший мне золотую погремушку?

— Какой славный человек? — спросил мэтр Габриэль.

— Из чистого золота? — с недоверием спросила тетя Анна.

Анжелика решила, что факты отрицать просто глупо, и ответила:

— Месье де Борданье действительно подарил ей погремушку.

Наступило молчание, нарушаемое лишь стуком ложки задумавшемся Онорины.

— Мне хотелось бы иметь такого папу, — сказала она с улыбкой.

С некоторых пор она пыталась найти себе отца. Сперва она выбрала пастора Боккера, но тот ужасно расстроил ее, объяснив:

— Дорогое маленькое дитя, я люблю тебя как духовную дочь, но должен честно признаться, что я не твой отец.

Тогда она полюбила мужчину, носившего в дом воду из колодца, ко тот тоже не захотел принять на себя такой ответственности. И теперь она хотела узнать, как обстоят дела со «славным мужчиной», но подобрала неподходящее время. Анжелика посчитала, что лучше всего унести ее на кухню и уложить в кровать, но мысли девочки были устремлены в одном направлении.

— Он мой отец?

— Нет, моя маленькая.

— А где же тогда мой папа?

— Далеко-далеко отсюда.

— За морем?

— Да, за морем.

— Тогда я поеду на корабле за море! — объявила Онорина.

Перед ее глазами возникли картины путешествия, и она заснула, измученная тревогами долгого дня.

Анжелика замялась приготовлением ужина, чтобы скрыть свое возбуждение. Она не видела Никола де Борданье с тех пор, как он сделал ей предложение. Она только послала ему письмо, надеясь, что оно поможет ему оставаться терпеливым.

Все сидели вокруг стола. У входной двери раздался звон колокольчика. Они посмотрели друг на друга. Снова нетерпеливо зазвучал колокольчик. Мэтр Берн встал из-за стола.

— Я пойду. Если мы не ответим, будет выглядеть странно.

— Нет, пойду я, — возразила Анжелика, положив руку на плечо купца. — Совершенно нормально, если выйдет ваша служанка. Я узнаю, в чем дело, и приду доложить вам.

Голос через толстую дверь прозвучал глухо:

— Мадам Анжелика? Я хочу поговорить с вами.

— Кто вы?

— Не узнаете? Я лейтенант Никола де Борданье.

— Вы? — почти успокоилась она. — Вы пришли арестовать меня?

— Арестовать вас? — почти повторил голос и замолк, видимо, его хозяин собирался с мыслями. — Значит, вы считаете меня годным только для того, чтобы приходить и арестовывать людей? Большое спасибо...

— О, я обидела вас, грошу прощения! Вы один?

— Один ли я? Конечно! И на мне маска и плащ. Если меня обнаружат здесь, мне больше не жить. Но я должен поговорить с вами.

— Что случилось?

— Вы собираетесь разговаривать со мной, не впуская даже во двор? Проклятье, мадам Анжелика! Что БЫ делаете? Когда королевский лейтенант, правитель Ля Рошели, тайно приходит к вам, чтобы отвлечь вас от забот, вы принимаете его, как собаку!

— Сожалею, но ваш секретный визит грозит моей репутации.

— Вы просто решили свести меня с ума. Настоящая правда состоит в том, что вы почему-то не хотите меня видеть.

— В нынешних обстоятельствах, признаюсь, я не чувствую себя счастливой. Вы не понимаете, как щекотливо мое положение среди людей, которым я служу. И если они подумают...

— Я и пришел, чтобы увести вас из гнезда еретиков. Здесь вам действительно грозят серьезные неприятности.

— Что вы имеете в виду?

— Откройте калитку, и вы узнаете.

Теперь Анжелика всерьез заколебалась:

— Разрешите мне предупредить мэтра Берна?

— Вы, должно быть, обезумели?

— Я не стану упоминать вашего имени, но должна же я найти хоть какое-то объяснение для своего отсутствия.

— Вы абсолютно правы, но тогда поспешите... Я становлюсь другим человеком, слыша ваш голос и ваше дыхание.

Анжелика вернулась в дом, когда мэтр Берн вышел на порог.

— Кто там? — возбужденно спросил он.

Она быстро объяснила причину визита де Борданье и его предупреждение. Глаза купца угрожающе засверкали:

— Проклятый папист! Я скажу ему пару слов! Я покажу ему, как нападать на моих слуг на моей собственной земле...

— Нет, воздержитесь. Кажется, у него есть серьезные новости.

— И какие новости, вы думаете, он принес? Ваше невинное дитя сделало многозначительное замечание. Все знают, что он охотится за вами и хочет сделать вас своей любовницей.

Анжелика изо всех сил удерживала своего хозяина.

— Ради Бога, сохраняйте спокойствие! Ведь на стороне де Борданье закон и сила. Не следует отказываться от его помощи, когда положение может сделаться еще хуже... А оно и так настолько плохое, что вы рискуете быть повешенным...

Гнев Берна утих не из-за ее слов, а только благодаря прикосновению ее нежных рук.

— Кто знает, что вы уже наобещали ему? До сих пор я доверял вам.

Он вспомнил долгие месяцы домашнего мира, воцарившегося в доме благодаря заботам простой служанки, не давшей к тому же ему ни одного повода для подозрений. И еще он вспомнил, как она, плача, бросилась в его объятия. Если бы тогда она оттолкнула его — сейчас он был бы в состоянии контролировать себя. Но слабость Анжелики показала ему, что дьявол плоти, не без труда побежденный им после смерти жены, до сих пор живет в нем. Он потерял голову, почувствовав запах ее волос и тепло ее груди.

Его взгляд изменился. Она печально улыbnулась:

— Вы сказали прежде, что доверяете мне... А теперь думаете, что я способна на предательство? Вы несправедливы ко мне...

Прежде он никогда не замечал, как мягок может быть ее голос. Она стояла близко к нему, и он видел ее блестящие глаза и губы. Как болезненно и в то же время восхитительно было смотреть на такое знакомое, но и таинственное лицо! Как она говорит в мгновения любви? Он начал ненавидеть всех мужчин, которых она когда-либо любила.

— Можно ли подозревать меня в самом черном из грехов, мэтр Габриэль, только потому что вы немного увлечены?

Он виновато наклонил голову и был рад своему раскаянию.

— Забудем все, — вежливо произнес он. — Конечно, мы должны все забыть. Мы оба были немного не в себе, пройдя через ужасные потрясения. Теперь все должно идти как прежде.

Но она хорошо знала, что теперь между ними всегда будет стоять тень

преступления и момент их слабости.

— Мы должны сохранить все силы для борьбы, чтобы спасти себя и других. Разрешите мне поговорить с лейтенантом. Могу заверить вас, что я не позволяла ему ни малейшей вольности с собой.

— Хорошо, — согласился он, — идите. И возвращайтесь быстрее.

Анжелика вернулась к двери, где ждал ее месье де Борданье. Она открыла засов, и две руки жадно схватили ее за талию.

— Наконец-то! Вы смеетесь надо мной. Что вы ему сказали?

— Ну, мой хозяин подозрителен и...

— Без сомнений, он ваш любовник! Каждую ночь вы разрешаете ему то, в чем так решительно отказываете мне.

— Вы оскорбляете меня, сударь!

— А кто, вы думаете, поверят вам? Он вдовец, и вы многие месяцы живете под его крышей. Он постоянно видит вас разговаривающей, смеющейся... и Бог знает еще какой. Невозможно, чтобы он не полюбил вас. Такое поведение было бы противоестественным и... и скандальным.

— Так вы находите его поведение более скандальным, чем ваш совершенно безумный приход ко мне ночью?

— Тут далеко не одно и то же. Ведь я люблю вас!

Он сильно придал ее к себе. Ночь была так темна, что Анжелика не могла видеть его лица. Но все его существо уже пришло в состояние уверенности и комфорта. Он был прав, ему нечего было бояться в Ля Рошели: он являлся наместником короля. Его руки больно сжимали ее, но она не высвободилась из объятий.

— Ваша близость лишает меня разума, — пробормотал лейтенант. — Мне кажется, что, если я только отважусь, в темноте вы будете менее суровы ко мне. Подарите мне один поцелуй!

Его голос дрожал, и она подумала, что ей нужно сделать попытку. Нельзя заставлять так дрожать королевского лейтенанта, не давая ему совершенно никакой надежды.

Действительно, для нее наступил день экспериментов! Отобрав у женщины наиболее мощное оружие, природа наконец решила смилостивиться и частично вернуть его обратно.

— Хорошо, вы можете поцеловать меня, — проговорила она.

— Дорогая, — выдохнул месье де Борданье, — наконец-то вы моя!

— Я согласилась только на один поцелуй.

— Я буду очень учтив, обещаю вам...

Такая победа над собой вернула ее губам всю их былую нежность и

мягкость, и он желал только, чтобы они сказались менее сжатыми, хотя, нужно сказать, сказался достаточно тактичным, чтобы удовлетвориться тем, что есть.

— Ох! Если бы только я мог взять вас под свою защиту!

— Что вы хотели мне сказать? Я считаю, что уже должна идти.

— Нет, мне нужно вернуться к более неприятному разговору. Любовь моя, я должен предупредить вас о готовящемся заговоре. Я очень беспокоюсь о вашей судьбе. О, зачем только я полюбил вас?! Сначала я испытывал надежду, потом возбуждение, а сейчас я полон горя, так как вы сознательно обманывали меня.

— Я вас не обманывала.

— Нет! — Голос лейтенанта стал резким. — Вы просто лжете. Так случилось, что Бомар в секретной организации, ведающей религиозными взаимоотношениями между жителями Франции, занимает более высокое положение, чем я. И мне часто приходится уступать ему. Мне неприятно знать, что он пытается что-то выяснить о вашем прошлом, но я бессилён остановить его. От одного из своих шпионов я слышал, что он переворачивает небо и землю, чтобы выяснить, кто вы на самом деле... — Он приблизился к ней и прошептал почти в ухо: — Скажите, мадам, кто вы?

— Кто я? Что за бессмыслица? Я просто...

— О, нет. Вы снова лжете. Вы считаете меня дураком? Позвольте сказать, что во всем королевстве не найти другой служанки, способной написать такое хорошее письмо. Я одновременно разочарован и расстроен... и к тому же убежден, что вы скрываете свое истинное имя под чужой личиной. У Бомара сразу появились подозрения... О, я слышу, как бьется ваше сердце. Вы напуганы! Может он найти что-то, могущее навредить вам? Вы молчите. Почему вы не доверяете мне, мой ангел, почему вы сторонитесь? Я готов сделать все, чтобы спасти вас. Но прежде всего вам следует покинуть гугенотов, способных только скомпрометировать вас. Однажды они будут арестованы, и если вы окажетесь среди них, то не избежите полицейского следствия. Значит, к тому времени, когда случится такая неприятность, вы должны быть уже в безопасности. Я могу увезти вас и вашу дочь в свое поместье, в Берри. А потом, когда все неприятности улягутся и Бомар займется другими делами, я привезу вас обратно в Ля Рошель. Конечно, вы станете моей женой... — И, видимо, боясь, что она не совсем поняла его намерения, он снова повторил: — Я не знаю, ни кто вы, ни что вы, но все равно я женюсь на вас!

Анжелика стала молча отходить назад, но он удержал ее:

— Откуда вы? Определенно, вы необычная женщина. Вы ведь даже не ответили, согласны ли вы принять мое предложение?

— О, да, конечно, я подумаю...

— Вы уже однажды обещали. Но решайте быстро. Завтра я на несколько дней уезжаю в Париж, я должен посетить королевский совет. Если вы только согласитесь, я отвезу вас в Берри.

— Я не могу так быстро принять решение.

— А можно быть уверенным, что вы ответите, когда я вернусь?

— Я обязательно постараюсь.

— Скажите «да». Бомар хитрый человек, и я боюсь за вас.

Он попытался снова поцеловать ее, но она выскользнула из его рук, захлопнув калитку в воротах, постояла минуту на темном дворе и бросилась к дому. Посреди аллеи она налетела на мэтра Габриэля, схватившего ее за локоть.

— Почему вы так задержались? Он уговаривал вас уйти с ним? — Она вырвалась и попыталась взбежать по ступенькам, но он снова поймал ее: — Ответьте мне!

— Что вы хотите услышать? Вы все безумцы! У мужчин меньше здравого смысла, чем у детей. Может быть, завтра вас всех уже ждет смерть. Ваши враги наставили ловушек, и вы сами лезете в них... А вы о чем думаете? У вас только ревность на уме!..

— Он целовал вас?

— А если и да, черт возьми!? Завтра мы все будем в тюрьме. Вы не знаете, что такое посидеть в тюрьме? А я уже знаю...

Она попыталась уйти, но он снова удержал ее. У входа в дом горел старый фонарь, и при его свете дикое лицо Анжелики, казалось, принадлежало пришельцу из другого мира.

— Куда вы бежите? Вы напугаете всех домашних.

— Я возьму дочь и Лорье и уведу их. Мы должны уйти.

Он не спросил ее, куда. С глазами, полными страха, она выглядела как женщина на дороге, которую он сам оглушил и чьи зеленые глаза смотрели на него так несчастливо, пока она не потеряла сознание... Там она выглядела нищенкой, символом слабости и раненной красоты. А сейчас она была здесь и говорила:

— Мы должны уйти! Мы должны уйти!!

— Прямо сейчас, посреди ночи?

— Вы думаете, я буду ждать, когда королевские драгуны примчатся убивать вас? Ждать, пока придет Бомар и арестует меня? И буду надеяться

на милость королевского судьи? Вы думаете, я буду ждать, чтобы увидеть, как увезут из города плачущего Лорье? Я видела детей, взывающих о помощи, и знаю достаточно тюрем и охранников. Вы тоже их узнаете, если захотите. Но я уйду с детьми. Я уеду далеко за море. Там есть новые земли, и люди короля не смогут там добраться до меня. Я снова смогу увидеть сияние солнца и цветение роз — даже если больше мне ничего не останется в жизни.

— Вы бредите, бедная душа...

Она почувствовала, что слабеет. День был слишком тяжел для нее.

— Конечно... Если бы вы только знали, как мне страшно, мэтр Габриэль! Я не потеряла рассудок, я просто вижу, где нахожусь. За мной гонится стая диких волков, и они все ближе. Передо мной море. Я должна идти, я должна спасти детей и свою дочь. Я не могу избавиться от мысли, что ее отберут у меня и бросят к бродягам, незаконнорожденную, которую никто не ждал. Разве вы не видите, что я не имею права дать себя схватить? Я даже не имею права умереть!.. Разрешите мне уйти, вы должны позволить мне уйти. Я должна бежать в порт!

— В порт? Для чего?

— Чтобы нанять корабль.

— Вы думаете, все так просто? Кто вас возьмет на судно? И чем вы уплатите за свой предполагаемый проезд?

— Когда дело дойдет до оплаты, я продам себя капитану.

— Как вы смеете говорить подобный вздор? — встряхнул он ее.

— А будет ли лучше, если я продам себя месье де Борданье? Если уж мне придется продавать себя мужчине, то я хочу, чтобы он увез меня как можно дальше отсюда.

— Я запрещаю вам так поступать, вы слышите?

— Я даже не задумываюсь о том, что мне предстоит сделать.

Теперь она просто кричала, и эхо ее голоса отражалось от стен старого дома, от бледных и красных лиц портретов, смотрящих из позолоченных рам. Никогда почтеннейшие люди Ля Рошели не слышали таких криков и таких скандальных выражений. И, видимо, для завершения накала страстей в холле их встретили мадам Анна и пастор со своей Абигель, с горящими свечами в руках.

— Вы правы, — медленно сказал мэтр Габриэль, — нужно уезжать. Но уезжать должны мы все вместе.

— Все вместе? — не поверяла Анжелика своим ушам.

— Да, мы уедем все. — Лицо купца стало мрачным и решительным.
— Мы оставим нашим врагам плоды нашей работы и наш город. Мы уедем

и заработаем право жить в неизвестных далеких землях. Не дрожите больше, мадам Анжелика, моя дорогая... моя любимая. Именно вы правы, земля ускользает из-под наших ног, и из-за своей трусости мы ввергнем в беду детей, а ведь они только еще начинают жить. Глупо и дальше оставаться слепыми. Сегодня я увидел, что пропасть стала слишком широкой, и еще я понял, что не хочу терять вас... Да, мы уедем все вместе!

Глава 11

Она могла бы целый день смотреть на танцующее свинцовое море, бьющееся о защитный вал.

«Унеси меня отсюда прямо сейчас!..» — молила она море.

Но нужно было ждать. Два дня прошло с той ночи, как Анжелика и мэтр Берн сбросили в море насильников, воспользовавшись колодцем торговца бумагой месье Марселло.

Жизнь, казалось, возвращалась в старое русло. Полицейские не врывались в ворота дома, никто не приходил на склады, везде стояло затишье. Можно было подумать, что ничего не случилось, что ничего не может случиться и дальше. Они только должны сказать себе, что жизнь очень спокойна и что для полного счастья в такой славный солнечный денек нужно только поставить на очаг полный горшок с вкусной едой. Раньше все так и было.

Но теперь Онорине уже не было нужды просить их закрывать ставни на окнах. Угроза, висевшая над домом, была видна всем его обитателям. Город окружил их западнями и ловушками. Порт, ставший первыми воротами на пути к свободе, патрулировался вооруженной полицией, а каждый корабль, отправлявшийся в плаванье, старательно обыскивался. Если бы каким-то ловким беглецам удалось все-таки незаметно попасть в порт и остаться ненайденными на отплывающем судне до того, как они смогли бы вздохнуть свободно, им предстояло проплыть между башнями маяка и Святого Николая, потом вокруг мыса герцога Ришелье и миновать полукруг прибрежных подводных рифов. А вдоль побережья, начиная от острова Ре, в море постоянно несли дозорную службу королевские военные корабли, еще раз досматривающие почти все суда, выходящие из Ля Рошели, чтобы никто не проскользнул...

Дети играли вокруг пальмы, до Анжелики доносились их веселые голоса. Здесь собралось множество детей со всех соседних домов, чьи родители отправились на совет старейшин. Юбки маленьких девочек напоминали яркие цветы на фоне мальчишеских черных костюмов. Плечи детей покрывали разноцветные кудряшки, щеки их были розовыми, а когда они поднимали вверх свои мордашки, то глаза их напоминали яркие звезды.

Отставив утюг, Анжелика следила за ними из окна. В любой момент,

думала она, ворота могут быть взломаны, сюда ворвутся солдаты, схватят детей за руки и уведут навсегда...

Члены консистории вошли в зал. Их жены, встреченные тетей Анной, находились в другой комнате и негромко разговаривали, словно в доме кто-то только что умер.

Через некоторое время на кухню вышел мэтр Габриель, сел на стул и заговорил, не глядя на Анжелику:

— Мы решали уехать в Санто-Доминго. Наша группа будет состоять из десяти семей и двух пасторов. Все согласились с необходимостью переселения на новые земли, хотя для некоторых возникают серьезные проблемы. Торговец бумагой Марселло и адвокат Каррера всей душой хотят ехать с нами. Но какую работу они смогут выполнять на островах? Я даже не знаю, смогут ли наши рыбаки организовать там рыбный промысел. Люди там зарабатывают на жизнь в основном на плантациях сахарного тростника и какао.

— Маня интересуется какао, — заявила Анжелика. — Однажды я организовала производство шоколада и знаю, как обращаться с зернами.

Она уже мечтала. Она будет свободной, будет бродить в большой соломенной шляпе по зеленой плантации, а Лорье и Онорина станут бегать позади, пытаясь поймать сапфировых бабочек. Ее зеленые глаза наполнились светом, словно в них уже отразилось все Карибское море с островами и пальмами.

Берн бросил на нее грустный взгляд. Несколько дней назад он осознал всю силу ее красоты. Он запрещал себе любоваться ее лицом, жестоко осуждал себя, и тем не менее его взгляд постоянно возвращался к ней. «Она вошла в нашу жизнь, как фея», — говорил он себе. Она щедро дарила всем членам семьи богатство своей души, и в то же время никто ничего не знал о ней. Сейчас она старательно гладила одежду. Ее щеки порозовели от жара, она умело выполняла любую работу, но Берн видел, что прислуживание не ее натура. Его очень интересовало ее таинственное прошлое. Иногда с ее уст срывались странные слова, и купец хранил их в памяти, пытаясь из кусочков сложить полную картину. Вот только что она сказала, что имела дело с какао. И какая связь может быть между женщиной, утопавшей в грязи на Шарантонской дороге в предместьях Парижа, и его служанкой, заявившей о королевских: солдатах: «...они ворвались в мой замок и убили всех моих слуг...»?

«Авантюристка! — изрекла мадам Маниголь, дотрагиваясь пальцем до копчика своего длинного носа. — Я чувствую по запаху людей парижского «дна» я никогда не ошибаюсь...»

Анжелика посмотрела в глаза купцу и улыбнулась. Они оба молча согласились забыть все и сохранить дружеские отношения. Жесткая вера гугенотов помогла мэтру Габриэлю превозмочь свои чувства. Человек большой силы и доброты, он в час всеобщей опасности не замкнулся на собственных бедах. Он оказался достаточно умен, чтобы видеть и понимать, что, продолжая нервничать и переживать, они просто сойдут с ума. Его железная выдержка помогла спокойствию еще раз воцариться в доме. Нервозность Анжелики сразу уменьшилась и почти исчезла, опершись на моральную силу купца, дающую ей возможность противостоять страху. Оставаясь одни, они часто хранили долгое молчание.

— Ну, мэтр, как дела с отъездом? — Она все еще улыбалась.

— Как говорят паписты, — купец оживился, — нашим несчастьям помогает чудо. Жан Маниголь, судовладелец, сильнее всех возражавшей против отъезда, внезапно переменял решение. С ним случилось несчастье, заставившее пересмотреть его взгляды. У него отобрали младшего сына. Мальчик имел глупость остановиться и понаблюдать за церковной процессией. «Они» увидели тут желание переменить веру и, так как ему уже больше семи лет, сразу увезли в монастырь. Маниголь вернул себе ребенка, истратив целое состояние. И теперь, несмотря на богатство, Маниголь испуган и тоже выразил желание уехать. Если он будет с нами, все станет гораздо проще, У него есть много складов в Санто-Доминго, и мы сможем отплыть на одном из его кораблей. Так он рассчитывает, и я нахожу его план вполне реальным. Одно из его судов, занимающихся работоторговлей, скоро возвращается из Африки. Рабы будут выгружены и размещены в крепком пакгаузе, прямо на причале. Там они будут находиться под охраной в ожидании очередного плавания на острова. Маниголь составит на них необходимые коносаменты, согласует их с властями и получит разрешение на перевозку. В самую последнюю минуту мы займем место рабов. Будем надеяться, что никто не явится на судно с каким-нибудь дополнительным осмотром, пока мы не пересечем траверз мыса Антиох и не окажемся в относительной безопасности.

— А что же станет с рабами?

— Будут сидеть на земле в запертом складе. А мы постараемся сделать так, чтобы их обнаружили как можно позже.

— У Маниголя много мужества, если он заранее отказывается от прибыли, которую мог бы принести ему такой рейс.

— Мы еще многое должны уладить. Но Маниголю не будет хуже, чем

нам. Он ведь и там собирается заниматься торговлей, и его дело останется тем же самым. Только он будет находиться не в Ля Рошели, а в Санто-Доминго. Он заранее сделает все необходимое, чтобы исключить возможность ошибки или неудачи. А у меня есть немного денег в Голландии и немного в Англии. Кроме того, за последние дни мы превратили в золото кое-какие ценности.

— Не могут ли у людей возникнуть подозрения, когда они узнают, что вы все распродаете?

— Мы будем очень осторожны. А католики, наши клиенты, заранее узнают, что мы вынуждены распродавать имущество, чтобы заплатить казне двойной налог.

— И когда же наконец мы сможем отплыть? — спросила Анжелика.

— Через две-три недели.

— Как долго! — воскликнула она.

— Наоборот, очень быстро, — ударил он кулаком по столу. — Пусть будут прокляты люди, вынуждающие нас отрываться от земли предков!

Анжелике хотелось сказать о своем сочувствии, но она промолчала, боясь расстроить его еще больше. Уже потеряв все свое имущество, она не могла понять, что удерживает здесь протестантов, живущих в страшном угнетении.

Но гугеноты извлекали уроки из окружавших их угроз и притеснений. Они все больше думали об Американских островах и связанных с ними обещаниях свободы. Они уже имели опыт плавания по морям, и теперь им предстояло увидеть новых людей, живущих там. Больше ста лет они жили в угнетении и за прошедшие годы, казалось, стали более разумными. Лучше бросить все свои веками накопленное добро и покинуть родной город, чем продолжать вести постоянную тайную, а то и явную войну...

Подумать только, что им не придется жить под синим небом Ля Рошели, что их дети не будут больше дышать родным воздухом, наполненным запахами моря, не смогут бегать босиком по берегу, лазить по скалам и наблюдать за плывущими кораблями...

Оставить все врагам!

— Три недели — очень малый срок, — повторил купец, — в то же время я отлично понимаю, что опасность с каждым днем возрастает. Но мы должны как можно лучше использовать свой шанс. Именно через три недели датский флот собирается покинуть Ля Рошель. Датчане не любят плавать в одиночку. Два раза в год из Антверпена и Амстердама выходят их караваны, направляющиеся в Африку, на Средиземное море и даже в Новый Свет. Маниголь хочет присоединиться к ним, совместное плавание

даст нам дополнительную защиту. Поэтому мы должны ждать, когда сии придут в Ля Рошель, первые суда появятся здесь уже через две недели. Они не только вызовут активную деятельность в порту, но и некоторый беспорядок, весьма полезный для наших планов. Если мы сможем оказаться в центральной части армады, выходящей из порта в море, то почти наверняка избежим проверки королевских сторожевиков, которые физически не в состоянии проверить весь флот. А как только мы покинем лярошельскую бухту, никто к нам больше не станет приближаться.

Анжелика кивнула. План выглядел не только выполнимым, но и умным. Но время, необходимое для его выполнения, пугало ее: недели ожидания казались ей длиннее, чем годы. Какой замысел втайне вынашивает Бомар? Ведь он не станет дожидаться возвращения из Парижа Никола де Борданье! Сердце ее болезненно сжалось, но она смело подняла гордую головку:

— Пусть Бог услышит вас, мэтр Габриэль!

Глава 12

Тропинка вилась по сухой соленой почве, изгибаясь вдоль линии берега к небольшой деревушке Ла Палис, расположенной напротив острова Ре. Сыпучая земля затрудняла движение, и Анжелика шла очень медленно. Она не беспокоилась, времени было достаточно, и хотя она стремилась поскорее выполнить свою задачу, ей доставляла удовольствие медленная прогулка.

Онорина брела рядом. Со дня, как были убиты агенты полиции, Анжелика никогда не оставляла девочку одну, если уходила из дома, а сейчас она покидала дом только в самых необходимых случаях. Она боялась рисковать, ей везде чудились подозрительные лица и странные взгляды уличных прохожих. Она была совершенно уверена, что сеть Бомара все туже затягивается вокруг нее.

Хотя чаем проходили мирно и из них складывались вполне благополучные дни. Анжелика чувствовала, как уплывает песок из-под фундамента ее жизни. Песок уплывал все быстрее и быстрее, и в один прекрасный миг все сооружение рухнет!

Все вокруг нее проявляли кипучую деятельность, хотя эта активность оставалась неприкосновенной тайной людей, готовящихся к побегу. Ни единая непосвященная душа не видела, чтобы кто-то упаковывался, хотя каждую ночь в порт совершались таинственные рейсы. На «Сайта-Мариин», прибывшей с рабами из Африки, собирались вещи, много значившие для будущих беглецов. Богатые и бедные лярошельцы были полны желания уехать, но не хотели спать без желтых сатиновых простыней или варить пищу не в тех горшках, которыми с детства привыкли пользоваться.

Маниголь спорил со своей женой, желавшей забрать с собой их обеденный сервиз и все платья, сшитые лучшим гугенотским портным Бернардом Палести. Судовладелец шумел и ругался, но позволил ей упаковать значительную часть вещей, ибо и сам не хотел расставаться с ними. И в портовом пакгаузе запах черных рабов из Гвинеи смешивался с ароматами ванили, перца и других товаров. На «Санта-Мариин» шли последние приготовления к плаванию, но не возникало ни единого признака, что ее пассажирами станут не рабы, а белые протестанты. У тети Анны мысль путешествовать под видом рабов заранее вызывала неприятные чувства:

— Там будет нечем дышать, и наши дети умрут от вони!

По несколько раз в день она перевязывала книги: Библию, учебники по математике и астрономии. Стопка получалась слишком тяжелой, и старая дева расстроено вздыхала.

Анжелика сделала запас сушеных фруктов, Савари когда-то рассказывал, что они могут спасти человека от смертельной болезни, ослабляющей все тело и заставляющей кровоточить десны.

Все были заняты и надеялись, что все будет хорошо. Казалось, так оно и будет, и Анжелика разрывалась между успокоением и тревогой. Инстинкт некогда не обманывал ее, а сейчас она отчетливо чувствовала разлитую в воздухе скрытую угрозу. Но как она могла знать, в чем заключается угроза? Учитывала ли она тот факт, что лейтенант де Борданье еще не возвратился из Парижа? Исчезновение двух агентов не могло не привести к расследованию, и полиция уже решила днем и ночью держать на запоре все городские ворота. Каждый человек, желавший войти или покинуть город, внимательно проверялся. Строгость такой меры объяснялась появлением пиратов, якобы плавающих вдоль побережья, но могла вызываться намерением усилить слежку за гугенотами. Конечно, здесь людям не приходилось опасаться вооруженных нападений, столь распространенных на берегах Средиземного моря, но богатые купцы знали, что подобнее страхи небеспочвенны. Пираты могли встать на якорь где-то поблизости, найти контакт с людьми внутри городских стен и без колебаний перерезать горло любому и каждому, не желающему расставаться со своим добром. Капитаны кораблей, выходящих из порта, вступали с пиратами в соглашение и платили своеобразный налог за ненападение. Было ли правдой, что новые люди, появлявшиеся иногда в городе, предлагали для продажи канадские меха? В общем, так или иначе, но ворота города оставались постоянно заперты.

Поэтому Анжелика получила задание забрать Мартьяля и Северину с острова Ре. Раньше предполагалось, что мэтр Габриэль сам привезет своих старших детей. Но сейчас протестантам стало трудно покидать город: их имена записывались, их подолгу допрашивали и строго следили за возвращением. А с другой стороны, момент их бегства приближался.

Все последние дни Анжелика посматривала из окна на вал и заговаривала с солдатом Ансельмом Камюзом:

— Ну как, видны датчане?

Охранник маяка отрицательно качал головой:

— Пока нет. Что за нетерпение, мадам Анжелика? У вас есть там молодой дружок? Я слышал, что корабли уже прибыли в Брест. Значит, они появятся здесь через два-три дня...

Еще два или три дня. Тогда придет их черед, и год покровом ночи преследуемые люди поднимутся на борт корабля. Они бросят свои дома и город своих предков.

А пока нужно еще многое успеть. Анжелика глубоко вдохнула. Воздух был тяжелым от запаха соли. Небольшие желтые цветы росли в низинках между дюнами, Онорина набрала целый букет.

— Поторопись, маленькая!

— Я устала.

— Тогда я понесу тебя. — И она наклонилась так, чтобы ребенку стало легче забраться ей на спину.

Ей нравилось идти, обдуваемой ветром, с легкой ношей за плечами. Шелковые локоны Онорины касались ее шеи. Они обе получали удовольствие от тишины и открытого пространства, от шороха шагов и пения птиц. Они обе чувствовали, что не рождены для жизни в городе, что крышам домов предпочитают простор с далеко отступающим горизонтом. Местность была плоской и голой, и сегодня ее еще прикрывал серый туман.

Далеко впереди показалась группа домиков — деревня, на фоне моря выделялся каменный пик мыса Ришелье. Прямо перед ней оказался пролив, отделяющий остров Ре от материка.

Онорина сжала маленькие ручки вокруг шеи матери.

— Ты счастлива, мама? — спросила она.

— Да, счастлива!

Так и было. Глядя на ландшафт, еще дикий и нетронутый людьми, она приобретала уверенность, что море не предаст ее. Перед нею открывался новый этап жизни. Единственным сожалением, связанным с отъездом, станет маленькая могилка, расположенная на краю леса в Нейле возле развалин замка Плесси. А единственным сокровищем, которое она возьмет с собой, будет ее дочь, ее маленький друг. Еще несколько часов, и она окажется свободной как птица...

— Ну, если ты счастлива, спой мне! — попросила Опарина.

Анжелика засмеялась. Ее дочь всегда знала, как воспользоваться слабостями своей матери. И они запели любимую балладу Флоримона «Зеленая ветряная мельница». В ней говорилось о дьяволе, собиравшемся захватить ветряную мельницу, и о хозяине мельницы, храбро сражавшемся за свое сокровище. Продолжая петь, они отошли от скал, чтобы перейти на дорогу, ведущую к порту Ла Палис.

— Посмотри туда, — вдруг сказала Онорина. — Я вижу дьявола с той Зеленой мельницы.

Мать механически повернулась в направлении, куда указывал тоненький пальчик, и дыхание ее прервалось. На тропинке, где они должны были пройти, появился темный силуэт. Черты лица его были неразличимы, но это был очень высокий мужчина в черном плаще с развевающимися по ветру полами.

Сам Мефистофель не мог бы выглядеть реальнее!

Тут море бросило на берег облако тумана, и Анжелика обнаружила, что стоит на дороге, погруженная в какие-то неопределенные мечты, где единственным движущимся объектом являлись полы широкого черного плаща. Она сразу подумала, что ее мозг больше не подчиняется ей и уводит в диковинную страну, где воображение по волшебству превращается в явь. Ведь она частенько вспоминала пожелание месье Роша: «Мне бы хотелось, чтобы Рескатор бросил якорь возле Ля Рошели!»... И вот, когда обстоятельства стали складываться в почти немыслимую комбинацию, она решила, что сходит с ума, и испугалась за свой рассудок.

Потом туман рассеялся, и море снова приобрело свой обычный вид. Все стало ясным, и, оглянувшись, она увидела в отдалении Ля Рошель, белый город, блестящий, как корона из чистого серебра. Мужчина поднял руки, поднес к глазу подзорную трубу и стал смотреть на город, твердо стоя на ногах в высоких кожаных сапогах. Потом он опустил трубу и подал сигнал каким-то людям на берегу...

Анжелика сжалась в комочек: вдруг он повернется и заметит ее на дороге, а затем затаилась за пышным кустом тамариска. Ей было трудно разглядеть, что происходит на берегу, но она увидела, как еще двое мужчин подошли к первому и все трое начали что-то обсуждать. Потом они исчезли, однако, приложив ухо к земле, она услышала отдаленные шаги, а ветер донес до ноздрей запах дыма.

— Не двигаться! — приказала она Онорине.

Но у той и не было намерения двигаться. Ее дикая натура находила удовольствие в том, чтобы прятаться, как молодой кролик.

Медленно раздвигая траву, Анжелика поползла на животе к вершине холма. С него она увидела на середине залива трехмачтовое судно без флага и опознавательных знаков. Оно глубоко сидело о воде и могло быть и датским, и английским, но определенно не французским. Судно безусловно не было рыболовным, базирующимся в Ля Рошели, выглядело значительно крупнее и, вероятно, обладало водоизмещением в 280-300 тонн.

Что могли делать чужеземные купцы в заливе, расположенном всего в миле от Ля Рошеля? Место не подходило для купцов, да и являлось ли

судно вообще купеческим? Побывав на Средиземном море, Анжелика научилась разбираться в некоторых трюках камуфляжа. Она сразу определила, что судно двухпалубное и вооружено целой батареей мощных пушек. Орудийные порты, выкрашенные под цвет бортов, а не белилами, как делают для устрашения на военных кораблях, кое-где были открыты для проветривания батарейной палубы. По палубе сновали какие-то люди, накрывая брезентом длинные лестницы, используемые в бою для захвата вражеских судов.

От корабля к берегу направилась лодка, которую Анжелика вскоре потеряла из вида. Она продвинулась вперед и осторожно подняла голову. Теперь она слышала гул голосов, но не могла разобрать, на каком языке они говорят. Внизу над огнем висел большой котел, наполненный смолой, которой промазывали днище корабля. Моряки наливали кипящую смолу в ведра и отвозили в шлюпке на корабль.

Четверо мужчин, суетящихся вокруг костра, принадлежали к разным расам и на любом карнавале могли бы представлять четыре стороны света. Худой моряк с большущими глазами, возможно, был с Сицилии или с Мальты. Второй, полный и грузный испанец, казалось, еле двигался по песку. Третий, с сильными мускулами на обнаженных руках, должно быть, когда-то был янычаром. Последний гигант держался в тени, подальше от грубой работы остальных, сжимал в руке мушкет и внимательно оглядывал окрестности.

Пираты!..

Значит, объяснение полиции по поводу закрытых городских ворот не было обманом. Пираты действительно были, и только несколько десятков кабельтовых разделяли их и крепость Святого Людовика, охранявшую Ля Рошель. Не дальше они находились и от Сен-Мартен-де-Ре, где базировался королевский флот. Паруса неизвестного судна стояли так, что в любой момент могли быть приведены в действие. При первом же признаке опасности судно могло выйти из залива в открытое море.

Странно, что они так и не заметили ее.

Звук падающих камней заставил ее плотнее вжаться в землю. Послышались гневные восклицания и удары, которыми крестьяне награждали непослушных свиней, сгоняя тех к берегу. Моряк в меховой шапке подошел к ним и начал торговаться. Видимо, крестьяне уже установили хорошие отношения с пиратами, бросившими якорь возле их деревни. Пираты стали реальностью, Анжелика могла видеть их, слышать и чуть ли не дотрагиваться...

Было престо немислимо, чтобы он явился сюда во плоти и бросил

якорь возле самой Ля Рошеля. Почему он? Когда-то она часто видела его во сне, но вот уже несколько лет она больше не видит его... Корабль плавно покачивался на волнах, и она рассмотрела странное название, написанное золотыми буквами: «Голдсборо».

Пожатие маленькой ручки вернуло ее на землю. Успевшая соскучиться в одиночестве Онорина незаметно, как кошка, подползла к ней. Увидев ее рядом, Анжелика поняла, что не может больше оставаться здесь. Грубые моряки никогда не были расположены к благородным делам. И даже если их капитаном являлся Рескатор, которого, как ей показалось, она узнала, то все равно вряд ли был смысл снова погадать в его руки.

Она стала переползать с одной дюны на другую, пока не достигла основной дороги. Там она взяла Онорину на спину и, торопясь изо всех сил, бросилась в Ла Палис. Она почти вбежала в гостиницу, куда заходили рыбаки выпить стаканчик после установки сетей.

— Вы выглядите так, словно увидели самого дьявола! — проговорила хозяйка, выходя к ним навстречу.

— Да, мы только что его видели, — серьезно подтвердила Онорина.

— Глупенькая ты малышка! — засмеялась женщина.

Анжелика попросила молока, хлеба с маслом для дочери и хлеба с сыром для себя. От вина она отказалась, так как оно лишило бы ее последних сил, а они еще потребуются, чтобы забрать Мартьяля и Северину с острова Ре.

Несколькими часами позже она добралась до крепости Сен-Мартен, спросила, где живет мадам Демурье, сестра мэтра Берна, и легко отыскала ее дом. Она выглядела бледной и взволнованной, что вполне соответствовало ее роли в предстоящей спектакле: «Мэтр Берн внезапно заболел, он умирает и хочет видеть своих детей».

Его сестра мало знала о жизни брата и, конечно, ужасно расстроилась. Она была неплохой женщиной, но перешла в католичество, хорошо понимая, что отныне жизнь протестантов будет состоять из бесконечных несчастий и разрушенных надежд. Будучи на десять лет моложе мэтра Габриэля, она очень переживала из-за возникшей неприязни между ней и братом и теперь горько плакала, думая о его близкой кончине. В своих переживаниях она совсем позабыла о приказе лейтенанта Борданье, запретившего детям покидать ее дом без специального разрешения властей, и отпустила их с Анжеликой.

Владелец небольшой лодки, постоянно курсирующей между островом и материком, смотрел, как небо затягивается тучами. Возле самого берега их настиг сильный дождь, и Анжелика наняла закрытую карету, чтобы

добраться до города. Кучер оказался гугенотом и радовался возможности сделать добро детям мэтра Берна.

После недолгого пути они остановились перед воротами Святого Николая. Наружному охраннику все наскучило, и он разрешил въехать в город. Анжелика уже поздравила себя с удачей, когда два незнакомых солдата вышли из сторожевой будки, остановили лошадь и заглянули в карету.

— Она, — сказал один из них, в котором Анжелика теперь узнала человека, спрашивавшего ее имя этим утром, когда она покидала город. — Вы Анжелика, служанка в доме мэтра Берна?

— Да, вы правы. А в чем дело?

Солдаты взобрались на козлы и уселись рядом с кучером:

— Нам приказано препроводить вас в Дом Правосудия.

Глава 13

Гугенот, правивший лошадей, побледнел. Плохо для протестанта оказаться с человеком, вызванным в зал суда. Но он не высказал вслух своего опасения, а Анжелика подумала, что, возможно, ее хотят видеть из-за пиратов или вернулся Николас де Борданье и сразу же пожелал увидеть ее.

Однако солдаты повели ее не к знакомой главной лестнице, а вместе с детьми проводили в контору, расположенную в задней части здания. Одни служащие занимались бумагами, а другие сидели по углам и от скуки грызли ногти. В помещении стоял тяжелый запах пыли и табака, характерный для полицейских участков. Пожилой мужчина встал, внимательно посмотрел на Анжелику и открыл задрапированную дверь.

— Идите туда, — подтолкнул он ее, удерживая Онорину за руку. — А все дети останутся здесь.

— Но они же могут оставаться со мной!

— Не могут. Месье Бомар хочет задать вам пару вопросов.

Анжелика обменялась взглядом с Мартьялем и Севериной. Их сердца, должно быть, собирались выпрыгнуть из груди: они оба уже побывали здесь во время своего ареста. Ей хотелось крикнуть им: «Главное, держите рты закрытыми!», так как она сделала ошибку, прошептав им кое-что об отъезде на Американские острова. Но она сдержалась и спокойным тоном произнесла:

— Старшие, присмотрите за Онориной. Уговорите ее вести себя хорошо, сидеть тихо и не разговаривать.

Последние слова были заглушены воплем Онорины, взбешенной тем, что ее разлучают с матерью. Дверь захлопнулась, и Анжелика оказалась в центре небольшой комнаты. По инерции она прислушивалась к крикам дочери и успокаивающим голосам полицейских. Потом все стихло, девочку куда-то увели.

— Проходите и садитесь.

Анжелика вздрогнула. Она не заметила Бомара, сидевшего за столом. Он вежливо указал ей на стул.

— Садитесь, мадам Анжелика, — повторил он.

Ей показалось, что он как-то необычно произнес ее имя. Он притворялся, будто совсем не обращает на нее внимания, пока она садится, а просматривает бумаги в папке. Потом он хмыкнул:

— Да, конечно...

Она сознавала, что ей предстоит тяжелый бой, Молчание затянулось, что было частью тактики Бомара — смутить допрашиваемого или подозреваемого человека. Сейчас она использовала паузу, чтобы по возможности собраться с силами и мыслями. Она не знала, который из ее поступков подвергнется первой атаке. Возможно, Бомар и сам пока не знал. Глубоко задумавшись, он водил языком по губам и выглядел как хитрая лисица. Наконец он собрался с мыслями и со сладким выражением лица наклонился к ней:

— Скажите мне, дорогая, а что вы сделали с трупами?

— С трупами? — удивленно переспросила она.

— Не разыгрывайте невинность! Вы не выглядели бы такой расстроенной, если бы не знали, о чем идет речь. О трупах не слишком приятно думать, не так ли? Где же вы спрятали мертвецов?

Она сохраняла на лице выражение вежливого непонимания.

— Давайте не будем зря терять время. Что бы вы ни говорили, в конце концов вы сознаетесь. Так вы помните трупы? И будете утверждать, что человек в синем плаще не приставал к вам?

— Простите меня, — изобразила Анжелика виноватую улыбку, — но я не понимаю того, что вы говорите. Только не сердитесь, пожалуйста!

Бомар покраснел, его рот грозно скривился:

— Вы не помните двух мужчин? Третьего апреля вы возвращались со склада Маниголя. Мужчины шли за вами. И вы ничего не помните?

Он смотрел с явной иронией. Не зная, как далеко может зайти в своих выдумках, Анжелика произнесла:

— Ну, возможно...

— Теперь мы кое-что имеем, — с удовлетворенным видом наклонился он к ней. — Так расскажите мне о тех мужчинах.

Она мгновенно напряглась. Если она позволит следователю увериться, что ее можно сломить, он станет выжимать из нее одно признание за другим. Она запутается, и с ней все будет кончено.

— Рассказать вам? О чем? — В ее тоне прорезалась вульгарная нотка. — Вы думаете, ко мне не пристают мужчины на улицах? Репутация у Ля Рошели достаточно плохая. Так я должна хранить в памяти всех неприятных типов в красных и синих плащах?

Не обращая внимания на возражения, Бомар остановил ее:

— Я уверен, что вы хорошо помните именно тех двоих. Говорите! Они начали преследовать вас. А потом?

— Ну, если вы настаиваете, что они преследовали меня, то я полагаю,

что просто послала их подальше.

— Третьего апреля, когда вы возвращались от Маниголя, вы пошли прямо к дому мэтра Берна?

Она почувствовала ловушку и осторожно ответила:

— Третьего апреля, вы говорите? Ну, я могла не сразу пойти домой. Я могла сперва зайти на склад хозяина, как часто делаю, когда для него есть записка от месье Маниголя.

Ответ, казалось, удовлетворил Бомара, и он, усмехнувшись, обнажил желтые зубы.

— Удачно, что вы вспомнили о своих передвижениях. Если бы вы сказали что-нибудь иное, я бы уже знал, что вы лжете. Позвольте доложить, что я сам послал тех двух людей, о которых мы говорим. Они следовали за вами от таверны до побережья. А другой мой сотрудник с двумя солдатами находился возле дома мэтра Берна. Тот человек утверждает, что вы весь день не возвращались домой. Не приходили и два галантных кавалера, которых они должны были встретить. Кстати, с тех пор их вообще никто не видел.

Не начинайте снова разыгрывать невинность, вы ведь хорошо знаете, куда они исчезли. Потому что они убиты, и я знаю, кто их убил. Я сам расскажу, что случилось, раз ваша память такая плохая. Вы пошли на склад хозяина, а мои люди двинулись за вами, в надежде на некоторое... хм... развлечение. Мэтр Берн и его помощники вступили в схватку, и мои люди оказались убиты. Теперь я хочу знать, как вы избавились от их трупов.

Анжелика старалась как можно шире открывать глаза во время его повествования. Но упоминание о помощниках Берна говорило, что никакими фактами он не располагает.

— Небеса! — воскликнула она. — Абсолютная нелепость! Я не верю своим ушам!.. Так вы считаете моего хозяина убийцей?

— Совершенно верно, — подтвердил Бомар.

— Вы не правы! Мой хозяин очень религиозный человек...

— Ну и что? Еретики способны на все. Поверьте мне, я получаю деньги за установление истины, и я ее обязательно узнаю.

Однако взрыв возмущения служанки заставил его усомниться.

— Хозяин не причинит вреда и бабочке. Он очень милый и благородный человек!

— Не сомневаюсь, — неприятно ухмыльнулся инквизитор, — что вы с полным правом можете говорить о его прекрасных качествах.

— Мой хозяин никогда...

— Ваш хозяин! Ваш хозяин!.. Давайте называть вещи своими

именами. Он меньше ваш хозяин, чем вы его любовница!

Несколько секунд Анжелика сидела с гримасой осуждения на лице, а затем бросила на стол свою резервную карту, остававшуюся ее последней надеждой в складывавшейся ситуации, Поведение Бомара само давало ей такую возможность.

— Месье Бомар, — она опустила глаза, — вы, без сомнения, знаете, что лейтенант де Борданье оказал честь заметить меня, несмотря на низкое положение. Не думаю, что он будет доволен, услышав об оскорбительных предположениях, высказанных вами.

Он не сделал ни малейшего движения. Он только сладко улыбнулся, взял что-то со стола и стал вертеть в руках. Анжелика никак не могла отвести глаз от его толстых пальцев.

— Так случилось, — мягко сообщил Бомар, — что месье де Борданье не вернется обратно в Ля Рошель. Его начальство нашло, что он проявил определенную слабость в выполнении основной задачи. От него ждали цифр, а не обещаний. За время его управления число гугенотов только возросло, одними разговорами здесь ничего нельзя добиться... — Внезапно он принял почти приятный вид: — Ситуация сложилась вполне ясная. Месье де Борданье не придет вам на помощь. Теперь вы будете иметь дело со мной, и я уверен, что мы придем к чему-нибудь определенному.

Она почувствовала, что губы дрожат помимо воли.

— Он не вернется... — прошептала она.

— Нет, не вернется... Ну, хорошо. Если его внимание было искренним, а я признаю, что так и было, вы тем не менее принимали одновременно такие же знаки внимания и со стороны купца. С вашей стороны было умно взять под крыло богатого вдовца...

— Я не позволю вам...

— А я не позволю вам смеяться надо мной, грязная дрянь! — заорал Бомар, наливаясь кровью. — Конечно, вы не его любовница! А что вы делали в кабинете купца, когда Грома пришел за дополнительным налогом? Он ведь вас видел! Ваш лиф был расстегнут, волосы растрепаны, чепца не было. И им пришлось долго стучать в дверь, пока еретик не открыл им. И у вас хватает наглости утверждать, что вы ему не любовница?! Вы просто лгунья и интриганка, вот кто вы!

Он остановился, почти задохнувшись, но довольный тем, что ее щеки сразу покраснели. А Анжелика была готова ударить себя за то, что не может контролировать свой румянец. Не может же она отрицать факты! К счастью, в темноте сборщик налогов не заметил, что одежда ее была разорвана снизу доверху. А если он дознается, что одежда ее к тому же

оказалась выпачкана свежей кровью, то все ее возражения сведутся к нулю.

— Ага! Теперь вы выглядите менее гордой, — обрадовался мучитель, заставив ее опустить глаза. — Женщины всегда могут заставить вас поверить, что вы заблуждаетесь. Ну, и что еще вы расскажете мне о себе?

— Человек слаб в своих поступках...

— О да, разумеется! Женщина, хорошо знающая, что любой мужчина остановится, чтобы посмотреть на нее, имеет право на моменты слабости — особенно если она является частью ее работы. И то, что вы выбрали Берна, в конце концов, остается вашим личным делом. Но вы упорно лгали мне, и если бы я не разоблачил вашу ложь, вы до сих пор доказывали бы мне свою добродетель. Однако если вы солгали в одном, то можете солгать и в другом. Теперь я знаю вам цену, красавица. Вы очень упрямы, но я сильнее.

Анжелика чувствовала, что попала в тиски. Маленький человек оказался старой злобной ищейкой. Мимолетный соблазн использовать свое обаяние, чтобы нейтрализовать негодя, вызвал прилив острого отвращения. К тому же такая попытка с самого начала несла в себе риск полного провала. Он получал удовольствие от работы, выполняемой бескомпромиссно, от вида избитого им самим человека, от ощущения власти и сознания, что он может уничтожить кого угодно одним росчерком своего пера.

— Давайте, дорогая, станем хорошими друзьями. Зачем, черт возьми, вы взялись обслуживать еретиков? Конечно, я не отрицаю, что старый Берн и его деньги могут просто упасть к вам в руки, но вы достаточно умны, чтобы понимать, что в наши дни богатство протестанта подобно ветру... Разве только он переменит веру! А вот тогда будет совсем другое дело! Кстати, если бы вы захотели, Берн и его семья давно перешли бы в католичество, и тогда вы оказались бы в выигрыше со всех сторон... Теперь же вы попали в основательную переделку, вы сообщница убийцы и вовлечены в планы гугенотов. Теперь вы теряете все свои преимущества доброй католички... — Он взглянул на листок бумаги. — Священник из ближайшей церкви заявляет, что никогда вас не видел и не слышал вашей исповеди. Что это значит? Может быть, вы уже вступили на ложную тропу?

— Конечно, нет! — с жаром воскликнула Анжелика.

Бомар почувствовал ее уверенность и откинулся назад в кресле. Дела шли совсем не так хорошо, как он надеялся сначала. А Анжелика не могла отмахнуться от воспоминания, как Онорина ворвалась в столовую в доме Берна и со сверкающими от ненависти глазами принялась лупить Бомара

палкой, крича что есть силы: «Я хочу убить грязного человека!..» В ее сердце поднялась волна любви к малюсенькому созданию, выступавшему, подобно ей самой, против любого произвола и насилия. Она должна уйти отсюда, увести детей и Онорину и сделать это в ближайшие несколько часов, оставшихся до момента, выбранного для побега.

— А что вы скажете относительно такого списка? — протянул ей Бомар лист бумаги с длинным перечнем имен, среди которых были фамилии Берна, Марселло, Каррера, Маниголя и многих других.

Она дважды перечитала список. Сперва она была заинтригована, а потом почувствовала замешательство и вопросительно взглянула на своего мучителя.

— Все люди по списку завтра будут арестованы, — улыбнулся он, злобно оскалив зубы. — Они все собираются бежать!

В руке Анжелики была копия списка, составленного Маниголем, списка будущих тайных пассажиров «Санта-Мариин». После фамилии Берна стояло и ее имя: «Анжелика, служанка».

— «Санта-Мария» не выйдет в море, — продолжал Бомар. — Судно с его грузом и командой находится под строжайшей охраной.

Мозг Анжелики лихорадочно искал выхода. Что делать? Она достигла такой стадии нервного напряжения, что мгновенно поняла, что Бомар может каждого из них превратить в оружие против нее самой. Он знал много, он знал все. Но она сорвет намеченный им план! Любая ложь сейчас лучше, чем молчание, начинавшее выглядеть как невольное признание.

— Побег? — медленно проговорила она. — Но зачем?

— Гугеноты пытаются сохранить свои богатства, бежав из нашей страны. Они — враги Франции, а не подданные нашего короля!

— Но я не слышала ни слова о побеге! Почему я включена в список? Я не принадлежу к их вере, мне нет нужды бежать. И у меня нет богатства, которое нужно спасать.

— Но вы должны бояться оставаться в Ля Рошели. Ведь вы сообщник в двойном убийстве!

— Прошу вас, — закричала Анжелика, притворяясь испуганной, — прошу вас, не повторяйте своего ужасного обвинения. Даю вам слово, что вы ошибаетесь. И могу доказать вам свою правоту!

— Значит, вы что-то знаете?

— Да, знаю. И скажу вам всю правду. Но я не хотела...

— Вот и отлично! — Лицо Бомара засветилось триумфом.

— Люди... Мальчики, которых вы послали за мной третьего апреля... я... вы правы... я хорошо их помню.

— Естественно.

— Особенно парня в синем плаще. Я не знаю, как объяснить вам, мне очень стыдно, но дело в том, что мой хозяин — очень суровый человек, и жизнь в его доме приносит мало радости. Я только бедная девушка с ребенком, о котором должна заботиться, и согласилась работать у гугенотов, потому что мне предложили хорошие деньги. Но хозяин очень резок. Моя жизнь состоит только из работы и чтения Библии. И когда ваш молодой человек подошел ко мне на улице, я была, скорее, рада слушать его. Только, пожалуйста, не сердитесь...

— А я и не сержусь. Ваши слова подтверждают, что он удовлетворительно выполняет работу, за которую ему платят. А потом?

— Мы приятно беседовали, пока не дошли до склада мэтра Берна. Я думаю, что дала ему понять, что охотно встретилась бы с ним позднее где-нибудь в укромном месте. Он что-то сказал своему приятелю, и второй, который постарше, ответил что-то вrede: «Вшивый старикашка достаточно наполнил наши карманы, так что теперь мы можем заняться и своими делами...»

— «Вшивый старикашка»? — переспросил Бомар, наливаясь кровью.

— Не знаю, о ком он говорил, но полагаю... имел в виду вас...

— Продолжайте.

— Да, кажется, он еще сказал, что у них порядочно денег, на которые можно поиграть.

О такой детали Анжелика, конечно, не могла знать наверняка, но имела полное право предположить. Когда президент королевской комиссии посылает двух негодяев на улицы Ля Рошели, он должен позаботиться, чтобы в их карманах звенело достаточно денег. Ведь перед ними ставилась задача — увлечь, обольстить или похитить нужную девушку... вызвать скандал на улице. Ее рассуждения оказались правильными, он так и не поднял глаз, и она продолжала несколько увереннее:

— Потом парень в синем сказал: «Последняя нам досталась совсем легко, по крайней мере никто не бил нас по лицу. Иди и жди меня в таверне, закажи кувшин вина за счет старикашки. А когда я вернусь, мы решим, что будем делать дальше».

— Что он имел в виду?

— Понятия не имею. Должна признаться, что у меня на уме было совсем другое. Ведь он был настойчив, и я не возражала. Как я уже говорила вам, жизнь в доме гугенотов ужасно скучна, и прошло довольно много времени с тех пор, как я последний раз имела... как вам сказать?.. ну, удовольствие. На улице не было никого, и по краям росли густые кусты...

Ну, и мы...

Ей было ненавистно рассказывать такую гнусную историю, но Бомар, казалось, поверил в нее. Он выглядел неуверенно, и она продолжала фантазировать.

— Потом вышел хозяин, мэтр Берн, и застал нас. Он человек очень горячий и принялся сразу ужасно ругаться. Он весьма силен, и, несмотря на то, что был один, мой новый друг побоялся с ним драться и просто убежал, что, как я считаю, явилось лучшим поступком в той ситуации...

— Проклятье всем дуракам! Почему они не остались вместе? Если я посылал их вдвоем, значит, у меня была причина!

— А меня хозяин завел к себе в кабинет, оттащил за волосы и крепко отругал. Как я говорила, он казался взбешенным...

— Он просто ревновал.

— Может быть, но он все-таки чуть не избил меня! К счастью, Грома помешал ему и тем спас от наказания...

— И все? — посмотрел на нее Бомар.

— Нет, не все. Я... я снова видела парня в синем плаще.

— Где? Когда?

— В тот же вечер. Мы успели договориться о встрече возле городского вала. Я видела его и на следующий день... — Она все время придерживалась придуманной легенды. Но не рискует ли она сама разрушить всю построенную ею ложь? — А после я больше его не видела. Думаю, он покинул город... Он упоминал о такой возможности... А я была ужасно расстроена.

— Все они такие! Ты учишь их работать, стараешься дать им понять всю важность их работы, посылаешь их на операцию, а они завязывают флирт и ищут удачу где-то в другом месте. Но я все-таки удивлен, что Жюстен Медар решился на подобный шаг. Кому же тогда вообще можно доверять?!

Анжелика не дала ему времени сокрушаться по поводу поведения несчастного Жюстена — негодяй уже сполна уплатил за свое поведение — и потому умоляюще произнесла:

— Теперь, когда я во всем созналась, пожалуйста, не будьте ко мне слишком строги. Даю вам слово, что завтра же я оставлю дом гугенотов. За все последнее время я не имела ничего, кроме неприятностей. Не знаю еще, куда пойду, но я оставляю их, обещаю!

— О, нет! — запротестовал он. — Наоборот, вы должны остаться у них и информировать меня обо всем. Например, узнайте о предполагаемом рейсе «Санта-Мари». Ваше имя тоже в том списке!

— Я ничего не знаю и не имею к нему никакого отношения! Думаю, если мой хозяин намеревается уехать, то он или скажет мне, или я увижу, как он готовит свои вещи к отъезду.

— А вы до сих пор ничего не замечали?

— Ничего... — попыталась она выглядеть наивной.

— И все же информация кажется мне довольно надежной.

— Если люди, передавшие ее вам, получили плату, как Жюстен, — засмеялась Анжелика, — она может оказаться пустышкой.

— Замолчите! — закричал Бомар. — Пока я терпеливо слушал то, что вы тут говорили, вы опять подняли голову, Вы — бесстыдное создание. Вас следует запереть в тюрьму для падших женщин, ибо проституция является очень низким способом заработка. Но вы можете оказать мне большую услугу... — Он успокоился и задумчиво посмотрел на нее.

Потом он встал и обошел вокруг стола. Анжелику интересовало, что он собирается делать и не будет ли требовать поцелуев за возвращение свободы. Но он молча направился к двери.

— Господин Бомар, — она всплеснула руками, — скажите, что я могу уйти, и отдайте мне дочь. Я не сделала ничего плохого!..

— Да, я думаю, что отпущу вас. Мне нужно только кое-что проверить... — И он вышел из комнаты.

Ей бы следовало заметить коварство, но она не смогла противиться надежде, возникшей после его слов: «...думаю, что отпущу вас...» Плечи ее дрожали, и две слезинки скатились по щекам.

Потом дверь открылась, и в комнату вошел офицер полиции Франсуа Дегре.

Глава 14

У двери стоял человек с квадратной челюстью и карими глазами, неотрывно смотревшими на нее. Его массивные плечи скрывал застегнутый темно-коричневый плащ. Галстук, высокие сапоги — все в нем напоминало о Париже с его каретами и синими ночами. Анжелика была так удивлена, что поначалу даже не поняла опасности прихода человека из ее прошлого. Но спустя мгновение она испугалась.

Сейчас станет известно, что она — маркиза дю Плесси, бунтовщица из Пуату, что она должна быть арестована и брошена в тюрьму. Онорина канет в неизвестность, и она потеряет ее так же, как потеряла Флоримона. Она никогда не попадет на Острова...

Ее мозг был парализован, она не могла думать ни о чем, кроме надвигающегося провала. Она сразу узнала его и поняла, что, несмотря ни на что, ей даже как-то приятно снова видеть его. Дегре! Прошое, всегда казавшееся ужасно далеким, вдруг стало совсем близким. А он наклонился к ней так, словно они расстались вчера:

— Как вы поживаете, мадам?

Она вздрогнула при звуке его голоса, напомнившего схватки, когда-то происходившие между ними, страх и ненависть пополам с любовью и уважением, заполнившие его особняк, выстроенный прямо на мосту Нотр-Дам, и минуты страсти, когда он грубо овладевал ею.

Он пересек комнату, сел за стол Бомара и поднял к ней лицо. Она вспомнила, как он выглядел когда-то, и, хотя его черты стали тверже, они и теперь напоминали студента, не имеющего ни единого су в кармане, каким он был до поступления в полицию; с другой стороны, ей оказалась незнакомой его элегантность и уверенность в движениях. Он опустился на стул, как человек, привыкший нести бремя тяжелой ответственности. Его черты стали более резкими. Ирония пряталась глубоко в уголках его глаз, она не исчезала. даже когда он не улыбался. Он, увидев ее, обнажил в усмешке свои крупные белые зубы.

— Ну, моя дорогая Маркиза Ангелов, значит, мы снова встретились, несмотря на поспешность, с которой вы покинули меня во время нашей последней встречи. Как давно все это было! Четыре, нет, пять лет назад! Как летит время!.. Хотя, конечно, многое происходит с людьми и за более короткое время, как, например, с вами. Вы никогда не могли остаться в покое!.. А что в отношении моей собственной персоны? О, все хорошо, я

занимаюсь рутинными каждодневными делами. Вот совсем недавно я арестовал одну из ваших соседок, маркизу де Бренвиль, она жила всего в нескольких кварталах от особняка дю Ботрен. Она отравила всю свою семью и множество других людей. Я охотился за ней многие годы, и именно вы помогли мне совершить арест. Да, вы и та информация, что я получил от вас о наших общих друзьях со Двора Чудес... Вы больше не вспоминаете о них? Нет? Очевидно, слишком многое произошло с вами с той поры. В Париже сейчас происходит много отравлений. В Версале тоже травят, хотя и с большими трюками. Но я вижу, слухи об отравителях не представляют для вас интереса. Тогда давайте поговорим о чей-нибудь еще.

Три года назад мне поручили найти и схватить вас. Мне всегда поручали наиболее грязную работу. Представить только, ловить мятежницу Пуату! Все далеко не просто, да мне и не хотелось бродить по горячей провинции. Бедная земля!.. Кровь и смерть, толпы людей, чьи рты сразу закрываются, как только упоминается ваше имя. Потом повезло. К удаче оказался причастен ваш старый попугай Бомар. Он явился в Париж докладывать о религиозных делах и попытался кое-что выяснить о женщине... Я заинтересовался, у меня появилось ощущение, что говорится именно о вас, хотя я и не был уверен. Мои подозрения укрепились после беседы с месье де Борданье, очаровательным правителем Ля Рошели. Я приехал посмотреть на вас, моя дорогая. Я нашел вас, и, значит, работа завершена.

Знаете, вы выглядите даже моложе, чем прежде. Вы меня просто поразили! Может, ощущение вызвано одеждой, напоминающей мне о веселой служанке из «Красной Маски»? Позднее я расстроился, увидев лицо фаворитки короля. Поверьте мне, я увидел, как в нем проступают черты моих отравителей, полных амбиций, страха, жадности и желания мести... А теперь все ушло! Что же вернуло вам чистоту ваших щек и блеск вашим глазам, взывающим о помощи?

Войдя в комнату, я сказал себе: «Милостивый Боже! Как она молода и прекрасна!» И я должен признать, что мое удивление было очень приятным после того, как я не видел вас целых пять лет. Но на ваших щеках следы слез. Бомар, старая крыса, заставил вас плакать. Зачем? Что вы сделали такого, что снова оказались в руках полиции? Когда вы научитесь быть осторожной? И когда вы ответите мне? Ваши глаза наговаривают целые тома, но я хочу услышать звук вашего голоса... — И он наклонился, пристально взглянул ей в глаза. — Ну, смелее, любовь моя!

Она молчала, неспособная говорить. Потом у нее вырвалось:

— Дегре, Дегре, друг мой, пожалуйста, помогите мне!

Он ничего не ответил. Он просто сидел и смотрел на нее. Ему было необходимо снова привыкнуть к знакомым чертам ее лица, так часто виденного в своих снах. Он был заранее готов ко всему. Он бы не удивился, найдя ее разбитой, старой и полной ненависти, но никак не ожидал увидеть такое горе в ее зеленых глазах, ставших, казалось, еще ярче, чем прежде.

«Вы были прекрасны, когда я знал вас, — подумал он, — Но сейчас вы еще прекраснее. Как совершилось такое чудо?..»

— Мадам, чем я могу помочь вам?

Очнувшись от транса, Анжелика бросила на него свирепый взгляд:

— Помочь мне? Вы хотите помочь мне, Дегре?

— А что я еще делал с тех пор, как узнал вас? Ведь, даже пытаюсь арестовать вас в Марселе, я хотел помочь вам! Чего бы я только не дал, чтобы избавить вас от той изнуряющей жизни, за которую вам пришлось так дорого заплатить!

— Но вам приказали арестовать меня, не правда ли?

— И даже не один раз, а дважды. Но я не собираюсь арестовывать вас. Потому что тогда для вас настанет конец. Я буду обязан заковать вас в цепи, вы никогда больше не станете свободной и не увидите дневного света. Я даже не знаю, будет ли сохранена вам сама жизнь...

— Вы рискуете своей карьерой, Дегре!

— Не слишком хорошо с вашей стороны напоминать мне о карьере, когда я предлагаю вам свою помощь. Я не могу смириться с мыслью, что вы останетесь в тюрьме до конца дней своих, вы рождены, чтобы жить под открытым небом. Между прочим, правда ли, что вы чуть было не отплыли на Острова с тридцатью протестантами?

Он провел пальцем по списку пассажиров «Санта-Марии». Имена Маниголя, Берна и Марселло расплывались перед ее глазами, и в самую последнюю секунду она заколебалась: полиция имеет сотни способов узнать правду. Ей стоит только сказать одну фразу, и она предаст друзей, которых она хотела бы защитить любой ценой. Ее губы дрожали, но она все же решилась.

— Да, собиралась.

Дегре со странным взглядом откинулся на спинку стула.

— Слава Богу, вы мне доверяете, — сказал он. — Иначе я мог бы даже арестовать вас. Странно, но такая уж наша работа. Получив приказ, мы становимся жестче и в то же время сентиментальнее. Можно отдать службе все, за исключением одной или двух вещей, стоящих для тебя дороже

любого золота. Ваша дружба — как раз одна из таких вещей.

— И вы отпустите меня?

— Да... Но не кажется ли вам, что, если я просто отпущу вас, вы недолго пробудете в безопасности? Почему вы не уехали раньше? Тогда бы я никогда больше не видел вас. А теперь я не знаю, что делать. Бомар собирается арестовать всех ваших друзей. Корабль находится под постоянным наблюдением, не стоит и пытаться попасть на него. Еретики слишком заметны, чтобы являться удобным прикрытием, не говоря уже о том, что они не очень привлекательны. А многие даже не знают, как заниматься любовью... Фи, сударыня, вы меня просто разочаровали!

— Вы говорите, Дегре, они будут арестованы?.. Когда?

— Завтра утром.

— Завтра утром, — повторила она, сразу побледнев.

Никто не имеет ни малейшего представления о том, что должно случиться. Завтра утром люди, одетые в черное, войдут во двор, где дети танцуют вокруг пальмы. Они схватят детей за руки и уведут их. Они закуют в кандалы мэтра Берна, они потащат старую Ребекку и тетю Анну с Библией и книгами по математике... Изо всех домов, расположенных вдоль вала, выйдут люди, и мимо них поведут мужчин в цепях. А маленькие дети с криками побегут впереди солдат, увозящих арестованных.

— Дегре, вы сказали, что поможете мне...

— А вы, я полагаю, хотите помочь всему народу? Нет, моя милая. Не нужно больше нелепостей. Я дам вам немного времени, чтобы собрать свое добро, а потом извлеку вас из грязи, в которую вы так глупо влипли. Вы, кажется, уже легкомысленно забыли, что вас ждет тюремная камера? Вся католическая церковь не спасет вас, когда кто-то, кроме меня, примется допрашивать «служанку Анжелику».

— Послушайте, Дегре! Дайте мне двадцать четыре часа! Воспользуйтесь своей властью, заставьте их подождать с арестами.

— Проклятье! — сердито вскричал Дегре. — Вы снова начинаете творить глупости. И так достаточно трудно спасти вас при награде в пять тысяч ливров за вашу голову. А вам все мало!

— Дайте двадцать четыре часа, и я уеду вместе со всеми.

— Вы хотите сказать, что до завтрашнего вечера увезете из города тридцать человек, которых хочет арестовать полиция, и окажетесь настолько далеко, что не будете пойманы?

— Да, я так сделаю.

Некоторое время Дегре молча смотрел на нее.

— Какие сверкающие звезды я вижу в ваших глазах! — с внезапной

горечью проговорил он. — Ах, я давно все знаю! Вы никогда не изменитесь, Маркиза Ангелов... Хорошо! Вы получите свои сутки, потому что улыбаетесь.

Она сразу же вскочила, но он остановил ее жестом:

— Теперь прежде всего осторожность. Двадцать четыре часа, не больше. При всем своем желании, я не смог бы задержать их на больший срок. Меня здесь уважают как правую руку месье де Рени, главы всей государственной полиции. Я приехал сюда для выполнения порученного мне важного задания, и не мое дело вмешиваться в провинциальные проблемы. Бомару, конечно, не понравится мое вмешательство в его решение, касающееся ареста протестантов. Но я найду повод для того, чтобы отложить акцию до следующей ночи. Более долгий срок исключается. Бомар торопится, он знает, что датский флот должен войти в Ля Рошель и беспорядок, который он наверняка создаст, может помочь скрыться некоторым людям. И он считает, что все нежелательные лица должны оказаться под надежным замком еще до прибытия датского флота.

— Понимаю.

— Идите сюда, — сказал он, беря ее за локоть и направляясь к другой двери. — Пусть лучше никто не видит, как вы уходите. Так я избавлюсь от лишних вопросов.

Анжелика вдруг резко остановилась:

— А дети? Я не могу уйти без них!

— Я еще раньше отослал их домой. Маленькое красноволосое существо, кажется, ваша дочь, чуть не оглушало нас своим криком. Тогда я сказал старшему мальчику: «Возвращайтесь к своему отцу, ни с кем не разговаривайте и ждите, когда вернется мадам Анжелика!» В те минуты вас еще допрашивал Бомар, но я знал, что потом придет и моя очередь.

— О, Дегре! — прошептала она. — Как же вы добры!

Он провел ее по темному коридору и открыл дверь на улицу. Было уже темно, дождь кончился, но дул сильный ветер.

Дегре остановился, обнял Анжелику и прижал ее к себе.

— Я люблю вас, — сказал он, — и любил всегда. Теперь моя любовь не имеет для вас значения, и я могу говорить о ней.

Находясь в его сильных руках, она чувствовала в себе только торопливость птицы, долго томившейся в неволе и наконец получившей возможность освободиться. И Дегре понял, что ее уже нет с ним, что он обнимает тело без души и что ее душа уже в пути, в будущем, в котором ему не было места.

«Она создана для истинной свободы!» — подумал он, склонился к ее

губам, но почти не коснулся их.

— Прощайте, Маркиза Ангелов! — пробормотал он. Очень медленно и осторожно он опустил руки.

Ощувив свободу, она бросилась бежать, сделала несколько шагов и остановилась:

— Прощайте, Дегре, настоящий друг мой! Благодарю вас за все!

Анжелика долго бежала по темному городу и уже совсем задохнулась, когда достигла дома. Они все были там: дети, мэтр Габриэль, старая Ребекка, тетя Анна, Абигель и оба пастора. Они бросились к ней, окружили, засыпали вопросами и потребовали:

— Расскажите нам обо всем! Почему они арестовали вас? И вообще, что с вами случилось?

— Ничего серьезного, — попыталась она улыбнуться.

Сейчас, когда она застала их всех вместе, она почему-то уверилась в успехе своего плана и в реальности спасения. Они повели ее на кухню, и Ребекка подала ей немного вина.

— Выпейте, милая, и успокойтесь. Вам пришлось переволноваться.

— Все неприятности возникли из-за корабля, — предположил мэтр Габриэль. — Им стало что-то известно, и они арестовали вас.

— Ничего особенного, — повторила Анжелика.

— Вы говорите «ничего», а сами белы как полотно. Скажите, что-то не так? Мы должны предупредить Маниголя? — И он положил ей руку на плечо. — Ведь я сам чуть не помчался в здание суда!

— Ваш поступок стал бы большой ошибкой, мэтр Габриэль. Я пришла к заключению, что господа из полиции что-то подозревают, но пока у них нет настоящих доказательств. А когда доказательства появятся, мы окажемся уже далеко отсюда. Я надеюсь, что Мартьяль и Северина ничего им не сказали?

— Никто и ни о чем нас не спрашивал, — заговорил Мартьяль. — Когда вас увели, к нам подошел высокий мужчина и приказал: «Бегите домой, мадам Анжелика придет позднее». Остальные полицейские были недовольны, но он сам вывел нас на улицу.

— Я думаю, он из самого Парижа, — заметила Северина. — Все окружающие относились к нему с большим уважением.

— Верно, — согласилась Анжелика. — Тот человек мой друг, и он пообещал, что нас не будут беспокоить ночью.

— Значит, у вас есть друзья среди парижской полиции? — резко спросил Берн. — Я ничего не знал о них...

— Да, так случилось, что я их имею. И, как видите, знакомство оказалось достаточно полезным. Я обещаю рассказать вам все завтра, а сегодня я очень устала и: считаю, мы должны прежде всего уложить детей в постели. Абигель мне поможет.

Все разошлись по комнатам. Они уложили детей, устроились на кухне и ждали, пока большой дом не погрузится в полную темноту.

— Я не хотела объяснять свой план мэтру Габриэлю, — начала Анжелика, — потому что он может меня остановить — единственного человека, способного теперь еще что-то сделать. Слушай, девочка...

Она рассказала всю историю. Их предали, помощники Маниголя или еще кто-то из отъезжающих — теперь все равно. Важно, что Бомар знает все, он знает их имена. Полицейские следят за «Санта-Марией». А завтра вечером полиция арестует всех по списку.

Абигель слушала не перебивая. Она выглядела как мадонна с благородным лицом и очень светлой кожей. Она оставалась совсем спокойной, и Анжелика подумала, что ей легче, так как она не представляет себе, что значит оказаться в тюрьме или быть преследуемой, когда нет возможности надеяться на чью-то помощь.

— У нас остался один шанс, — сказала она, — и я попытаюсь его использовать. Сейчас уйду...

— Ночью? — Абигель вздрогнула. — В такой шторм? Послушайте...

Ветер хлопал ставнями, безудержно лил дождь, и шум его сливался с глухим рокотом моря.

— Да. Каждая минута на счету. До завтра мы должны оказаться на борту корабля, иначе мы проиграли заранее.

— На борту? Но вы сами сказали, что порт охраняется. И, кроме того, в такую погоду из гавани не выйдет ни одно судно.

— Нам все равно нужен корабль. Я должна рискнуть и использовать наш самый последний шанс. Будь готова, Абигель! Пока меня не будет, приготовь вещи. Возьми смену одежды, белье и немножко еды. Сделай узелки для каждого человека.

— Когда вы вернетесь?

— Не знаю. Возможно, на рассвете, но будьте готовы. Я могу вернуться с известием, что корабль ждет нас и мы должны торопиться... — Она остановилась у дверей: — Если я не вернусь, Абигель, что бы ни случилось... Присмотри за Онориной. Но я глуплю, я обязательно вернусь!

Абигель подошла к ней и нежно обняла за плечи:

— Что вы собираетесь сделать, мадам Анжелика?

— Что-нибудь очень простое. Я иду искать корабль капитана,

которого я знаю, и попрошу его увезти всех нас...

Анжелика увидела странный блеск в глазах прижавшейся к ней девушки. Мысль о том, что в тяжелую минуту она нашла себе настоящую, верную подругу, вызвала из подсознания забытое детское воспоминание: однажды в Монтелю разразился страшный ураган, и она, тогда еще совсем маленькая девочка, вообразила, что Дева Мария держит ее на своих руках, — и ее страх сразу исчез. Вот и теперь она почувствовала явную поддержку молодой девушки и ощутила прилив новых сил.

— Зачем вы пытаетесь взять с собой всех нас? — мягко спросила Абигель. — Вы лишь усложняете свою задачу. Мне кажется, что одной вам было бы гораздо легче уехать отсюда.

— Я не имею права, — возразила Анжелика, качая головой. — Моя благородная Абигель, вы можете не понять причину, но я знаю, что, если я не помогу вам и вашим протестантам убежать, я не сумею никогда отомолить пролитую кровь и ошибки, совершенные мной в своей жизни... — И закончила почти весело: — Да, сегодня или никогда! Я должна... я обязана добиться успеха!

Абигель проводила ее до ворот. Внезапный порыв ветра потушил свечу. В темноте они обнялись еще раз, и ворота закрылись.

Пока она сражается за них, Абигель будет светить ей, как лампада, и она не будет одинока.

Не было слышно ничего, кроме яростного рокота моря. К тому времени, как она достигла башни маяка, дождь промочил ее насквозь. Она постояла неподвижно, чтобы восстановить дыхание, а потом встала на цыпочки и заглянула в окошко. Там она увидела Ансельма Камюзо, дежурного солдата, сидящего перед огнем.

Выхода не было, Анжелика могла только надеяться на доброту своего поклонника и постучала в окошко. Солдат поднялся, и она увидела удивление в его глазах, когда он понял, кого послали к нему боги шторма. Он потер руками свои щеки, подошел к двери и отпер ее. Она проскользнула в дежурку и со вздохом облегчения сбросила с плеч свой насквозь промокший плащ.

— Вы, мадам Анжелика... Какими судьбами?

— Мэтр Камюзо, я должна попросить вас об очень большой услуге. Я хочу, чтобы вы открыли мне калитку. Я хочу потихоньку выйти из города, совсем ненадолго.

— Вы ожидаете, что я?.. Так ведь это запрещено, мадам!

— Потому я и пришла к вам. Калитка — единственный путь, которым я могу выйти, и я знаю, у вас есть от нее ключи.

Бедный Камюзо нарочито поднял брови:

— Если вы направляетесь к любовнику, то не рассчитывайте. Я должен следить за моралью людей, нэк и за всем остальным.

— А не кажется ли вам, — пожалала плечами Анжелика, — что сегодня совсем не подходящая погода для свидания с любовниками?

Солдат прислушался к шуму дождя и завыванию ветра.

— Полагаю, что нет... Даже здесь лучше, чем на улице. Но тогда зачем вы хотите покинуть город?

— Мне нужно передать записку в Сен-Морис, пастору. Если его найдут, то просто убьют...

— Понимаю, — хмыкнул Камюзо. — Но знаете, мадам Анжелика, если вы начнете совать нос в такие дела, то наверняка кончите в тюрьме. А я рискую просто быть повешенным...

Она положила руку ему на плечо и умоляюще глянула на него. Ансельм Камюзо был покорен. В прошлом, когда она проходила мимо, он не мог и надеяться, что она когда-нибудь таким образом посмотрит ему в глаза.

— Я буду вам благодарна, господин Камюзо, — продолжала Анжелика, — очень благодарна!..

Даже в самых смелых мечтах он не мог предположить, что она позволит ему поцеловать себя. А вот оказалось, что даже самые изумительные губы на свете, может быть, проявят к нему доброту. Его приятели часто говорили, как холодна с ними служанка Габриэля Берна. В один из дней они узнают, что он, Ансельм, оказался наиболее удачливым из всех... Ах! Он даже готов поставить свечку в церкви.

— Хорошо. Я никому не причиняю вреда, и если могу оказать маленькую услугу такой женщине, как вы, то почему бы нет? — Он снял с крюка связку ключей. — А когда вернетесь, вы задержитесь здесь на секундочку, правда?

— Да, я побуду здесь. — Она была готова согласиться на все.

И она широко улыбнулась человеку, не требовавшему аванса за предполагаемую услугу, как делали многие. Ансельм Камюзо посчитал, что ему нужно время, во-первых, чтобы побриться, а во-вторых, чтобы спуститься в подвал башни и достать спрятанное им самим сокровище — бутылку хорошего вина и кусок окорока. Сегодня у него будет воистину великий день!

Дрожа от нетерпенья, Анжелика шла за ним к маленькой калитке, сделанной в городском валу на случай осады. Тяжелая дубовая дверь открылась в узкий проход, ведущий к дюнам. Потом она почувствовала

под ногами сырой песок. Она была за городом.

Анжелика нашла тропинку среди скал и пошла по ней. Не было ни единого проблеска света, холодные потоки дождя заливали землю. Слева вода с шумом скатывалась с обрыва. Один неверный шаг мог стать последним — она наверняка разбилась бы насмерть, упав с высоты.

Временами страх нарастал до такой степени, что она подолгу не отваживалась сделать следующий шаг. Тогда она опускалась на четвереньки и ползла вперед, ощупывая руками грязную тропинку. Наконец она решила спуститься вниз и пойти прямо по песчаному берегу. Теперь по отдельным деталям, виденным во время путешествия с Онориной, она уже знала, где находится.

Отыскав удобное место, она спустилась на пляж, но здесь первая же волна окатила до колен и сбила с ног. Следующая волна могла захлестнуть и смыть в море, но она бросилась обратно к скалам. Случайно наткнувшись на какой-то проход, Анжелика поползла наверх, говоря себе, что движение через ночные дебри похоже на то, что человек чувствует после смерти, — медленный поиск пути через неизвестность.

Осман Фераджи, умный черный волшебник, сказал бы так: «Вы не всегда готовы к смерти. Некоторые находят себя в опасности, сами не зная, почему, ведомое лишь светом, накопленным в предыдущей жизни. Если они ничего не собрали в земной жизни, они потеряется и в мире духов...»

Осман Фераджи! Он стоял перед ней и говорил:

— Почему вы убегаете от этого человека? Ваши судьбы должны время от времени пересекаться. Так говорят звезды...

— Если наши судьбы пересекутся снова, — Анжелика подняла глаза к небу, — значит, мне не просто повезло, значит, так надо!

Не могло же быть простой случайностью, что Рескатор сказался возле берегов Ля Рошели. Значит, Анжелика скована с ним неразрывной цепью. Она должна добраться до него, несмотря на ветер, море и ночь. Хриплый голос нашептывал ей на ухо: «Ты будешь спать в моем доме... В моем доме растут розы...» Снова вернулась магия Крита и власть того момента, когда она стояла возле человека в черной маске, только что просто купившего ее.

Дождь прекратился, но ветер дул еще сильнее. Он толкал ее вперед, и она делала шаг за шагом, чувствуя, как плотный воздух, словно сильный человек, бережно поддерживает ее.

Небо просветлело, и на востоке стал виден проблеск маяка. Посмотрев в другую сторону, Анжелика увидела огонек, установленный на вершине горы острова Ре. Теперь она знала направление и могла двигаться быстрее. Но возле залива, где на якоре днем стоял корабль, она вдруг замедлила

шаги.

«А вдруг он уже уплыл?» — мелькнула мысль.

Потом она снова обрела уверенность. Когда она видела пиратов, они поспешно смолили свой корабль. Значит, они нуждались в ремонте и вряд ли отправились бы в плавание в такой шторм. И в тот же миг она увидела над морем яркий огонь, похожий на низкую звезду, и догадалась, что это может быть фонарь на мачте «Голдсборо»: несмотря на явное желание остаться незамеченными, пираты зажгли огонь, чтобы предупредить столкновение с другим судном.

Анжелика долго стояла на скале, наблюдая за кораблем. Совсем недавно, покидая Ля Рошель, она думала, что и она сама, и все остальные легко доберутся до корабля, если уж он является единственной возможностью для их спасения. Но сейчас ей стало очевидно безумие собственных действий. Она не только беспечно отдавала себя на милость людей, находящихся вне закона, не только добровольно возвращалась к опасному пирату, которого она когда-то обманула, но еще и собирается просить его о помощи в трудном и неблагодарном деле! Как много глупых поступков могут привести к неволе! Хотя, с другой стороны, впереди ее тоже ожидала неволя, и она уже зашла слишком далеко, и обратной дороги нет.

Ниже она увидела еще один огонь. Вероятно, моряки разожгли костер в какой-нибудь пещере и, значит, кто-то стоит на страже. Та же рука, что поддерживала ее в пути, — возможно, рука Османа Фераджи — теперь торопила ее: «Иди вперед! Там твое спасение!..»

Надежда и страх наполнили ее сердце. Но она больше не колебалась, а нашла дорогу, по которой крестьяне гнали свиней, и, утопая в песке, стала спускаться. Идти было очень трудно.

Вдруг ее остановили и заломили руки назад. Кто-то поднес горящий фонарь к ее лицу. Пираты вокруг нее говорили между собой на незнакомом языке. Анжелика видела их коричневые лица, белые зубы и золотые серьги, которые носили некоторые. И тогда она закричала, торопясь произнести имя, словно в нем, как в заклинании, заключалась надежда на спасение:

— Рескатор! Я хочу видеть Рескатора, вашего капитана!

Глава 15

Она ждала, прислонившись к деревянным перилам. Часовые на берегу посадили ее в лодку, мотающуюся в море как щепка, и она не знала, где нашла силы подняться на палубу по веревочному трапу, спущенному с борта.

Она достигла желаемого. Ее привели в отсек, должно быть, столовую для команды, и теперь два человека охраняли ее. Еще один человек вошел в маске, и она сразу же узнала его:

— Вы ведь капитан Янсон!

Она сразу вспомнила его стоящим на палубе королевской галеры. Помощник Рескатора диктовал свои условия герцогу де Вивонну, адмиралу флота Людовика Четырнадцатого. Сегодня, возможно, он менее важен, но сохраняет уверенность человека, действующего под покровительством господина, всегда доводящего до конца любое дело.

— Где вы видели меня прежде? — спросил он после секундного замешательства, обескураженно щурясь.

— Я видела вас в Кандии... — Он выглядел удивленным, и было совершенно ясно, что он не узнал ее. — Передайте вашему капитану Рескатору, что я — женщина, купленная им четыре года назад за тридцать пять тысяч пиастров.

Янсон остолбенел. Он снова посмотрел на нее и выругался по-английски. Потом он приказал двум матросам внимательно смотреть за женщиной, а сам, выказав слишком высокую степень возбуждения, явно необычную для человека его профессии, выскочил в люк и побежал по верхней палубе.

Матросы-охранники решили для надежности придержать Анжелику за руки, хотя она знала заранее, что с судна, даже при необходимости, сбежать просто невозможно. Сейчас она была не слишком уверена в эффекте своего заявления, хотя, судя по тому, что она видела, ее еще не забыли. Все выяснится, когда она встретится лицом к лицу с хозяином.

Воспоминания встали перед ее глазами. Она увидела Кандию, всю освещенную разноцветными огнями, пиратский бриг д'Эскренвилля, выходящий из гавани, Рескатора, бегущего сквозь тучу дыма, и старого Савари, пляшущего на греческом судне и твердившего:

— Греческий огонь!.. Греческий огонь!.. Я снова нашел его!..

Она сбросила с себя мокрый плащ, тяжким грузом давивший ей на

плечи. На Крите в ночь огня их пути пересеклись и снова разошлись! Теперь они должны встретиться снова, но совсем в другой точке земного шара.

На палубе раздались тяжелые шаги. Анжелика выпрямилась, чтобы встретить визитера, но им оказался Янсон. Он молча кивнул, и матросы так же молча отпустили руки Анжелики. Ее проводили в небольшую, изящно обставленную кают-компанию, освещенную красными лампами, напоминавшими огни в ретортах дьявольской лаборатории. Почему такая мысль пришла в голову Анжелике? Возможно, она вспомнила, что человек, командующий кораблем, был известен как Дьявол Средиземного моря...

Когда дверь за ней закрылась и она почувствовала приятное тепло комнаты, ей показалось, что она стоит перед клумбой цветов. А прочное тепло, сменившее ледяной дождь и сильный ветер, сразу разморило ее. Теперь она напрягала все свои силы, чтобы не потерять сознание. Но уже в следующую минуту она почувствовала себя лучше, и глаза ее засияли нестерпимым блеском: перед ней появился мужчина, заполнивший, казалось, всю кают-компанию.

Человек, которого она видела со скалы, был Рескатор. Она забыла, насколько он высок, и теперь удивилась, видя, что его голова почти касается низкого потолка, что он хорошо сложен. В воспоминаниях он не казался ей таким несокрушимым — возможно, потому, что она припоминала, как он по-кошачьи мягко двигался среди восточного народа на Крите. Теперь он выглядел словно отлитый из чугуна: весь из углов, с квадратными плечами, затянутый кожаным ремнем, на котором висели две кобуры с пистолетами. Широко расставив ноги, чтобы противостоять качке судна, он смотрел на нее из-под маски холодным взглядом судьи. Как отличался он от прежнего принца Средиземноморья!

Безусловно, перед ней был Рескатор, какой-то магией перемещенный в Атлантику. Много долгих лет Анжелика мечтала о нем, о таинственном человеке, герое «Тысячи и одной ночи». В углах каюты горели венецианские лампы, красная и золотая, и их неяркий свет не давал возможности рассмотреть его получше.

Корабль сильно качнуло, Анжелика отлетела к двери, и черная статуя ожила. Его плечи спазматически затряслись, голова откинулась назад: Рескатор смеялся в своей обычной манере, всегда заканчивающейся надрывным кашлем.

— Действительно, француженка с Крита! — воскликнул он.

Она была гораздо больше расстроена его смехом, чем если бы он даже

закричал или отругал ее.

— Почему вы смеетесь? — спросила она.

— Я удивляюсь сверхъестественному стечению обстоятельств, превратившему вас, самую красивую пленницу Средиземного моря, стоившую целое состояние, в женщину, стоящую передо мной сейчас, за которую я не дал бы и ста пиастров.

Трудно было бы сильнее оскорбить Анжелику! Конечно, она представляла себе, как выглядит — промокшая до нитки, в разорванной одежде служанки, с перепачканным лицом и волосами, торчащими во все стороны. Она должна была выглядеть как настоящая ведьма. Но вместо того, чтобы обидеть, его слова подстегнули ее.

— О, конечно! — саркастически согласилась она. — И вы теперь не станете переживать из-за трюка, что я сыграла с вами на Крите.

Она больше не боялась его. Он должен был спасти их всех. Он и его корабль являлись их последним шансом. Она должна как-то тронуть его, найти какие-то чувствительные струны и сыграть на них. Но он выглядел совершенно неприступным... Ей хотелось, чтобы он снова заговорил. Звук его голоса помог бы ей противостоять действию его замораживающего взгляда.

— Вы язвительны и грубы, напоминая мне о своей выходке, — наконец произнес он. — Как вы узнали, где найти меня?

— Я видела ваш силуэт днем, когда шла вдоль берега. Вы стояли на самом краю скалы и смотрели на город.

Он вздрогнул, словно его ударили:

— Судьба шутит с нами! Значит, вы проходили мимо, и я не увидел вас. Что за особенную силу вы имеете, чтобы появляться и исчезать, проскальзывая у меня между пальцами?!

Он принялся нервно ходить взад и вперед по тесной каюте.

— Я буду вынужден сказать пару ласковых слов своим людям, несущим охрану, — продолжал он. — Кстати, вы говорили кому-нибудь о том, что видели здесь наше судно?

Она только отрицательно покачала головой.

— Очень любезно с вашей стороны... Значит, вы увидели меня, снова убежали, а теперь, почти в полночь, вы опять здесь и хотите видеть меня. Зачем вы пришли, мадам?

— Я пришла просить вас взять на борт людей, обязанных покинуть Ля Рошель не позднее завтрашнего вечера. Я хочу, чтобы вы отвезли их на Американские острова.

— Пассажиры?

Рескатор остановился. Несмотря на усилившуюся качку, он двигался с необычайной грацией. Анжелика вспомнила его на палубе шебеки, во время спасения королевский галеры «Дофин». Здесь, в салоне, помимо своей воли, она вспоминала далекое прошлое, вела какой-то тайный поиск, объектом которого являлся находящимся перед ней таинственный человек в черной одежде. Когда он в Кандии первый раз подошел к ней на рынке рабов, то сразу же привлек к себе внимание. Эллис, молоденькая греческая рабыня, тихонько прошептала на ухо Анжелике:

«Он околдует любую женщину... Никто не может противиться...»

А теперь ее голос, не зависящий от воспоминаний, ответил:

— Да, пассажиры. Они хорошо заплатят вам.

— У вас очень странные пассажиры, если они ищут пристанища на пиратском корабле. Должно быть, они бегут из Ля Рошели?

— «Бегут» — верное слово, мой господин. Они принадлежат к реформаторской церкви, а король Франции не хочет больше терпеть еретиков-гугенотов в своем государстве. И каждый, кто не хочет менять веру, сталкивается с альтернативой: или попасть в тюрьму, или бежать из Франции. Но побережье строго охраняется, трудно попасть в порт и просто невозможно его покинуть.

— Вероятно, пассажиры будут со своими семьями? То есть женщины и дети?

— Да... и дети. — Она увидела их пляшущими вокруг пальмы.

Теперь она была почти уверена, что над ее просьбой просто посмеются. Ни один капитан добровольно не возьмет пассажиров, а тем более женщин и детей, с их бесконечными проблемами. Дети шумят и умирают, а из-за женщин дерутся насмерть матросы. Анжелика достаточно долго прожила в порчу, чтобы понимать всю сложность своей просьбы. Как сообщить о пиратах адвокату Каррере и его одиннадцати детям? Ее уверенность стала улетучиваться.

— А предложение становится привлекательным! — заявил Рескатор ироничным тоном. — И сколькими псалмопевцами вы намерены загрузить мои палубы?

— Около двадцати. — Она занизила количество претендентов по меньшей мере на десять человек.

— Вы шутите, красавица? Но в то же время кое-что заинтересовало меня. Только как получилась, что маркиза дю Плесси — ведь именно такое имя было у вас на невольничьем рынке! — заинтересовалась еретиками? Может, у вас среди них сказалась родственник или любовники? Маловероятно... Или вы выбрали себе нового мужа среди еретиков, так как

я помню, что у вас была репутация женщины, меняющей их с завидной быстротой.

Ей показалось, что грязная ирония вопроса прикрывала глубоко затаенное любопытство.

— Ничего подобного! — гневно возразила она.

— Ну, а что же тогда?

Как можно объяснить, что она просто хочет спасти друзей-протестантов? В глазах пирата такая причина выглядела бы просто нелепо. А кроме того, она слышала, он может оказаться испанцем и, следовательно, приверженцем католичества.

Было удивительным и то, что он знал так много о ее жизни. Как много точных сведений достигает Средиземного моря!

— Значит, вы вышли замуж за еретика? Как низко вы пали...

Анжелика качнула головой. Ее не трогали саркастические замечания. Она только переживала, что ее план так плохо принимается. Какие аргументы ей нужно привести, чтобы убедить его?

— Среди них есть судовладельцы, имеющие капиталы на Американских островах. Они расплатятся с вами, если вы спасете им жизнь.

Пренебрежительным жестом он отверг ее предложение.

— Они не могут предложить мне ничего, что оправдает их присутствие на судне. У меня нет кают для размещения дополнительных двадцати человек. Я даже не уверен, что смогу пересечь проливы без того, что меня на каждом шагу станут проверять и досматривать военные корабли королевского флота. И, уж во всяком случае. Американские острова — совсем не мой курс!

— Если вы их сегодня не примете к себе на борт, завтра их бросят в тюрьму, а детей раздадут по монастырям.

— Ну и хорошо! Так случается со многими людьми в нашем замечательном королевстве.

— Вы не должны так легко говорить о людских судьбах! — всплеснула она руками. — Если бы вы только знали, что значит сидеть в тюрьме!

— А почему вы считаете, что я ничего не знаю?

Тут до нее дошло, что он-то как раз и должен знать тюрьму, живя вне закона. Что же он совершил в своей жизни, если попал в такое положение?

— В наши дни многие попадают в тюрьму, многие расстаются с жизнью. Не все ли равно, будет ли их больше или немного меньше? Ведь свободным по-настоящему можно быть только в море или на некоторых

девственных землях Америки... Но вы не ответили на мой вопрос. Почему маркиза связалась с еретиками?

— Потому что я не хочу, чтобы они все попали в тюрьму.

— Подобное желание странно для женщины вашего склада.

— Думайте, что хотите! — произнесла она с раздражением. — А я не могу назвать вам никакой другой причины. Я просто хочу, чтобы вы спасли их от беды!

События прошедшего дня еще больше озлобили и настроили ее против мужчин. После Бомара был Дегре, теперь Рескатор! Люди, полные сил, они были нечувствительны к женским слезам и плачу детей. Бомар даже находил удовольствие в чужих страданиях, а Дегре согласился не преследовать ее только потому, что любил... А Рескатор больше не находил ее привлекательной и не собирался ничего делать для нее! Во всяком случае, он отвернулся, сел на низкий диван и вытянул перед собой ноги в высоких сапогах.

— Мне известно, что всем женщинам в какой-то степени свойственно безумие, но вы определенно далеко перешагнули все пределы. Давайте заглянем в прошлое. После нашей последней встречи вы оставили меня, с долгом в тридцать пять тысяч пиастров. Четырьмя годами позже вам кажется совершенно естественным явиться ко мне и просить взять на борт двадцать ваших друзей. Признайтесь, что в существующей ситуации ваша выходка по меньшей мере нелепа...

Он перевернул песочные часы, стоявшие на столе. Песок побежал через отверстие, отмеряя время. Анжелика уставилась на них. Время шло, скоро кончится ночь.

— Ну, достаточно, — произнес Рескатор. — Ваш транспортный бизнес меня не интересует. Но раз вы попали в руки своего хозяина, поклявшегося, что заставит вас дорого заплатить за доставленные ему неприятности, я оставлю вас на борту. В Америке женщины ценятся меньше, чем на Средиземном море, но я все-таки продам вас и смогу выручить хоть часть того, что уплатил когда-то...

Хотя в каюте было тепло, Анжелика почувствовала, как ледяной холод заполз в ее сердце. Теперь она заметила, что дрожит.

— Я не удивлена вашим цинизмом, — начала она, и ее голос стал хриплым. — Я знаю... — Она закашлялась.

Оборвавшаяся речь поставила последнюю точку в картине о падшей женщине. Положение ее было ужасно, а теперь, в довершение ко всему, она, оказалось, еще и заболела.

В своем жалком виде она определенно не ожидала того, что сделал

Рескатор. Он подошел к ней и положил руку на плечо, чтобы она подняла голову.

— Вот что случилось с вами, когда вы под дождем бежали к пирату, — еле слышно пробормотал он.

Близость холодной маски и горящих за ней глаз оказалась совершенно необычным явлением.

— А что вы скажете о чашке кофе, мадам? — продолжал он.

Внезапно Анжелика почувствовала себя гораздо лучше:

— Кофе?!.. Настоящий турецкий кофе?

— Да, настоящий турецкий кофе, как на Крите... Но сначала снимите свою мокрую одежду. Вы пачкаете мой ковер.

Она посмотрела на пушистый восточный ковер, вызвавший у нее ощущение цветочной клумбы.

Пират вежливо снял с нее мокрые остатки плаща, а потом пошел в угол и снял с вешалки свой собственный плащ.

— Вы уже должны мне один плащ, который я набросил на вас в ночь огня... Ах! Никто еще не доводил Рескатора до такого ужасного состояния, как вы тогда!..

И так же, как в ту восточную ночь, она почувствовала его руки на своих плечах и тепло приятно пахнувшего бархатного плаща. Он усадил ее на диван, снова подошел к вешалке, и она услышала звонок, звякнувший где-то вне кают-компания. Шторм, должно быть, стих, так как судно качалось гораздо меньше.

Реальный мир исчез. Босой мавр в коротком бурнусе поверх матросских брюк вошел в помещение и, жестикулируя, как все представители его расы, пододвинул к дивану низенький столик и поставил на него серебряный кофейный сервиз: кофейник, сахарницу, кувшинчик с холодной водой и две тонкие фарфоровые чашечки. Потом мавр принес самовар, полный кипящей воды, и с большой аккуратностью принялся готовить кофе. Анжелика почувствовала, как забытый аромат наполняет ее почти детским удовольствием. Она разругмянилась. Присев рядом, Рескатор следил, как она тонкими пальцами уверенно держит чашку с горячим напитком.

— Сразу видно, что вы гостили в гареме Муль аль-Рашида. Ваше изящество и мастерство просто великолепны! Некоторые привычки, сохранившиеся с тех пор, все еще позволяют узнать вас.

Мавр давно исчез. Анжелика допила кофе и поставила чашку на блюдечко. Пират наклонился, чтобы снова наполнить ее, и заметил на ручке следы крови.

— Почему на чашке кровь? Вы ранены?

— Я ничего не заметила, — показала она исцарапанную ладонь. — Вероятно, я поранила руку, когда карабкалась на скалу. Боже, как трудно дался мне путь от города!..

— Известно ли вам, что вы единственная из христианских рабынь, кому удалось сбежать из султанского гарема? Долгое время я думал, что ваши кости валяются где-то в пустыне.

Не отвечая, она изучающе посмотрела на него:

— А правда, что вы отправились в Микены, пытаясь найти меня?

— Да, я пытался найти вас. А ваши следы было легко отыскать.

Она закрыла глаза, в них стоял настоящий ужас. А человек в маске наклонился к ней, улыбнулся и прошептал:

— Где проходит француженка с зелеными глазами, там всегда остаются разрушения и мертвые тела. Эти слова стали поговоркой на Средиземном море. Сколько же вас добралось до Сеуты?

— Двое.

— Кто был вторым?

— Колен Патюрель... — Она почувствовала опасность и, пытаясь избавиться от нее, заставила себя посмотреть ему в глаза. — И вы, и я имеем очень много общих воспоминаний, — мягко заметила она.

Внезапно он хрипло рассмеялся:

— Чересчур много, гораздо больше, чем вы думаете, — протянул он ей пахнувший духами носовой платок. — Вытрите свои руки.

Она беспрекословно подчинилась, чувствуя теперь боль в руках.

— Я старалась идти вдоль берега, чтобы ночью не заблудиться.

И она рассказала, как думала, что пришел ее последний час, о волшебной руке Османа Фераджи, поддерживавшей ее в пути, и о чуде, позволившем ей взобраться на отвесные скалы.

— Я сражалась с самой смертью, но добралась до вас... — На секунду она представила себе, что сейчас бросится к пирату и спрячет свое пылающее лицо в его бархатном жилете.

Рескатор поднял руку, тронул ее за щеку, легко погладил плечо и спину. Ей показалось странным, что он делает такие ласковые жесты... словно слепой, пытающийся ощутить предмет, который не видит... Потом медленно, одним пальцем, он развязал косынку, покрывающую голову Анжелики. Тяжелая волна еще сырых волос накрыла плечи женщины.

Она знала, что среди золотых прядей уже мелькают серебряные нити. На мгновение ее всколыхнуло чувство стыда, и захотелось снова прикрыть волосы платком.

— Почему вы решили еще раз увидеть меня? — спросил Рескатор.

— Потому что вы единственный человек на свете, способный спасти всех нас.

— Значит, вы все еще думаете о тех людях? — воскликнул он.

— Как же я могу забыть их? Они доверились мне!

И снова ее глаза остановились на песке, текущем сквозь узкое отверстие. Через определенный интервал времени часы нужно было переворачивать, Рескатор совершенно автоматически крутил их.

Анжелика живо представила себе, как Онорина спит на большой кухне и плачет во сне, чувствуя страх своей матери. Абигель следит за ней и поправляет сбившееся одеяло. Возможно, Лорье тоже проснулся и прислушивается к шагам своего отца.

— Как я могу забыть их? Вот вы говорили, что я везде оставляла за собой трупы и разрушения. Помогите мне спасти хоть немногих, умоляю вас!

— Ваши гугеноты, что они делают? Каковы их профессии? — резко спросил он, но по каким-то необъяснимым признакам она поняла, что победила, и ее лицо сразу загорелось. — Не смотрите так радостно. Если даже дело выглядит, будто я что-то делаю для вас, это еще не значит, что вы взяли верх...

— Разве я забочусь о престиже? Если вы согласитесь взять людей на борт судна и спасти их от тюрьмы и смерти, то я заранее соглашусь на любые ваши требования!

— Какие слова! А вы даже не знаете цену, которую я намерен потребовать от вас. Вы слишком наивны в своей доверии ко мне. Я — пират, и вы, конечно, понимаете, что моя работа заключается не в спасении чьих-то жизней, а в их окончании. Женщины вроде вас не воспринимают ничего, кроме любви...

— Но тут как раз вопрос любви!

— О, не начинайте философствовать, или я просто столкну вас за борт, чтобы остудить. Вы были менее красноречивы на Крите и, соответственно, более привлекательны! А теперь ответьте на мой вопрос. Что за людей вы просите взять на судно?

— Во-первых, крупный судовладелец, Маниголь, знающий все о море. На Островах у него есть...

— Среди них есть настоящие ремесленники?

— Плотник и его подмастерье, пекарь и два рыбака.

— Ага, уже лучше!

— Марселло, бумажный фабрикант, и мэтр Жане, часовщик...

— Все хуже и хуже.

— Мэтр Каррера, адвокат...

— Все бесполезны!

— Еще доктор...

— Достаточно. Возьмем на борт всех, раз уж вы хотите их спасти. Я никогда не знал такой настырной женщины. А теперь, маркиза, изложите план, который вы наметили. У меня нет намерения торчать дольше в крабьей дыре, куда я так глупо влез. Я намерен отплыть отсюда как можно скорее. Я буду ждать до утра.

— Мы встретимся на вершине скалы. Я приведу их!

Глава 16

Ансельм Камюзо вскочил на ноги, услышав легкий шум снаружи. Его надежды почти совсем угасли, ночь уже близилась к концу.

— Вы, мадам Анжелика?

— Да, я, Ансельм.

Ключ повернулся в замке, и она проскользнула в открытую дверь.

— Вы долго гуляли, — вздохнул солдат, — я ждал вас гораздо...

Он не договорил. Стальная рука сжала ему горло, и сильный удар по голове отправил стражника в страну грез, где могли исполниться его самые смелые мечты.

— Бедняга, — пробормотала Анжелика, глядя на лежащего солдата.

— Мы не могли сделать ничего другого, мадам, — сказал моряк, один из троих, выбранных Рескатором из команды. — Хозяин сказал нам, чтобы мы охраняли вас и ни на один миг не выпускали из виду. Мы должны привести вас обратно, живой или мертвой.

Они быстро дошли до двора Берна. Мэтр Габриэль стоял у ворот с фонарем в руках. Он с удивлением посмотрел на Анжелику в роскошном плаще и на трех моряков, опустивших на землю большой сверток, заглянув в который он узнал оглушенного смотрителя маяка.

— Слушайте, мэтр Габриэль! Я нашла капитана судна, согласившегося увезти нас. Он отплывает через несколько часов. Моряки будут сопровождать меня, пека я буду предупреждать остальных. Нужно одолжить им какую-то одежду, чтобы сделать их менее заметными. Корсарский корабль стоит на якоре в заливе напротив деревни Сен-Морис, именно там мы все должны встретиться. Вы вместе со всей своей семьей покинете немедленно город через калитку в городском валу, она будет открыта еще три часа — стража меняется в семь часов утра. Если мы поторопимся, другие семьи тоже смогут пройти нашим путем.

Берн оказался достаточно разумен, чтобы не спорить и не терять драгоценного времени. Он понимал, что если они быстро не покинут город, то вообще лишатся возможности когда-либо увидеть свободное море. Ночь оставалась еще темной и туманной, но рассвет уже начинался. Он молча показал на погреб, куда заперли солдата, и вместе с Анжеликой пошел наверх, чтобы разбудить детей и тетю. Его беспокоили только странные телохранители, всюду сопровождавшие бывшую служанку, их меховые шапки и обветренные лица. Он удивился ее преображению в какую-то

совершенно незнакомую женщину, властно отдающую распоряжения.

Абигель подготовила небольшие узлы с вещами для каждого. Пастор Боккер вместе с племянником были уже готовы, а маленький Натаниэль лежал рядом с Онориной и пока еще крепко спал.

— Я сама подниму их и одену, — произнесла Абигель, не задавая лишних вопросов. — А вы, госпожа Анжелика, погрейте ноги в горячей воде, которую я приготовила, и переоденьтесь в сухое.

— Умница! — похвалила ее Анжелика и, не теряя ни секунды, закрыла дверь кухни. Она налила в лохань кипятка и сбросила с себя промокшую одежду. Приятная дрожь прошла по ее телу, когда она опустилась в горячую воду.

Она слышала, как Абигель осторожно будила детей и говорила им о чудесной стране, полной цветов и вкусных вещей, куда они поедут. Девушка подняла их без тревоги.

— Как хорошо, что ты такая спокойная, — восхитилась Анжелика.

— Это все, что я могу сделать для вас, госпожа, — ответила та. — Но откуда вы пришли? Вы страшно изменились!

Внезапно Анжелика увидела себя полностью обнаженной в большом зеркале. Обычно она подходила к зеркалу только в одежде.

Она увидела свое белое тело — с тонкой талией, высокой грудью и грациозными ногами, самыми красивыми ногами Версаля, с круглым шрамом, оставленным ножом Колена Патюреля, спасшего ее от укуса ядовитой змеи где-то в сердце Атласских гор.

Как она могла забыть свое тело?

«За такую женщину я не дал бы и сотни пиастров...»

Чего он хочет? Ну, тем хуже для него! Он ее злейший враг... и ее лучший друг. Он вел себя с ней недружелюбно и цинично. Но он согласился взять их на борт. Он, пират, принял дополнительный риск, который не взяли бы на себя многие капитаны на хорошо оснащенных кораблях с гарантированным эскортом.

Что же значат тогда его циничные слова? Анжелике достаточно часто приходилось выдерживать удары судьбы, она давно привыкла к ним. Ценить следовало только действия и поступки. Когда она покидала судно, он вдруг совершенно неожиданно произнес:

— Моя дорогая, я отлично знаю, что у вас ужасно плохой нрав, и в то же время вы ни разу не взорвались, пока я так негалантно третировал вас.

— В жизни существуют гораздо более важные вещи. И если вы спасете всех нас, то можете третировать меня сколько захочется.

— Не сомневайтесь, я воспользуюсь вашим разрешением...

Анжелика сдержалась, чтобы не рассмеяться. Абигель вряд ли поняла бы ее. Она вышла из кухни, на ходу застегивая юбку и заправляя волосы под чистый платок.

— Я готова.

— Мы все готовы, — отозвалась Абигель.

Бросив взгляд на старые часы, Анжелика с удивлением убедилась, что прошло всего полчаса с того момента, как она пришла в дом. Онорина, укутанная в плащ, спала у нее на руках. Все обитатели дома спустились в полном молчании по ступенькам во двор. Единственная свеча освещала им путь.

Мэтр Габриэль спросил, что будет с солдатом, который все еще был связан. Он мог погибнуть в погребке, и никто не пришел бы ему на помощь. А ведь однажды Ансельм Камюзо оказал им очень важную услугу. Анжелика ответила, что полиция придет сегодня вечером арестовывать всю семью. Стражники найдут дом пустым и обязательно обыщут его, а заодно и освободят бедного солдата, если он сам к тому времени не развяжется.

— Тогда все в порядке. Пойдемте! — сказал мэтр Габриэль.

Небо уже посветлело. Возле калитки в валу Анжелика протянула Абигель все еще спящую Онорину.

— Сейчас я не пойду с вами, мне нужно предупредить остальных. Идите к деревне Сен-Морис. Когда соберемся все, мы сможем занять место на судне. Рыбакам в деревне скажите, что идете на похороны протестанта, не посвящайте их в наши планы.

— Ты знаешь дорогу, Мартьяль? — спросил сына мэтр Габриэль. — Покажешь женщинам. Я остаюсь с госпожой Анжеликой.

— Нет! — запротестовала она.

— Вы думаете, я оставлю вас одну с чужеземцами?

Она стала настаивать, чтобы он отправился вместе со своей семьей. За себя она не боялась, а единственное ее желание заключалось в том, чтобы все ее подопечные поскорее оказались за городским валом. Таков был первый этап этого плана.

— Нужно, чтобы мужчина, подобный вам, вселял уверенность в людей, идущих из города в Сен-Морис. Они должны, не медля ни минуты, оставить дома со всем своим добром.

И вот наконец группа, состоящая из семьи Берна, двух пасторов и Абигель, несшей Онорину, скрылась на узкой тропинке. Анжелика вернулась к роли пастушьей собаки, собирающей в стадо своих непослушных овец.

Супруги Марселло и их дочь Бертиль оказались достаточно спокойными и не потребовали никаких объяснений. Им было сказано, что они должны немедленно уходить или окажутся в тюрьме. Они быстро оделись. Мэтр Марселло взял под мышку книги, над которыми работал много лет. Рукопись называлась: «Издевательства и притеснения людей Ля Рошели в течение 1663-1676 годов». Бертиль спросила, что будет с вещами, перенесенными на «Санта-Марию».

— Потом все решится, а сейчас не теряйте времени!

Семья Марселло, а за ними и семья часовщика направились к валу, а Анжелика позвонила у дома Карреры. Человек, имеющий одиннадцать детей, был наиболее бесполезен на борту судна. Тем не менее он поднял величайший шум.

Они должны уходить? Они будут арестованы? Откуда она знает? Кто ей сказал? Есть ли у нее какие-либо доказательства?

Анжелика просто отказалась отвечать на его бессмысленные вопросы, а прошла по комнатам и разбудила всех. К счастью, дети были хорошо подготовлены матерью и не проявили беспокойства. Через несколько минут все были собраны, хотя сам мэтр Каррера все еще стоял посреди спальни в ночной сорочке, требуя доказательств, что его намерены немедленно арестовать.

— Мы должны идти, папа, — сказал шестнадцатилетний старший сын. — Мы не хотим попасть в тюрьму. Дети часовщика так и не вернулись оттуда. Мы уже оделись.

— Пойдем, дорогой, — внезапно заговорила молчаливая жена. — Раз уж мы решили уехать, то надо идти. Не имеет значения, пойдем мы сейчас или чуть позже... — Она одела его, словно ребенка, и без разговоров вытолкнула из дома.

Матросы помогли семье адвоката найти маленькую калитку в городском валу. Когда тринадцать человек исчезли в тумане, все вздохнули с облегчением.

Но, в очередной раз подходя к валу с семьей пекаря, Анжелика внезапно замерла на месте. По гребню вала бежали люди, слышались крики и звон оружия. Правда, солдаты не заметили беглецов, быстро отступивших в прикрытие.

— На пост пришла смена, обнаружилось исчезновение Камюзо, — объяснила Анжелика. — Солдаты подумают, что он ушел через калитку, и, уж во всяком случае, закроют ее.

— Красные мундиры носят только драгуны, — глубокомысленно заявил пекарь. — Почему именно они?

— Возможно, потому, что подходит датский флот.

— Такое уж наше счастье, — заплакала жена пекаря. — Если бы ты собирался побыстрее, мы успели бы выйти из города. Что мы теперь будем делать?

— Вы пройдете через городские ворота, — заверила их Анжелика. — Их скоро откроют... — Она объяснила, что пекарь не привлечет к себе особого внимания, так как многие рабочие и купцы каждый день переправляются на остров Ре и в Ля Палис. — Полиция дала нам один день. Идите с корзинами хлеба. Если вам станут задавать какие-то вопросы, то просто назовите стражам свои имена.

Она подняла им настроение, и они ушли, смешавшись с первыми прохожими на улицах. Видевшие их горожане подумали, что пекарь несет свой хлеб на продажу. Поспешность их ухода помогла им превозмочь боль разлуки с родным городом.

Семья Маниголь в полном составе сидела в столовой, Сирики наполнял их чашки шоколадом. Анжелика, запыхавшись, еле переводила дух — как и в тот день, когда пришла сюда впервые, разыскивая королевского лейтенанта де Борданье.

Солнце уже поднялось. Было похоже, что после штормовой ночи на земле установился чудесный день. Теперь они должны были встретить опасность лицом к лицу, при полном свете дня.

Анжелика кратко сообщила о последних событиях. Их план раскрыт, и арест неминуем. Остался единственный выход — отплыть из Ля Рошели на судне, стоящем неподалеку от порта на якоре. С трудом им, может быть, удастся незамеченными покинуть город, Семья Маниголь слишком известна в городе, следовательно, нужно порознь проходить через городские ворота. Встретятся они возле деревни Сен-Морис.

Сам Маниголь, его жена, четыре дочери и два сына сидели молча, как пораженные громом.

— Девушка просто безумна! — воскликнула мадам Маниголь, — Она предлагает нам уехать на Американские острова, оставив все...

— Как название судна, о котором вы говорите? — хмуро спросил Маниголь.

— «Голдсборо».

— Никогда не слышал. А это люди из его команды?

— Да.

— Судя по внешности, судно не слишком респектабельно.

— Вы правы. Но их капитан согласился взять всех нас на борт. Будет

гораздо хуже, если вы предпочтете стражу Бомара, твердо решившего бросить вас в тюрьму.

— Но из тюрьмы можно выйти, я имею некоторый вес, вы знаете.

— Нет, господин Маниголь. Из тюрьмы вы не выйдете.

Моряк тронул ее за руку:

— Мадам, хозяин велел не оставаться в городе после рассвета. Мы должны торопиться.

Анжелика посмотрела на семью Маниголей, спокойно стоящую вокруг стола. Если судовладелец останется, то переселенцы лишатся наиболее богатого члена их маленького сообщества. Она обещала Рескатору, что ему заплатят. И кроме того, здесь был Жереми, золотоволосый мальчик, похожий на Шарля-Анри.

— Ну, тем хуже для вас и ваших сыновей. Но я жалею, что рисковала жизнью ради вас. Если бы я не пришла сюда, то была бы уже в деревне Сен-Морис. Наши шансы уменьшаются с каждой минутой. Вы сидите здесь и ждете чуда, способного сохранить и ваше положение, и ваши деньги, и весь ваш город! Вы, так много читающие Библию, должны помнить, что евреи, пленники в Египте, должны были уйти сразу же по сигналу... пока фараон не передумал.

Маниголь молча уставился на нее. Потом румянец исчез с его полного красного лица.

— Пока фараон не передумал... — пробормотал он. — Я видел сон. Я видел, как приближается колоссальная змея, чтобы задушить всю мою семью. Она все ближе и ближе... — Он замолчал и поднялся. — Пойдем, Жереми! — сказал он, беря сына под руку.

— Куда ты идешь? — взвизгнула мадам Маниголь.

— Мы идем в ворота, а потом в деревню Сен-Морис.

— Ты же не поверил в безумство, рассказанное служанкой?

— Я ей поверил. Я знаю, что она говорит правду. Уже несколько дней я подозреваю, что кто-то предает нас. — Он повернулся к негру: — Принеси плащи и шляпы для меня и Жереми!

— Возьмите с собой немного золота, — прошептала Анжелика. — И то, что можно спрятать в карманах.

Мадам Маниголь начала причитать:

— Он сошел с ума!.. Что будет с нами, с моими детьми?..

Девушки переводили глаза с матери на отца. Молодой офицер, зять судовладельца, живший вместе с ним, поднялся из-за стола.

— Пойдем тоже, Жанна, — он положил руку на плечо жены. — Мы действительно должны уходить.

— Прямо сейчас? — выдохнула она. Ее и прежде беспокоило предстоящее путешествие на «Санта-Марии»: она была беременна.

— Но ведь у тебя готова маленькая сумка с вещами для отъезда. Возьмем ее и пойдем. Время торопит!

— У меня тоже готова сумка, — сказала Маниголь. — Сирики может взять ее и понести.

— Нет! Сирики не должен идти с нами, — предупредила Анжелика. — Он слишком хорошо известен, как слуга. Они могут схватить вас. Они следят очень внимательно за всеми нами.

— Но я не могу бросить Сирики, — запротестовала Маниголь. — А кто же позаботится о нем?

— Ваш партнер, господин Тома, который будет заниматься всеми делами после вашего отъезда.

— Мой партнер... Он-то и предал нас! Теперь я уверен! Полагаю, он надеется, что все перейдет в его руки... — Маниголь помолчал и мрачно добавил: — У змеи, душившей меня во сне, была его голова... — Он взял Жереми за руку и вышел во двор.

— Куда ты идешь? — хныкала мадам. — Я еще не готова. И я не упаковала два самых лучших блюда из немецкого сервиза!

— Пакуй, что хочешь, но, ради наших жизней, поторопись!

Одна из дочерей схватила Маниголя за руку:

— Папа, я хочу идти с тобой!

— Тогда пошли, Дебора! — позвал он свою любимицу.

Когда они приблизились к воротам Святого Николая, то решили разделиться. Офицер с Жанной и Жереми двинулись первыми, а за ними шли Маниголь и моряки. Офицер и моряки переговаривались между собой по-английски. Стража знала, что вчера в порт вошел английский корабль, и приняла их возгласами, гуляющих с красивыми девушками, Деборой и Анжеликой. Громко смеясь, они проскользнули через ворота. Охранники не остановили их, наблюдая за ними с дружескими ухмылками.

— Самая трудная задача решена! — проговорила Анжелика. — Они нас так и не узнали.

Они пошли с максимально возможной поспешностью. Море казалось черным после штормовой ночи. Скоро они увидели Сен-Морис.

— Вы последние! — приветствовали их восклицаниями.

Все вышли из бедных деревенских хижин, где согревались у огня. Мэтру Берну с трудом удавалось сдерживать их нетерпение. Им говорили, что их ждет судно. Где же оно? Их не обманывают?

Благодаря влиянию Габриэля Берна они успокоились. Детям дали

попить холодного молока, а потом пастор Боккер начал читать молитвы. Жители деревни, тоже гугеноты, окружили пастора. Собрались все, недоставало только мадам Маниголь и двух старших ее дочерей.

— Мы можем начать перевозку пассажиров, — сказал моряк, говорившей по-французски, которого звали Никола Перро. — Один мой парень останется здесь и дождетя последних, чтобы показать им дорогу. Нужно торопиться!

Они ждали семейными группами и уже начали спускаться по тропинке к заливу, но были остановлены криками, раздавшимися позади них. Старый Сирики бежал, как антилопа.

— Хозяин! Где мой хозяин?!

— Ах! Брат мой!.. — прижал Маниголь слугу к своему сердцу.

— Вы не уедете без меня, хозяин! Или я сразу умру!

— Что сказали охранники на воротах? — спросила Анжелика.

— Охранники? Ничего не сказали... Я бежал изо всех сил!

— Мы должны поторопиться, — решила она, шагая по тропинке вниз.

Анжелика ощутила приближающуюся опасность, она понимала, что Сирики, мчавшийся за хозяином, наверняка привлек внимание охраны.

— Пошли! — сказала она Маниголю. — Не будем терять время!

Вдвоем они шли позади всех. Судовладельца терзало желание навсегда освободиться от страха перед католиками и опасения за жену и двух дочерей.

— Она всегда проходила беспрепятственно, — рассуждал он вслух. — Она в состоянии поладить даже с моими бесчестными партнерами!

Раздался стук колес, и на дорожке показалась мадам Маниголь. Она тащила тележку, на которую сложила ковры, одежду и фарфор. Дочери и служанка помогали ей.

Увидев мужа, она разразилась гневной тирадой.

— Ты мог бы позаботиться обо мне!.. А ты, старым лентяй, — закричала она на Сирики, — не мог подождать меня?

— Так ты проехала через ворота со всем барахлом? — спросил ее Маниголь, красный от гнева.

— Ну и что?

— И никто ничего тебе не сказал?

— Пытались сказать, но я заткнула рот сразу всем грубиянам! Было бы просто смешно, если бы они меня остановили!

— Ну, раз вы уж здесь, то пошевеливайтесь, — с нескрываемым раздражением проговорила Анжелика.

Толстуха, должно быть, наделала шума, проходя через ворота. В своем

гневе она могла заявить, что уезжает за море и что с нее уже достаточно Ля Рошели со всеми ее обитателями. Сама она была родом из Ангулема, ей не нравилось жить в порту, и тема переезда являлась основной во всех ее разговорах.

Теперь Анжелика несла Онорину на руках. Уже несколько раз она оборачивалась к городу: ее сильно беспокоило облако пыли, поднимающееся со стороны ворот Святого Николая. Она догнала пекаря.

— Маниголи притащили с собой тележку. Не стоило мне предупреждать их! Из-за своего скарба они могут погубить нас ВСЕХ!

Она пробежала вдоль цепочки беглецов и догнала Берна.

— Посмотрите назад! Что вы видите? — закричала она.

Купец обернулся.

— Облако пыли... Отряд всадников... в красной форме. За нами!

Моряк, шедший впереди, тоже увидал солдат. Подхватив сразу двух детей, он побежал вперед, подгоняя идущих.

Обратившись к Маниголям, Анжелика скомандовала:

— Бросьте проклятую тележку! За нами гонятся драгуны! Живо!

Теперь уже все спускались по песчаной тропинке. Стук копыт подгонял их. Маниголь оторвал жену от вещей и толкнул вперед, Анжелика взяла за руку Жереми. Жозеф вел задыхающуюся Жанну.

Как только беглецы вышли из кустарника, драгуны издали воинственный клич. Им сказали, что пытаются сбежать какие-то гугеноты. А теперь они оказались прямо перед глазами, они бежали к морю. Проклятье!.. Жалкий сброд не скроется от королевских драгун!

Лейтенант подал команду. Часть солдат спешили; они обнажили сабли и побежали по тропинке. Кто-то столкнул с дороги тележку Маниголя. Ковры и отрезки тканей покатались с горки, фарфоровая посуда разлетелась на тысячи осколков.

«Теперь мы попались!» — подумала Анжелика. Торопливое бегство нестройной толпы протестантов почему-то напомнило ей Колена Патюреля, и она улыбнулась.

Жереми спотыкался, но она тянула его за руку, заставляя идти. Онорина внезапно начала смеяться ей прямо в ухо — переполох доставлял ей явное удовольствие. Они достигли первой дюны и бросились под ее прикрытие.

Драгуны приблизились и были теперь всего в нескольких шагах от дочерей и супругов Маниголей. Смертоносные сабли были готовы обрушиться на головы женщин, но тут раздалось несколько мушкетных выстрелов.

Анжелика почувствовала запах пороха и увидела облако дыма, а потом услышала, как Никола Перро говорил отставшим протестантам:

— Не стойте здесь, вернитесь под прикрытие дюн. Не бойтесь, мы выведем вас на берег.

На ее плечо опустилась рука загорелого матроса, получившего приказ от Перро охранять ее. Моряк прижал ее к земле.

Новый залп из-за соседней дюны заставил драгун отступить. Приподняв голову из травы, Анжелика разглядела лошадей, стоявших в клубах порохового дыма, и нескольких солдат в красной форме, раненных: и лежавших на земле. Сердце ее радостно забилось: значит, он подумал о ней. Он понял, что их могут преследовать, и расставил в укрытиях людей. Корабль с распущенными парусами лежал в дрейфе.

— Госпожа Анжелика, вы не ранены? — Рядом с ней оказался мэтр Берн с пистолетом в руке. — Почему вы оказались позади всех?

— Из-за этих идиотов, — указала она в сторону Маниголей.

— Я ранена! — внезапно завопила мадам Маниголь, всем своим мощным телом наваливаясь на мужа, ругавшегося, как настоящий корсар.

— Где Лорье? — спросила Анжелика.

— Моряки уже начали перевозить детей на судно. А я беспокоился за вас и вернулся. Слава Богу, что капитан организовал вооруженную охрану. Он на берегу, командует отправкой людей на судно.

— Он на берегу? — повторила она. — Ну разве он не замечательный человек?

— Разумеется, замечательный. Из того, что мне пришлось увидеть, я понял, что он носит маску и командует целой бандой отъявленных головорезов.

Еще одна группа драгун решила приблизиться, но второй залп сразу остановил их. Лейтенант отдал новый приказ, и два молодца прыгнули сверху прямо на берег. Оба поломали ноги, и их товарищи слышали теперь только стоны и проклятья.

Единственный спуск надежно охранялся оружием «Голдсборо», пока матросы перевозили на судно женщин и детей. Мэтр Габриэль и Анжелика несли Онорину, моряк-телохранитель помогал Жереми. Мушкетеры с пиратского судна тоже отступили назад. До них донесся голос лейтенанта:

— Не трусьте, драгуны! Когда бандиты соберутся к морю, мы сможем стрелять по лодкам. Мы отомстим им!

Он обращался к солдатам, расположившимся па краю скалы. Они были слишком далеко и высоко, чтобы пираты могли обстрелять их. Но лодка, выходящая из-под прикрытия берега, сразу становилась мишенью

для хорошего стрелка. Пули солдат начали долетать до лодки и вызвали ужас среди женщин. Несмотря на протесты моряков, пастор Боккер поднялся на ноги, и его старческий голос запел торжественный псалом. Гребцы налегли на весла, лодка проскочила опасную зону. Пострадавших не оказалось. Но им предстояло вернуться, чтобы забрать оставшихся. У драгун будет достаточно времени, чтобы скорректировать стрельбу.

— Мы доберемся до бандитов! В следующий раз мы не промахнемся!
— кричал лейтенант. — Стрелки, будьте наготове!

Несколько солдат бросились вперед, надеясь задержать отставших. Анжелика только начала спускаться по грубым ступеням, кое-где вырубленным в скале, когда усатое лицо драгуна с саблей, поднятом над головой, оказалось прямо перед ней.

Берн бросился между ней и солдатом и выстрелил из пистолета. Солдат упал на землю, но последним конвульсивным движением успел ударить мэтра Габриэля. Купец покачнулся и наверняка упал бы со скалы, если бы Анжелика в самый последний момент не подхватила его обессиленное тело. Моряк пришел ей на помощь, перехватил раненого и помог им обоим спуститься вниз.

Голос на берегу распоряжался по-английски. Должно быть, он приказал всем уходить, потому что стрелки, перебегая от одного укрытия к другому, присоединились к главным силам.

— Впереди чисто, теперь наша очередь! — кричали драгуны.

Анжелика поддерживала окровавленную голову Берна.

— Он мертв... Мой бедный друг!..

Сильные руки Рескатора схватили ее за талию и повернули:

— Ах! Вы, конечно, последняя! Вы, мадам, просто глупы!

Она была готова поклясться, что под маской он смеется, не сознавая, что и он сам, и вся его команда оказались в опасном положении, что лодка не сможет подплыть к берегу под огнем окруживших их драгун. Потом он перестал сдерживаться, громко засмеялся и прижал ее к себе. Похоже, он все еще был влюблен в рабыню, купленную на Крите, и его страсть стала еще сильнее после поражения.

Но тут ужасная мысль пронзила ее, она задрожала и стала оглядываться вокруг себя:

— Онорина... Где Онорина? Я отпустила ее, когда несла Берна.

Она хотела броситься обратно на тропинку, но он удержал ее:

— Куда вы? Остановитесь, идиотка! Они сейчас выстрелят из пушек. Вас же разорвет на мелкие кусочки!..

В кормовой части борта «Голдсборо» открылись люки, и из них

выглядывали стволы морских орудий.

Заметив наконец зеленую куртку Онорины, возле скалы у самого края пропасти, Анжелика издала дикий крик. Было слишком шумно, чтобы слышать плач девочки, оказавшейся между драгунами и берегом, на котором она видела мать.

— Моя дочь! Спасите ее! Они ее убьют!.. Она упадет!..

Рескатор удержал ее от нового рывка.

— Отпустите меня, она моя дочь! Онорина!..

Парализованная страхом, она увидела, как Рескатор бросился вперед и стал быстро карабкаться вверх по тропинке. Какой-то солдат уже спустился до уровня ребенка. Пират выстрелил ему в голову, а другой рукой подхватил девочку.

И тут раздался гром пушек «Голдсборо». Анжелика подумала, что спаситель и спасенная должны быть похоронены под потоком земли и камней, сорвавшимся со скал, но потом среди облака пыли и дыма она различила высокий силуэт капитана.

— Вот ваша дочь! Возьмите ее!

— Она ранена?

— Не думаю. А теперь поднимемся на борт лодки.

Суденьшко, воспользовавшись сумятицей, вызванной пушечной пальбой, еще раз причалило к берегу. Моряки уложили неподвижное тело Берна рядом с тремя ранеными членами команды, бесцеремонно перетащили Анжелику и приказали лечь на дно.

— Мы не сможем сделать еще один рейс, — услышала она слова Рескатора. — Нужно сразу забрать всех.

Сам он вошел в лодку последним.

— Прощай, негостеприимный берег! — сказал он, стоя на корме и являясь прекрасной мишенью для мушкетов драгун.

К счастью, драгуны оказались деморализованы артиллерийским обстрелом. Многие были убиты, а их командир серьезно ранен. Теперь распоряжался его заместитель, и его зычный голос доносился до лодки, уже отошедшей от берега:

— Гастон! Скачи в форт Сен-Луи и проси помощи!.. Луи! Торопись в Ля Рошель! Загони лошадь, но предупреди флот! Мы не должны позволить бандитам уйти безнаказанно...

На «Голдсборо» подняли якорь. Матросы развернули реи, и паруса наполнились ветром. Капитан Янсон, стоя на мостике, отдавал приказы

спокойно, словно они находились в мирном заливе. К штурвалу стал самый опытный рулевой. Моряки крепили снасти и готовили судно к дальнему плаванию.

Лодка, основательно перегруженная, подошла к борту судна. Теперь можно было уже не опасаться обстрела из мушкетов. Моряк взял Онорину на руки и пополз по веревочному шторм-трапу, спущенному с палубы. У него была черная повязка на глазу, и его лицо напоминало физиономию Кориано, помощника д'Эскренвилля. Его вид вызвал злость Онорины, и она молотила его кулачком по шее все время, пока они поднимались по трапу. Пассажиры поднялись сами, а раненых втащили в «беседках» — скамеечках на длинных веревках, перекинутых через блоки.

Почувствовав под ногами твердую палубу, Анжелика оглянулась.

Скалы уже отдалились, вдали виднелась красная линия драгун. «Голдсборо», подгоняемый ветром, входил в пролив между островами. Слева лежала Ля Рошель, город казался совсем близким. Корабль двигался прямо к городу.

Глава 17

Рескатор поднялся на палубу и с первого взгляда оценил ситуацию. Никола Перро подошел к нему и покачал головой:

— Норд-вест... Не везет нам!..

— Похоже.

Даже Анжелика видела, что ветер вместо пролива Ла Палис несет их прямо к городу.

— Всем пассажирам — в трюм! Отнесите раненых в лазарет! На палубе остается только команда.

Он быстро оценил положение «Голдсборо» и маневры, предпринимаемые Янсоном, чтобы выйти в открытое море, несмотря на неблагоприятный ветер. Потом посмотрел на Анжелику, все еще прижимавшую к себе дочь. Голова Онорины полыхала, ветер раздувал волосы.

— Она действительно ваша дочь, — сказал он скучным голосом. — Да, она похожа на вас. Так кто из ваших гугенотов ее отец?

Нечего сказать, подходящее время для подобного вопроса. Анжелике показалось, что город еще больше приблизился. Стали видны люди на валу, наблюдавшие за маневрами неизвестного корабля. Из форта Сен-Луи донесся звук трубы.

— Ее отец? — переспросила она, глядя на него, словно на безумца. — Так я скажу вам, им был Нептун... А теперь посмотрите, мы как раз напротив форта. Если его гарнизон предупрежден, нам всем придет конец.

— Разумеется, моя дорогая. Вполне вероятно, что вы правы. — Рескатор отошел в сторону, и сразу же появился Никола Перро.

— Мадам, вы должны пройти туда, — произнес моряк в меховой шапке, указывая на каюту Рескатора, и добавил: — Хозяин сам отправился к штурвалу. Теперь мы наверняка выберемся!..

Доверие к командиру, казалось, разделяла вся команда. Люди были совершенно спокойны, некоторые даже шутили.

— Но в нас будут стрелять пушки форта Сен-Луи, — сказала Анжелика.

— Могут, конечно, — ответил Перро, оставшийся рядом с ней.

Над их головами громыхал рупор капитана Янсона, Судно двигалось параллельно бастиону. Возле орудий, направленных на корабль, наверняка стояли самые опытные артиллеристы. Вот крепостная стена осветилась

длинными вспышками пламени.

— Отдать якорь!

Послышался гром цепи и плеск якоря, упавшего в воду. Анжелика с недоумением посмотрела на своего спутника:

— Надеюсь, Рескатор не собирается сдаваться?

— Плен не для него, — покачал головой Перро.

Якорь намертво вцепился в дно, судно дернулось и остановилось. И тут до них донесся страшный грохот крепостных пушек, выстреливших одновременно. Поднимая столбы воды, ядра упали в ста метрах впереди «Голдсборо», именно там, где он должен был находиться, если бы плыл. Корабль избежал удара, словно опытный дуэлянт. Но опасность не миновала. Они не успеют поднять якорь до второго залпа.

И тут же раздалась громовая команда:

— Рубить якорный канат! Курс норд-ост, держать в пролив!

Освобожденное судно рванулось вперед. Их маневр оказался слишком быстрым для артиллеристов форта, не сумевших прицелиться. Снаряды второго залпа легли за кормой уже набравшего ход судна.

— Гип-гип-гип-ура! — в восторге закричал Никола Перро. — И я должен заметить, что свиньи из форта могли всадить в наш борт по меньшей мере десяток каленых ядер! Мы все пошли бы ко дну, если бы наш командир не являлся лучшим знатоком океана. Но, мадам, не лучше ли вам все-таки спуститься вниз?

— Нет, я хочу остаться, пока мы не выйдем в открытое море.

— Как хотите, мадам. Некоторые люди предпочитают смотреть в лицо смерти. Идея мне кажется очень неплохой, потому что так можно иногда здорово напугать старуху с косой.

После головокружительного маневра, совершенного «Голдсборо», наступила небольшая передышка. Ветер дул на запад, и судно, подняв все паруса, шло с хорошей скоростью. От открытого моря их отделяли два острова. Сильный северо-западный ветер мешал воспользоваться проливом Антиох, расположенным между островами Ре и Олерон, и они направились в узкий пролив, отделяющий мыс Ла Палис от острова Саблонси.

— Поднять бом-кливер! — скомандовал Янсон. — Грот на гитовы!

Анжелика с трудом сдерживала волнение. Она знала, как опасен этот путь из-за скрытых рифов. Свирепые волны бились в борт судна и в любой момент могли бросить его на острые скалы.

— Вы хорошо знаете эти места? — спросила она телохранителя.

— Нет. В Бретонский залив мы вошли с востока.

— Тогда вам нужен лоцман. С нами плывет рыбак по имени Легаль.

Он знает все местные проливы.

— Хорошая мысль! — воскликнул человек в меховой шапке и побежал к капитану.

Скоро Легаль в сопровождении матроса появился на палубе. Рескатор снял плащ, но оставался в маске. Все его тело было напряжено, словно он воспринимал трудность пути по вибрации судна. Он обменялся несколькими словами с рыбаком из Ля Рошели. «Голдсборо» теперь двигался более уверенно, на нем прибавили парусов.

— А что, если форт Саблонси решит стрелять в нас? — спросил Легаль, пристально глядя на приближающуюся крепость.

— Будем надеяться на лучшее, — ответил Рескатор.

Золотистый туман рассеивался под солнцем.

— Навстречу идет военный корабль! — раздался голос сверху.

— Попали в мышеловку! — выругался Янсон.

— Ну, мы всегда могли ожидать такой встречи, — отозвался Рескатор, словно имел в виду самую обыденную вещь на свете. — Пожалуйста, прикажите убрать марсели. Бизань оставьте...

— Зачем?

— Я хочу иметь больше времени, чтобы подумать.

Военный корабль огибал мыс и быстро двигался к «Голдсборо». Рескатор положил руку на плечо Легалья.

— Скажите, рыбак, ведь рифы там не кончаются? И если пролив труден для нас, то он должен быть еще более опасным для большого корабля?

Глаза Анжелики остановились на руке Рескатора, мускулистой и в то же время аристократической, с тяжелым серебряным кольцом на безымянном пальце. Она почувствовала, что бледнеет. Она знала эту руку, с ее благородным, хотя и сильным захватом. Где она видела ее прежде? Возможно, на Крите, когда он снимал перчатки, чтобы подвести ее к софе. Она вдруг подумала, что приближается их последний час, что смерть совсем близка... И в то же время у нее появилась уверенность, что они не погибнут, пока Рескатор держит их судьбы в своих руках. Казалось, он был неуязвим, как герои прошлого, Она уже давно наивно и слепо верила в него, и он всегда оправдывал ее надежды.

Лицо рыбака прояснилось.

— Да, конечно, монсеньор. Вы совершенно правы! Они, должно быть, ужасно хотят поймать нас, рискнув залезть в пролив. Они определенно имеют на борту кого-нибудь из наших лоцманов. Но их положение... гмм... весьма сложно.

— А мы сделаем его еще сложнее, Мы используем их как прикрытие на случай, если крепость решит открыть огонь. Я заставлю их плыть между пушками и нами... Всю парусину на мачты! Освободить все палубы для боя! Ненужное — вниз или за борт!

Команда пришла в движение. Открыли пушечные люки. Каждый матрос и офицер занял предназначенное ему место. Стрелки с мушкетами забрались на марсы и салинги <Огороженные площадки на мачтах> и затаились там до времени.

— Сыпать ли песок на палубу? — спросил помощник капитана.

— Не думаю, что дело дойдет до песка, — ответил Рескатор, держа трубу у глаза, и повторил иронически: — Песок на палубе? Фу!

Анжелика вспомнила свое последнее плаванье по Средиземному морю с Меццо-Морте. Пираты перед сражением рассыпали по палубе песок, чтобы босые ноги не скользили в лужах крови.

— Они попадут в беду еще до того, как выстрелят в нас, — добавил Рескатор, опуская трубу.

Скоро стало очевидным, что военный корабль находится на опасном пути. Он с трудом держал курс, его относило к берегу. Командир корабля совершал ошибку, продолжая идти на всех парусах.

— А что, если он начнет стрелять? — спросил Легаль.

— В их положения? Мы повернуты к ним бушпритом и представляем собой слишком малую мишень.

Внезапно мощный военный корабль прижался к скалам. Люди на «Голдсборо» увидели, как задрался его форштень, и услышали берущий за душу звук ломающегося дерева.

— Они сели на рифы! Корабль выбросило на камни!

— Мы должны проявить осторожность, чтобы с нами не случилось того же, — проговорил Рескатор. — Море становится мелким.

Янсон сразу же послал матросов с лотом измерять глубину пролива, а когда «Голдсборо» проходил мимо своего беспомощного врага, он бесстрастно спросил:

— Будем ли мы стрелять? Сейчас мы в идеальной позиции.

— Нет, — ответил Рескатор. — Не стоит оставлять позади себя слишком много неприятных воспоминаний. К тому же мы еще не прошли до конца весь пролив. Моряки боялись, как поняла Анжелика, что могут появиться другие военные корабли и помешать их движению. Но они без помех вышли из узкого пролива в Бретонский залив.

Легаль выпрямился, хотя его руки все еще были на штурвале.

— Все худшее мы уже прошли, монсеньор. Теперь я предлагаю

двигаться на всех парусах вдоль северного побережья Бретани, пока не достигнем Грин-Го.

— Согласен.

Судно шло легко и хорошо слушалось руля. Ветер помогал беглецам. Сквозь туман они видели береговую черту и придерживались ее.

Но с другой стороны от них находился Сен-Мартин-де-Ре, и скоро они увидели целую линию кораблей, направлявшихся к ним. В полном молчании они смотрели на их неспешное приближение.

— А мы были так близки к спасению, — пробормотал Легаль. — Мы ведь уже миновали мыс Арсе.

— Поднять все паруса! Ветер попутный!

— Он им тоже помогает.

— Да, но мы значительно впереди. Да и ход у нас побольше.

Несколькими бодрыми словами он призвал команду использовать все имеющиеся у них возможности для спасения. Головной корабль эскадры приблизился, но теперь расстояние между ними оставалось постоянным. «Голдсборо» все еще находился вне досягаемости его страшных пушек.

Рескатор снова положил руку на плечо лоцмана.

— Выведите нас в море, и тогда нам не страшен никакой корабль из флота короля Франции, — уверенно произнес он.

— Я все сделаю, — просто ответил лоцман.

Теперь Легаль использовал все самые слабенькие течения и легчайшие дуновения ветерка, чтобы получить максимальную скорость. Как хорошо он знал свое море! Его семья была родом из Бретани, но последние три поколения жили в Ля Рошели, чем и объяснялось обстоятельство, что он стал гугенотом. Он думал о том, что сейчас плывет по местам, где был так счастлив и откуда должен бежать, и что его жена и дети находятся на этом же судне. И еще он думал, как ужасно умереть именно здесь, под ядрами пушек королевского флота, прямо возле родных островов и родного города. Он гораздо меньше боялся самой смерти, чем такой явной несправедливости.

— О, Боже! Позаботься, чтоб мы спаслись во имя Твое!

Анжелика оглянулась. Преследующие их паруса, казалось, приблизились. Береговая линия удалялась, ветер усиливался и туманный горизонт казался бесконечным. Они выходили в открытое море, но не слишком ли поздно?

Она заметила, что Рескатор смотрит на нее сквозь прорези своей маски, и решила, что не имеет права находиться на верхней палубе и что

сейчас он отошлет ее вниз со всей иронией, которой он так часто пользовался против нее.

Но он промолчал, и у нее появилось предчувствие, что он смотрит так потому, что дела идут плохо. Ее охватил страх.

— Мы выходим слишком поздно? — спросила она.

Тут Онорина выпрямилась у нее на руках и указала на горизонт:

— Мама, мама, посмотри, сколько там белых птиц!..

Но там были не птицы. Там были громадные корабли. Они вытягивались в несколько параллельных линии, перегораживая выход из залива. Через несколько секунд они стали различимы, и их можно было далее пересчитать, если бы в том возникла необходимость...

Теперь «Голдсборо» был окружен военными кораблями. Команда готовилась к битве, заранее обреченной на поражение. Противников оказалось слишком много. Ну что ж, они станут сражаться без надежды на победу и даже без надежды на бегство, так как оба пути, вперед и назад, были наглухо заблокированы...

Вдруг Рескатор негромко вскрикнул и начал смеяться. Он смеялся так сильно, что раскашлялся и оказался неспособным произнести ни слова.

«Он сошел с ума!» — ужаснулась Анжелика.

Но пират наконец смог произнести одно-единственное слово:

— Датчане!..

Уныние немедленно сменилось всеобщим ликованием.

— Вильсон! — приказал старшему матросу капитан Янсон — Поднимите на флагштоке грот-мачты английский купеческий флаг!

Через минуту над ними взвилось полотнище, где красный круг пересекался с белым, Святой Эндрю на синем фоне.

Армада, несколько потрепанная недавним штормом, медленно входила в Бретонский залив. Во главе ее шли два мощных четырехмачтовых трехпалубных линейных корабля с 72-мя пушками на каждом борту. За ними двигались больше ста купеческих: судов различного тоннажа, но даже самый малый из них был не менее 300-400 тонн водоизмещения.

«Голдсборо» мгновенно затерялся среди них. Через несколько секунд более десяти кораблей оказались между ним и преследователями. Командиры французских военных кораблей теперь были уже просто не в состоянии стрелять из пушек, не рискуя задеть датские суда. Да они и отказались от желания наказать наглого пирата, сумевшего хорошо над ними посмеяться.

Беглецы, закрытые на батарейной палубе, поняли по шуму, что их судно вышло в открытое море. Долгие часы они прислушивались к каждому звуку. Они слышали, как отдали якорь у форта Сен-Луи, а когда раздались пушечные залпы, подумали, что настал их последний час. Потом они почувствовали, что судно плывет по узкому извилистому проливу, слышали приказы, готовящие экипаж к бою, и шлепанье босых ног по доскам палубы над их головами. Они молча ждали, обмениваясь скупыми фразами, чтобы нарушить гнетущую тишину и успокоить детей. На батарейной палубе не было иллюминаторов, и пассажиры не могли видеть, что происходит вокруг. А теперь качка корабля упорядочилась, волны плескались равномерно. И, наконец, появился Легаль, со взглядом, полным гордости и триумфа.

— Мы оставили их с носом! Мы вышли в море, мы спасены!..

И тогда они опустили на колени, их глаза наполнились слезами.

— Прощай, Ля Рошель, наш город! Прощай, наш жестокий король!

— Мы еще не вышли за пределы их видимости. — Рескатор пристально поглядел на Анжелику сквозь отверстия маски. — Не хотите ли еще раз взглянуть на берег, который покидаете навсегда?

— Нет! — отрицательно покачала она головой.

— Вы проявляете не слишком много чувств для женщины, должен я признать. Мне вовсе не хочется вызывать у вас горькие воспоминания, но разве ничто не тянет вас обратно?

«Небольшая могилка на краю Нейльского леса, вот и все...»

— Моя единственная ценность здесь со мной, — произнесла она, прижимая к себе Онорину. — Она мое сокровище.

У нее сложилось впечатление, будто Рескатор постоянно проявляет любопытство к ее прошлому и что его интерес представляет в определенном отношении явную опасность для нее самой.

Ее охватила безмерная слабость. Она физически ощутила груз только что пережитых тревожных часов. Одеревеневшие руки, так долго державшие Онорину на весу, теперь внезапно начали ныть.

— Как я устала! — виновато проговорила она. — Я хочу спать...

Анжелика совсем не помнила, что происходило между моментом, когда она произнесла эти слова, и временем ее пробуждения на закате солнца. Все, что она могла видеть, сконцентрировалось в громадном красном шаре, спускающемся в серебристое море. Он достиг линии горизонта и исчез с неожиданной быстротой, оставив за собой только розовое, медленно бледнеющее сияние. Теперь она почувствовала движение корабля. Ритмичное покачивание вернуло ее на несколько лет

назад, в дни ее плаваний по Средиземному морю. Тогда, даже будучи узницей на борту «Гермеса», она ощущала успокоение своей неудовлетворенной души. Именно умиротворение чаще всего вспоминала она после окончания своего путешествия с его тысячью смертельно опасных приключений. Тогда было время перемен, и несколько лет подряд она с тоской вспоминала о нем.

Сегодня она снова открыла море. Сквозь иллюминатор она видела движение волн, слышала их плеск и всей кожей ощущала гудение ветра в парусах.

Приподнявшись на восточном диване, она оперлась на руку. Голова ее была свободна от всяких мыслей, и все существо наполнялось чувством счастья. Наконец-то она была свободна!

Онорина спала рядом с ней, вся розовая от последних лучей заходящего солнца. Анжелика склонилась над ней.

— Ты со мной, моя любовь! — пробормотала она. — Плоть от плоти, сердце от сердца...

Нечеловеческая радость, испытываемая ей, стала почти болезненной. Старые мечты, преследовавшие ее всю жизнь, становились реальностью. Она встала с дивана, подошла к иллюминатору и всем телом потянулась к морю. От соленого воздуха ее глаза затуманились, на губах заиграла улыбка.

Здесь, одна в вечернем свете, Анжелика обращалась к Атлантическому океану, как к своему давно потерянному возлюбленному, подставляя ему свое прекрасное разгоряченное лицо.